ISSN: 3080-129X
eISSN: 3080-6860

https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің

GUMILYOV JOURNAL OF HISTORY

L.N. Gumilyov Eurasian National University

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

2026 Т.155. No.2.

2025 жылдан бастап шығады
Founded in 2025
Издается с 2025 года

Жылына 4 рет шығады
Published 4 times a year
Выходит 4 раза в год

Астана, 2026
Astana, 2026

Gumilyov Journal of History 2026 T.155. No.2. ISSN 3080-129X
e-ISSN 3080-6860

Редакция алқасы

Бас редактор:
Альбина Жанбосинова, т.ғ.д., проф., Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан
Бас редактордың орынбасары – ғылыми редактор:
Ұлан Үмітқалиев – т.ғ.к., қ. профессор, Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан

Халықаралық консультативтік кеңес
Ерлан Сыдыков, т.ғ.д., проф., Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан
Дэйв Бхавна – PhD., профессор, Лондон университетінің Шығыс және Африка зерттеулер мектебі, Лондон, Ұлыбритания
Изабель Охайон – PhD., профессор, Ресей, Кавказ, Шығыс Еуропа және Орталық Азияны зерттеу орталығы (CERCEC), Париж, Франция
Петр Дашковский – д.и.н., профессор, Алтай мемлекеттік университеті, Барнаул, Ресей
Саулеш Есенова – PhD., қ. проф., Калгари университеті, Калгари, Канада
Цзинчэн Ли – PhD, қ. профессор, Шэньчжэнь университета, Шэньчжэнь, Китай
Анатолий Наглер – PhD., профессор, Германия археологиялық институты, Берлин, Германия
Йовита Раду – PhD., профессор, Нью-Йорк университеті, Нью-Йорк, АҚШ
Редакциялық алқа:
Динара Гагарина – PhD., Эрланген Университеті, Нюрнберг, Германия
Роза Жаркынбаева – т.ғ.д., профессор, КазНУ им.аль-Фараби, Алматы, Казахстан
Сергей Иванов – т.ғ.к., қ. профессор, Баласағынның Қырғыз ұлттық университеті, Бишкек, Кыргызстан
Роберт Киндлер – PhD., профессор, Шығыс Еуропа еркін университеті институты Берлин, Германия
Садакатсу Кунитаке – PhD., профессор, Нара ұлттық мәдени құндылықтар ғылыми-зерттеу институты, Нара, Жапония
Крейг Кэмпбелл – PhD, қ. профессор, антропология факультеті, Университет, Техас, Остин, США
Юлия Лысенко – т.ғ.д., профессор, Алтай мемлекеттік университеті, Барнаул, Ресей
Жанна Мажитова – т.ғ.д., профессор, "Астана медицина университеті", Астана, Қазақстан
Халил Маслов – PhD, "Алаш" ғылыми-зерттеу институтының жетекші ғылыми қызметкері, Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан
Ларюэль Марлен – PhD., профессор, Джордж Вашингтон университеті, Вашингтон, АҚШ
Лори Манчестер – PhD., қ. профессор Аризона Мемлекеттік Университеті, Темпе, АҚШ
Вячеслав Меньковский – т.ғ.д., профессор, Беларусь мемлекеттік университеті
Николо Пианчиола – PhD, профессор, Падуа университеті, Падуан, Италия
Жакен Таймагамбетов – т.ғ.д., профессор, ҚР ҰҒА академигі, Астана, Қазақстан
Томохико Уяма – д.и.н., профессор, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

Техникалық хатшы: Халил Маслов

Құрылтайшы және баспагер: Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті КеАҚ
Мерзімділігі: жылына 4 рет. 1995 жылы құрылған. Журналдың арнайы сайты: https://jhistory.enu.kz
Редакцияның мекен жайы: 010008, Қазақстан, Астана қ., Қ. Сәтпаев к-сі, 2. E-mail: gj.history@enu.kz.

Қайта атау тарихы: Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің хабаршысы.
Тарих ғылымдары. Философия. Дінтану – 1995-2024 жж.
Gumilyov Journal of History – 2025 ж.

Мерзімді баспа басылымын және (немесе) ақпараттық агенттікті қайта есепке алу туралы куәлік
№KZ41VPY00111229 2025 жылғы 31 қаңтарда ҚР Мәдениет және ақпарат министрлігінің
Ақпарат комитеті тарапынан берілген

© Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті КеАҚ
© Gumilyov Journal of History

Gumilyov Journal of History 2026 T.155. No.2. ISSN 3080-129X
e-ISSN 3080-6860

Editorial Board

Editor-in-Chief:
Albina Zhanbossinova, Doctor of Historical Sc., Professor, L.N. Gumilyov ENU, Astana, Kazakhstan
Deputy Editor-in-Chief – Scientific editor:
Ulan Umitkaliev – Candidate of Historical Sc., L.N. Gumilyov ENU, Astana, Kazakhstan

International Advisory Board:
Yerlan Sydykov, Doctor of Historical Sc., Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
Davé Bhavna – Doctor of Philosophy, Professor, School of Oriental and African Studies (SOAS), University of London, United Kingdom
Isabelle Ohayon – Centre d'Etudes Russes, Caucasiennes, Est-Européennes et Centrasiatiques (CERCEC), Paris, France
Petr Dashkovckiy – Doctor of Historical Sc., Professor, Altai State University, Barnaul, Russia
Saulesh Yessenova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, University of Calgary, Calgary, Canada
Jingcheng Li – PhD, Associate Professor, Shenzhen University, Shenzhen, China
Anatoli Nagler – Doctor of Philosophy, Professor Deutsches Archäologisches Institut Berlin, Germany
Ioviţă Radu – PhD, Associate Professor, New York University, New York, United States

Editorial Board:
Dinara Gagarina – Doctor of Philosophy, University of Erlangen–Nuremberg, Germany
Roza Zharkynbayeva – Doctor of Historical Sc., Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
Sergey Ivanov – Candidate of Historical Sc., Associate Professor, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan
Robert Kindler – Doctor of Philosophy, Professor, East European history at Freie Universität Berlin, Germany
Sadakatsu Kunitake – PhD, Associate Professor, Nara National Institute for Cultural Properties, Nara City, Japan
Craig Campbell – PhD, Ass. Professor, Department of Anthropology, The University of Texas at Austin, USA
Yuliya Lysenko – Doctor of Historical Sc., Professor, Altai State University, Barnaul, Russia
Zhanna Mazhitova – Doctor of Historical Sc., Professor, Astana Medical University, Астана, Kazakhstan
Khalil Maslov, PhD, Leading Researcher, Alash Research Institute, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
Laruelle Marlene – PhD., Professor, George Washington University, Washington, USA
Laurie Manchester – PhD, Associate Professor, Arizona State University, Tempe, USA
Viachaslau Menkovsky – Doctor of Historical Sc., Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus
Niccolò Pianciola – PhD, Associate Professor of History, University of Padua, Italy
Zhaken Taimagambetov – Doctor of Historical Sc., Professor, Academician of the National Academy of Sciences of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan
Uyama Tomohiko – Doctor of Philosophy, Professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Technical secretary: Khalil Maslov

Founder and publisher: Non-profit joint-stock company L.N. Gumilyov Eurasian National University
Frequency: 4 times a year. Founded in 1995. Official website of the journal: https://jhistory.enu.kz
Address of the editorial office: 010008, Kazakhstan, Astana, K. Satpayev str., 2. E-mail: gj.history@enu.kz.

The history of renaming: Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Series: Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies – 1995-2024 rr.
Gumilyov Journal of History – since 2025.

Certificate of re-registration for Periodical Print Publication and/or News Agency No. KZ41VPY00111229, issued on January 31, 2025, by the Information Committee of the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan.

© Non-profit joint-stock company L.N. Gumilyov Eurasian National University
© Gumilyov Journal of History

Gumilyov Journal of History 2026 T.155. No.2.
ISSN 3080-129X
e-ISSN 3080-6860

Редакционная коллегия

Главный редактор:
Альбина Жанбосинова, д.и.н., проф., ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан,
Заместитель главного редактора – научный редактор:
Улан Умиткалиев – к.ист.н., асс. профессор, ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан,

Международный консультативный совет:
Ерлан Сыдыков, д.и.н., проф., ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
Дэйв Бхавна – PhD., профессор, Школа восточных и африканских исследований Лондонского университета, Лондон, Великобритания
Изабель Охайон – PhD., профессор, Центр исследований России, Кавказа, Восточной Европы и Центральной Азии (CERCEC), Париж, Франция
Петр Дашковский – д.и.н., профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
Саулеш Есенова – PhD., асс. профессор, Университет Калгари, Калгари, Канада
Цзинчэн Ли – PhD, асс. профессор, Шэньчжэньский университет, Шэньчжэнь
Анатолий Наглер – PhD., профессор, Германский археологический институт, Берлин, Германия
Йовита Раду – PhD., профессор, Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Редакционная коллегия:
Динара Гагарина – PhD., Университет Эрлангена, Нюрнберг, Германия
Роза Жаркынбаева –д.и.н., профессор, КазНУ им.аль-Фараби, Алматы, Казахстан
Сергей Иванов – к.и.н., асс. профессор, Кыргызский национальный университет им. Баласагына, Бишкек
Роберт Киндлер – PhD., профессор, Институт Восточной Европы Свободного университета, Берлин
Садакатсу Кунитаке – PhD., профессор, Национальный научно-исследовательский институт культурных ценностей Нара, Япония
Крейг Кэмпбелл – PhD, асс. профессор, факультет антропологии, Университет Техас, Остин, США
Юлия Лысенко – д.и.н., профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
Жанна Мажитова – д.и.н., профессор, Медицинский университет Астана, Астана, Казахстан
Халил Маслов – PhD, ведущий научный сотрудник НИИ "Алаш", ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
Лори Манчестер – PhD., асс. профессор Аризонского Государственного Университета, Темпе, США
Вячеслав Меньковский – д.и.н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Марлен Ларюэль – PhD., профессор, Университет Джорджа Вашингтона, Вашингтон, США
Николо Пианчиола – PhD, профессор, Падуанский университет, Падуан, Италия
Жакен Таймагамбетов – д.и.н., профессор, академик НАН РК, Астана, Казахстан
Томохико Уяма – д.и.н., профессор, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

Технический секретарь Халил Маслов

Учредитель и издатель: НАО Евразийский Национальный университет им. Л. Гумилева
Периодичность: 4 раза в год. Год основания 1995. Официальный сайт журнала: https://jhistory.enu.kz
Адрес редакции: 010008, Казахстан, Астана, ул. Сатпаева, 2. E-mail: gj.history@enu.kz

История переименований: Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение – 1995-2024 гг.
Gumilyov Journal of History – с 2025 года.

Свидетельство о постановке переучета периодического печатного издания и (или) информационного агентства № KZ41VPY00111229 от 31.01.2025 г. выдано Комитетом информации Министерства культуры и информации РК.

© НАО Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева
© Gumilyov Journal of History

CONTENT

Introduction to the Special Issue "Soviet and Post-Soviet Regions: History and Memory"..... 9

ARCHEOLOGY

Z. Suraganova, S. Burbaeva, A. Sautbekova, K. Tolegenuly *(Astana, Kazakhstan)*
The Medieval Settlement of Bozok: From a Cult Center to a Cultural Manifesto of Steppe Eurasia (in Russian)..... 13

WORLD HISTORY

Yu. Veremeychik *(Minsk, Belarus)*
The Space Race between the USSR and the USA in the Soviet Press (1957-1963) (in Russian) 34

G. Petachenko *(Minsk, Belarus)*
Assessing the Implementation of the Soviet Industrial Project of the 1930s in Contemporary Russian Historiography (in Russian)..... 51

M. Shabasova, V. Menkouski *(Minsk, Belarus)*
The Ideas of Comfort in the Soviet Architectural Discourses of the 1920s-1930s (in English) 65

V. Sharapov *(Syktyvkar, Russia)*
From the history of the ethnographic study of pattern weaving (branoe tkachestvo) of the Udora Komi (in Russian)..... 78

V. Fauzer, I. Zherebtsov *(Syktyvkar, Russia)*
The northern republics in the demographic landscape of Russia (in Russian)..... 96

DOMESTIC HISTORY

N. Ablazhey (Novosibirsk, Russia)
Elections to the Soviets in the Kazakh ASSR, 1922-1935: Through the Lens of Official Soviet Statistics (in Russian)..... 119

B. Atantayeva, R. Akhmetova, A. Botabekova *(Semey, Kazakhstan)*
Ideological Narratives of Peasant Uprisings in Soviet Kazakhstan in the 1920s-1930s (based on the F. Tolstoukhov uprising) (in Kazakh)..... 143

Ye. Ibrayev, G. Nurusheva *(Kostanay, Kazakhstan)*
Transition from the Soviet Model of Museums to the Modern Kazakhstani Model: Historical and Cultural Analysis (in Russian)..... 161

A. Kapayeva, S. Asanova *(Almaty, Kazakhstan)*
Social Aspects of Soviet Modernization in Kazakhstan: The Role of Housing Policy (1920s-1980s) (in Russian)..... 179

Z. Saktaganova *(Karaganda, Kazakhstan)****, T. Allaniyazov*** *(Zhezkazgan, Kazakhstan)*
Woman in Camp Society: Problems of Sexual Exploitation and Interpersonal Relations (Based on the Materials of Karlag and Peschanlag) (in English)..... 202

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

Шақырылған редактордың алғысөзі "Кеңестік және посткеңестік аймақтар: тарих және жады" / Приветственное слово приглашенного редактора тематического номера "Советские и постсоветские регионы: история и память" 9

АРХЕОЛОГИЯ

З. Сураганова, С. Бурбаева, К. Толегенулы *(Астана, Казахстан)*
Средневековое городище Бозок: от культового центра к культурному манифесту степной Евразии 13

ДҮНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫ – ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Ю. Веремейчик *(Минск, Беларусь)*
Космическая гонка между СССР и США на страницах советской печати (1957-1963 гг.) 34

Г. Петаченко (Минск, Беларусь)
Оценка реализации советского индустриального проекта 1930-х гг. в современной российской историографии 51

M. Shabasova, V. Menkouski *(Minsk, Belarus)*
«The Ideas of Comfort in the Soviet Architectural Discourses of the 1920s-1930s 65

В. Шарапов (Сыктывкар, Россия)
Из истории этнографического изучения узорного ткачества удорских коми 78

В. Фаузер, И. Жеребцов *(Сыктывкар, Россия)*
Северные республики на демографическом ландшафте России 96

ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Н. Аблажей *(Новосибирск, Россия)*
Выборы в Советы в КАССР 1922-1935 гг. в зеркале официальной советской статистики 119

Б. Атантаева, Р. Ахметова, А. Ботабекова *(Семей, Қазақстан)*
1920-1930 жж. кеңестік Қазақстандағы шаруалар көтерілістерінің идеологиялық нарративтері (Ф. Толстоухов көтерілісі мысалында) 143

Е. Ибраев. Г. Нурушева *(Костанай, Казахстан)*
Переход от советской модели музеев к современной казахстанской: историко-культурный анализ 161

А. Капаева, С. Асанова *(Алматы, Казахстан)*
Социальные аспекты советской модернизации в Казахстане: роль жилищной политики (1920-1980-е гг.) 179

Z. Saktaganova *(Karaganda, Kazakhstan)*, ***T. Allaniyazov*** *(Zhezkazgan, Kazakhstan)*
Woman in Camp Society: Problems of Sexual Exploitation and Interpersonal Relations (Based on the Materials of Karlag and Peschanlag) 202

Introduction to the thematic issue
"Soviet and post-Soviet regions: History and memory"

Joint meeting of the editorial boards of scientific journals "Gumilyov Historical Journal" / Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Series: Historical Sciences. Philosophy. "Religious Studies" (Republic of Kazakhstan), "Journal of the Belarusian State University: History" (Republic of Belarus), and "Proceedings of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences" (Russian Federation) have decided to prepare a thematic issue for 2026 dedicated to the topic "The Soviet period". and post-Soviet regions: history and memory". This initiative reflects the growing interest of the research community in the regional aspects of the historical experience of the 20th and 21st centuries, where local practices, institutional transformations, and collective representations of the past form complex configurations of social and cultural development.

The regional perspective is today becoming a key analytical tool. It allows us to identify the diversity of modernization trajectories, the specificity of political and social processes, as well as the mechanisms for the formation and rethinking of historical memory. It is at the regional level that the tensions between official interpretations of the past, local narratives, and everyday practices emerge most clearly, making such research particularly significant for understanding the post-Soviet space.

The materials of this issue demonstrate the breadth of thematic approaches and methodological solutions. Kazakhstani researchers address problems of historical and cultural heritage, analyzing the role of museums and archaeological sites – in particular, the medieval settlement of Bozok – in the formation of a new museum paradigm. A number of works examine issues of early Soviet electoral statistics from the 1920s to the first half of the 1930s, including a critical assessment of official data on elections to the Soviets, their source-study potential, and the possibilities of reconstructing the electoral geography and structure of the electorate. A separate section is devoted to housing policy as a tool of social modernization in Kazakhstan from the 1920s to the 1980s, as well as to the study of ideological narratives of insurgent movements and little-studied aspects of camp everyday life, including the situation of women in corrective labour camps during the 1930s–1950s.

Belarusian authors analyze state programmes of industrialization, housing construction, and the representation of scientific and technological achievements. In their article, M. Shabasova and V. Menkouski examine architectural and urban planning discourses of the 1920s–1930s, in which the concept of "comfort" appears as an element of socialist everyday life and an instrument of disciplinary modernization. H. Petachenko addresses contemporary Russian historiographical interpretations of the industrial project of the 1930s, identifying key research approaches and debates concerning the role of the state and the social cost of the industrial leap. Y. Verameichyk analyzes the representation of Soviet-American space rivalry between 1957 and 1963 in the Soviet press, showing how images of scientific and technological superiority and national leadership were formed.

Authors from the Russian Federation focus on regional history, demography, and ethnography. V. Fauzer and I. Zherebtsov present the dynamics of demographic development in the northern republics of Russia based on current statistics and census data. V. Sharapov reconstructs the history of the study of patterned weaving by the Udora Komi in the 20th century and proposes a hypothesis about the origin of the artistic tradition of multicoloured braided weaving.

This special issue brings together researchers from different countries of the post-Soviet space, offering interdisciplinary and interregional approaches to the study of modernization, everyday life, cultural practices, and the politics of memory. It is important to emphasize

that despite the differences in research contexts, the authors are working within a common problem field, allowing for a productive dialogue about the Soviet legacy and its contemporary interpretations.

The editorial boards express their confidence that this issue will contribute to the development of comparative studies, broaden the horizons of understanding the past, and further strengthen scientific cooperation within the Eurasian academic space.

Viachaslau Menkovsky, Doctor of Historical Sc,
Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Шақырылған редактордың алғысөзі
"Кеңестік және посткеңестік аймақтар: тарих және жады"

Gumilyov Journal of History / Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ Хабаршысы. Тарихи ғылымдар. Философия. Дінтану сериясы (Қазақстан Республикасы, Беларусь мемлекеттік университетінің "Тарих" журналы (Беларусь Республикасы) және РҒА УРБ ғылыми орталығының "Коми жаңалықтары" ғылыми басылымдардың редакциялық алқасының (Ресей Федерациясы) бірлескен отырысы "кеңестік және посткеңестік аймақтар: тарих және есте сақтау» тақырыбына арналған 2026 жылғы тақырыптық шығарылымды дайындау туралы шешім қабылдаумен аяқталды. Бұл бастама зерттеу қауымдастығының XX-XXI ғасырлардағы тарихи тәжірибенің аймақтық өлшемдеріне деген қызығушылығының артуын көрсетеді, мұнда жергілікті тәжірибелер, институционалдық өзгерістер және өткен шақ туралы ұжымдық идеялар әлеуметтік және мәдени дамудың күрделі конфигурацияларын құрайды. Аймақтық көрініс бүгінде негізгі аналитикалық құралдардың біріне айналуда. Бұл жаңғырту траекторияларының әртүрлілігін, саяси және әлеуметтік үдерістердің ерекшеліктерін, сондай-ақ тарихи жадыны қалыптастыру және қайта қарау тетіктерін анықтауға мүмкіндік береді. Дәл аймақтық деңгейде өткеннің ресми түсіндірмелері, жергілікті нарративтер мен күнделікті өмір тәжірибелері арасындағы шиеленістер айқын көрінеді, бұл мұндай зерттеулерді посткеңестік кеңістікті түсіну үшін ерекше маңызды етеді.

Шығарылым материалдары тақырыптық тәсілдер мен әдістемелік шешімдердің кеңдігін көрсетеді. Қазақстандық ғалымдар музейлер мен археологиялық нысандардың рөлін талдай отырып, атап айтқанда, жаңа музейлік парадигманың қалыптасуындағы ортағасырлық Бозоқ қалашығының маңыздылығын көрсетіп, тарихи-мәдени мұра мәселелерін назар аударады. Бірқатар жұмыстар 1920 жылдар мен 1930 жылдардың басындағы ерте кеңестік сайлау статистикасының мәселелерін, соның ішінде Кеңестерге сайлау туралы ресми деректерді сыни бағалау, олардың деректану әлеуеті және сайлау географиясы мен сайлау корпусының құрылымын қайта құру мүмкіндіктерін қарастырады. Жеке блок тұрғын үй саясатын 1920-1980 жылдардағы Қазақстанның әлеуметтік жаңғырту құралы ретінде, сондай-ақ көтеріліс қозғалысының идеологиялық нарративтерін және лагерьдегі күнделікті өмірдің аз зерттелген аспектілерін, соның ішінде әйелдердің 1930-1950 жылдардағы еңбекпен түзеу лагерлеріндегі жағдайын зерттеуге арналған.

Беларусь авторлары индустрияландырудың, тұрғын үй құрылысының және ғылыми-техникалық жетістіктердің мемлекеттік бағдарламаларын талдайды. М. Шабасова мен В. Менковскийдің мақаласында 1920-1930 жылдардағы сәулет және қала құрылысы дискурстары қарастырылған, онда "жайлылық" ұғымы социалистік өмірдің элементі және тәртіптік модернизацияның құралы болып табылады. Г. Петаченко 1930 жылдардағы индустриалды жобаның қазіргі заманғы ресейлік тарихнамалық түсіндірмелеріне жүгініп, мемлекеттің рөлі мен индустриалды серпілістің әлеуметтік бағасы туралы негізгі зерттеу тәсілдері мен пікірталастарын анықтайды. Ю. Веремейкик кеңестік баспасөздегі 1957-1963 жылдардағы кеңестік-американдық ғарыштық бәсекелестікті талдап, ғылыми-техникалық артықшылық пен ұлттық көшбасшылықтың бейнелері қалай қалыптасқанын көрсетеді.

Ресей Федерациясының авторлары аймақтық тарихқа, демографияға және этнографияға назар аударған. В. Фаузер мен И. Жеребцовтың зерттеулерінде қазіргі статистика мен халық санағының деректері негізінде Ресейдің солтүстік

республикаларының демографиялық даму динамикасы ұсынылады. В. Шараповтың жұмысында XX ғасырдағы удорлық комидің өрнек тоқуды зерттеу тарихы қарастырылып, көп түсті тоқудың көркемдік дәстүрінің пайда болуы туралы гипотеза ұсынылады.

Арнайы шығарылым модернизацияны, күнделікті өмірді, мәдени тәжірибелерді және жады саясатын зерттеуге пәнаралық және аймақаралық тәсілдерді ұсынып, посткеңестік кеңістіктегі әртүрлі елдердің зерттеушілерін біріктіреді. Зерттеу контексттерінің айырмашылығына қарамастан, авторлар кеңестік мұра және оның заманауи түсіндірмелері туралы нәтижелі диалог құруға мүмкіндік беретін бірыңғай проблемалық кеңістікте жұмыс істейтінін атап өту маңызды.

Редакциялық алқалар бұл шығарылым салыстырмалы зерттеулерді дамытуға үлес қосатынына, өткенді түсіну көкжиегін кеңейтетініне және Еуразиялық академиялық кеңістіктегі ғылыми ынтымақтастықты одан әрі нығайтуға ықпал ететініне сенім білдіреді.

Вячеслав Меньковский, т.ғ.д., профессор,
Беларусь мемлекеттік университеті, Минск, Беларусь

Приветственное слово приглашенного редактора тематического номера "Советские и постсоветские регионы: история и память"

Совместное заседание редакционных коллегий научных изданий Gumilyov Journal of History / Вестник ЕНУ имени Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение (Республика Казахстан), Журнал Белорусского государственного университета: История (Республика Беларусь) и Известия Коми научного центра УРО РАН (Российская Федерация) завершилось принятием решения о подготовке тематического выпуска 2026 года, посвящённого теме "Советские и постсоветские регионы: история и память". Инициатива отражает возрастающий интерес исследовательского сообщества к региональным измерениям исторического опыта XX–XXI вв., где локальные практики, институциональные трансформации и коллективные представления о прошлом образуют сложные конфигурации социального и культурного развития.

Региональная перспектива сегодня становится одним из ключевых аналитических инструментов. Она позволяет выявлять разнообразие модернизационных траекторий, специфику политических и социальных процессов, а также механизмы формирования и переосмысления исторической памяти. Именно на региональном уровне наиболее отчётливо проявляются напряжения между официальными интерпретациями прошлого, локальными нарративами и практиками повседневности, что делает такие исследования особенно значимыми для понимания постсоветского пространства.

Материалы выпуска демонстрируют широту тематических подходов и методологических решений. Казахстанские исследователи обращаются к проблемам историко-культурного наследия, анализируя роль музеев и археологических объектов – в частности, средневекового городища Бозок – в формировании новой музейной парадигмы. В ряде работ рассматриваются вопросы раннесоветской электоральной статистики 1920-х – первой половины 1930-х гг., включая критическую оценку официальных данных о выборах в Советы, их источниковедческий потенциал и возможности реконструкции электоральной географии и структуры избирательного корпуса. Отдельный блок посвящён жилищной политике как инструменту социальной модернизации Казахстана в 1920–1980-е гг., а также исследованию идеологических нарративов повстанческого движения и малоизученных аспектов лагерной повседневности, включая положение женщин в исправительно трудовых лагерях 1930-1950-х гг.

Белорусские авторы анализируют государственные программы индустриализации, жилищного строительства и репрезентации научно технических достижений. В статье М. Шабасовой и В. Меньковского рассматриваются архитектурные и градостроительные дискурсы 1920–1930-х гг., в которых понятие "комфорта" выступает элементом социалистического быта и инструментом дисциплинарной модернизации. Г. Петаченко обращается к современным российским историографическим интерпретациям индустриального проекта 1930-х гг., выявляя ключевые исследовательские подходы и дискуссии о роли государства и социальной цене индустриального рывка. Ю. Веремейчик анализирует репрезентацию советско американского космического соперничества 1957–1963 гг. в советской печати, показывая, как формировались образы научно технического превосходства и национального лидерства.

Авторы из Российской Федерации сосредоточены на региональной истории, демографии и этнографии. В исследовании В. Фаузера и И. Жеребцова представлена динамика демографического развития северных республик России на основе текущей статистики и данных переписей населения. В работе В. Шарапова реконструируется история изучения узорного ткачества удорских коми в XX в., предлагается гипотеза о происхождении художественной традиции многоцветного браного ткачества.

Специальный выпуск объединяет исследователей из разных стран постсоветского пространства, предлагая междисциплинарные и межрегиональные подходы к изучению модернизации, повседневности, культурных практик и политики памяти. Важно подчеркнуть, что несмотря на различия исследовательских контекстов, авторы работают в едином проблемном поле, что позволяет выстраивать продуктивный диалог о советском наследии и его современных интерпретациях.

Редакционные коллегии выражают уверенность, что данный выпуск станет вкладом в развитие сравнительных исследований, расширит горизонты понимания прошлого и будет способствовать дальнейшему укреплению научного сотрудничества в евразийском академическом пространстве.

Вячеслав Меньковский, д.и.н., профессор,
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

GUMILYOV JOURNAL OF HISTORY
ISSN: 3080-129X. eISSN: 3080-6860

ARCHEOLOGY – АРХЕОЛОГИЯ – АРХЕОЛОГИЯ –

Научная статья / Research article
МРНТИ 03.41.91+13.51.11

CC BY NC ND

https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-13-33

The Medieval Settlement of Bozok: From a Cult Center to a Cultural Manifesto of Steppe Eurasia

Z. Suraganova[a], S. Burbaeva[a], K. Tolegenuly[a]
[a]*The State Historical and Cultural Museum-Reserve "Bozok", Astana, Kazakhstan*
suraganova_zk@mail.ru

Abstract. This article attempts a scientific conceptualization of the history of the hierotopy of the Bozoq medieval settlement – an archaeological site – analyzed in dynamics and through the unfolding of its temporality from the Early Middle Ages to the present day. The sacralization of the southwestern outskirts of Kazakhstan's modern capital, Astana, is determined by the potential of its historical onomasticon formed in the distant past. Through an etymological analysis of the historical names of the Akmola and Buzuqty tracts, the study demonstrates their connection both to the steppe tradition of conceptualizing funerary structures as sacred loci and to the history and mythology of the early Turkic Oghuz. These elements established a specific code – a message from the creators of Bozoq's hierotopy to subsequent generations. Drawing on archival materials from the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (IHMK RAS) and an article by the first researcher of Bozoq, L.F. Semenov, this work examines the history of the site's study, which began in the late 1920s. Thanks to the dedication and efforts of L.F. Semenov, the head of the Akmola Museum, the site gained recognition both within Kazakhstan and abroad. Consequently, the site he named the "Buzuk Settlement" was integrated into the sphere of national archaeology, which, seventy-one years later, allowed scholars to commence a profound and detailed study of the location. The site's planigraphy, the limnonym Buzuqty, and the surrounding lake-steppe landscape – supplemented by excavations and archaeological and cultural reconstructions – have enabled the scientific community to present various interpretations of the ancient code left by the settlement's creators for future generations. The research efforts of scholars led by K.A. Akishev and M.K. Khabdulina successfully returned the site to the fold of hierotopy, which had been interrupted during the Late Middle Ages. The value and symbolic potential of the Bozok settlement for the country's history and culture led to its inclusion in the List of Sacred Objects of National Importance in 2017 and the opening of the Bozok State Historical and Cultural Museum-Reserve in 2018, aimed at creating a National Open-Air Archaeological Park. These developments defined not only the vector of its progress as a tourist destination within the context of the developing National Park but also established the grounds for expanding the boundaries and objectives of its hierotopy through musealization. This transformation marks the evolution from a cult center to a cultural manifesto of Steppe Eurasia – a representation of its historical, cultural, and intangible heritage.

Keywords: Bozoq; archaeological site; medieval settlement; sacred object; hierotopy; National Archaeological Park

For citation: Suraganova Z., Burbaeva S., Tolegenuly K. The Medieval Settlement of Bozok: From a Cult Center to a Cultural Manifesto of Steppe Eurasia. *Gumilyov Journal of History.* 2026. Vol.155, no.2, pp.13-33. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-13-33

© Z. Suraganova, S. Burbaeva, K. Tolegenuly, 2026

Ортағасырлық Бозоқ қалашығы: ғұрыптық орталықтан Далалық Еуразияның мәдени манифестіне дейін

З. Сураганова[a], С. Бурбаева[a], Қ. Төлегенұлы[a]
[a]*"Бозоқ" мемлекеттік тарихи-мәдени мұражай-қорығы, Астана, Қазақстан*

Аңдатпа. Осы мақалада археологиялық ескерткіш – ортағасырлық Бозоқ қалашығының иеротопиясы тарихын динамикада қарастыру, оның уақыттық дамуын ерте орта ғасырлардан қазіргі кезеңге дейінгі аралықта ғылыми тұрғыдан пайымдау әрекеті жасалады. Қазақстанның қазіргі астанасы – Астана қаласының оңтүстік-батыс шетінің сакралдануы оның ерте дәуірлерде қалыптасқан тарихи ономастиконының әлеуетімен анықталады. Ақмола және Бозоқты тарихи жер атауларына жүргізілген этимологиялық талдау олардың бір жағынан, дала дәстүрінде қабір үсті құрылыстарын қасиетті орын ретінде түсіндірумен байланысты екенін, екінші жағынан, Бозоқ иеротопиясын қалыптастырған ерте түркі-оғыздардың тарихы мен мифологиясымен сабақтас екенін көрсетеді. Бұл атаулар жүйесінде Бозоқ иеротопиясын жасаушылардың кейінгі ұрпаққа арналған ерекше коды – иеротопияны қалыптастырушылардың жолдауы сақталғаны туралы тұжырым жасалады. Бұл жұмыста Ресей ғылым академиясының Материалдық мәдениет тарихы институтының (ММТИ РҒА) архив материалдары мен Бозоқ ескерткішінің алғашқы зерттеушісі Л.Ф. Семеновтың мақаласына сүйене отырып, 1920-жылдардың соңында басталған ескерткішті зерттеу тарихы қарастырылады. Ақмола музейінің жетекшісі Л.Ф. Семеновтың қажырлы еңбегінің нәтижесінде бұл ескерткіш Қазақстанда ғана емес, одан тыс жерлерде де белгілі болды. Соның нәтижесінде оның "Бузукское городище" деп атаған ескерткіші отандық археологияның ғылыми қызығушылық аясына енгізіліп, бұл жетпіс бір жылдан кейін ғалымдардың оны терең әрі жан-жақты зерттеуіне мүмкіндік берді. Ескерткіштің планиграфиясы, Бұзықты лимнонимі және оны қоршаған көлді-далалық ландшафт жүргізілген қазба жұмыстарының, археологиялық және мәдениеттанулық реконструкциялардың нәтижесінде ғылыми қауымдастыққа Бозоқ қалашығы иеротопиясын жасаушылардың болашақ ұрпаққа қалдырған көне кодын дешифрлаудың нұсқаларын ұсынуға мүмкіндік берді. Осылайша, К. Ақышев пен М. Хабдулина бастаған ғалымдардың зерттеу жұмыстары кеш орта ғасырлар дәуірінде үзіліп қалған иеротопия жүйесіне бұл ескерткішті қайтадан қайтаруға мүмкіндік жасады. Бозоқ қалашығының ел тарихы мен мәдениеті үшін құндылығы және оның символдық әлеуеті 2017 жылы оны жалпыұлттық маңызы бар сакралды нысандар тізіміне енгізуге, ал 2018 жылы ашық аспан астындағы Ұлттық археологиялық парк құруға бағытталған "Бозоқ" мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығын ашуға негіз болды. Бұл шешімдер салынып жатқан Ұлттық парк аясында оны туристік дестинация ретінде дамыту бағытын ғана айқындап қоймай, сонымен бірге музейлендіру үдерісі шеңберінде иеротопияның шекарасы мен міндеттерін кеңейтіп, оны культтік орталық деңгейінен Дала Еуразиясының мәдени манифестіне дейін көтеруге мүмкіндік берді, яғни оның тарихи-мәдени және материалдық емес мәдени мұрасын таныту формасына айналдырды.

Түйін сөздер: Бозоқ; археологиялық ескерткіш; ортағасырлық қалашық; сакралды нысан; иеротопия; Ұлттық археологиялық парк

Средневековое городище Бозок: от культового центра к культурному манифесту степной Евразии

З. Сураганова[a], С. Бурбаева[a], К. Толегенулы[a]
[a]Государственный историко-культурный музей-заповедник "Бозоқ", Астана, Казахстан

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка научного осмысления истории иеротопии археологического памятника – средневекового городища Бозок в динамике, в развертывании ее темпоральности с эпохи раннего средневековья по настоящее время. Сакрализация юго-западной окраины современной столицы Казахстана – г. Астаны определяется потенциалом ее исторического ономастикона, сформированным в далеком прошлом. На примере этимологического анализа исторических названий урочищ Ақмола и Бузуқты показана их связь, как со степной традицией осмысления надмогильных сооружений в качестве священных локусов, так и с историей и мифологией ранних тюрков-огузов, заложивших особый код – послание творцов иеротопии Бозока последующим поколениям. В работе на основе архивных материалов Института истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН) и статьи первого исследователя Бозока – Л.Ф. Семенова рассматривается история изучения памятника, начавшаяся в конце 1920-х гг. Благодаря усилиям руководителя Акмолинского музея Л. Семенова и его подвижничеству, памятник получил известность как в Казахстане, так и за его пределами. В результате памятник, названный им "Бузукское городище", был интегрирован в сферу интересов отечественной археологии, что позволило ученым спустя семьдесят один год приступить к его глубокому и детальному изучению. Планиграфия памятника, лимноним Бузуқты, озерно-степной ландшафт вокруг него дали возможность, в результате раскопок, археологических и культурологических реконструкций, представить научному сообществу варианты дешифровки древнего кода создателей иеротопии городища Бозок будущим поколениям. Так, усилия исследований ученых во главе с К. Акишевым и М. Хабдулиной вновь вернули памятник в лоно иеротопии, прерванной в эпоху позднего средневековья. Ценность и символический потенциал городища Бозок для истории и культуры страны обусловили его включение в Список сакральных объектов общенационального значения в 2017 г. и открытие в 2018 г. Государственного историко-культурного музея-заповедника Бозок, нацеленного на создание Национального археологического парка под открытым небом. Они определили не только вектор его развития в качестве туристской дестинации в контексте строящегося Национального парка, но также обусловили в рамках музеефикации основания расширения границ и задач иеротопии от культового центра к культурному манифесту степной Евразии – репрезентации ее историко-культурного и нематериального культурного наследия.

Ключевые слова: Бозок; археологический памятник; средневековое городище; сакральный объект; иеротопия; Национальный археологический парк

Для цитирования: Сураганова З., Бурбаева С., Толегенулы К. Средневековое городище Бозок: от культового центра к культурному манифесту степной Евразии. *Gumilyov Journal of History.* 2026. T.155, no.2, pp.13-33. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-13-33

Введение

Очарованные озерно-степным ландшафтом, правильными очертаниями озера *Бузуқты* в междуречье Нуры и Есиля ранние тюрки надолго определили судьбу городища Бозок как одного из крупных культовых центров Сарыарки. В VII веке они выбрали высокий восточный берег озера для закладки святилища. Так началась история иеторопии, длительность которой растянулась на столетия. В ней были годы бурного развития, забвения и возрождения. Ландшафт определил ее темпоральность и традиции вплоть до настоящего времени.

В устойчивость сакрализации памятника история вплела имена выдающихся личностей – краеведа и одного из организаторов музейного строительства Л. Семенова и ученого-археолога К. Акишева, чей неукротимый энтузиазм и исследовательская интуиция вновь явили его научному сообществу в начале и в конце XX века.

В конце 1920-х гг. руины памятника привлекли внимание акмолинского краеведа Л. Семенова, который будет позднее признан известным специалистом в изучении истории края и организатором музейного дела в республике (Акишев 1967: 69).

В конце прошлого столетия значимость памятника для столицы независимого Казахстана обретает важное политическое значение, что стало основанием для его тщательного изучения. Так, городище Бозок стало первым и пока единственным масштабно изученным средневековым памятником в степной зоне страны (Древности 2011: 219). В течение шестнадцати лет, с 1999-2015 гг. (Хабдулина 2021: 230) памятник изучали археологи Ишимской археологической экспедиции во главе с известными казахстанскими учеными К. Акишевым и М. Хабдулиной. Они ввели в научный оборот важные сведения об истории городища. Символическая значимость памятника, его характеристики стали основанием для К. Акишева выйти к правительству в 2002 г. с предложением о создании "археолого-архитектурного комплекса "Средневековый город Бозок" в черте столицы" (Хабдулина 2022: 123-124). На необходимость музеефикации памятника указывала и археолог Э. Усманова (Усманова 2008: 98-100).

Мечте ученого было суждено осуществиться лишь спустя шестнадцать лет. Создание Государственного историко-культурного музея-заповедника "Бозок: в 2018 г. открыло дорогу к реализации идеи ученого. Годом ранее памятник был включен в список сакральных объектов общенационального значения. Таким образом городище Бозок вновь вернулось в орбиту сакрального пояса Сарыарки.

Материалы и методы

Материалами для написания настоящей работы стали карты 1913 года и Археологическая карта Казахстана 1960 года, материалы из архива Института истории материальной культуры Российской академии наук, а также опубликованные работы Л.Ф. Семенова, А.Х. Маргулана, К.А. Акишева, М.К. Хабдулиной, их учеников и археологов, в которых представлены итоги исследований городища Бозок, его интерпретации в разные годы, 1927-1930 гг. и с 1998 по настоящее время. В ходе работы авторы опирались на публикации своих коллег – сотрудников музея-заповедника "Бозок".

В основу работы положен метод иеротопии, который на основе рассмотрения топонимов *Ақмола и Бузуқты* и их этимологии позволил отметить ориентировочную точку отсчета процесса формирования сакрального пространства на западной окраине столицы в раннее средневековье.

Принцип историзма, общенаучные методы анализа и обобщения определили преемственность средневековой традиции иеротопии, которая сегодня находит яркое выражение в признании сакрального характера археологического памятника Бозок, в идее его коммеморации в формате Национального археологического парка.

Литературный обзор

История создания сакрального пространства на берегу озера Бузыкты рассматривалась в работах К. Акишева, М. Хабдулиной, Э. Усмановой, Г. Биляловой, Д. Тлеугабылова, Э. Юмакаевой, С. Бурбаевой, А. Свиридова, З. Сураганової и др.

Уже в первые годы изучения городища К.А. Акишев, основываясь на гидрониме *Бузуқты* и планировке памятника, рассматривал его как "код, оставленный потомкам огузо-кыпчаками", указывал на значимость Бозока как мусульманской святыни на перекрестке караванных путей (Акишев 2008: 16-17). Проницательность ученого, основанная на глубоком знании древней и средневековой истории и культуры региона, а также более чем пятидесятилетний исследовательский опыт позволили К.А. Акишеву прийти к таким выводам, предвосхищая результаты, полученные уже после его кончины.

Религиозная характеристика памятника основывалась на первых итогах его раскопок, полученных в 1999-2002 гг. В течение трех полевых сезонов на центральной площадке, расположенной между тремя "кварталами» городища, были выявлены "основания нескольких мавзолеев и минарета" (Акишев 2008: 14) с 14 мусульманскими погребениями, вскрытыми и исследованными учеником К.А. Акишева – Ю.А. Мотовым (Хабдулина 2017: 14). В ходе Международного полевого семинара, организованного в июле 2004 г., его участники на основе анализа проведенных раскопок и найденных артефактов сошлись во мнении относительно характера памятника "как культово-мемориального комплекса, как особого-культурно-религиозного центра по распространению ислама" (Хабдулина 2008: 9).

По мнению Э.Р. Усмановой, памятник представлял собой мемориальный ансамбль, соединяющий в себе две сущности – обыденную и священную (Усманова 2008: 99).

В 2009 г. полученные находки, определили нижний горизонт городища Бозок VII-VIII вв. Археологи предположили, основываясь на конструкции северного квартала, юртообразного строения на его территории и погребении, обнаруженном в его центре, его использование "как сакральной площадки, места проведения каких-то обрядов" в древнетюркскую эпоху (Хабдулина, Орлова 2010: 160, 162).

В сообщении С.Б. Бурбаевой история городища Бозок рассматривается сквозь призму феномена иеротопии (Бурбаева 2019).

В культурологическом исследовании З.К. Сураганової и М.К. Хабдулиной предложена авторская интерпретация ключевого объекта городища Бозок – святилища. Уникальность памятника, определяемая его планиграфией, человеческим жертвоприношением, геокультурным ландшафтом наряду с анализом лимнонима и мифологемой лебедя позволили исследователям "создать гипотетическую модель ритуала, объясняющую святилище как место отправления закрытых воинских обрядов" (Сураганова, Хабдулина 2021).

К настоящему времени осмысление результатов полевых исследований Бозока позволяет молодым археологам – ученикам М.К. Хабдулиной охарактеризовать Бозокский археологический микрорайон как культовый центр (Bilyalova G.D. et al. 2018), как особое сакральное пространство средневековой Сарыарки (Свиридов, Тлеугабылов 2023: 548).

Результаты

Астана пережила в своей эволюции множество трансформаций, включая переименования, за которыми стояли конкретные исторические обстоятельства. Город Акмолинск, название которого в имперский период определялось традицией вернакулярной ономастики, в 1961 г. лишился его и стал г. Целиноградом – всесоюзным символом центра Целинного края, призванного обеспечивать СССР зерном. В 1992 г. городу вернули его исконное название – *Ақмола.* К концу века, в 1998 г. в результате глобальных тектонических перемен, вызванных процессом нациестроительства, его названием стало – г. Астана (Ковальская, Аканов 2016).

Вернакулярный топоним *Ақмола* зафиксирован множеством источников. В 1816 г., во время российской разведывательной экспедиции по казахским степям в поисках полезных ископаемых, горный инженер И.П. Шангин и сотоварищи останавливались на отдых у "протоки Нуры, имея в виду гору Ак-молу, получившую сие название от имеющихся на ней Киргизских кладбищей, с стоящими выбеленными известью надгробными памятниками" (Извлечение из описания экспедиции… 1820: 94).

Урочище *Ақмола* на реке Есиль было известным в XIX в. пунктом на путях перекочевок казахов, дипломатических миссий из государств Центральной Азии в Россию (Валиханов 1985: 309). Собственно узловое значение локации урочища *Ақмола* стало основанием для определения в 1830 г. закладки Акмолинского укрепления, а в 1868 г. Акмолинской области (с центром в г. Омск) и Акмолинского округа (ПСЗ РИ 1873: 364). Интересно, что в царском повелении "Областными городами назначаются… Акмолинск для Акмолинской области, но до устройства в оном помещения для Областного Правления, управление сие временно остается в Омске" (ПСЗ РИ 1873: 364).

Известно, что топоним *Ақмола* был не единственным в Казахстане. Об этом свидетельствует отмеченная Ч.Ч. Валихановым на реке Емель могила *Ақмола* – пункт на тракте, по которому кочевали казахи от Чугучака до г. Кульджи (Валиханов 1985: 336). Приведенный Ч.Ч. Валихановым топоним не оставляет сомнений в его прямом лексическом значении, связанном с погребальным сооружением. Это дает нам основание утверждать, что толкование слова *ақмол* – ‘белая могила’ является денотативным и прямо указывающим на сакрализацию индигенным населением геокультурного пространства Нура-Есильского междуречья. Однако этимология топонима *Ақмола* имеет более смелую и, на первый взгляд, десакрализирующую версию. Ее предлагает известный казахстанский писатель и журналист А. Смайыл. Он, опираясь на сочинение античного автора – Прокопия Кесарийского, связывает происхождение рассматриваемого слова от гуннских – *Ақ* – означающего ‘запад’ и *мол* – близкого по значению к концепту ‘крепость’ (Смайыл 2016: 83-84). Действительно, в тексте сочинения "О постройках" Прокопия (Procopius), написанного в 560 г., искомое слово на греческом представлено в выражении: "προβόλους τεκτηνάμενοι βραχεῖς τε καὶ φαύλους, οὕσπερ καλεῖν νενομίκασι μώλους", в переводе на английский: "little bastions, of the sort which people are wont to call ‘‘moles” (Procopius 1971: 298-299) и на русский – "выступы, которые они называют “молами" (Прокопий 1939: 265). И хотя важно, что слово "мол" и на греческом, и в переводных версиях соответствует фонетическому оригиналу, мы все же не должны забывать, что язык гуннов, несмотря на недостаточность и фрагментарность материала о нем, включал тюркский элемент и его морфология имела общетюркский характер (Тенишев 1996: 52-53). К тому же ученые утверждают активное влияние в том числе тюркизации на язык европейских гуннов на финальном этапе их культурогенеза V в. (Боталов 2010).

Вывод А. Смайыла подтверждается отчасти Историческим словарем идиом Каппадокии, представленным на сайте Научно-исследовательского центра современных греческих диалектов и идиом (I.Λ.N.E.), где отмечается вероятность происхождения слова μόλος от тюркского (Ιστορίκο).

Соответственно, если в византийском сочинении VI в. используется иноязычное слово из гуннской лексики, значит, мы имеем делом с очень значимым феноменом из культуры гуннов. Сам контекст использования Прокопием слова 'мол' в уничижительном значении – небольшая насыпь, сооруженная местными мастерами в Херсонесе – крупнейшем городском центре и оплоте Византии в Северном Причерноморье, также позволяет его идентифицировать с языком степного народа. Поскольку включение слов из лексики варваров в язык византийцев, считавших себя высоко цивилизованными, может быть обосновано очень веской причиной. Ею, возможно, была семантика слова *мола,* связанного, как нам представляется, с культом предков и погребальной обрядностью гуннов и тюрков, сооружавших своим правителям огромные курганы. Возможно, византийский автор использовал иноязычное слово, широко распространенное в Северном Причерноморье, которое в предшествующие столетия, с 370-х гг. вплоть до 454 г., оставалось под властью самого могущественного политического объединения степных племен во всей Восточной Европе (Засецкая 1994: 5).

Согласно Ч.Ч. Валиханову, казахи в начале XIX в. под словом *мола* подразумевали простую, неизысканную насыпь, кучу щебня "или" какой-нибудь… монумент, слепленный из глины" (Валиханов 1984: 190). В современных казахском – *мола* (Қазақ әдеби тілінің сөздігі 2011: 269) и кыргызском – *моло* (Киргизско-русский словарь 1985: 32) языках рассматриваемое понятие имеет одинаковое значение – 'надгробие, сооруженное над могилой', 'могила'. Их основой является слово *мол,* означающее 'множество чего-либо', 'изобилие', что не исключает значение – 'множество песка и камней', 'насыпь для возведения чего-либо' (Қазақ әдеби тілінің сөздігі 2011: 268). То есть понятие *мола* в античном источнике VI в. фонетически и семантически созвучно казахско-кыргызскому *мола.*

Таким образом, предпринятое этимологическое отступление по поводу семантики топонима *Ақмола,* несмотря на попытку его десакрализации А. Смайылом, а также отсутствие сведений о наличии крепости в урочище *Ақмола,* дают нам основание утверждать о давности традиции иеротопии геокультурного ландшафта современной столицы Казахстана, история которой теряется в дымке прошлых времен.

В науке феномен сакрализации, благодаря А.М. Лидову, получил свое терминологическое оформление в виде понятия иеротопия, означающего создание сакральных пространств, понимаемое им как особый вид художественного "творчества, а также как специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры данного творчества" (Лидов 2006: 10). К указанной формулировке, на наш взгляд, следует добавить – "интеллектуальное творчество", поскольку речь идет об осмыслении как интеллектуальном усилии, основанном на созерцании природного ландшафта, которое обращает созерцающего *"к первозданному"* (Башляр 2004: 47).

Итак, *Ақмола,* так же, как и второй топоним *Бузуқты,* представляются нам как часть процесса сакрализации территории – современной западной окраины г. Астаны в прошлом. Мы не можем сказать, когда появился первый из них. В отличие от него топоним *Бузуқты,* являющийся ключевым в нашем исследовании, указывает на конкретное время своего происхождения.

Топоним *Бузуқты,* обозначавший урочище и озеро, зафиксирован, в том числе, на Специальной карте Западной Сибири (Ряд 10. Лист 9), составленной в 1913 г. военным

топографом Елистьевым. На карте г. Целинограда 1983 г. в соответствии с системой координат 1942 г. (местоположение на плане: О, П-1) название урочища изменено на *Бузықты.*

Исторически топоним *Бузықты* обладает насыщенным полисемичным содержанием и отражает историю иеротопии в месте близкого схождения южной реки Нуры и северной – Есиля в эпоху ранних тюрков. Топоним прямо указывает на иеротопию урочища и одноименного с ним озера (рис. 1), которая восходит, по всей видимости, к VII-VIII вв. Топоним *Бузықты* состоит из основы *бузук* и суффикса окончания *-ты*, образуя производное прилагательное, указывающее на наличие или обладание чем-либо: ‘с бузуком‘. Его происхождение, как верно отмечает М.К. Хабдулина, – мифологическое (Хабдулина 2008: 6). Основа ‘бузук’ в качестве самостоятельного топонима и его производных широко распространена по всей территории Евразии – от Восточной Сибири и до территории Крымского полуострова, современной Турции (провинция Бозок ныне провинция Йозгат), включая Казахстан, где топоним Бузук встречается и на юге (Древний Отрар… 1972: 11, 188) и на севере, близ Астаны имеет прямое отношение к мифологическим персонажам – Огуз-кагану и небесной деве – прародителям *бозоков / бузуков,* истории формирования административно-территориальной, родоплеменной и военно-политической структуре ранних тюрков-огузов (Сураганова, Хабдулина. 2021: 107).

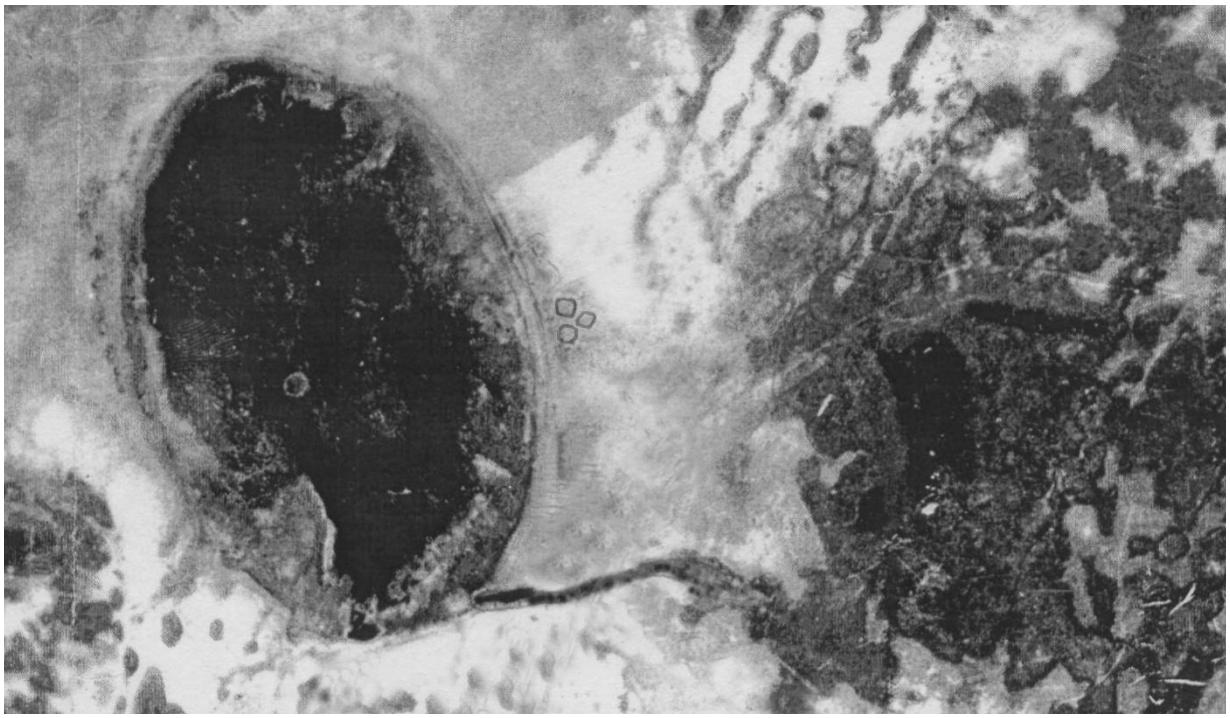

Рис. 1 – Озеро Бузықты. Аэрофотоснимок 1974 г.

Fig. 1 – Lake Buzutqy. Aerial photograph from 1974.

Таким образом, в историческом ономастиконе столицы значительным символическим потенциалом обладают как Ақмола, так и Бузықты.

В настоящее время история иеротопии урочища Бузықты, начавшаяся более тысячи лет назад, несмотря на краткую паузу в семьдесят лет, продолжает развиваться. Этим она обязана руководителю Акмолинского окружного музея – Л.Ф. Семенову (Кошман и др. 2026), который в конце 1920-х гг. открыл памятник и назвал его Бузуктинское городище[1], ретроспектива изучения которого отличается удивительной историей.

Семенов Леонид Федорович – первый исследователь городища Бозок.

В августе 1927 г. 28-летний заведующий уездного музея Л. Семенов сообщает в Центральное бюро краеведения о взятии на учет в рамках экспедиционных исследований 34 курганов и 92 объектов поминальных памятников в Акмолинском округе[2]. В ходе экспедиции, занявшей 49 дней, охвачен огромный регион Центрального Казахстана от оз. Коргалжын – на севере до реки Сарысу – на юге. В целом участники проехали на пароконной подводе свыше 1 706 км (1600 верст)[3]. После отчета, представленного Л.Ф. Семеновым в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК), Музейный отдел Главнауки 13 сентября 1927 г. дал разрешение на "обследование памятников древности с правом небольших пробных раскопок"[4] и ходатайствовал о выдаче Акмолинскому музею "открытого листа на производство археологических исследований в Акмолинском округе в 1929 г."[5].

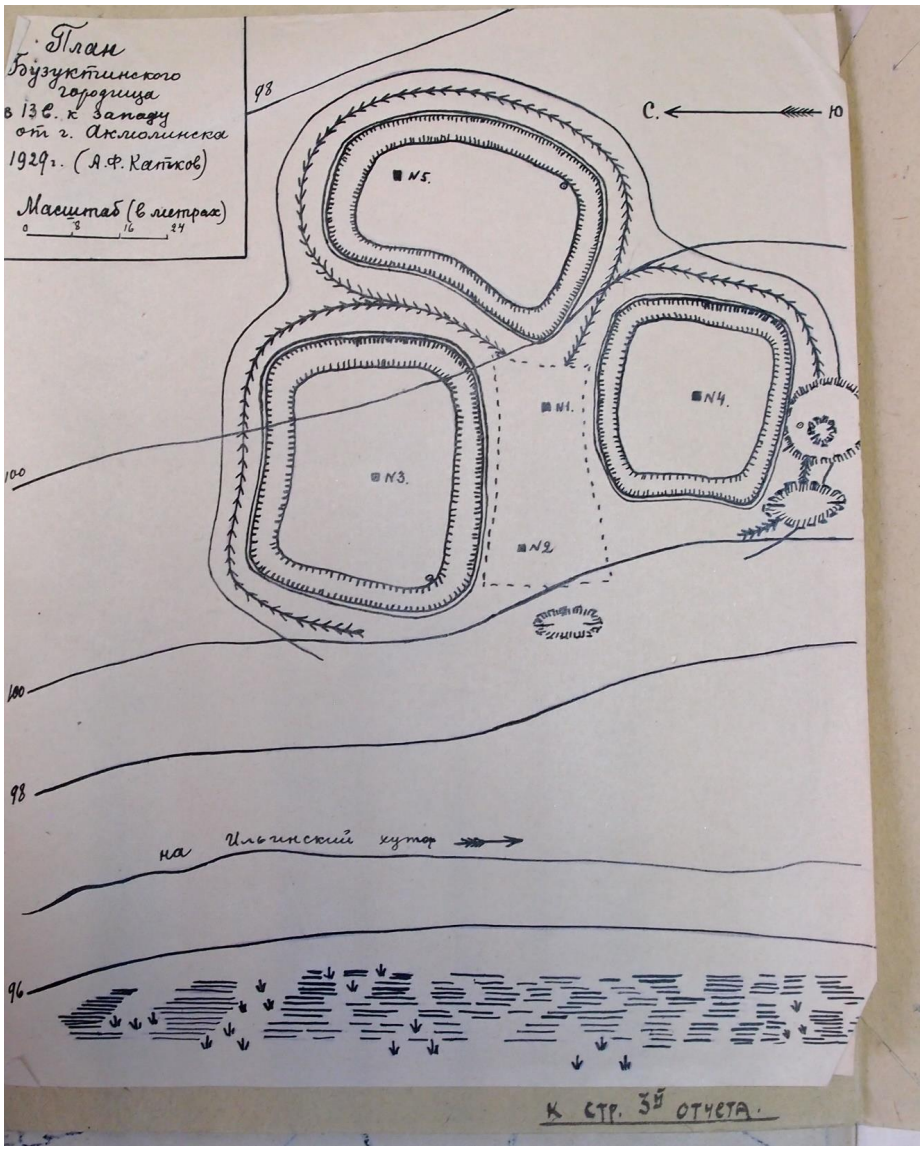

Рис. 2 – План Бузуктинского городища, выполненный А.Ф. Катковым. 1929 г. (Архив ИИМК РАН (ЛОИА СССР) ф. 2. оп. 1. д. 63. л. 10

Fig. 2 – Plan of the Buzukty settlement, made by A.F. Katkov. 1929 (Archive of the IHMC of the RAS (LBIA of the USSR) f. 2. inv. 1. d. 63. sh. 10

На просьбу Л. Семенова дать заключение на представленный им в 1929 г. отчет[6], академия в качестве куратора назначила молодого археолога М. Грязнова (1902-1984)[7], работавшего в 1929-1937 гг. в Государственной академии истории материальной культуры (Длужневская 2011: 4). Он имел опыт проведения исследований в 1927 г. в Казахстане (Грязнов 1930), раскопок 1-го Пазырыкского кургана в 1929 г., составления археологической карты Пазырыкских курганов (Длужневская 2011: 130). Рассмотрев представленные Л. Семеновым материалы, М. Грязнов в своем рукописном заключении отмечает: "Близ Акмолинска Семенов обследовал сооружения и системы валов и рвов, описывая их как городище... Описание и план памятников, сделанные Л. Семеновым, дают возможность составить по ним представление о внешнем виде этих памятников"[8].

В архивном деле, к сожалению, отсутствует 2-я страница отчета, на которой начинается описание городища и работ, проведенных в результате закладки 1-2 шурфов. На 3-й странице описаны итоги исследований на 3-5 шурфах с указанием отсутствия в них находок[9]. Восполняет этот недостаток имеющаяся в архивном деле страница из Приложения к отчету с прекрасно зарисованным планом "Бузуктинского городища в 13 в. к западу от г. Акмолинска 1929 г." (рис. 2), выполненным А. Катковым[10].

Архивный источник дополняет информация из статьи Л. Семенова, опубликованной в 1930 г.: "В 1928 г. вблизи г. Акмолинска на урочище Бузуқты было обнаружено городище. Городище находится на возвышенном месте, состоит из трех площадок, обнесенных насыпями-валами. Площадки с ровной поверхностью представляют несколько неправильные прямоугольники в среднем около 23 метров в поперечнике. Кое-где по склонам валов и на площадках попадаются обломки каленого кирпича темно-серого цвета. С южной стороны городища находится курган с хищнической ямой, окружностью 45 ш. Севернее городища, метров на 70, расположены продолговатые ямы-канавы, около которых находится небольшая курганная насыпь с хищнической ямой и далее канава (арык) до озера. Расспросы местного населения ничего не дали" (Семенов 1930: 78-79).

Серьезность исследований Л. Семенова и признание научным сообществом полученных им результатов стали основанием в 1960 г. для внесения сведений об изученных им памятниках в Археологическую карту Казахстана. Согласно устоявшейся археологической традиции, городище Бузук занесено в свод памятников Казахстана под номером 1129 (Археологическая карта Казахстана 1960: Л. 10 (квадрат 12 Г) со следующим описанием: "Средневековое городище – близ г. Акмолинска, в урочище Бузуқты. Представляет собой три площадки неправильной прямоугольной формы, обнесенные валом. Сообщение Л. Семенова" (Археологическая карта Казахстана 1960: 89). Позднее указанные сведения приводятся в одном из разделов книги "Археологические памятники Казахстана". Автор раздела – А. Маргулан, опираясь на сообщение Л. Семенова, отмечает Бузук в числе "шестидесяти укрепленных поселений и замков типа корганов и орд" (Маргулан 1978: 4, 22, 26). Различие картографического описания городища в Археологической карте Казахстана и карте средневековых поселений Центрального Казахстана в статье А. Маргулана состоит в том, что в первом случае памятник правильно отмечен между Есилем и Нурой со значительным смещением к Есилю (Археологическая карта Казахстана 1960: Л. 10 (квадрат 12 Г). А во втором – Бузук ошибочно указан к северу от р. Ишим (Маргулан: 1978: 4), а не в междуречье.

Затем о памятнике как будто забыли... О нем вспомнили лишь в первое десятилетие независимости.

Бозок… как много в этом слове для сердца тюркского слилось…

Спустя семьдесят один год после открытия памятника известный казахстанский ученый-археолог К. Акишев в Год народного единства и национальной истории (1998 г.), возглавив Ишимскую комплексную археологическую экспедицию, вновь вернул памятник в круг научных исследований. Так была открыта новая страница в иеротопии Бузука.

Значимость экспедиции определялась, как подчеркивал К. Акишев, слабой исследованностью урбанизационных процессов в степной экономике восточной Евразии в средневековье. Комплексный анализ исследований средневековых памятников городской культуры степного Нура-Ишимского междуречья в "свете разработки концепции "степная цивилизация Евразии" (Байпаков 2004: 310) обозначался ученым как задача государственной важности и научной актуальности (Акишев 1999: 7-8).

Безусловно, исследования археологов стали частью большой политической программы, связанной с переносом столицы из г. Алматы в г. Акмолу. Так, причудливо осуществилось пророчество польского ссыльного Адольфа Янушкевича, который написал в своем дневнике 31 мая 1846 г.: "Акмола, например, будущая столица всей степи…" (Янушкевич 1966: 41). В результате решения, принятого Постановлением Правительства 6 июля 1996 г., молодая столица требовала переосмысления своего символического и интеллектуального значения в контексте построения независимого государства. С этим связано и ее переименование в г. Астану в 1998 г.

Несмотря на сведения Л. Семенова, неточность координат локализации городища на Археологической карте 1960 г., изменение границ столицы, застройка ее окраин затруднили поиски памятника. Участник экспедиции и супруга К. Акишева – известный археолог М. Хабдулина пишет по этому поводу: городище "было обнаружено в результате сплошного обследования верховьев Ишима осенью 1998 г.". Поэтому К. Акишев в качестве одного из итогов экспедиционных исследований пишет об открытии руин средневекового городища, датированного по предварительным оценкам X-XII вв.

Необходимо отметить, что обнаружение руин в долине реки Ишим стало возможным благодаря накопленному К. Акишевым опыту и глубоким знаниям в разработке проблематики средневековой урбанизации Казахстана (Ганиева 2010: 244). В своей статье, посвященной итогам экспедиции, К. Акишев дает следующее описание памятника: "Средневековое городище Акжол… состоит из трех разрозненных, но близко расположенных комплексов. Центральная градообразующая часть состоит из трех кварталов квадратного очертания, примыкающих друг к другу, но каждый из них автономно окружен рвом и валом. В юго-западном углу южного квартала возвышается караульная башня. В центральной части все три квартала примыкают к прямоугольной площади, где вероятно находилась резиденция (ордакент), возведенная из квадратного обожженного кирпича. В 70 м. на северо-запад находились колодец и водохранилище и помещение для обслуживающего персонала, а в 27 м. на юг – мечеть и зират (некрополь). Расположение городища Ақжол в окрестностях Астаны предполагает перспективу исследования происхождения этого города" (Акишев 1999: 8).

Название городища Ақжол (с казах.: "Белый путь"), по всей видимости, было определено археологами (1999 г.), которые руководствовались местным оронимом – Ақмол, отмеченным в свое время И. Шангиным. С другой стороны, возможно, название Ақжол было реминисценций из казахской родословной, согласно которой место расположения новой столицы является родовым уделом племени Арғын Среднего жуза (Аршабеков 2016: 55), чьим родоначальником был "Даирходжа, прозванный Ак-жолом, из рода

аргын" (Тынышпаев 1925: 9).

Но год спустя К. Акишев обозначил памятник как Бозок, опираясь, с одной стороны, на вернакулярную топонимику, с другой, этому способствовал сам характер памятника. Его убедила характеристика памятника. Как пишет М. Хабдулина "после изучения аэрофотоснимков, поиска аналогий трехчастной структуре городища среди древностей средневековой Евразии и попыток расшифровать семантику такой планиграфии, К. Акишев обратил внимание на название озера" (Хабдулина 2008: 5). В восстановлении исторического прошлого топонимика играет исключительное значение (Топоров 2015: 154-159). И об этом К. Акишев был хорошо осведомлен. Семантика планиграфии памятника вкупе с гидронимом Бузуқты открыли перед ученым весь спектр представлений древних строителей о месте, на котором они сначала заложили святилище, придав восточному берегу озера константный характер иеротопии, сохранявший устойчивость на протяжении последующих столетий. В кыпчакский период константность его сакрального осмысления стала основанием для сооружения ставки правителя. В эпоху Улуса Джучи заповедность места выразилось в сооружении на руинах городища элитного некрополя.

Лимноним "Бозок", как показывают исследования К.А. Акишева и М.К. Хабдулиной, и есть тот самый культурный код, который из глубины веков сообщает нам его датировку – раннее средневековье и этнокультурную принадлежность строителей святилища – тюрков-огузов. Они дали имя бузуков – первых потомков Огуз кагана, мифологического героя и прародителя древних тюрков от небесной матери, – озеру Бузуқты, тем самым обозначив эту территорию в VII-VIII вв. своим доменом и сакральным центром. Бузуки оставили после себя на всей территории Евразии – от Сибири через Казахстан, Крым и Кавказ топонимический след, который они донесли до территории Турции (Сураганова, Хабдулина 2021).

Бозок сегодня выступает в качестве консолидирующего символа как для казахов, так и для турков. Это особенно очевидным стало во время визита сотрудников музея-заповедника Бозок в Турцию в конце прошлого года. В современной провинции Йозгат можно наблюдать множество названий "Бозок", начиная от университета до мест общественного питания.

За совсем короткий срок – менее чем за три года – К. Акишев через изучение, любовь и поэтизацию памятника возродил древнюю традицию, он вернул к жизни творческий процесс иеротопии Бозока. "Несмотря на скромность находок и маломощность культурных слоев, городище Бозок было любимым детищем К. Акишева", – признается М. Хабдулина (Хабдулина 2008: 10).

Перспективы развития Национального археологического парка под открытым небом и его роль в ребрендинге столицы

Создание Национального парка под открытым небом на территории, прилегающей к археологическому памятнику – средневековому городищу "Бозок", рассматривается нами как часть процесса иеротопии, возрожденной через столетия К. Акишевым.

На протяжении последних восьми лет Государственный историко-культурный музей-заповедник "Бозок" Министерства культуры и информации Республики Казахстан осуществляет этот проект. Коллектив музея ведет работу по музеефикации памятника, включающую комплекс мер, направленных на консервацию памятника in situ, его интерпретацию и преобразование ряда его элементов в объекты музейного показа. Обновленная в 2025 г. научная концепция музея в рамках средового, живого формата

предполагает гармоничное сочетание открытых экспозиций, недвижимых объектов в сопровождении элементов нематериального культурного наследия.

Ключевыми темами в разработке научного контента музеефикации памятника является средневековое наследие. Акцентами в нем обозначено наследие ранних тюрков эпохи Улуса Джучи и Казахского ханства, выражающееся в консервации городища Бозок, в его воссоздании в натуральную величину, в архитектурном облике ханской ставки и визит-центра, символизирующего обобщающий образ столиц государства, у истоков которого стояли правители Керей и Джанибек.

Одной из самых важных задач коллектив музея-заповедника видит в актуализации нематериального культурного наследия. Помимо проведения этнографический музейных праздников, связанных с кумысной культурой и всадническими традициями казахов, музей-заповедник ведет научно-исследовательскую работу, направленную на популяризацию нематериального культурного наследия. Так, в ходе реализации научной программы "Традиционная обрядность как манифестация помнящей культуры: ресурсы и стратегии символического капитала степной Евразии" (BR10164218, рук-ль З. Сураганова) была издана монография "Кумысный праздник степного мира Евразии: лейтмотив, память и идентичность" (2023), разработаны научная концепция (2022) и сценарий массового этнографического праздника (2023), актуализирующего традиции и обрядово-ритуальные практики как казахов, так и народов тюрко-монгольского культурного круга.

Благодаря усилиям коллектива музея-заповедника, научной поддержке его единомышленников в лице солидной группы ведущих ученых-историков Казахстана З. Самашева, М. Хабдулиной, А. Кушкумбаева, Ж. Сабитова, В. Варфоломеева, Э. Усмановой, С. Сакенова и др. средневековый памятник – городище Бозок в качестве культурной институции активно участвует в формировании нового нарратива в конструировании символического репертуара столицы независимого Казахстана, в яркой манифестации культурного наследия степной Евразии.

Будущий Национальный парк, используя древний сакральный код основателей Бозока, рассматривавших его в качестве Axis Mundi, вносит упорядоченность и гармонию в культурное пространство столицы. Локация городища Бозока, выступая семиотическим ориентиром в градообразующей оси новой левобережной части столицы, соединяет Акорду, Дворец Мира и согласия, монумент "Қазақ елі", напоминает нам о нашем наследии, участвует в коммеморации исторической памяти и идентичности, в восстановлении утраченной сакральности ландшафта, идущей из глубины веков (Хабдулина 2020: 76).

Заключение

История городища Бозок напоминает собой степную рапсодию. Этот мотив сохранился в клекоте лебедей, возвращающихся каждую весну на родное озеро Бузуқты, в шелесте степной травы, в дуновении ветра, в синеве вечного неба. Им проникся К. Акишев, который назвал Бозок дерзновенным и горделивым. Он увлекся этим мотивом и понял его смысл. Разгадав тайну Бозока, ученый с любовью и трепетом восстановил по крупицам утраченную нить иеротопии, связывающую нас с далеким прошлым. Выдающаяся личность, ученый, чье имя неразрывно связано с символом независимости Казахстана – Иссыкским человеком, инициировал идею о музеефикации памятника, наследие которого незримыми нитями объединяет прошлое и настоящее тюркских

народов.

Государственная поддержка идеи К. Акишева позволила начать создание Национального парка. Коллектив музея-заповедника при интеллектуальном содействии ведущих отечественных ученых-историков продолжает творческий процесс иеротопии, воплощая замысел ученого в реальность.

Acknowledgmens

We express our gratitude to the editorial board and the reviewers of the journal for their professional support during the preparation of the article.

Алғыс білдіру

Мақаланы дайындау үдерісінде көрсеткен кәсіби қолдауы үшін журналдың редакция мен рецензенттерге алқасына алғысымызды білдіреміз.

Благодарность

Выражаем благодарность редакции журнала и рецензентам за профессиональную поддержку в процессе подготовки статьи.

Примечания

1. Археологические обследования Л. Семенова в Акмолинской области в 1929 г. Краткий отчет за 1929 г. и переписка. Архив Института истории материальной культуры (далее ИИМК РАН) (ЛОИА СССР), ф.2, оп.1, д.63. л.10.
2. Археологические исследования Л.Ф. Семенова в Акмолинском округе. 1928-1929 гг. ИИМК РАН, ф.2, оп.1, д.223, л.2 об.
3. Археологические исследования Л.Ф. Семенова в Акмолинском округе. 1928-1929 гг. ИИМК РАН, ф.2, оп.1, д.223, л.4.
4. Археологические исследования Л.Ф. Семенова в Акмолинском округе. 1928-1929 гг. ИИМК РАН, ф.2, оп.1, д.223, л.12об.
5. Археологические исследования Л.Ф. Семенова в Акмолинском округе. 1928-1929 гг. ИИМК РАН, ф.2, оп.1, д.63. л.1.
6. Археологические исследования Л.Ф. Семенова в Акмолинском округе. 1928-1929 гг. ИИМК РАН, ф.2, оп.1, д.63, л.15.
7. Археологические исследования Л.Ф. Семенова в Акмолинском округе. 1928-1929 гг. ИИМК РАН, ф.2, оп.1, д.63, л.12.
8. Археологические исследования Л.Ф. Семенова в Акмолинском округе. 1928-1929 гг. ИИМК РАН, ф.2, оп.1, д.63, л.2.
9. Археологические исследования Л.Ф. Семенова в Акмолинском округе. 1928-1929 гг. ИИМК РАН, ф.2, оп.1, д.63, л.5.
10. Археологические исследования Л.Ф. Семенова в Акмолинском округе. 1928-1929 гг. ИИМК РАН, ф.2, оп.1, д.63, л.10.

Список литературы

Bilyalova G., Tleugabulov D., Yumakayeva E. "Rites and Rituals of Ancient Turkic Period by the Written Sources". *Journal of history.* 2018. Vol.4 (91), pp.88-95

Procopius. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: W. Heinemann (Henry Bronson).

Printed in Great Britain by Richard Clay (The Chaucer Press), Lid., Bungay, Suffolk. 1971. 542 p.

Ιστορίκο Λεξίκο Των Ιδιωματων Τησ Καππαδοκίασ. *Κεντρον Ερευνησ Των Νεοελληνίκων Δίαλεκτων Καί Ιδίωματων – Ι.Λ.Ν.Ε.* https://ilik.academyofathens.gr/lemma/12872/show. Дата обращения 18.02.2026

Акишев К. Археология в Казахстане за советский период. *Советская археология.* 1967. No.4, с.61-78.

Акишев К. Городище Бозок: семантика планиграфии и функции. В: *Бозок в панораме средневековых культур Евразии*. Матер. Междунар. полевого семинара. Астана, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2008. С.13-19.

Акишев К. Итоги работы Ишимской археологической экспедиции в 1998 г. *Известия Национальной академии наук образования РК Серия общественных наук*. 1999. No.1, с.5-8 .

Археологическая карта Казахстана: реестр. Составители: Агеева Е., Акишев К. (ответственный редактор), Кушаев Г., Максимова А., Сенигова Т. Академия наук Казахской ССР; Институт истории, археологии и этнографии. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 1960. 450 с.

Аршабеков Т. Жаңаарқа ауданының тарихи топонимдеріңің зерттеу мәселесі. *Ономастикалық хабаршы.* 2017. No.2 (34), с.20-28.

Байпаков К., Курманкулов Ж., Нурмуханбетов Б., Грошев В., Самашев З., Савельева Т., Смагулов Е., Бурнашева Р. Кималь Акишевич Акишев. Некролог. *Известия Национальной академии наук образования Республики Казахстан. Серия общественных наук.* 2004. No.1(242), с.309-311.

Башляр Г. Избранное: *Поэтика пространства.* Пер. с франц. Москва. 2004. 376 с.

Боталов С. Язык и имена гуннов (относительно одного устоявшегося стереотипа о тюркоязычности гуннов). *Челябинский гуманитарий.* 2010. No.3 (12), с.122-130

Бурбаева С. Формирование иеротопии – сакрального пространства на археологическом памятнике "Бозок": история и современность. В.: *Қазақстанның киелі жерлерінің географиясы. Халықаралық ғылыми-тәжірбиелік конф. материал. жинағы.* Нұр-Сұлтан. 2019. С. 305-310

Валиханов Ч. *Собрание сочинений* в пяти т. Т.I. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии. 1984. 431 с.

Валиханов Ч. *Собрание сочинений* в пяти т. Т.II. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии. 1985. 416 с.

Ганиева А. Вклад К. Акишева в изучение средневековой городской культуры Казахстана. *Известия Национальной академии наук образования Республики Казахстан. Серия общественных наук.* 2010. No.1, с.244-250.

Грязнов М. Казахстанский очаг бронзовой культуры. В.: *Казаки. Сборник статей антропологического отряда Казакстанской экспедиции Академии наук СССР.* Исследование 1927 г. Ленинград: Издание АН СССР. 1930. С.149-162.

Длужневская Г. *Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859-1959 гг.* (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). Санкт-Петербург: ЭлекСис. 2011. 296 с.

Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Акишев К., Байпаков К., Ерзакович Л. Алма-Ата: Наука. 1972. 216 с.

Древности Астаны: городище Бозок. Акишев К., Хабдулина М. Астана. 2011. 260 с.

Засецкая И. *Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху.* Санкт-Петербург: Эллипс Лтд. 1994. 224 с.

Извлечение из описания экспедиции, бывшей в Киргизскую степь в 1816 году (Окончание). Сибирский вестник, издаваемый Г. Спасским. Санкт-Петербург: Морская Типография. 1820. Ч. 11. с. 90-112.

Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық. 11-том. М-О. Құраст.; Ж. Манкеева, С. Бизақов,

Ә. Жүнісбек және т. б. Алматы. 2011. 752 с.

Киргизско-русский словарь. В 2-х кн. Сост.: К. Юдахин. Кн. 2. Л-Я. Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской энциклопедии. 1985. 480 с.

Ковальская С., Аканов К. Перенос столицы как инструмент политики нациестроительства и миграционная динамика населения Астаны. *Вестник Томского государственного университета.* 2016. No.412, с.54-64.

Кошман Т., Бедельбаева М., Дукомбайев А. Некоторые материалы о деятельности Л.Ф. Семенова – исследователя древностей Центрального Казахстана. *Gumilyov Journal of History.* 2026. Т.154, no.1, с.21-37. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-154-1-21-37.

Лидов А. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования. В: *Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси.* Ред.-сост.: А.М. Лидов. Москва: Индрик. 2006. С.9-31.

Маргулан А. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане. *Археологические памятники Казахстана.* Алма-Ата: Изд-во "Наука" Казахской ССР. 1978. С.3-37.

Прокопий Кесарийский. О постройках. *Приложение к журналу Вестник древней истории*. 1939. No.4. 283 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собр.2. Т.43. Ч.2. Санкт-Петербург: 1873. 572 с.

Свиридов А., Тлеугабылов Д. Городище Бозок – уникальный памятник степной Сарыарки: история изучения и осмысления. *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья* (МАИАСП). 2023. No.15, с.542-554. https://doi.org/10.53737/2198.2023.26.16.017

Семенов Л. Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа. *Вестник Центрального музея Казакстана*. 1930. No.1, с.77-87.

Смайыл А. Жер-су атаулары: тарихы мен тағдыры. *Ономастикалық хабаршы.* 2016. No.1(31), с. 80-86.

Сураганова З., Хабдулина М. По следам потомков небесной матери: от мифа к семантике сакрального ландшафта. *Stratum plus*. 2021. No.5, с.99-110. https://doi.org/10.55086/sp21599110

Тенишев Э. *Гуннов язык. Языки мира. Тюркские языки*. Москва. 1996. С.52-54.

Топоров В. Знак и текст в пространстве и времени. Публикация М. Дынина и Т.В. Цивьян. *Slavica Revalensia.* 2015. No.2, с.139-167. https://doi.org/10.22601/SR.2015.02.07

Тынышпаев М. *Материалы к истории киргиз-казакского народа*. Ташкент: Восточное отделение Киргизского Гос.издательства. 1925. 75 с.

Хабдулина М. История создания музея-заповедника "Бозок". *Turkic Studies Journal.* 2022. Т.4, no.2, с.116-129. http://doi.org/10.32523/2664-5157-2022-2-116-129.

Хабдулина М. Механизм сакрализации ландшафта и функции сакральных ландшафтов в историко-археологическом контексте. В: *Сакральный ландшафт Сарыарки*. Нур-Султан-Рим. 2020. С.60-84.

Хабдулина М. Предисловие. В: *Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Матер. Междунар. полевого семинара.* Астана. ЕНУ им. Л.Гумилева. 2008. С.3-11.

Хабдулина М. Сакральный код древнетюркского городища Бозок (Центральный Казахстан). *В: Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая. Матер. XI Междунар. науч. конф*. Абакан: ИИМК РАН. 2021. С.230-236. http://doi.org/10.31600/978-5-907298-19-4.230-236

Хабдулина М. Мотов на городище Бозок. История и археология Семиречья. *Сборник статей и публикаций.* Вып.5. Алматы. 2017. С.14-16.

Хабдулина М., Орлова Л. Некоторые результаты исследования городища Бозок. *Отчет об архео-*

логических исследованиях по Государственной программе "Культурное наследие" в 2009 году. Алматы. 2010. С.160-163.

Усманова Э. Знаковый код к пониманию музеефикации городища Бозок В: *Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Матер. Междунар. полевого семинара.* Астана. ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2008. С.98-100.

Янушкевич А. *Дневники и письма из путешествия по казахским степям*. Алма-Ата: "Казахстан". 1966. 268 с.

References

Bilyalova G.D., Tleugabulov D.T., Yumakayeva E.A. "Rites and Rituals of Ancient Turkic Period by the Written Sources". *Journal of history.* 2018. Vol.4 (91), pp.88-95. (in English)

Procopius. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: W. Heinemann (Henry Bronson). Printed in Great Britain by Richard Clay (The Chaucer Press), Lid., Bungay, Suffolk. 1971. 542 p. (in English)

Ιστορίκο Λεξίκο Των Ιδιωματων Τησ Καππαδοκίασ. *Κεντρον Ερευνησ Των Νεοελληνίκων Δίαλεκτων Καί Ιδίωματων – Ι.Λ.Ν.Ε*. https://ilik.academyofathens.gr/lemma/12872/show. Data obrashhenija 18.02.2026 (in Greek)

Akishev K.A. Arheologija v Kazahstane za sovetskij period. *Soviet archaeology*. 1967. Vol.4. pp.61-78 (in Russian)

Akishev K.A. Gorodishhe Bozok: semantika planigrafii i funkcii. In: *The Bozok in the panorama of medieval cultures of Eurasia.* Materials of the International Field Seminar. Astana. L. Gumilyov Eurasian National University. 2008. Pp.13-19 (in Russian)

Akishev K.A. Itogi raboty Ishimskoj arheologicheskoj jekspedicii v 1998 g. *Bulletin of the National Academy of Education Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences Series*. 1999. Vol.1, pp.5-8 (in Russian)

Arheologicheskaja karta Kazahstana: reestr. Compiled by: Ageeva E.I., Akishev K.A. (executive editor), Kushaev G. A., Maksimova A.G., Senigova T.N. Academy of Sciences of the Kazakh SSR; Institute of History, Archeology and Ethnography. Alma-Ata: Publishing house of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. 1960. 450 p. (in Russian)

Arshabekov T. Jañaarqa audanynyñ tarihi toponimderiñiñ zertteu mäselesı. *Onomastic Herald.* 2017. No.2 (34), pp.20-28 (in Kazakh)

Baypakov K., Kurmankulov Zh., Nurmukhanbetov B., Groshev V., Samashev Z., Savelyeva T., Smagulov E., Burnasheva R. Kimal' Akishevich Akishev. Nekrolog. Bulletin of the National Academy of Education Sciences of the Republic of Kazakhstan. *Social Sciences Series.* 2004. Vol.1 (242), pp.309-311 (in Russian)

Bashlyar G. *Izbrannoe: Pojetika prostranstva.* Transl. from French. Moscow: "Russian Political Encyclopedia". 2004. 376 p. (in Russian)

Botalov S. Jazyk i imena gunnov (otnositel'no odnogo ustojavshegosja stereotipa o tjurkojazychnosti gunnov). *Chelyabinsk Humanitarian*. 2010. No.3 (12), pp.122-130 (in Russian)

Burbaeva S. Formirovanie ierotopii – sakral'nogo prostranstva na arheologicheskom pamjatnike "Bozok": istorija i sovremennost'. In.: The geography of the Holy Lands of Kazakhstan. *Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference.* Nur-Sultan. 2019. Pp.305-310 (in Russian)

Valikhanov Ch. *The collection of essays in five volumes*. T. I. Alma-Ata: Main editorial office of the Kazakh Soviet Encyclopedia. 1984. 431 p. (in Russian)

Valikhanov Ch. *The collection of essays in five volumes.* T. II. Alma-Ata: Main editorial office of the Kazakh Soviet Encyclopedia*.* 1985. 416 p. (in Russian)

Ganieva A. K. Vklad K. Akisheva v izuchenie srednevekovoi gorodskoi kultury Kazakhstana. Bulletin of the National Academy of Educational Sciences of the Republic of Kazakhstan. *Social Sciences Series.* 2010. No.1, pp.244-250. (in Russian)

Gryaznov M. Kazahstanskij ochag bronzovoj kul'tury. In: *Kazaki. Collection of articles of the anthropological detachment of the Kazakhstan expedition of the USSR Academy of Sciences. Issledovanie 1927 g.* Leningrad: Publication of the USSR Academy of Sciences. 1930. Pp.149-162 (in Russian)

Dluzhnevskaya G. *Arheologicheskie issledovanija v Central'noj Azii i Sibiri v 1859-1959 gg.* (po dokumentam Nauchnogo arhiva Instituta istorii material'noj kul'tury RAN). Saint Petersburg: ElecSis. 2011. 296 p. (in Russian)

Drevnij Otrar (topografija, stratigrafija, perspektivy). Akishev K., Baipakov K., Erzakovich L. Alma-Ata: Science. 1972. 216 p. (in Russian)

Antiquities of Astana: the Bozok settlement. Akishev K., Khabdulina M. Astana. 2011. 260 p. (in Russian)

Zasetskaya I. *Kul'tura kochevnikov juzhnorusskih stepej v gunnskuju jepohu*. Saint Petersburg: Ellips Ltd. 1994. 224 p. (in Russian)

Izvlechenie iz opisanija jekspedicii, byvshej v Kirgizskuju step' v 1816 godu (Okonchanie). Sibirskii vestnik, izdavaemyi G. Spasskim. Saint Petersburg: Marine Printing House. 1820. Part 11. Pp.90-112 (in Russian)

Qazaq ädebi tılınıñ sözdığı. On bes tomdyq. 11-tom. M-O. Qūrast.; J. Mankeeva, S. Bizaqov, Ä. Jünısbek jäne t. b. Almaty. 2011. 752 p. (in Kazakh)

Kirgizsko-russkii slovar. V 2-kh kn. Sost.: K. Iudakhin. Kn. 2. L-Ia. Frunze: Main Editorial Board of the Kirghiz Soviet Encyclopedia. 1985. 480 p. (in Russian -Kyrgyz)

Kovalskaya S., Akanov K. Perenos stolicy kak instrument politiki naciestroitel'stva i migracionnaja dinamika naselenija Astany. *Bulletin of Tomsk State University.* 2016. No.412. pp.54-64 (in Russian)

Koshman, T., Bedelbaeva M., Dukombayev A. Nekotorye materialy o deiatelnosti L. Semenova – issledovatelia drevnostei Tsentralnogo Kazakhstana. *Gumilyov Journal of History.* 2026. Vol.154, no.1, pp.21-37. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-154-1-21-37. (in Russian)

Lidov A. Ierotopiia. Sozdanie sakralnykh prostranstv kak vid tvorchestva i predmet istoricheskogo issledovaniia. In: Hierotopy. *The Creation of Sacred Spaces in Byzantium and Ancient Rus'.* Red.-sost.: A.M. Lidov. Moscow: Indrik. 2006. Pp.9-31 (in Russian)

Margulan A. Ostatki osedlykh poselenii v Tsentralnom Kazakhstane. *Archaeological monuments of Kazakhstan.* Alma-Ata: Nauka Publishing House of the Kazakh SSR. 1978. Pp.3-37 (in Russian)

Prokopii Kesariiskii. O postroikakh. *Supplement to the journal Bulletin of Ancient History.* 1939. No.4. 283 p. (in Russian)

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr.2. T.43. Ch.2. Saint Petersburg: 1873. 572 p. (in Russian)

Sviridov A., Tleugabylov D. Gorodishche Bozok – unikalnyi pamiatnik stepnoi Saryarki: istoriia izucheniia i osmysleniia. *Materials on the archeology and history of the ancient and medieval Black Sea region* (MAIASP). 2023. No.15, pp.542-554. (in Russian)

Semenov L. Materialy k kharakteristike pamiatnikov materialnoi kultury Akmolinskogo okruga. *Bulletin of the Central Museum of Kazakhstan.* 1930. No.1, pp.77-87 (in Russian)

Smayil A. Jer-su ataulary: tarihy men tağdyry. *Onomastic Herald.* 2016. No.1(31), pp.80-86 (in Kazakh)

Suraganova Z., Khabdulina M. Po sledam potomkov nebesnoi materi: ot mifa k semantike sakralnogo landshafta. *Stratum plus.* 2021. No.5, pp.99-110. https://doi.org/10.55086/sp21599110 (in Russian)

Tenishev E. *Gunnov iazyk. Iazyki mira. Tiurkskie iazyki.* Moscow. 1996. Pp.52-54 (in Russian)

Toporov V. Znak i tekst v prostranstve i vremeni. Publikatsiia M. Dynina i T. V. Tsivian. *Slavica Revalensia.* 2015. No.2, pp.139-167. https://doi.org/10.22601/SR.2015.02.07 (in Russian)

Tynyshpaev M. *Materialy k istorii kirgiz-kazakskogo naroda. T*ashkent: Vostochnoe otdelenie Kirgizskogo Gosudarstvennogo izdatelstva. 1925. 75 p. (in Russian)

Khabdulina M. Istoriia sozdaniia muzeia-zapovednika "Bozok". *Turkic Studies Journal.* 2022. Vol.4, no.2, pp. 116-129. http://doi.org/10.32523/2664-5157-2022-2-116-129 (in Russian)

Khabdulina M. Mekhanizm sakralizatsii landshafta i funktsii sakralnykh landshaftov v istoriko-arkheologicheskom kontekste. In: *The Sacred landscape of Saryarka*. Nur-Sultan-Rome. 2020. Pp.60-84 (in Russian)

Khabdulina M. Predislovie. In: The Bozok in the panorama of medieval cultures of Eurasia. *Materials of the International Field Seminar*. Astana. L. Gumilyov Eurasian National University. 2008. Pp.13-19 (in Russian)

Khabdulina M. Sakral'nyj kod drevnetjurkskogo gorodishha Bozok (Central'nyj Kazahstan). In: *Ancient Cultures of Mongolia, Southern Siberia, and Northern China.* Materialsof the XI International Scientific Conference. Abakan: IHMC RAS. 2021. Pp.230-236. http://doi.org/10.31600/978-5-907298-19-4.230-236 (in Russian)

Khabdulina M. Iu. Motov na gorodishche Bozok. *History and Archeology of Semirechye. Collection of Articles and Publications.* Issue 5. Almaty. 2017. Pp.14-16 (in Russian)

Khabdulina M., Orlova L. Nekotorye rezultaty issledovaniia gorodishcha Bozok*. Report on archaeological research under the State Program "Cultural Heritage" in 2009.* Almaty. 2010. Pp.160-163 (in Russian)

Usmanova E. Znakovyi kod k ponimaniiu muzeefikatsii gorodishcha Bozok. In: The Bozok in the panorama of medieval cultures of Eurasia. *Materials of the International Field Seminar.* Astana. L. Gumilyov Eurasian National University. 2008. Pp.98-100 (in Russian)

Yanushkevich A. *Dnevniki i pisma iz puteshestviia po kazakhskim stepiam*. Alma-Ata: "Kazakhstan". 1966. 268 p. (in Russian)

Information about authors

Zubaida K. Suraganova – Candidate of Historical Science, leading researcher worker, State Historical and Cultural Museum-Reserve "Bozok", Z01G6C5, Tauelsizdik Avenue, 54, Astana, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0001-9893-6461, suraganova_zk@mail.ru

Saule B. Burbaeva – Candidate of Pedagogical Science, leading researcher worker, State Historical and Cultural Museum-Reserve "Bozok", Z01G6C5, Tauelsizdik Avenue, 54, Astana, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0003-2131-9574, s_burbaeva@mail.ru

Kazhymurat Tolegenuly – Master of History, Chief Curator of the collection, State Historical and Cultural Museum-Reserve "Bozok", Z01G6C5, Tauelsizdik Avenue, 54, Astana, Kazakhstan, https://orcid.org/0009-0006-7406-6960, tkazhymurat@gmail.com

Авторлар туралы мәліметтер

Зубайда Кабиевна Сураганова – тарих ғылымдарының кандидаты, "Бозоқ" мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының бас ғылыми қызметкері, Z01G6C5, Тәуелсіздік даңғылы, 54, Астана, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0001-9893-6461, suraganova_zk@mail.ru

Бурбаева Сауле Букихановна – педагогика ғылымдарының кандидаты, "Бозоқ" мемлекеттік

тарихи-мәдени музей-қорығының бас ғылыми қызметкері, Z01G6C5, Тәуелсіздік даңғылы, 54, Астана, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0003-2131-9574, s_burbaeva@mail.ru
Қажымұрат Төлегенұлы – тарих магистрі, "Бозоқ" мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының бас қор сақтаушы, Z01G6C5, Тәуелсіздік даңғылы, 54, Астана, Қазақстан, https://orcid.org/0009-0006-7406-6960, tkazhymurat@gmail.com

Сведения об авторах

Зубайда Кабиевна Сураганова – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Государственного историко-культурного музея-заповедника "Бозок", Z01G6C5, проспект Тәуелсіздік, 54, Астана, Казахстан, https://orcid.org/0000-0001-9893-6461, suraganova_zk@mail.ru
Сауле Букихановна Бурбаева – кандидат педагогических наук, главный научный сотрудник Государственного историко-культурного музея-заповедника "Бозок", Z01G6C5, проспект Тәуелсіздік, 54, Астана, Казахстан, https://orcid.org/0000-0003-2131-9574, s_burbaeva@mail.ru
Кажымурат Толегенулы – магистр истории, главный хранитель фонда Государственного историко-культурного музея-заповедника "Бозок", Z01G6C5, проспект Тәуелсіздік, 54, Астана, Казахстан, https://orcid.org/0009-0006-7406-6960, tkazhymurat@gmail.com

Authors contribution

Z.K. Suraganova developed the overall structure and key concepts of the article, defined its aims and objectives, participated in the interpretation of archival materials, and conducted a historiographical analysis of studies devoted to the Bozok settlement. Drawing on the theory of hierotopy, she carried out an analysis of the persistence of sacralization of the ancient Turkic site - Bozok settlement. She authored the main body of the article and formulated the conclusions and generalizations.
S.B. Burbayeva contributed to the collection of scholarly literature and the historiographical analysis of the research problem, participated in structuring the material, and prepared the bibliographic review.
T. Kazhymurat participated in the collection and analysis of archival documents and assisted in the preparation and formatting of the article.

Авторлардың үлесі

Сұраганова З.К. мақаланың жалпы жоспары мен негізгі идеяларын қалыптастырды, оның мақсаттары мен міндеттерін айқындады, архивтік материалдарды интерпретациялауға қатысты, Бозоқ қалашығын зерттеген ғалымдардың еңбектеріне тарихнамалық талдау жүргізді. Иеротопия теориясы негізінде ол көне түркі ескерткіші – Бозоқ қалашығының сакралдану үдерісінің орнықтылығына талдау жасады. Мақала мәтінінің негізгі бөлігін дайындап, қорытындылар мен тұжырымдарды қалыптастырды.
Бурбаева С.Б. әдебиеттерді жинауға және мәселенің тарихнамасын талдауға қатысты, материалды құрылымдауға өз үлесін қосты, библиографиялық шолуды дайындады.
Қажымұрат Т. архивтік құжаттарды жинау мен талдауға қатысты, мақаланы рәсімдеуге көмектесті.

Вклад авторов

Сураганова З.К. сформировала общий план и ключевые идеи статьи, определила ее цели и задачи, участвовала в интерпретации архивных материалов, провела историографический анализ трудов исследователей, изучавших городище Бозок. На основе теории иеротопии ею предпринят анализ устойчивости сакрализации древнетюркского памятника – городища Бозок.

Ею подготовлена основная часть текста статьи, сформулированы выводы и обобщения.
Бурбаева С.Б. участвовала в сборе литературы и анализе историографии проблемы, внесла свой вклад в структурирование материала, подготовила библиографический обзор.
Кажымурат Т. участвовал в сборе и анализе архивных документов, помог в оформлении статьи.

Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest. / ***Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.*** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / ***Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье
Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 14.03.2026
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 26.03.2026.
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.04.2026.

GUMILYOV JOURNAL OF HISTORY
ISSN: 3080-129X. eISSN: 3080-6860
WORLD HISTORY – ДУНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫ – ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ –

Научная статья / Research Article
МРНТИ 03.09.55

CC BY NC ND

https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-34-50

The Space Race between the USSR and the USA in the Soviet Press (1957-1963)

Yu. Veremeychik✉
Belarusian State University, Minsk, Belarus
✉*prostakova.y@mail.ru*

Abstract. This article examines the representation of the space race between the USSR and the USA in the Soviet press from 1957 to 1963. The study focuses not only on the factual coverage of events but also on the strategic approaches employed to shape public perceptions of the scientific and technological rivalry between the two superpowers. The primary objective is to identify the key directions of propaganda, to assess the role of print media in reinforcing national identity and the international prestige of the Soviet Union, and to demonstrate how the theme of space was transformed into an instrument of ideological struggle within the broader context of the Cold War. The methodological framework of the research is based on the principles of historicism and objectivity, complemented by content analysis, which enables the systematization of press materials and the identification of recurring motifs and stylistic features. The findings reveal that the Soviet press actively constructed a heroic image of cosmonauts and engineers, presenting them as symbols of scientific progress and patriotic virtue. Achievements in Soviet space exploration were consistently portrayed as evidence of the technical and moral superiority of the socialist system, with each new step in space exploration depicted as a collective triumph of the nation. By contrast, American initiatives were covered predominantly in an ironic or critical manner. Failures, delays, and contradictions in the U.S. program were emphasized, serving as a means of internal mobilization and reinforcing confidence in the legitimacy of the Soviet path. In this way, space was represented not only as a domain of scientific discovery but also as a symbolic arena of ideological rivalry, with the USSR positioned as the leader of global science and technology and the USA depicted as a competitor whose efforts were frequently cast in a negative light. Particular attention is paid to the political motivation underlying propaganda: space achievements were utilized both to consolidate the regime domestically and to project power internationally. The Soviet press adapted its communicative strategies to the rapidly changing international environment, transforming the space theme into a universal instrument for shaping mass consciousness. In conclusion, the study demonstrates that during 1957–1963, the Soviet press fulfilled a complex informational and propagandistic function, constructing a positive image of the USSR as a leading space power and fostering collective identity. The space race became a central element of the ideological agenda, exerting a lasting influence on the development of Soviet scientific and propagandistic culture and on the international image of the country.

Keywords: USA; USSR; Cold War; space race; periodical press; propaganda; satellite; space; Moon

For citation: Veremeychik Yu. The Space Race between the USSR and the USA in the Soviet Press (1957-1963). *Gumilyov Journal of History.* 2026. Vol.155, no.2, pp.34-50. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-34-50

©Yu. Veremeychik, 2026

КСРО мен АҚШ арасындағы ғарыштық жарыс кеңестік баспасөз беттерінде (1957-1963 жж.)

Ю. Веремейчик

Беларусь мемлекеттік университеті, Минск, Беларусь

Аңдатпа. Бұл зерттеу 1957–1963 жылдар аралығында кеңестік баспасөзде бейнеленген КСРО мен АҚШ арасындағы ғарыштық жарыстың образын талдауға арналған. Негізгі назар тек оқиғалардың фактологиялық баяндалуына ғана емес, сонымен қатар екі держава арасындағы ғылыми-техникалық бәсекелестікті қоғамдық қабылдауды қалыптастырудағы стратегиялық тәсілдерге аударылады. Автордың мақсаты – насихаттың негізгі бағыттарын анықтау, баспасөздің ұлттық бірегейлікті нығайтудағы және Кеңес Одағының халықаралық беделін арттырудағы рөлін бағалау, сондай-ақ ғарыш тақырыбының "қырғи-қабақ соғыс" жағдайында идеологиялық күрестің құралына қалай айналғанын көрсету. Зерттеудің әдіснамалық негізі тарихилық және объективтілік қағидаттарына сүйенеді, сондай-ақ контент-талдау әдісі қолданылады, бұл баспасөз материалдарын жүйелеуге және тұрақты мотивтер мен стилистикалық ерекшеліктерді айқындауға мүмкіндік береді. Талдау нәтижелері кеңестік баспасөздің ғарышкерлер мен инженерлердің қаһармандық бейнесін белсенді түрде қалыптастырғанын көрсетеді, олар ғылыми прогресс пен отаншылдықтың символдары ретінде ұсынылды. Кеңес космонавтикасының жетістіктері социалистік жүйенің техникалық және моральдық артықшылығының дәлелі ретінде сипатталды, ал ғарышты игерудегі әрбір жаңа қадам бүкіл халықтың жеңісі ретінде көрсетілді. Сонымен қатар, американдық бастамалар көбінесе ироniялық немесе сыншыл тұрғыда жарияланды. АҚШ бағдарламасындағы сәтсіздіктер, кідірістер мен қайшылықтар ерекше атап көрсетіліп, бұл ішкі жұмылдырудың және кеңестік жолдың дұрыстығына сенімділікті нығайтудың құралына айналды. Осылайша, ғарыш тек ғылыми жаңалықтардың саласы ғана емес, сонымен бірге идеологиялық бәсекелестіктің символдық кеңістігі ретінде бейнеленді. Мұнда КСРО әлемдік ғылым мен техниканың көшбасшысы ретінде көрсетілсе, АҚШ жиі теріс қырынан сипатталған қарсылас ретінде ұсынылды. Насихаттың саяси уәждемесі ерекше маңызға ие болды: ғарыштағы жетістіктер ел ішінде режимді нығайтуға және сыртқы аренада күшті көрсетуге пайдаланылды. Кеңестік баспасөз халықаралық жағдайдың өзгерістеріне бейімделіп, ғарыш тақырыбын қоғамдық сананы қалыптастырудың әмбебап құралына айналдырды. Қорытындысында, зерттеу 1957-1963 жылдары кеңестік баспасөздің кешенді ақпараттық-насихаттық функция атқарғанын, КСРО-ны ғарыштағы жетекші держава ретінде оң бейнеде көрсеткенін және ұжымдық бірегейлікті қалыптастырғанын дәлелдейді. Ғарыштық жарыс идеологиялық күн тәртібінің маңызды элементіне айналып, кеңестік ғылыми-насихаттық мәдениеттің дамуына және елдің халықаралық имиджіне ұзақ мерзімді ықпал етті.

Түйін сөздер: АҚШ; КСРО; қырғи-қабақ соғыс; ғарыштық жарыс; мерзімді баспасөз; насихат; спутник; ғарыш; ай

Космическая гонка между СССР и США на страницах советской печати (1957-1963 гг.)

Ю. Веремейчик
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу образа космической гонки между СССР и США, отражённого в советской печати в период с 1957 по 1963 гг. В центре внимания находится не только фактологическое освещение событий, но и стратегические подходы к формированию общественного восприятия научно-технического противостояния двух сверхдержав. Автор ставит целью выявить ключевые направления пропаганды, определить роль печатных СМИ в укреплении национальной идентичности и международного престижа Советского Союза, а также показать, каким образом космическая тематика превращалась в инструмент идеологической борьбы в условиях "холодной войны". Методологическая основа исследования включает принципы историзма и объективности, а также использование контент-анализа, что позволяет систематизировать материалы прессы и выявить устойчивые мотивы и стилистические особенности. Анализ показывает, что советская печать активно конструировала героический образ космонавтов и инженеров, представляя их как символы научного прогресса и патриотического достоинства. Достижения советской космонавтики преподносились как доказательство технического и морального превосходства социалистической системы, а каждый новый шаг в освоении космоса – как победа всего народа. В то же время американские инициативы освещались преимущественно в ироничном или критическом ключе. Подчёркивались неудачи, задержки и противоречия в американской программе, что служило средством внутренней мобилизации и укрепления уверенности в правильности советского пути. Таким образом, космос становился ареной не только научных открытий, но и символическим пространством идеологического соперничества, где СССР выступал как лидер мировой науки и техники, а США – как соперник, чьи усилия зачастую изображались в негативном свете. Особое значение имела политическая мотивация пропаганды: космические успехи использовались для укрепления режима внутри страны и демонстрации силы вовне. Советская печать адаптировала коммуникативные средства к изменяющейся международной ситуации, превращая космическую тему в универсальный инструмент формирования массового сознания. В итоге авторское исследование подтверждает, что в 1957-1963 гг. советская печать выполняла комплексную информационно-пропагандистскую функцию, создавая позитивный образ СССР как ведущей державы в космосе и формируя коллективную идентичность. Космическая гонка стала важнейшим элементом идеологической повестки, оказав долговременное влияние на развитие советской научно-пропагандистской культуры и международный имидж страны.

Ключевые слова: США; СССР; холодная война; космическая гонка; периодическая печать; пропаганда; спутник; космос; луна

Для цитирования: Веремейчик Ю. Космическая гонка между СССР и США на страницах советской печати (1957-1963 гг.). *Gumilyov Journal of History.* 2026. Т.155, no.2, с.34-50. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-34-50

Введение

С начала запуска первого советского искусственного спутника Земли в 1957 г. советская пресса активно следила за всеми достижениями в космосе. Космическая гонка занимала одну из ключевых позиций в холодной войне. Актуальность темы обусловлена тем, что в условиях международной конкуренции по данному вопросу советская периодическая печать играла ключевую роль в формировании определенных нарративов о зарубежных и отечественных научных достижениях. В условиях современного информационного пространства изучение аспектов советской пропаганды в сфере космических достижений способствует не только более детальному изучению взаимоотношений двух государств, но и развитию теоретических подходов к анализу современного влияния масс-медиа на массовое сознание.

В статье внимание сосредоточено на анализе материала на тему космической гонки в таких советских изданиях, как "Правда", "Известия", "Труд", "Советская Белоруссия", "Крокодил". Центральные периодические издания транслировали официальную государственную точку зрения по всем вопросам, изучение республиканских изданий позволяет расширить и дополнить представление об основных этапах космической гонки между двумя странами, на своих страницах они освещали достижения как советской, так и американской космонавтики.

Целью исследования является выявление особенностей использования советской прессы для формирования представлений об американских успехах в области космической индустрии. Для достижения поставленной цели необходим анализ материалов советских периодических изданий на тему космоса, чтобы определить методы и стратегии пропаганды по данному вопросу.

Материалы и методы

В исследовании используются различные периодические издания, отражающие представления и дискурс о космосе в советской прессе. В качестве центральных источников выступают широко распространённые в СССР газеты: "Правда", "Известия" и "Труд", а также республиканские издания, такие как "Советская Белоруссия" и юмористический журнал "Крокодил". Каждый из этих источников позволяет проследить разные аспекты формирования образа космоса и отражения международной конкуренции с США.

В основу методологии исследования положены принципы историзма и объективности, что позволило проследить развитие образа космической гонки в советской прессе в контексте социально-политических и идеологических процессов с 1957 по 1963 гг. Принцип историзма обеспечивал анализ эволюции тематического освещения космической гонки на фоне общих событий советской и мировой истории, а опора на принцип объективности сводила к минимуму субъективные оценки, что особенно важно при исследовании пропаганды и идеологического воздействия СМИ. Для формирования точных и обоснованных выводов использовались исторические источники: материалы центральных советских газет и журналов.

Историко-генетический метод был использован для прослеживания развития пропаганды и темы космической гонки в советской печати с 1957 по 1963 гг. Он позволил выявить основные этапы и смену акцентов в преподнесении информации, а также оценить степень влияния международных событий на внутреннюю информационную

повестку. Сравнительно-хронологический метод позволил сравнить динамику освещения темы космической гонки в течение указанных лет, выявить тенденции и изменения в тональности и содержании материалов, что дало возможность определить, как менялся образ США в советской прессе, а также оценить степень вклада темы в формирование общественного мнения.

Данная методология обеспечивает системный подход, полноту и критический анализ материалов, что позволяет не только выявить основные тенденции в освещении космической гонки, но и понять, каким образом формировался образ США в контексте международного соперничества.

Обзор литературы

В советской историографии содержится значительное количество исследований, освещающих взаимоотношения Советского Союза со странами Запада. Однако объективное и всестороннее изучение образа США и его отображение в рамках космической гонки осложнялось существовавшими идеологическими конфликтами между странами. Советские исследователи в своих работах делали акцент на изучение освоения космоса советской стороной, умалчивая о достижениях американцев. На современном этапе развития русскоязычной исторической науки наблюдается увеличение интереса к исследованию концепций "образа друга" и "образа врага", что способствует расширению методологических подходов и повышению разнообразия изучения советско-западных отношений. Это, в свою очередь, обусловлено возможностью отхода от ранее господствовавших идеологических рамок и более свободным доступом к архивным источникам, что позволяет осуществлять более критический и комплексный анализ исторических процессов.

В рамках своего исследования И.Н. Лопаткин затронул вопрос формирования образа США в период "оттепели", уделяя внимание аспектам отображения космического противостояния между СССР и США в советской печатной прессе (Лопаткин 2023). В дополнение к данной тематике М. Казюкевич расширил анализ, включив рассмотрение образов космоса в документальных фильмах СССР и США, что позволило более полно охватить визуальные и медиаконтексты, отражающие идеологические позиции обеих сторон (Казючиц 2023). Теме освоения космического пространства уделяли внимание научные исследования В. Батченко. На основе анализа архивных материалов она осуществила комплексное исследование процесса развития космической программы Советского Союза, выявляя ключевые этапы, стратегические подходы и институциональные механизмы, лежащие в основе становления советской космической деятельности (Батченко 2024).

Результаты

Космическая гонка началась с 1957 г. и продолжается по сегодняшний день. Предметом изучения в данной статье станет материал периодических изданий, посвященный борьбе за космическое пространство в течение начального периода. Исходя из этого, в рамках работы были рассмотрены основные исторические этапы, в том числе запуск первых спутников Земли, осуществление первых пилотируемых полетов, заключение первых договоренностей по сотрудничеству в освоении космического пространства.

Запуск в космос искусственного спутника Земли

Советская периодическая печать 5 октября 1957 г. публикует сообщение ТАСС, в котором подробно описываются результаты работы научно-исследовательского института. Именно в таком виде печать рассказывает о запуске первого искусственного спутника Земли. В статье подробно описывается внешний вид и преимущества аппарата, его координаты, указывается точное время, когда спутник пройдет над Москвой. Делается акцент на то, что социалистическое общество делает реальностью мечты человечества. В данном выпуске фиксируется лишь одно сообщение ТАСС об этом событии, но уже начиная со следующего номера и на протяжении нескольких дней, тема запуска искусственного спутника Земли занимает ключевую позицию на страницах изданий (Сообщение 1957:1).

В статье "Сбылась мечта поколений" автор анализирует историческое и научное значение произошедшего события, называя его символом прогресса и триумфом человеческой мысли. Подчеркивается, что запуск спутника не только свидетельствует о технических возможностях советской науки, но и служит началом межпланетных исследований. Помимо этого, автор акцентирует внимание на значимость события для международного признания советской научной школы (Сбылась мечта 1957:1). Статья, смысл которой очень схож с описанной выше, выходила на страницах газеты "Правда", в её выводах автор добавляет: "Многие зарубежные ученые и органы печати подчеркивают, что советские ученые в мирном соревновании победили США» (Триумф 1957:1). Заголовки пестрили: "Самые дерзновенные мечты человечества становятся реальностью", "Русские выиграли соревнование", "Славная страница истории". Все эти статьи гордились достижением Советского Союза, подчеркивалось первенство в этой "космической гонке". В статьях подчеркивается приятная взволнованность советскими достижениями, западное общество переполняла радость от важного в истории события (Париж взволнован 1957:3).

В первые дни полёта искусственного спутника Земли, периодическая печать фиксировала его движение, с точным временем его прохождения над городами не только Советского Союза, но и зарубежных стран: "За его полетом наблюдает большое количество научных станций, астрономов и радиолюбителей" (О движении 1957:1). Печать публикует фотоснимок английских ученых, которые во время пресс-конференции в Королевском Обществе обмениваются мнениями по поводу движения спутника вокруг Земли. Под фото говорится о том, что английская общественность с интересом следит за движением спутника (Великая дата 1957:4). Как сообщают советские представители, находившиеся на тот момент в США, простые американцы называют советский спутник "Маленькой луной": "тысячи американцев поздравляют советский народ с победой и просят рассказать подробности о "советской луне" (Карев 1957:1)

Сразу после запуска советского спутника в Вашингтоне прошла международная конференция по вопросам применения ракет и искусственных спутников Земли для изучения верхней атмосферы. Основными участниками встречи стали ученые из СССР, США, Великобритании и Франции. В своем докладе советские ученые поделились с коллегами результатами своих исследований, что вызвало интерес всех участников конференции. Также во время обсуждений научных достижений американские ученые отметили, что "запуск Советским Союзом искусственного спутника Земли это крупнейший вклад в мировую науку" (Карев 1957:3). В материале, посвящённому отклику зарубежных стран, фиксировалось мнение иностранных политических и культурных деятелей. Так, например, почетный председатель коммунистической партии США У. Фостер подчеркивал, что советские ученые далеко обогнали ученых Англии и США, а запуск Советского спутника

"свидетельство превосходства социалистической системы над капиталистической" (Заявление 1957:3).

Относительно запуска американского спутника советская пресса проявляла более сдержанный информационный отклик. В республиканских газетах данное событие освещалось в виде кратких сводок, заимствованных из более авторитетных источников (Запуск 1958:3). В то же время центральные периодические издания уделяли этому событию больше внимания, публикуя сообщения о запуске и поздравления советских ученых в адрес американцев. В статье академик Л. Седов проинформировал советских читателей об особенностях американского космического аппарата. Учёный отметил, что его яркость была недостаточна для наблюдения невооружённым глазом, в отличие от советского спутника. В числе преимуществ американского аппарата было выделено его примерно в шесть раз меньший вес по сравнению с советским, однако меньший объём установленного оборудования ограничивал возможности для проведения ряда важных научных исследований, необходимых для дальнейшего развития космических полётов. В заключение статьи автор выразил удовлетворение достижениями американской науки и высказал надежду на скорое сотрудничество советских и американских учёных с целью более эффективного изучения космического пространства (Спутники 1958:2).

В советской печати публиковались мнения американских специалистов по данному вопросу, в которых подчеркивалась ключевая роль Советского Союза в начале освоения космического пространства. Отмечалось, что именно достижения советских учёных создали предпосылки для успешного запуска американского искусственного спутника (Запуск 1958:2). На пресс-конференции американских ученых, немецкий ученый В. Браун отметил, что "США потребуется 5 лет, чтобы догнать Советский Союз в области ракет и спутников" (Пресс-конференция 1958:3). Следовательно, советская пресса признавала значимость запуска искусственного спутника Земли для американской космонавтики, однако в освещении этого факта акцент преимущественно делался на превосходстве и достижениях советской науки.

До начала пилотируемых космических полётов для изучения биологических эффектов орбитальных и суборбитальных полётов на живые организмы в космическое пространство запускались животные. Как сообщала советская печать, Полёты животных проводились с целью оценки возможности выживания будущих космонавтов после космического полёта, а также для изучения влияния полёта на их здоровье. Первым живым организмом, который Советский Союз отправил в космическое пространство была собака по кличке Лайка. Советская печать сообщила об этом 3 ноября 1958 г. Советский Союз произвёл запуск второго искусственного спутника Земли с целью исследования верхних слоев атмосферы, а также изучению физических процессов и условий жизни в космическом пространстве. В сообщении ТАСС отмечалось, что на борту космического аппарата находился герметичный контейнер с подопытным животным – собакой (Сообщение 1957:1). Из выпуска газеты "Известия" становится известна кличка первого животного в космосе Лайка (Движение 1957:1). На протяжении недели в печати выходили подробные обзоры исследования полета "Спутника-2".

На 7-й день в газете вышла статья, подводящая итог исследования: "Получены ценные медико-биологические данные об условиях существования живых организмов при длительных космических полетах, материалы об интенсивности солнечного излучения в коротковолновой ультрафиолетовой и рентгеновской областях спектра, о космических лучах, о распространении радиоволн, данные о температурах, давлениях и другие" (О наблюдении 1957:1).

В материале, посвящённом отклику западного общества на запуск второго искусственного спутника Советским Союзом, выражалось всеобщее удивление и восхищение столь стремительным развитием советского исследования космического пространства. Это событие американские ученые называли "новым захватывающим триумфом коммунизма" (Великое значение 1957:1).

Отметим, что советские газеты не отразили, что "Спутник–2" не имел спускаемый аппарат, возврат не планировался, совершив несколько витков вокруг Земли животное погибло от перегрева. Первый орбитальный полет с животными на борту, по завершению которого животные благополучно вернулись на Землю, совершил искусственный спутник Земли "Спутник–5". Запуск произошел советскими учеными 19 августа 1960 г., а первыми вернувшимися на землю животными стали две собаки Белка и Стрелка. Помимо подробного отчета полёта спутника, советские издания публиковали визуальный материал: фотографии, рисунки, карикатуры знаменитых "космических собак". С подписью "Вот они "пассажиры" космического корабля" на страницах газеты "Правда" были опубликованы фотографии животных (Жихаренко 1960:6).

В периодическом издании "Труд" вместе с отчетом о полете опубликован рисунок: советские ученые смотрят трансляцию по телевизору, на которой изображены Белка и Стрелка, они говорят ученым: "Чувствуем себя прекрасно! Продолжаем полет!" (Массина 1960:1). Иллюстрация телевизора была не случайна, для наблюдения за поведением животных на борту корабля-спутника была установлена радиотелевизионная система. В периодической печати встречаются иллюстрации с юмористическим изображением животных. Так, в одном из выпусков ранее упомянутой газеты представлен рисунок, на котором на заднем плане изображены люди, пожимающие лапы собакам, стоящим на пьедестале. На переднем плане два человека ведут беседу, отмечая, что у этих собак безупречные манеры, что объясняется тем, что они "вращались в высших сферах" (Черников 1960:1). Можно сказать, что за "космическими собаками" закрепляется добрый, практически мультипликационный образ.

Советская пропаганда активно использовала данное научное достижение для того, чтобы еще раз высмеять своего противника в "космической гонке". Так на пример, на карикатуре "Перед приземлением" изображены люди с острыми чертами лица, лишним весом в американской форме, которые, сидя на крыше небоскреба, всматриваются через бинокль на луну. Около неё пролетает космический корабль с Белкой и Стрелкой. Стрелка произносит: "Посмотри, Белка, там, кажется кто-то воет на Луну". Помимо высмеивания самих американцев, на данной карикатуре в шуточной форме изображены американские искусственные спутники Земли, на которых написано "Спутник-шпион" (Самойлова 1960:1). Это ироничное замечание отсылало к том, что параллельно с важным событием в "космической гонке", в Москве проходил суд над американским шпионом. Эти два события в советской печати не единожды использовались как возможность сравнить две системы: советскую и капиталистическую. В данном сравнении Советский Союз превозносили как страну возможностей, процветания развивающейся науки и развивающейся науки на благо общего будущего человечества. США и её сторонники, наоборот, преподносились как "враги человечества", которые делают все возможное, чтобы помешать людям развиваться.

В следующем 1961 г. уже американские ученые отправили космический аппарат с шимпанзе Хэм, это был первый осуществленный американцами суборбитальный полёт животного, которое вернулось на землю живым. О данном событии практически

отсутствует какая-либо информация на страницах советской печати, в республиканских газетах и вовсе оно не упоминается. Центральная периодическая печать ограничилась кратким отчетом (Ракета 1961:4). Это безусловно позволяет сделать вывод о том, что советская печать не считала данное событие важным в освоении космического пространства.

Пилотируемые полеты в космос

Следующим важным этапом в "космической гонке" стало отправление человека в космос. Об активной подготовке к данному событию советская печать начала говорить более активно после благополучного приземления Белки и Стрелки. Газеты писали: "Запуск и возвращение на Землю космического корабля-спутника, созданного гением советских ученых, инженеров, техников и рабочих, является предвестником полета человека в межпланетное пространство" (Сообщение 1960:1). Эта идея также закреплялась в визуальных источниках информации, так журнал "Крокодил", по случаю приземления Белки и Стрелки, опубликовал на своих страницах рисунок. На нем изображена преемственность животных, которые выходят из космического аппарата и космонавта, идущего на борт (Лисогорский 1960:3).

Говоря о подготовке отправки человека в космос, нельзя не упомянуть запуск советского "Спутника-6". Советский СМИ освещали данное событие, подробно описав особенности полета. Сообщалось, что на борту космического аппарата находятся животные, в том числе собаки "Пчелка" и "Мушка", насекомые и растения, однако в периодическая печать умолчала, что на борту "Спутника" находились ампулы с культурой ткани человека HeLa. Исследование показало, что человеческие клетки нормально функционируют в условиях космоса (Ляпун 2019:151-157). Советская печать лишь отметила: "Полученные сведения дали новые данные для осуществления в недалеком будущем полета в космос человека" (О наблюдении 1957:1).

Первый полет человека в космическое пространство произошел 12 апреля 1961 г. На советском космическом корабле "Восток-1" Ю.А. Гагарин совершил первый орбитальный полет. Советские издания активно использовали заголовки для привлечения внимания к событию и подчеркивания его исторического значения: "Сказка стала былью", "Разум человека победил", "Важнейшее событие", "Это имя войдет в историю", "Знамя первенства", "Мир рукоплещет невиданному подвигу Советского Союза". Газеты располагают обширным количеством материала о данном событии. Это событие стало не только технологическим прорывом, но и важнейшим идеологическим инструментом в советской пропаганде. Советская печать широко освещала полёт, формируя образ СССР как передовой и прогрессивной державы. В статье "Урок русского языка" использовались метафоры "Человек обретает крылья", "океан вселенной": все это придаёт событию эпичный характер. Публикация повествует, что весть о полете первого человека в космос застала рассказчика на уроке русского языка в университете Латинской Америке. В статье описываются детали момента, что создает эффект присутствие читателя и позволяет ему прожить этот радостный момент вместе с героями статьи. Через описание реакции студентов разных национальностей подчёркивается универсальность и глобальное значение полёта (Сергеев 1961:3). Вместе с этим публикуются фотоснимки граждан Советского Союза, празднующие важное событие. На протяжении нескольких недель первый полет человека в космос остается главной новостной темой в советской печати. Публикуются материалы о личной жизни Ю.А. Гагарина: биография, фотографии из домашнего архива (Страницы 1961:4). Печать уделяла внимание описанию важности

полета, особенностям подготовки космонавтов и внутреннего устройства космического корабля, использовались визуальные источники (Первый полет 1961:3).

В своем интервью журналистам Ю.А. Гагарин отметил: "Мы читали о том, что к полетам в космос готовится и американский летчик. Мы рады будем приветствовать их успех, но им придется догнать нас, а мы постараемся по-прежнему быть первыми" (Рассказывает 1961:3). Сопоставление советских космических достижений с успехами западных стран находило своё выражение в карикатурах и народном творчестве, публиковавшихся в советской печати. Например, в газете "Правда" была размещена карикатура, изображающая Ю.А. Гагарина, летящего на ракете "Восток" над фигурами в военной форме, напоминающей нацистскую, с повязками, украшенными долларовым знаком, а их носы стилизованы под бомбы. Подпись под изображением гласила: "Советую заняться мирными делами и смотреть дальше собственного носа" (Кукрыниксы 1961:5). Следовательно, западные державы изображались как государства, сосредоточенные на военных конфликтах и эксплуатации, в то время как СССР стремится к миру и прогрессу. Отставание технологий западных стран отметил журнал "Крокодил" в своих "космических частушках": "Слышит мир победный рапорт и читает между строк: не восток глядит на запад, смотрит Запад на "Восток" (Константинов 1961:5).

В связи с этим, мы можем отметить, что первый полёт человека в космос в советской печати был представлен не только как научно-технический успех, но и как важнейший идеологический символ. Советские газеты использовали это событие для укрепления национального самосознания, демонстрации превосходства социалистической системы.

Меньше, чем через месяц 5 мая 1961 г. состоялся полёт первого американского космонавта А. Шепарда, этому событию советская печать уделила внимание в небольшой новостной сводке на последней странице издания (Запуск 1961:6). Полет А. Шепарда представлялся как менее значимое достижение по сравнению с полетом Ю.А. Гагарина. В материале, посвященном американскому достижению, прослеживается сравнительный акцент повествования, американский полет представлялся как часть военной программы и гонки вооружений, а не шаг к мировому освоению космоса. В свою очередь полет советского человека в космос определялся важным вкладом в науку (Американец 1961:6). Полёт А. Шепарда представлялся как значимое достижение американской программы "Меркурий", но при этом подчёркивается, что он был суборбитальным, с меньшей продолжительностью (15 мин.) и меньшей скоростью входа в атмосферу (около 8 тыс. км/ч), что значительно уступает орбитальному полёту Ю. А. Гагарина (108 мин., около 40 тыс. км пройденного пути, скорость входа в атмосферу более чем в три раза выше) (Советский Союз 1961:4).

Особое внимание советская пресса уделяла техническим характеристикам ракет и систем управления: ракета "Редстоун" названа усовершенствованной версией немецкой "ФАУ-2", что подчёркивает технологическую преемственность и уровень развития американской техники. В то же время советская многоступенчатая ракета, обеспечившая запуск "Востока", описывается как более мощная, надёжная и точная, с акцентом на высокое качество систем управления и автоматизации. Отмечалось, что оба полёта дали ценные данные о влиянии невесомости на организм человека, но советский полёт позволил провести длительное пребывание в состоянии невесомости, что подчёркивало более глубокий уровень научно-медицинских исследований в СССР (Шаг 1961:6). Хотя в статьях и признавались успехи американской космонавтики, одновременно с этим делался акцент на превосходство советской техники и науки. Запад представлялся как конкурент,

который добился значительных, но всё же менее масштабных и менее совершенных результатов. Такой подход способствует формированию у советских читателей образа Запада как технологически развитого, но уступающего СССР в ключевых областях.

В начале 1960-х годов наблюдалось активное развитие исследований космического пространства. Советский Союз занимал лидирующие позиции в этой области, осуществив ряд успешных пилотируемых космических полётов. В августе 1962 г. на корабле "Восток-3" и "Восток-4" А. Николаев и П. Попович совершили первый в мире групповой космический полёт. Он стал важным этапом освоения космоса Советским Союзом. А уже в июне 1963 г. произошел первый полет женщины В. Терешковой в космос, что являлось символом прогресса и гендерного равенства в советском обществе.

Советским СМИ активно освещали данные события, представляя их как выдающиеся достижения социалистической системы. Данные события использовались советской пропагандой для подтверждения первенства советской науки над Западом. В газетных материалах подчеркивался призыв к освоению космоса ради развития мирных технологий, отказа от использования военных опытов. Одной из главный проблем отставания Америки как раз называлось её нежелание финансировать изучение космоса в мирных целях (Одни радуются 1962:3). По случаю полета "Востока-3" и "Востока-4" в газете "Известия" была опубликована карикатура, на которой величественно в небе представлены фигуры советских космонавтов, внизу изображён американский военный, вместо лошади у него дубинка, в руках компас. Под изображением было опубликовано стихотворение: "На распутье встал ездок: как в пули определиться? Даже компас не помог! – Неужели в глазах двоиться! Запад где? Кругом Восток!" (Фомичева 1962:3).

Полет В. Терешковой в новостной повестке использовался как сравнения положения женщин в советском и в капиталистическом обществе. Печать отмечала преимущества жизни советских женщин: "Женщина у нас – и министр, и академик, и писатель". Подчеркивалось, что в управлении советским государством женщин больше, чем "во всех государствах капиталистического мира, вместе взятых" (Праздник 1963:3).

Лунная программа

Вместе с полетом человека в космос, важной частью космической гонки являлась программа по изучению и освоению Луны. Советская печать регулярно публиковала сведения об успешно проделанных исследованиях благодаря запуску автоматических межпланетных станций "Луна-1" в январе 1959 г. и "Луна-2" в сентябре того же года. Эти аппараты стали первыми в истории, достигшими Луны и её окрестностей, что широко освещалось в советских СМИ. Газета "Известия" публиковала общие сведения о Луне, которые удалось получить благодаря советской станции "Луна-1", для большего понимания масштабов лунной поверхности делалось сравнение с Землей (Что мы знаем 1959:4).

Вместе с результатами исследований публиковались многочисленные отзывы других государств. С заголовками: "Победа исторического значения", "Весь мир с восхищением следит за полетом советской космической ракеты", "Мир рукоплещет новой победе советской науки и техники". Печать отражала гордость за научные открытия Советского Союза в космическом пространстве, вместе с тем данный материал использовался для сравнения социалистической и капиталистической системы (Весь мир 1959:5).

В 1958 г. американской стороной было сделано несколько попыток запустить аппарат для исследования, в конечном счёте они оказались провальными. Советские СМИ не комментировали данное событие в момент запуска, однако в материалах, описывающих

советские исследования Луны, был отмечен этот момент. В отзывах иностранной печати говорилось о том, что Советский Союз изобрел систему управления ракетой, которая превосходила по качеству систему, использованную американцами. Автор статьи называет этот факт главной причиной по которой США не достигли луны в 1959 г.

В статье подчеркивалось: успех советской космонавтики показывали, что США значительно отстает в изучении космоса еще с запуска первого искусственного спутника Земли в 1957 г. (Коммунизм 1961:5). В печати также публикуются как отечественные, так и зарубежные карикатуры, продолжающие тему возвышения достижений Советского Союза на фоне неудач США. В периодическом издании "Труд" была опубликована карикатура из финской газеты "Ууси Суоми", изображающая влюбленную пару, любующуюся Луной, рядом с которой пролетает советская ракета. В то же время молодого человека задерживает полиция, на что он отвечает: "Я не коммунист, я имел в виду только Луну, когда сказал: Она делает людей счастливыми" (Американская рапсодия 1959:4). В центре сюжета карикатуры издания "Известия" стали испуганные лунным затмением военные из штаба НАТО. Они испуганно смотрели в распахнутое окно, где советская ракета загораживала луну. С помощью визуальных материалов, советская пропаганда подчеркивала первенство Советского Союза в освоении космоса и что даже быть первыми на Луне, американцам "не светило" (Лунное затмение 1959:3).

Сотрудничество в освоении космоса

Период 1955-1963 годов характеризовался активным развитием космических программ СССР и США, а также попытками установить диалог и сотрудничество в области освоения космоса. Несмотря на значительные политические и идеологические барьеры, обе страны проявляли интерес к обмену информацией и координации действий, что заложило основу для последующих международных договоров и совместных проектов в космосе. Впервые попытка урегулирования отношений по освоению космического пространства была поднята на заседании ООН в 1958 г. Советский Союз выступил с инициативой заключения договора о запрете использования изучения космоса в военных целях. Данная идея не была в полной мере поддержана американской стороной, как утверждает советская печать, главной причиной этого стало: "прекращение в настоящее время использования космического пространства в военных целях невыгодно для Запада" (США мешают 1958:5).

Однако, уже через год стороны пришли к урегулированию вопроса использования космоса исключительно в мирных целях. На заседании ООН в декабре 1959 г. была подписана резолюция по созданию комитета из 24 государств для изучения практических мер международного сотрудничества, организации взаимного обмена и распространения сведений по исследованию космического пространства. Советская печать озаглавила статью, посвященную данному событию как "Космос – для мирных дел", а в статье подчеркнула исключительную важность Советского Союза в подписании данного соглашения. Была отмечена готовность к сотрудничеству и обеспечению доступа к имеющимся советскими научными данными о космическом пространстве (Важная договоренность 1959:5).

Интерес к международному сотрудничеству по вопросам освоения космоса прослеживался в речах глав государств. Так в период предвыборной кампании Д. Кеннеди в своей речи, которая была опубликована в советской печати, предложил Советскому Союзу: "давайте вместе изучать звезды, покорять пустыни, осваивать глубины океана" (Кеннеди вступает 1961:4). Однако в исследуемый период для обсуждения вопросов освоения космоса представители СССР и США собрались лишь однажды, в июне 1962 г. в Женеве. Как сообщает

советская печать, ходе переговоров стороны обсудили планы постепенного увеличения обмена информацией, полученной с помощью метеорологических искусственных спутников Земли, имея в виду в конечном счете производить согласованные запуски таких спутников (Встреча 1962:2). Анализ материалов прессы свидетельствует о том, что рассматриваемое событие не вызывало значительного общественного резонанса и не становилось предметом пристального внимания журналистов. Напротив, в печатных изданиях акцентировалось внимание на военных аспектах использования космического пространства американской стороной. Это наглядно иллюстрируется карикатурами того времени, в одной из которых изображена военная база с американской ракетой, готовящейся к запуску, а на переднем плане изображен активист с плакатом, призывающим к прекращению ядерных испытаний в космосе, которого преследуют полицейские, обвиняющие его в противоправных действиях (Американская ракета 1962:3).

Утверждение о том, что Советский Союз выступал за мирное освоение космоса, в то время как американская сторона отвергала эту концепцию, было подкреплено событиями июля 1962 г. В период проведения Всемирного конгресса по вопросам мирного использования космического пространства и разоружения в советских СМИ публиковались материалы, освещавшие проведение США ядерных испытаний в космосе. Статья об этом вышла под заголовком "Преступление американских атомщиков", в ней автор отметил противоправные действия американских военных, в результате которых могли быть катастрофические для всего населения Земли (Преступление 1962:1).

Советская печать в своих карикатурах противопоставляла СССР и США, используя выразительные аллегории: советская сторона символизировалась рукой добродетели, держащей голубя мира, в то время как Америка изображалась в образе мужчины с резкими чертами лица и пышной фигурой, стоящего на ядерном грибовидном облаке, напоминающем долларовый знак (Ефремов 1962:5). Журнал "Крокодил" сравнил США с лисой, которая, стоя у трибуны со знаком доллара, выступает с заявлением о том, что "США за использование космоса в мирных целях", однако её хвост превращается в ядерный взрыв. Автор подписал свою работу как: "Хитра лиса, да хвост выдает" (Хитрый лис 1962:16).

Данный материал ярко отражал негативную позицию советской прессы по отношению к действиям американской стороны в контексте космической гонки. Ранее образ США в советских публикациях формировался как образ сильного и достойного соперника, чьи достижения признавались и уважались, хотя и оценивались как менее значимые по сравнению с советскими успехами. Однако после рассматриваемого инцидента тональность освещения изменилась: советская пресса стала акцентировать внимание на полной конфронтации между двумя державами, подчёркивая резко негативное отношение к политике и действиям США в космической сфере.

Заключение

В ходе исследования установлено, что советская печать в указанном периоде выполняла комплексную информационно-пропагандистскую функцию, служащую формированию образа СССР как ведущего научно-технического и идеологического превосходства в космической сфере. Основные стратегии включали активное освещение достижений советской космонавтики, создание героического образа советских космонавтов, а также использование ярких визуальных материалов для подчеркивания научного

прогресса и патриотического достоинства. В то же время, на страницах советской прессы присутствовал систематический анализ и критическое освещение американских космических программ, зачастую с иронией и искажением их роли, что способствовало укреплению национальной идентичности и идеологической мобилизации.

В условиях информационной борьбы в период "холодной войны" советская печать стала мощным инструментом формирования массового сознания, способствовала укреплению научно-технического престижа СССР и превозносила достижения страны как символы социалистического строительства и международного престижа. Важными аспектами являются также политическая мотивация пропаганды, направленная на внутреннее укрепление режима и внешнюю демонстрацию силы, а также адаптация коммуникативных средств к быстро меняющейся международной ситуации.

Таким образом, исследование подтверждает, что период 1957-1963 гг. был временем активной информационной войны, в которой советская печать не только освещала события космической гонки, но и активно формировала национальный дискурс и идеологическую повестку, что оказало длительное влияние на развитие советской научно-пропагандистской культуры и международный имидж СССР в эпоху холодной войны.

Acknowledgements

I express my gratitude to the editorial board and scientific reviewers for their scientific support of the article.

Алғыс білдіру

Мақаланы ғылыми сүйемелдеуде редакцияға және ғылыми рецензенттерге алғысымды білдіремін

Благодарности

Выражаю благодарность редакции и научным рецензентам в научном сопровождении статьи.

Список литературы

Американец на пороге космоса. *Правда.* 1961. No.127, с 6.

Американская ракета готова взлететь. *Правда.* 1962. No.160, с.3.

Американская рапсодия. *Труд.* 1959. No.15. С.4.

Батченко В. *Советская космическая история: контексты, источники, жанры.* Москва – Санкт-Петербург: Институт российской истории РАН. Центр гуманитарных инициатив. 2024. 286 с.

Важная договоренность. *Известия.* 1959. No.294, с.5.

Великая дата истории. *Труд.* 1957. No.241, с.4.

Великое значение для человечества. *Правда.* 1957. No.306, с.3.

Весь мир с восхищением следит да полетом советской космической ракеты. *Известия.* 1959. No.3, с.5.

Встреча ученых. *Известия.* 1962. No.136, с.2.

Движение второго искусственного спутника Земля. *Известия.* 1957. No.263, с.1.

Ефремов Б. Позор провокаторам!. *Известия.* 1962. No. 163, с. 5.

Жихаренко В. Вот они, "пассажиры" второго космического корабля Белка и Стрелка. *Правда.* 1960. No.233, с.6.

Запуск американцами спутника Земли. *Правда.* 1958. No.33, с.2.

Запуск в США ракеты с человеком. *Известия.* 1961. No.108, с.6.
Запуск искусственного спутника в США. *Советская Белоруссия*. 1958. No.35, с.3.
Заявление Уильяма Фостера. *Известия*. 1957. No.242, с.3.
Казючиц М. Идеология и космос в документальных фильмах СССР и США периода холодной войны. *Вестник РГГУ. Серия "Литературоведение. Языкознание. Культурология*". 2023. No.7, ч.2, с.218-233.
Карев Н. "Маленькая луна" и американцы. *Известия.* 1957. No.240, с.1.
Карев Н. Советская наука служит миру и прогрессу всего человечества. *Известия.* 1957. No.242, с.3.
Кеннеди вступает на пост президента. *Труд.* 1961. No.18, с.4.
Коммунизм преуспевает, Запад терпит поражения. *Правда.* 1959. No.8, с.5.
Константинов В., Рацер Б. Космические частушки. *Крокодил*. 1961. No.12, с.5.
Кукрыниксы. Гагарин – атомщикам. *Правда.* 1961. No. 104, с. 5.
Лисогорский Н. На советском космодроме. *Крокодил.* 1960. No.24, с.3.
Лопаткин И.Н., Хисамутдинова Р.Р. Реконструкция культурного развития США в материалах советской прессы периода "оттепели". *Вестник РУДН. Серия "История России".* 2023. Т.22. No.2, с.275-288.
Лунное затмение в штабе НАТО. *Известия*. 1959. No.4, с.3.
Ляпун И.Н., Андрюков Б.Г., Бынина М.П. Культура клеток HeLa: бессмертное наследие Генриетты Лакс. *Молекулярная генетика, микробиология и вирусология*. 2019. No.37, с.151-157.
Массина И. Чувствуем себя прекрасно! Продолжаем полет!. *Труд. 1*960. No.197, с.1.
О движении искусственного спутника Земли. *Известия.* 1957. No. 239, с. 1.
О наблюдении искусственных спутников Земли. *Известия.* 1957. No.267, с.1.
Одни радуются, другие завидуют. *Известия.* 1962. No.191, с.3.
Париж взволнован. *Правда*. 1957. No.279, с.3.
Первый полет человека в космическое пространство. *Правда.* 1961. No.118, с.3.
Праздник у советской женщины. *Известия.* 1963. No. 144, с. 3.
Пресс-конференция американских ученых. *Правда.* 1958. No.34, с.3.
Преступление американских атомщиков. *Известия*. 1962. No.161, с.1.
Ракета с обезьяной. *Правда*. 1961. No.33, с.4.
Рассказывает Юрий Гагарин. *Правда*. 1961. No.104, с.3.
Самойлова Л. Перед приземлением. *Труд*. 1960. No.198, с.1.
Сбылась мечта поколений. *Известия*. 1957. No.238, с.1.
Сергеев С. Урок Русского языка. *Известия*. 1961. No.88, с.3.
Советский Союз – пионер в освоении космоса. *Правда*. 1961. No.128, с.4.
Сообщение ТАСС. *Правда*. 1957. No.278, с.1.
Сообщение ТАСС. *Правда*. 1957. No.308, с.1.
Сообщение ТАСС. *Правда*. 1960. No.234, с.1.
Спутники должны служить делу мира!. *Правда*. 1958 No.33, с.2.
Страницы биографии. *Известия*. 1961. No.89, с.4.
США мешают ООН выполнять ее долг. *Известия*. 1958. No.297, с.5.
Триумф советской науки и техники. *Правда*. 1957. No.279, с.1.
Фомичева В. На распутье встал ездок. *Известия*. 1962. No.191, с.3.
Хитрый лис, да хвост выдает. *Крокодил.* 1962. No.19, с.16.
Черников В. Отличные манеры у этих собачек!. *Труд*. 1960. No.200, с.1.
Что мы знаем о Луне. *Известия*. 1959. No.2, с.4
Шаг в космос. *Известия*. 1961. No.110, с.6.

References

Amerikanets na poroge kosmosa. *Pravda newspaper*. 1961. No.127, p.6. (in Russian)

Amerikanskaia raketa gotova vzletet. *Pravda newspaper*. 1962. No.160, p.3. (in Russian)

Amerikanskaia rapsodiia. *Trud newspaper*. 1959. No.15, p.4. (in Russian)

Batchenko V. Sovetskaia kosmicheskaia istoriia: konteksty, istochniki, zhanry. Moskva – Sankt-Peterburg: *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. Center for Humanitarian Initiatives*. 2024. 286 p. (in Russian)

Vazhnaia dogovorennost. *Izvestia newspaper*. 1959. No.294, p.5. (in Russian)

Velikaia data istorii. *Trud newspaper.* 1957. No.241, p.4. (in Russian)

Velikoe znachenie dlia chelovechestva. *Pravda newspaper*. 1957. No. 306, p.3. (in Russian)

Ves mir s voskhishcheniem sledit da poletom sovetskoi kosmicheskoi rakety. *Izvestia newspaper.* 1959. No.3, p.5. (in Russian)

Vstrecha uchenykh. *Izvestia newspaper*. 1962. No.136, p.2. (in Russian)

Efremov B. Pozor provokatoram!. *Izvestia newspaper.* 1962. No.163, p.5. (in Russian)

Zhikharenno V. Vot oni, "passazhiry" vtorogo kosmicheskogo korablia Belka i Strelka. *Pravda newspaper*. 1960. No.233, p.6. (in Russian)

Zapusk amerikantsami sputnika Zemli. *Pravda newspaper.* 1958 No.33, p.2. (in Russian)

Zapusk v USA rakety s chelovekom. *Izvestia newspaper.* 1961. No.108, p.6. (in Russian)

Zapusk iskusstvennogo sputnika v USA. *Sovetskaia Belorussiia*. 1958. No.35, p.3. (in Russian)

Zaiavlenie Uiliama Fostera. *Izvestia newspaper.* 1957. No.242, p.3. (in Russian)

Kazyuchits M. Ideologiia i kosmos v dokumentalnykh filmakh USSR i USA perioda kholodnoi voiny. RGGU Bulletin. *Series "Literary Studies. Linguistics. Culturology".* 2023. No.7, ch.2, p.218-233. (in Russian)

Karev N. "Malenkaia luna" i amerikantsy. *Izvestia newspaper.* 1957. No.240, p.1. (in Russian)

Karev N. Sovetskaia nauka sluzhit miru i progressu vsego chelovechestva. *Izvestia newspaper.* 1957. No.242, p.3. (in Russian)

Kennedi vstupaet na post prezidenta. *Trud newspaper.* 1961. No.18, p.4. (in Russian)

Kommunizm preuspevaet, Zapad terpit porazheniia. *Pravda newspaper*. 1959. No.8, p.5. (in Russian)

Konstantinov V., Ratser B. Kosmicheskie chastushki. *Krokodil magazine.* 1961. No.12, p.5. (in Russian)

Kukryniksy. Gagarin – atomshchikam. *Pravda newspaper*. 1961. No.104, p.5. (in Russian)

Lisogorskii N. Na sovetskom kosmodrome. *Krokodil magazine.* 1960. No.24, p.3. (in Russian)

Lopatkin I.N., Khisamutdinova R.R. Rekonstruktsiia kulturnogo razvitiia USA v materialakh sovetskoi pressy perioda "ottepeli". *RUDN University Bulletin. Series "History of Russia".* 2023. T. 22. No.2, p.275-288. (in Russian)

Lunnoe zatmenie v shtabe NATO*. Izvestia newspaper*. 1959. No.4, p.3. (in Russian)

Liapun I.N., Andriukov B.G., Bynina M.P. Kultura kletok HeLa: bessmertnoe nasledie Genrietty Laks. *Molecular genetics, microbiology and virology.* 2019. No.37, p.151-157. (in Russian)

Massina I. Chuvstvuem sebia prekrasno! Prodolzhaem polet!. *Trud newspaper.* 1960. No.197, p.1. (in Russian)

Dvizhenii vtorogo iskusstvennogo sputnika Zemlia. *Izvestia newspaper*. 1957. No.263, p.1. (in Russian)

Dvizhenii iskusstvennogo sputnika Zemli. *Izvestia newspaper*. 1957. No. 239, p.1. (in Russian)

Nabliudenii iskusstvennykh sputnikov Zemli. *Izvestia newspaper*. 1957. No.267, p.1. (in Russian)

Polete tretego sovetskogo korablia-sputnika. *Pravda newspaper.* 1960. No.338, p.1. (in Russian)

Odni raduiutsia, drugie zaviduiut. *Izvestia newspaper*. 1962. No.191, p.3. (in Russian)

Parizh vzvolnovan. *Pravda newspaper*. 1957. No.279, p.3. (in Russian)

Pervyi polet cheloveka v kosmicheskoe prostranstvo. *Pravda newspaper*. 1961. No.118, p.3. (in Russian)

Prazdnik u sovetskoi zhenshchiny. *Izvestia newspaper*. 1963. No.144, p.3. (in Russian)
Press-konferentsiia amerikanskikh uchenykh. *Pravda newspaper*. 1958. No.34, p.3. (in Russian)
Prestuplenie amerikanskikh atomshchikov. *Izvestia newspaper.* 1962. No.161, p.1. (in Russian)
Raketa s obezianoi. *Pravda newspaper.* 1961. No. 33, p.4. (in Russian)
Rasskazyvaet Iurii Gagarin. *Pravda newspaper*.1961. No.104, p.3. (in Russian)
Samoilova. L. Pered prizemleniem. *Trud newspaper*. 1960. No.198, p.1. (in Russian)
Sbylas mechta pokolenii. *Izvestia newspaper.* 1957. No.238, p.1. (in Russian)
Sergeev S. Urok Russkogo iazyka. *Izvestia newspaper.* 1961. No.88, p.3. (in Russian)
Sovetskii Soiuz –pioner v osvoenii kosmosa. *Pravda newspaper*. 1961. No.128, p.4. (in Russian)
Soobshchenie TASS. *Pravda newspaper*. 1957. No. 278, p.1. (in Russian)
Soobshchenie TASS. *Pravda newspaper.* 1957. No. 308, p.1. (in Russian)
Soobshchenie TASS. *Pravda newspaper.* 1960. No. 234, p.1. (in Russian)
Sputniki dolzhny sluzhit delu mira!. *Pravda newspaper*. 1958 No.33, p.2. (in Russian)
Stranitsy biografii. *Izvestia newspaper.* 1961. No. 89, p.4. (in Russian)
USA meshaiut UN vypolniat ee dolg. *Izvestia newspaper.* 1958. No.297, p.5. (in Russian)
Triumf sovetskoi nauki i tekhniki. *Pravda newspaper*. 1957. No.279, p.1. (in Russian)
Fomicheva V. Na raspute vstal ezdok. *Izvestia newspaper*. 1962. No.191, p.3. (in Russian)
Khitryi lis, da khvost vydaet. *Krokodil magazine*. 1962. No.19, p.16. (in Russian)
Chernikov V. Otlichnye manery u etikh sobachek!. *Trud newspaper*. 1960. No.200, p.1. (in Russian)
Chto my znaem o Lune. *Izvestia newspaper.* 1959. No.2, p. 4. (in Russian)
Shag v kosmos. *Izvestia newspaper.* 1961. No.110, p.6. (in Russian)

Information about authors

Yulia S. Veremeychik – postgraduate student, Faculty of History, Belarusian State University, 6 Krasnoarmeyskaya str., 220034, Minsk, Belarus, https://orcid.org/0000-0003-1967-1982, prostakova.y@mail.ru

Автор туралы мәлімет

Юлия Сергеевна Веремейчик – тарих факультетінің аспиранты, Беларусь мемлекеттік университеті, Красноармейская көшесі, 6, 220034, Минск, Беларусь https://orcid.org/0000-0003-1967-1982, prostakova.y@mail

Сведения об авторе

Юлия Сергеевна Веремейчик – аспирант исторического факультета, Белорусский государственный университет, ул. Красноармейская 6, 220034, Минск, Беларусь, https://orcid.org/0000-0003-1967-1982, prostakova.y@mail.ru

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье.

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 15.02.2026.
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами: 26.03.2026.
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.04.2026.

GUMILYOV JOURNAL OF HISTORY
ISSN: 3080-129X. eISSN: 3080-6860
WORLD HISTORY – ДУНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫ – ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ –

Научная статья / Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.20.00

https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-51-64

Assessing the Implementation of the Soviet Industrial Project of the 1930s in Contemporary Russian Historiography

G. Petachenko✉
Belarusian State University, Minsk, Belarus
✉*petakoff@yandex.ru*

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the evolution of scientific approaches in modern Russian historiography to the assessment of the implementation of the Soviet industrial project in the 1930s. The main vectors, methodological innovations, and substantive conclusions of modern Russian historical science in assessing the goals, mechanisms, course, and results of the Soviet industrial project in the 1930s are systematized. The article examines the methodological transition from the monistic Soviet paradigm to a pluralistic research model, which became possible after the collapse of the USSR and the opening of archival funds. The work highlights and describes in detail three key areas of research on the subject: assessments of industrialization, collectivization, and the history of everyday life in modern Russian historiography. Within each of these areas, the interpretations of economic mechanisms, social consequences, human dimensions, and long-term outcomes of forced industrialization are analyzed. Particular attention is given to controversial topics in contemporary historical scholarship, such as alternatives to the Stalinist model, the relationship between coercion and enthusiasm, and the connection between the industrial breakthrough and victory in the Great Patriotic War. A conclusion is drawn about the emergence of a dialectical approach in contemporary Russian historiography, one that recognizes the simultaneous achievement of macroeconomic results and high social costs. This allows us to view the Soviet industrial project as a deeply contradictory phenomenon. Russian historiography today demonstrates a mature, dialectical understanding of the Soviet industrial project of the 1930s. This period is no longer perceived solely as a "triumph" or "catastrophe," but is recognized as a deeply contradictory and multifaceted phenomenon. The main achievement lies in rejecting primitive, polarized assessments in favor of a multifaceted analysis that encompasses macroeconomic data and the geopolitical situation, as well as microhistorical details, social processes, and individual human destinies. Revolutionary technological advances contrast with archaic management approaches based on direct pressure and coercion unrelated to economic incentives. The creation of impressive industrial potential was accompanied by serious structural imbalances in the economy, where heavy industry expanded at the expense of the agricultural and consumer sectors. On the one hand, a society with expanded social prospects and growing prosperity was emerging. On the other hand, total control over citizens' lives, coupled with the erosion of traditional social ties, led to an uneven distribution of resources. The methodological basis of the study is a combination of analytical approaches based on the principles of historicism and objectivity, a combination of universal methods of analysis and synthesis, deductive and inductive approaches, as well as methods of bottom-up and top-down analysis, classification, and typification. The use of the historical-typological method, based on deductive-inductive logic, makes it possible to identify key patterns in the development

© G. Petachenko, 2026

of modern Russian historiography, formulate its chronological division, and propose a classification system for the main trends.
Keywords: industrialization; five-year plan; modernization; economy; USSR; historiography; society; labor; everyday life; Gulag; collectivization; project

For citation: Petachenko G. Assessing the Implementation of the Soviet Industrial Project of the 1930s in Contemporary Russian Historiography. *Gumilyov Journal of History.* 2026. Vol.155, no.2, pp.51-64. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-51-64

Қазіргі заманғы орыс тарихнамасында 1930 жылдардағы кеңестік өнеркәсіптік жобаның жүзеге асырылуын бағалау

Г. Петаченко

Беларусь мемлекеттік университеті, Минск, Беларусь

Аңдатпа. Бұл мақалада қазіргі орыс тарихнамасындағы 1930 жылдардағы кеңестік өнеркәсіптік жобаның жүзеге асырылуын бағалауға ғылыми көзқарастардың эволюциясы жан-жақты талданады. Онда қазіргі орыс тарихи ғылымының 1930 жылдардағы кеңестік өнеркәсіптік жобаның мақсаттарын, механизмдерін, ілгерілеуін және нәтижелерін бағалаудағы негізгі векторлары, әдіснамалық жаңалықтары және мазмұндық қорытындылары жүйеленеді. Онда КСРО ыдырағаннан және мұрағат қорлары ашылғаннан кейін қалыптасуы мүмкін болған монистік кеңестік парадигмадан плюралистік зерттеу моделіне әдіснамалық көшу қарастырылады. Мақалада осы мәселені зерттеудегі үш негізгі бағыт анықталып, егжей-тегжейлі сипатталған: индустрияландыруды, ұжымдастыруды және қазіргі орыс тарихнамасындағы күнделікті өмір тарихын бағалау. Осы бағыттардың әрқайсысының шеңберінде экономикалық механизмдердің, әлеуметтік салдардың, адами өлшемнің және мәжбүрлі индустрияландырудың ұзақ мерзімді нәтижелерінің түсіндірмелері талданады. Қазіргі тарихи ғылымдағы сталиндік модельге балама, мәжбүрлеу мен ынта арасындағы байланыс және өнеркәсіптік серпіліс пен Ұлы Отан соғысындағы жеңіс арасындағы байланыс сияқты даулы тақырыптарға ерекше назар аударылады. Қазіргі орыс тарихнамасында макроэкономикалық нәтижелерге бір мезгілде қол жеткізу мен елеулі әлеуметтік шығындарды мойындайтын диалектикалық тәсілдің пайда болуы туралы қорытынды жасалады. Бұл бізге кеңестік өнеркәсіптік жобаны терең қарама-қайшы құбылыс ретінде қарастыруға мүмкіндік береді. Бүгінгі таңда орыс тарихнамасы 1930 жылдардағы кеңестік өнеркәсіптік жобаны жетілген, диалектикалық түсінуді көрсетеді. Бұл кезең енді тек "жеңіс" немесе "апат" ретінде қабылданбайды, керісінше терең қарама-қайшы және көп қырлы құбылыс ретінде танылады. Негізгі жетістік макроэкономикалық деректер мен геосаяси жағдайды, сондай-ақ микротарихи мәліметтерді, әлеуметтік процестерді және жеке адамдардың тағдырларын қамтитын көп қырлы талдаудың пайдасына қарабайыр, поляризацияланған бағалаулардан бас тартуда жатыр. Революциялық технологиялық жетістіктер экономикалық ынталандырумен байланыссыз тікелей қысым мен мәжбүрлеуге негізделген архаикалық басқару тәсілдеріне қарама-қайшы келді. Әсерлі өнеркәсіптік әлеуеттің құрылуы экономикадағы күрделі құрылымдық теңгерімсіздіктермен қатар жүрді, онда ауыр өнеркәсіп ауыл шаруашылығы және тұтыну секторларының есебінен кеңейді. Бір жағынан, әлеуметтік перспективалары кеңейіп, өркендеуі артып келе жатқан қоғам пайда болды. Екінші жағынан, азаматтардың өмірін толық бақылау дәстүрлі әлеуметтік байланыстардың бұзылуымен бірге ресурстардың біркелкі бөлінбеуіне әкелді. Зерттеудің әдіснамалық негізі -

тарихшылдық пен объективтілік қағидаттарына негізделген аналитикалық тәсілдердің, талдау мен синтездің әмбебап әдістерінің, дедуктивті және индуктивті тәсілдердің, сондай-ақ төменнен жоғары және жоғарыдан төмен талдау, жіктеу және типтеу әдістерінің үйлесімі. Дедуктивті-индуктивті логикаға негізделген тарихи-типологиялық әдісті қолдану қазіргі заманғы орыс тарихнамасының дамуындағы негізгі заңдылықтарды анықтауға, оның хронологиялық бөлінуін тұжырымдауға және негізгі үрдістер үшін жіктеу жүйесін ұсынуға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: индустрияландыру; бесжылдық жоспар; жаңғырту; экономика; КСРО; тарихнама; қоғам; еңбек; күнделікті өмір; ГУЛАГ; ұжымдастыру; жоба

Оценка реализации советского индустриального проекта 1930-х гг. в современной российской историографии

Г. Петаченко

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ эволюции научных подходов в современной российской историографии к оценке реализации советского индустриального проекта 1930-х гг. Систематизированы основные векторы, методологические новации и содержательные выводы современной российской исторической науки в оценке целей, механизмов, хода и итогов советского индустриального проекта 1930-х гг. Рассматривается методологический переход от монистической советской парадигмы к плюралистической исследовательской модели, формирование которой стало возможным после распада СССР и открытия архивных фондов. В работе выделены и детально охарактеризованы три ключевых направления в изучении данной проблемы: оценки индустриализации, коллективизации и история повседневности в современной российской историографии. В рамках каждого из них проанализированы интерпретации экономических механизмов, социальных последствий, человеческого измерения и долгосрочных результатов форсированной индустриализации. Особое внимание уделено дискуссионным узлам современной исторической науки, таким как вопрос об альтернативах сталинской модели, соотношении принуждения и энтузиазма, а также о связи индустриального рывка с победой в Великой Отечественной войне. Делается вывод о формировании в современной российской историографии диалектического подхода, признающего одновременное достижение макроэкономических результатов и серьезные социальные издержки, что позволяет рассматривать советский индустриальный проект как глубоко противоречивый феномен, российская историография сегодня демонстрирует зрелое, диалектическое понимание советского индустриального проекта 1930-х гг. Этот период больше не воспринимается исключительно как "триумф" или "катастрофа", а признается глубоко противоречивым и многогранным явлением. Главное достижение заключается в отказе от примитивных, полярных оценок в пользу многоаспектного анализа, который охватывает как макроэкономические данные и геополитическую обстановку, так и микроисторические детали, социальные процессы и индивидуальные человеческие судьбы. Революционные технологические достижения контрастировали с архаичными управленческими подходами, основанными на прямом давлении и принуждении, не связанном с экономическими стимулами. Создание внушительного индустриального потенциала сопровождалось серьезными структурными перекосами в экономике, где тяжелая промышленность разрасталась в ущерб аграрному и потребительскому секторам. С одной стороны, формировалось общество с расширенными социальными перспективами и ростом благосостояния. С другой – тотальный

контроль над жизнью граждан, в сочетании с подрывом традиционных социальных связей, приводил к неравномерному распределению ресурсов. Методологическую основу исследования составляет совокупность аналитических подходов, основанных на принципах историзма и объективности, сочетание универсальных методов анализа и синтеза, дедуктивного и индуктивного подходов, а также методов восходящего и нисходящего анализа данных, классификации и типизации. Использование историко-типологического метода, опирающегося на дедуктивно-индуктивную логику, даёт возможность определить ключевые закономерности развития современной российской историографии, сформулировать её хронологическое разделение, а также предложить систему классификации основных течений.
Ключевые слова: индустриализация; пятилетка; модернизация; экономика; СССР; историография; общество; труд; повседневность; ГУЛАГ; коллективизация; проект

Для цитирования: Петаченко Г. Оценка реализации советского индустриального проекта 1930-х гг. в современной российской историографии. *Gumilyov Journal of History.* 2026. Т.155, no.2, с.51-64. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-51-64

Введение

Советский индустриальный проект 1930-х гг., реализованный в ходе первых трех пятилеток, представляет собой один из важных периодов советской истории XX века. Это была беспрецедентная по своим масштабам, темпам и методам попытка догоняющей модернизации, осуществляемая в рамках формирующейся командно-административной системы управления государством. Данный проект не только коренным образом изменил экономическую модель и социальный ландшафт СССР, но и оказал влияние на положение страны в системе международных отношений, став одним из факторов повысивших статус страны на международной арене.

Оценка этого проекта на протяжении последних трех десятилетий претерпела кардинальную трансформацию, отражающую изменения в подходах российской исторической науки в постсоветский период. В советской историографии доминировала героико-триумфаторская трактовка, акцентировавшая "великие стройки коммунизма" и преодоление экономической отсталости под руководством партии, тогда как в начале 1990-х гг. возобладал подход, часто сводившийся к отрицанию и критике итогов индустриализации, то в современной российской историографии преобладает стремление к сложному, многогранному синтезу. Этот синтез основывается на широком доступе к ранее секретным архивным материалам, методологическом плюрализме и отказе от идеологической ангажированности.

Материалы и методы

В качестве методологической основы статьи выбран диалектический подход, основанный на принципах объективности и историзма. Объективность подразумевает всестороннее изучение всех доступных исторических свидетельств и их беспристрастную интерпретацию, в то время как историзм предписывает оценивать объекты, процессы и события в контексте их появления и эволюции, обусловленных специфическими историческими обстоятельствами. При этом объективность диктует необходимость

избегать субъективных оценок научных исследований, выполненных в различных направлениях, историзм требует оценки исследовательских выводов исходя из степени их научной новизны. Достижение цели исследования стало возможным благодаря применению универсальных методов анализа и синтеза, дедуктивного и индуктивного подходов, а также методов восходящего и нисходящего анализа, классификации и типизации. Использование историко-типологического метода, опирающегося на дедуктивно-индуктивную логику, даёт возможность определить ключевые закономерности развития современной российской историографии, сформулировать её хронологическое разделение, а также предложить систему классификации основных течений.

Идентификация спорных вопросов изучения истории советского общества стала возможной благодаря историко-сравнительному анализу, который лёг в основу рассмотрения аргументов, лежащих в основе обсуждаемых теорий. В качестве объекта сравнения при анализе советской историографии выступали "официальные" и "альтернативные" (или отдельные элементы последних) взгляды на социально-экономические изменения в СССР в 1930-е гг. Подход исторического сопоставления был применен и к анализу современной историографии, представляющей собой концепции, разработанные на базе различных исторических и социологических теорий.

Изложение материала основано на проблемно-хронологическом принципе, который позволил не только выделить основные направления реализации советского индустриального проекта, но и проанализировать итоги их изучения на различных этапах развития современной российской историографии.

Литературный обзор

Цель данной статьи – систематизировать основные векторы, методологические новации и содержательные выводы современной российской исторической науки в оценке целей, механизмов, хода и итогов советского индустриального проекта 1930-х гг.

Современные исследования сфокусированы на нескольких ключевых дискуссиях: ведутся споры о возможности продолжения НЭПа как более сбалансированного и менее затратного пути модернизации, об оценке политики в области сельского хозяйства и анализе истории повседневности. Большинство исследователей сходится во мнении, что сталинский вариант не был исторически предопределен, а стал результатом острой внутриполитической борьбы и выбора в пользу мобилизационной модели. Дискуссия ведется вокруг вопроса о том, позволил бы НЭП обеспечить необходимые темпы роста и решить проблему обороноспособности в условиях нарастающей внешней угрозы.

Обсуждение и результаты

Оценки индустриализации в современной российской историографии. Представители "государственнического" (или "статистического") направления в современной российской историографии выступают с обоснованием необходимости форсированной индустриализации 1930-х гг., предлагая комплексный анализ сталинской эпохи, в котором форсированная индустриализация предстает как объективная и исторически оправданная необходимость для сохранения государственного суверенитета СССР. Причина формирования данного направления в историографии связана с реакцией на либеральную историографию 1990-х гг., которая, по их мнению, дискредитировала советский период истории.

По мнению Ю.Н. Жукова, индустриализацию необходимо рассматривать как инструмент внутриполитической борьбы и предлагает концепцию, смещающую фокус с личности И.В. Сталина на анализ внутриаппаратной борьбы. По его мнению, И.В. Сталин не был всесильным диктатором; его власть ограничивалась мощным слоем партийной номенклатуры ("аппаратной аристократии"), укрепившейся в регионах. Индустриализация и коллективизация в этой парадигме были не только экономическими мерами, но и инструментом централизации власти. Они направлены на подрыв влияния местных "удельных князей", сопротивлявшихся директивам центра (Жуков 2003).

Сторонники данного направления разделяют мнение о неизбежности форсированной индустриализации в СССР, полагая, что возникла необходимость в значительном повышении военно-экономического потенциала, основанного на развитии тяжелой промышленности. В оценке Е.Ю. Спицына у Советского Союза не было и не могло быть в тех конкретно-исторических условиях 50-100 лет для осуществления плавного, эволюционного перехода от аграрного общества к индустриальному. Весь вопрос стоял так: "Либо мы за 10–15 лет пробежим это расстояние, либо нас сомнут..." (Спицын 2015: 128).

Обобщающую оценку высказал А.С. Синявский, что завышенные планы играли мобилизующую роль, направляли к сверхнапряжению сил страны, что дало свои результаты, пусть и не все, на которые рассчитывали. И суть – не в формальном выполнении (или не полном выполнении) плановых заданий пятилеток, а в том, что они смогли мобилизовать страну на экономический рывок, на реальные достижения, воспринимавшиеся как советское "экономическое чудо", обеспечившие возможность выживания страны, особенно в контексте ее недалекого будущего – в противостоянии военному нашествию нацистской Европы (Сенявский 2020).

Представители модернизационного направления в современной российской историографии рассматривают итоги индустриализации с других позиций. Сторонники этого направления Л.И. Бородкин (Бородкин 2008), Г.И. Ханин (Ханин 2008) и др. рассматривают индустриализацию в контексте общемировых теорий догоняющего развития. Они акцентируют внимание на решении макроэкономических, структурных и стратегических задач, стоявших перед СССР как страной "догоняющего типа". Подчеркивается, что за короткие сроки экономическая модель СССР совершила переход от аграрного к индустриальному типу экономики. Удельный вес промышленности в ВВП страны кардинально вырос. Создавались новые для страны отрасли: авиационная, автомобильная, тракторостроительная, химическая, станкостроительная, производство качественных сталей и т.д.

Исследования Г.И. Ханина показывают, что принятый в конце 1920-х гг. курс на модернизацию экономики был обусловлен огромным экономическим, культурным и военным отставанием СССР от его классовых и геополитических конкурентов, и был призван продемонстрировать легитимность социалистической системы в глазах собственного населения и сторонников социализма в мире. Принятый вариант пятилетнего плана преследовал цель начать процесс преодоления этого отставания. Этим определялись его макроэкономические и отраслевые пропорции. В процессе выполнения плана выявилась его нереалистичность. Особенно пострадал уровень жизни населения. Однако, сталинское руководство, несмотря на неудачи и недовольство большей части населения, продолжало и даже усиливало принятые в пятилетнем плане приоритеты в первоочередном развитии тяжелой промышленности, военного сектора экономики и

ее обобществления. При этом оно сталкивалось с огромными трудностями, вызванными, наряду с собственными ошибками, катастрофическим положением с кадрами рабочих ИТР и руководителей. Ответом на кризис с производительностью труда и финансированием капитальных вложений явились коллективизация сельского хозяйства и ускоренная подготовка квалифицированных кадров рабочего происхождения, привлечение иностранной технической помощи людьми, проектами и оборудованием. В проведении своей экономической политики сталинское руководство продемонстрировало огромную настойчивость, несмотря на значительные материальные и человеческие потери. В анализируемом периоде она имела своим результатом преимущественно большую нагрузку действующих производственных мощностей, формирования финансовых ресурсов для капитального строительства, обеспечения его проектами и рабочей силой, формирования экспортного товарного фонда для оплаты импорта иностранного оборудования и научно-технического персонала и документации (Ханин 2022).

Безусловно, сверхиндустриализация потребовала напряжения всех сил советского народа и в социальном плане была очень тяжелой. По мнению Н.Р. Коровина особенностью советской индустриализации является то, что не только планирование народного хозяйства в годы первых пятилеток, но и выполнение пятилетних планов проходило на основе директивных указаний, определявших задачи, темпы, источники индустриальной модернизации. Но по существу выполнение планов было связано с достижением политических целей, ломкой всех общественных отношений, форм собственности. Ставилась задача укрепить таким образом командно-административную систему. Что и было сделано в результате сверхвысокой индустриализации. Вместо того чтобы сохранить достигнутое в годы нэпа, перешли на путь прямого администрирования в хозяйствовании. Это коснулось прежде всего составления пятилетних планов (Коровин 2008).

По мнению Э.Н. Соболева во второй половине 1920-х гг. страна оказалась перед выбором: или превратиться в сырьевой придаток мировой экономики, или совершить мучительнейший прорыв, взяв курс на форсированную индустриализацию. И то, и другое имело серьезные отрицательные последствия. Что в итоге решили сделать, известно. Также известна и цена этого выбора – погибшие в коллективизации и индустриализации; стагнация сельского хозяйства; серьезные диспропорции в народном хозяйстве, которые ощущаются до сих пор; замораживание на многие десятилетия примитивного жизненного уровня населения (Соболев 2014: 139).

В оценке М. Фельдмана индустриальный проект из инструмента государственной политики, первоначально ставившей приоритетом социальное благополучие советских граждан, превратился в самоцель. При этом целевая задача "в кратчайший исторический срок догнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран" решалась во многом на основе количественных показателей. В то же время социальная политика трансформировалась из основной составляющей государственной политики – во второстепенную, девальвировав само значение "социалистического" курса.

Принесение в жертву форсированной индустриализации сельского хозяйства, легкой промышленности, социальной сферы, привело к их деградации. Огромные инвестиции в закупку западного оборудования и технологий, не подкрепленные соответствующей кадровой политикой, нередко приводили к снижению эффективности производства: производительность труда падала, росла доля некачественной продукции (Фельдман 2021)

Важное значение отводится исследованию роли создания военно-промышленного комплекса (ВПК) в рамках советского индустриального проекта. В исследованиях М. Мееровича и Г. Ханина отмечается, что ВПК трактовалось советской идеологией как маховик технологического прогресса во всех остальных – "гражданских" сферах деятельности. Однако, на самом деле таковым вовсе не являлось. Развитие военной промышленности в СССР в период индустриализации осуществлялось не параллельно и не вслед за развитием гражданской промышленности, как это происходило во всех других странах, при осуществлении в них промышленной революции, технической перестройки гражданской промышленности и перехода на новый технологический уровень, а за счет невозвратного употребления ресурсов всей гражданской сферы. Не "помощь" народного хозяйства нуждам обороны с началом войны, а изначальное его подчинение военным задачам, лежало в основе программы индустриализации (Меерович 2014: 98).

Г.И. Ханин считает, что в промышленности необходимо выделить два сектора, которые развивались по совершенно различным траекториям: гражданский и военный. В преддверии войны и в условиях реальных, довольно крупных, военных конфликтов (особенно в Финляндии) военному сектору придавалось как никогда приоритетное значение. В этом секторе велись наиболее значительные строительные работы, он снабжается в первоочередном порядке материалами и оборудованием, рабочей силой. Для этого ускоренными темпами развивались отрасли, обеспечивающие военный сектор сырьем и материалами (цветная металлургия, качественные черные металлы, некоторые отрасли химической промышленности). Согласно официальным данным, военная продукция в 1940 году выросла по сравнению с 1937 годом в 2,44 раза, а ее доля в объеме чистой продукции промышленности в текущих ценах выросла с 10,4 % в 1937 году до 22,5 – в 1940 (Ханин 2008: 30).

Коллективизация и демографические процессы. Современная историография демонстрирует высокий уровень консенсуса в оценке коллективизации как глубочайшей социальной, гуманитарной и экономической катастрофы. Актуальный исследовательский подход фокусируется на демографических процессах и голоде 1930-х гг., как в общесоюзном, так и в региональном контексте. Исследователи стремятся к количественной верификации жертв голода, анализируя его воздействие на воспроизводство населения и миграционные потоки с применением различных методологий. В современной российской историографии определена полная география голода 1932–1933 гг., охватившего ключевые зерновые районы СССР: Украину, Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье, значительную часть Центрально-Черноземной области, Беларусь, Казахстан, Западную Сибирь, Южный Урал.

В настоящее время в русскоязычной историографии сформирована устоявшаяся общая оценка людских потерь, которые в Украине составили 3–3,5 млн чел. (Кульчицкий 2007), в Казахстане – около 2 млн чел. (Аблажей 2011, Козыбаев 1998), в РСФСР (без Казахстана и Киргизии) – не менее 2–2,5 млн чел. (Жиромская 2001, Кондрашин 2019). Однако, как отмечает В. Б. Жиромская, абсолютная точность оценок затруднена из-за нарушения механизма учета населения, массовых неучтенных миграций и репрессий. Массовые неучтенные миграции населения в основном крестьянства и репрессии усугубляли ситуацию (Жиромская 2012). Общие потери населения от голода 1932–1933 гг. в СССР, включая сверхсмертность, дефицит рождаемости, безвозвратную миграцию за пределы страны, насчитывали более 7 млн чел. Тем не менее, в современной российской историографии существует мнение о неполноте изучения демографических аспектов

голода, что "демография голода рассмотрена только в первом приближении и только на уровне крупных административно-территориальных единиц, а география голода имеет разночтения и до конца не прояснена. Детально не рассмотрен вопрос городской и порайонной рождаемости, смертности и естественной убыли населения, крайне политизирован и не до конца прояснен вопрос этнической компоненты голода" (Назаренко 2023: 47). Тем не менее, в современной российской историографии существует мнение о неполноте изучения демографических аспектов голода, неоднозначности этнической компоненты. Дискуссия ведется относительно степени прямой причинно-следственной связи между действиями руководства СССР и голодом, а также о том, был ли голод прямым намерением или системным следствием политики хлебозаготовок. При этом, несмотря на признание вины сталинского руководства, некоторые исследователи как В.В. Кондрашин, полагают, что "несмотря на очевидную вину сталинского руководства в трагедии 1932–1933 гг., его действия все же нельзя квалифицировать как "геноцид" – осознанное стремление уничтожить часть населения или народ с помощью голода" (Кондрашин 2019: 158). Дискуссия сегодня ведется не о масштабах, а о том, был ли голод прямым намерением ("голодомор" как геноцид) или чудовищным, но системным последствием политики хлебозаготовок, усугубленным неурожаем и нежеланием властей признать катастрофу. Большинство российских историков склоняются ко второй интерпретации, не снимая при этом ответственности с руководства страны.

Антропологический поворот и история повседневности. С конца 1990-х гг. в российской историографии, под влиянием западной советологии, набирает силу исследование истории повседневности в условиях реализации индустриального проекта в СССР в 1920-1930 х. гг. (Фицпатрик 2008). Этот подход радикально смещает фокус с макроэкономических показателей, решений первых лиц государства на заводы, бараки, коммунальные квартиры и жизнь обычных людей: рабочих, инженеров, крестьян-мигрантов. Изучаются их практики в условиях тотального дефицита, острейшего жилищного кризиса ("уплотнения", бараки, землянки) и нормированного снабжения (карточная система). Анализируется, как люди обходили предписания, использовали "блат", создавали неформальные сети взаимопомощи, занимались мелким частным производством или огородничеством для выживания. Это позволяет увидеть, что экономика 1930-х гг. была не только плановой, но и состояла из миллионов мелких неформальных сделок и отношений. По мнению исследователей, бинарная схема "энтузиазм/принуждение" признается недостаточной, отмечается сложное переплетение искренней веры в социалистические идеалы, карьеризма, страха, вынужденного приспособленчества и простого желания выжить. Это направление, сформировавшееся в 1990-е гг. и остающееся крайне влиятельным, фокусируется на анализе внутренних механизмов функционирования системы и ее социальных издержках. Его апологеты О.В. Хлевнюк, Е.А. Осокина, В.В. Кондрашин, Н.В. Телегина и др. доказывают, что высокая цена сталинской модернизации не была ни единственно возможной, ни оправданной, а ее механизмы порождали системные диспропорции и долгосрочные проблемы. Одна из них – экономика принуждения, в рамках которой детально изучена роль ГУЛАГа как крупнейшего хозяйственного агента, использовавшего бесплатный принудительный труд на самых тяжелых и опасных стройках (Беломорканал, БАМ, Норильск, Колыма). В исследованиях утверждается, что без этого ресурса многие проекты были бы неосуществимы в заявленные сроки, а их экономическая эффективность была крайне низкой (ГУЛАГ 2005). Отмечается, что репрессии, которым была подвергнута научно-техническая интеллигенция в СССР в конце

1920-х – 1930-е гг., носили спланированный, организованный характер и обусловливались сменой внутриполитических приоритетов руководства страны.

Свертывание нэпа и переход к форсированной индустриализации, осуществлявшейся методами внеэкономического принуждения, требовали от руководства страны подавления интеллигенции как той социальной силы, которая не только разделяла принципы нэпа, но и внесла весомый практический вклад в реализацию этой доктрины. На основе обширного документального материала, почерпнутого из рассекреченных архивных фондов, исследователи убедительно показывают, что ГУЛАГ остро нуждался в подневольных высококвалифицированных кадрах, поскольку в планах индустриализации карательному ведомству отводилась одна из ключевых ролей (Федотова 2020). Обобщающий характер носит суждение О.В. Хлевнюка: в советской плановой экономике, в идеале предполагавшей распределение ресурсов и средств между предприятиями из единого центра, на самом деле действовали квазирыночные корректирующие элементы, прежде всего ограниченные, и, как правило, нелегальные товарно-денежные отношения (Хлевнюк 2017: 75). Подчеркивается, что лагерная система стала неотъемлемой частью советской экономической модели 1930-х гг.

Критике подвергается экстенсивный характер роста, сопровождавшийся расточительством ресурсов, гигантоманией, хроническим дефицитом и низким качеством продукции в гражданских секторах. Гипертрофия тяжелой и военной промышленности (группа "А") происходила за счет стагнации аграрного сектора и легкой промышленности (группа "Б"), что породило долгосрочные структурные проблемы, дефицит потребительских товаров и низкий уровень жизни. В исследованиях Е.А. Осокиной продемонстрировано, каким образом распределительная система и тотальный дефицит формировали особые социальные практики выживания и привилегированные слои (Осокина 2008). Еще хуже обеспечивался в этот период (как и в предыдущие годы, после отмены нэпа) спрос населения на непродовольственные товары, при том, что их производство в 1935-1938 гг. заметно выросло. Дефицит даже простейших из них, в отличие от продовольственных товаров, стал постоянным явлением и в Москве. По мнению исследователей руководство страны не могло обеспечить всех и пыталось кормить индустриальный авангард, оставляя других на произвол судьбы (Осокина 2008: 19).

В рамках антропологического поворота анализируется роль большого террора 1937–1938 гг. как инструмента мобилизации и устранения возможных потенциальных "вредителей" и "саботажников", на которых можно было списать системные неудачи и просчеты планирования. Репрессии рассматриваются не как внешний по отношению к системе фактор, а как ее имманентная черта, инструмент управления и перераспределения ресурсов, в том числе и человеческих. Это направление утверждает, что советская модель индустриализации была не столько эффективной, сколько способной к тотальной концентрации всех доступных ресурсов (материальных, финансовых, человеческих) на ограниченном числе приоритетов, ценой деградации остальных сфер общественной жизни.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что современная российская историография пришла к зрелому, диалектическому пониманию советского индустриального проекта 1930-х гг. Он больше не рассматривается ни как однозначный "триумф", ни как

тотальная "катастрофа". Это был глубоко противоречивый, многогранный феномен, в котором переплелись следующие явления:

– серьезный технологический прорыв и архаические управленческие практики, основанные на прямом и внеэкономическом принуждении;

– создание мощного индустриального потенциала и глубокая структурная деформация экономики, выразившиеся в гипертрофии тяжелой промышленности за счет аграрного сектора и сектора потребительских товаров;

– формирование нового общества с расширенными возможностями для социального роста и повышением уровня жизни, с другой стороны – тотальный контроль над повседневной жизнью граждан, что, в сочетании с разрушением традиционных социальных структур, приводило к неравномерному распределению ресурсов.

Главным достижением современной российской историографии стал отказ от упрощенных, черно-белых оценок в пользу многомерного анализа, учитывающего как макроэкономические показатели и геополитический контекст, так и микроисторию, социальные процессы и индивидуальные человеческие судьбы.

Благодарности

Выражаю благодарность редакции и научным рецензентам в научном сопровождении статьи.

Acknowledgements

I express my gratitude to the editorial board and scientific reviewers for their scientific support of the article.

Алғыс білдіру

Мақаланы ғылыми сүйемелдеуде редакцияға және ғылыми рецензенттерге алғысымды білдіремін

Список литературы

Аблажей Н. Эмиграционные последствия голода начала 1930-х гг. для Казахстана. *История сталинизма: крестьянство и власть: материалы междунар. науч. конф.* Москва. 2011. С.198-205.

Бородкин Л. Моделирование социальной динамики крестьянства в годы нэпа: альтернативный ретропрогноз. *История и математика: концептуальное пространство и направление поиска.* Москва. 2008. С.99-122

ГУЛАГ: *Экономика принудительного труда.* Под ред. Л. Бородкина, П. Грегори, О. Хлевнюк. Москва: РОССПЭН. 2005. 320 с.

Жиромская В. *Демографическая история России в 1930-е гг.* Взгляд в неизвестное. Москва: РОССПЭН. 2001. 277 с.

Жиромская В. *Основные тенденции демократического развития России в XX в.* Москва: Кучково поле. 2012. 320 с.

Жуков Ю. Иной Сталин. *Политические реформы в СССР в 1933-1937 г.* Москва: Вагриус. 2003. 512 с.

Козыбаев М. Актуальные проблемы изучения Отечественной истории. *Материалы научной сессии ученых Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан*. Алматы. 1998. 230 с.

Кондрашин В. Методы и исследовательские практики политизации и фальсификации темы голода 1932-1933 гг. в СССР, на постсоветском пространстве и в современной западной историографии. *История современности: информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом: доклады Международной научно-практической конференции.* Москва: Изд-во РГГУ. 2019. С.232–241.

Коровин Н. Особенности индустриального развития России в 1930-е годы и их социальные последствия. *Вестник Ивановского государственного университета*. Серия *Гуманитарные науки. (История).* 2008. Вып.4, с.33-42.

Кульчицкий С. *Почему он нас уничтожал? Сталин и украинский Голодомор.* Под ред. Л. Ившина. Киев: Украинская пресс-группа. 2007. 207 с.

Меерович М. Тайные пружины советской индустриализации. *Журнал социально-гуманитарных исследований.* 2014. No.1, с.98–104.

Назаренко Н. Демографические процессы в Центральном Черноземье России в период голода 1932-1933 гг.: историография вопроса. *Вестник ЮУрГУ. Серия "Социально-гуманитарные науки".* 2023. Т.23, no.2, с.47-56.

Осокина Е. *За фасадом "сталинского изобилия": Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации*. 1927-1941. Москва: РОССПЭН. 2008. 377 с.

Сенявский А. Была ли альтернатива свертыванию новой экономической политики? *Вопросы теоретической экономики*. 2020. No.3, с.168-182.

Соболев Э. Кризис нэпа и выбор пути социально-экономического развития России. *Вестник Института экономики РАН.* 2014. No.1, с.130-139.

Спицын Е. *Полный курс истории России.* В 4-х тт. Т. 3. Книга 1. Москва. 2015. 448 с.

Федотова И. К вопросу об использовании принудительного труда научно-технической интеллигенции в СССР в конце 1920-х – 1930-е гг. *Интеллигенция и мир.* 2020. No.1, с.75-91.

Фельдман М. Могла ли экономика нэпа стать основой Индустриального проекта? *Всероссийский журнал ECO.* 2021. No.3, с.59-77.

Фицпатрик Ш. *Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город*. Москва: РОССПЭН. 2008. 336 с.

Ханин Г. Три варианта первого пятилетнего плана экономики СССР: от реализма к утопии. *Экономическая история.* 2022. С.52-71.

Ханин Г. *Экономическая история России в новейшее время.* Новосиб. гос. техн. ун-т. Новосибирск. 2008. 516 с.

Хлевнюк О. Сталинский период советской истории. Исторические тенденции и нерешенные проблемы. *Уральский исторический вестник.* 2017. No.3, с.71-80.

References

Ablazhey N. Emigratsionnye posledstviia goloda nachala 1930-kh gg. dlia Kazakhstana. *The History of Stalinism: The peasantry and power: proceedings of the International Scientific Conference*. Moscow. 2011. Pp.198-205. (in Russian)

Borodkin L.I. Modelirovanie sotsialnoi dinamiki krestianstva v gody nepa: alternativnyi retroprognoz. Istoriia i matematika: kontseptualnoe prostranstvo i napravlenie poiska. *History and mathematics: a conceptual space and a direction of search.* Moscow. 2008. Pp.99-122. (in Russian)

GULAG: *Ekonomika prinuditelnogo truda.* Edited by L. Borodkin, P. Gregory, O. Khlevnyuk. Moscow: ROSSPEN, 2005. 320 p. (in Russian)

Zhiromskaya V. *Demograficheskaia istoriia Rossii v 1930-e gg*. Vzgliad v neizvestnoe*.* Moscow: ROSSPEN. 2001. 277 p. (in Russian)

Zhiromskaya V. O*snovnye tendentsii demokraticheskogo razvitiia Rossii v XX v*. Moscow: Kuchkovo Field. 2012. 320 p. (in Russian)

Zhukov Yu. *Inoi Stalin. Politicheskie reformy v SSSR v 1933-1937 gg.* Moscow: Vagrius, 2003. 512 p. (in Russian)

Kozybaev M. Aktualnye problemy izucheniia Otechestvennoi istorii. *Materials of the Scientific session of scientists of the Ministry of Science – Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan.* Almaty. 1998. 230 p. (in Russian)

Kondrashin V. Metody i issledovatelskie praktiki politizatsii i falsifikatsii temy goloda 1932–1933 gg. v SSSR, na postsovetskom prostranstve i v sovremennoi zapadnoi istoriografii. T*he history of modernity: information resources, methods and research practices in Russia and abroad: reports of the International Scientific and Practical Conference.* Moscow: Publishing House of the Russian State University of Economics. 2019. Pp.232-241. (in Russian)

Korovin N. Osobennosti industrial`nogo razvitiya Rossii v 1930-e gody` i ix social`ny`e posledstviya. *Bulletin of the Ivanovo State University. The Humanities series*. (History). 2008. Is.4, pp.33-42. (in Russian)

Kulchitsky C. *Pochemu on nas unichtozhal? Stalin i ukrainskii Golodomor*. Pod red. L. Ivshina. Kyiv: Ukrainian Press Group. 2007. 207 p. (in Russian)

Meerovich M. Tainye pruzhiny sovetskoi industrializatsii. *Journal of Social and Humanitarian Studies.* 2014. No.1, pp.98-104. (in Russian)

Nazarenko N. Demograficheskie protsessy v Tsentralnom Chernozeme Rossii v period goloda 1932-1933 gg.: istoriografiia voprosa. *Bulletin of SUSU. The series "Social sciences and humanities"*. 2023. Vol.23, no.2, pp.47-56. (in Russian)

Osokina E. Za fasadom "stalinskogo izobiliia": *Raspredelenie i rynok v snabzhenii naseleniia v gody industrializatsii.* Moscow: ROSSPEN. 2008. 377 p. (in Russian)

Senyavsky A. Byla li alternativa svertyvaniiu novoi ekonomicheskoi politiki? *Questions of theoretical economics*. 2020. No.3, pp.168-182. (in Russian)

Sobolev E. Krizis nepa i vybor puti sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia Rossii. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2014. No.1, pp.130-139. (in Russian)

Spitsyn E. *Polny`j kurs istorii Rossii.* V 4-x tt. T. 3. Kniga 1. Moscow. 2015. 448 p. (in Russian)

Fedotova I. K voprosu ob ispolzovanii prinuditelnogo truda nauchno – tekhnicheskoi intelligentsii v SSSR v kontse 1920-kh – 1930-e gg. *The Intelligentsia and the World.* 2020. No.1, pp.75-91. (in Russian)

Feldman M. Mogla li ekonomika nepa stat osnovoi Industrialnogo proekta? *All-Russian journal ECO*. 2021. No.3, pp.59-77. (in Russian)

Fitzpatrick S. *Povsednevnyi stalinizm. Sotsialnaia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod.* Moscow: ROSSPEN. 2008. 336 p. (in Russian)

Khanin G.Tri varianta pervogo pyatiletnego plana e`konomiki SSSR: ot realizma k utopii. *Economic history.* 2022. pp.52-71. (in Russian)

Khanin G. *Ekonomicheskaia istoriia Rossii v noveishee vremia.* Novosibirsk State Technical University un-т. Novosibirsk. 2008. 516 p. (in Russian)

Khlevnyuk O. Stalinskij period sovetskoj istorii. Istoricheskie tendencii i nereshenny`e problemy`. *Ural Historical Bulletin*. 2017. No.3, pp.71-80. (in Russian)

Information about authors

Grigory A. Petachenko – Candidate of Historical Sciences, Doctoral Student, Department of Russian History, Faculty of History, Belarusian State University, Nezavisimosti ave., 4 220030; Associate Professor, Department of Information Technology and Social Sciences, Plekhanov Russian University of Economics (Minsk branch), 40 Radialnaya St., 220070. Minsk, Belarus, https://orcid.org/0009-0005-4343-1788, petakoff@yandex.ru

Автор туралы мәлімет

Григорий Алексеевич Петаченко – т.ғ.к., докторант, тарих факультетінің Ресей тарихы кафедрасы, Беларусь мемлекеттік университеті, Тәуелсіздік даңғылы, 4 220030, Минск, Беларусь; доцент, Ақпараттық технологиялар және әлеуметтік-гуманитарлық пәндер кафедрасы, Плеханов атындағы Ресей экономикалық университетінің Минск филиалы, Радиальная көшесі, 40, 220070, Минск, Беларусь, https://orcid.org/0009-0005-4343-1788, petakoff@yandex.ru

Сведения об авторе

Григорий Алексеевич Петаченко – канд.ист.наук, докторант кафедры истории России исторического факультета, Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4 220030; доцент кафедры информационных технологий и социально-гуманитарных дисциплин Российского экономического университета имени Плеханова (Минский филиал), 220070, ул. Радиальная 40. Минск, Беларусь, https://orcid.org/0009-0005-4343-1788, petakoff@yandex.ru

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье
Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 01.02.2026.
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 05.03.2026.
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.04.2026.

GUMILYOV JOURNAL OF HISTORY
ISSN: 3080-129X. eISSN: 3080-6860
WORLD HISTORY – ДУНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫ – ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ –

Research Article
IRSTI 67.07.03

CC BY NC ND

https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-65-77

The Ideas of Comfort in the Soviet Architectural Discourses of the 1920s-1930s

M. Shabasova[a] ✉, **V. Menkouski**[a]
[a]*Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus*
✉*shabasovamarina@gmail.com*

Abstract. The article examines the problem of improving housing conditions for Soviet citizens in the 1920s-1930s. The authors note that after the Bolsheviks came to power, immediate attempts were made to improve the living conditions of the working people. Initially, however, the authorities were forced to limit themselves to relocating workers into the apartments of the bourgeoisie. The emergence of communal apartments (kommunalki) led not so much to the improvement in the lives of the masses, but rather to the establishment of social justice in its Bolshevik understanding. The new government was only able to begin creating new housing stock after the end of the Civil War and the rollout of the New Economic Policy. The article examines plans for building garden-cities. Relocating workers from the overpopulated center to green cottage settlements could have improved the quality of life, but the implementation of this idea was a financially unfeasible task. The article presents designs for house-communes, through which it was intended to reshape the daily life of Soviet people, but which had little in common with the traditional idea of comfortable housing. The article addresses the influence of politics, economic priorities, and ideology on the development and implementation of housing projects for the working population. The authors conclude that in discussions about improving the living conditions of the masses, the issue of comfort was at best secondary. Architects were primarily concerned with how to economically address the housing shortage and design new types of dwellings that would contribute to Soviet ideals of social transformation based on collectivist principles. Central to architectural debates were questions of rationalizing the use of living space, hygiene, restructuring everyday life, and aligning housing with modern standards, including references to Western achievements in architecture. The article emphasizes that with the onset of industrialization, resources were directed toward the creation of heavy industry, while funding for housing construction was reduced to a minimum. The majority of Soviet citizens lived in cramped conditions in barracks, dormitories, and communal apartments, where the notion of comfort was not considered at all. Truly comfortable living conditions were reserved for the Soviet elites. The article demonstrates that in the case of "houses for officials" and foreign specialists, architects largely abandoned innovative ideas and designed projects that reflected notions of bourgeois prosperity. Housing for the elite was to be spacious, of reasonable layout, bright, well-ventilated, and finished with natural materials. It is indicative that Soviet architects included quarters where servants would live. Examples of Soviet comfortable housing include the Narkomfin Building, the House on the Embankment, and cottage developments in socialist cities and settlements.

Keywords: USSR; housing; Soviet architecture; garden city, communal house; socialist city; comfort; urbanization

For citation: Shabasova M., Menkouskia V. The Ideas of Comfort in the Soviet Architectural Discourses of the 1920s-1930s. *Gumilyov Journal of History.* 2026. Vol.155, no.2, pp.65-77. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-65-77

© M. Shabasova, V. Menkouskia, 2026

Комфортты құрастыру: 1920-1930 жж. кеңестік архитектуралық дискурстар

М. Шабасова[a], В. Меньковский[a]
[a]*Беларусь мемлекеттік университеті, Минск, Беларусь*

Аңдатпа. Мақалада 1920-1930 жылдары кеңес азаматтарының тұрғын үй жағдайын жақсарту мәселесі қарастырылады. Авторлар большевиктер билікке келгеннен кейін еңбекші халықтың тұрғын үй жағдайын жақсарту бағытында дереу әрекеттер жасалғанын атап өтеді. Алайда бастапқы кезеңде билік жұмысшыларды буржуазияның пәтерлеріне көшірумен шектелуге мәжбүр болды. Коммуналдық пәтерлердің пайда болуы халықтың тұрмысын жақсартудан гөрі әлеуметтік әділеттілікті большевиктік түсінікпен орнатуға бағытталды. Жаңа билік тұрғын үй қорын құруға тек Азамат соғысы аяқталып, ЖЭС басталғаннан кейін ғана кірісе алды. Мақалада "қалалар-бақтар" салу жоспарлары қарастырылады. Жұмысшыларды халық тығыз орналасқан орталықтан жасыл коттеджді қоныстарға көшіру қалалықтардың өмір сапасын шынымен жақсарта алар еді, бірақ бұл идеяны жүзеге асыру қаржылық тұрғыдан мүмкін емес еді. Мақалада кеңестік адамның тұрмысын қайта құруға бағытталған "үйлер-коммуналар" жобалары талданады, алайда олардың дәстүрлі қолайлы тұрғын үй ұғымымен аз байланысы болғаны көрсетіледі. Тұрғын үй құрылысы жобаларын әзірлеу мен жүзеге асыруда саясаттың, экономикалық басымдықтардың және идеологияның ықпалына ерекше назар аударылады. Авторлар халықтың тұрғын үй жағдайын жақсарту мәселесін талқылауда қолайлылық факторы ең жақсы жағдайда екінші кезекте тұрғанын атап өтеді. Архитекторларды тұрғын үй тапшылығын үнемді шешу және қоғамды коллективистік негізде қайта құруға ықпал ететін жаңа типтегі тұрғын үйді жасау көбірек назар аудартты. Архитектуралық дискурстардың орталығында тұрғын кеңістікті рационализациялау, гигиена, тұрмысты қайта ұйымдастыру, тұрғын үйдің заманауи стандарттарға сәйкестігі мәселелері тұрды, сонымен қатар Батыс архитектурасы мен дизайнының жетістіктеріне де назар аударылды. Индустрияландыру басталғаннан кейін барлық қаржы ауыр өнеркәсіпті дамытуға бағытталып, тұрғын үй құрылысына қаржы бөлінуі минимумға дейін қысқарды. Кеңес азаматтарының басым бөлігі ұзақ жылдар бойы барактарда, жатақханаларда, коммуналдық пәтерлерде тұрды, мұнда қолайлылық мәселесі мүлде қойылмады. Шын мәнінде қолайлы тұрғын үй жағдайлары кеңестік элита үшін ғана қарастырылды. "Басшыларға арналған үйлер" мен шетелдік мамандарға арналған жобаларда архитекторлар көбіне жаңашыл идеялардан бас тартып, буржуазиялық тұрмысқа тән кең, жарық, дұрыс жоспарланған, табиғи материалдармен әрленген үйлерді жобалады. Мұндай үйлерде қызметшілерге арналған бөлмелер де қарастырылды. Инфрақұрылым элементтері ретінде асханалар, кір жуатын орындар, балабақшалар болды. Кеңестік қолайлы тұрғын үй үлгілері ретінде Наркомфин үйі, Набережнаядағы үй, сондай-ақ соцқалалар мен соцқоныстардағы коттеджді құрылыстар қарастырылады.

Түйін сөздер: КСРО; тұрғын үй; кеңестік архитектура; қала-бақ; үй-коммуна; соцқала; қолайлылық; урбанизация

Сілтеме жасау үшін: Шабасова М., Меньковский В. Комфортты құрастыру: 1920-1930 жж. кеңестік архитектуралық дискурстар. *Gumilyov Journal of History.* 2026. Т. 155, no.2, с.65-77. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-65-77

Конструирование комфорта: советские архитектурные дискурсы 1920-х-1930-х гг.

М. Шабасова[a], В. Меньковский[a]

[a]*Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь*

Аннотация. В статье исследуется проблема улучшения жилищных условий советских граждан в 1920-е-1930-е гг. Авторы отмечают, что после прихода большевиков к власти были немедленно предприняты попытки улучшения жилищных условий трудящихся. Однако первоначально власти были вынуждены ограничиться переселением рабочих в квартиры буржуазии. Появление коммуналок привело не столько к улучшению жизни народных масс, сколько к установлению социальной справедливости в ее большевистском понимании. К созданию жилого фонда новая власть смогла приступить только по мере окончания Гражданской войны и развертывания НЭПа. Рассматриваются планы строительства городов-садов. Переселение рабочих из перенаселенного центра в зеленые коттеджные поселки действительно могло улучшить качество жизни горожан, однако реализация этой идеи представляла собой финансово невыполнимую задачу. В статье представлены проекты домов-коммун, посредством которых предполагалось перестроить быт советского человека, но которые имели мало общего с традиционным представлением об удобном жилье. Уделяется внимание влиянию политики, экономических приоритетов и идеологии на разработку и реализацию проектов по строительству жилья для трудящихся. Авторы приходят к выводу, что при обсуждении вопроса об улучшении жилищных условий народных масс вопрос об удобстве жилья был в лучшем случае второстепенным. Архитекторов скорее интересовало, как можно экономично решить проблему дефицита жилья и создать новый тип жилых помещений, который способствовал бы советским идеалам трансформации общества на коллективистских началах. В центре архитектурных дискуссий оказывались вопросы рационализации использования жилого пространства, гигиены, переустройства быта, соответствия жилья современным стандартам, в том числе с оглядкой на западные достижения в области архитектуры и дизайна. В статье подчеркивается, что с началом индустриализации все средства были направлены на создание тяжелой промышленности, а финансирование жилищного строительства свелось к минимуму. Долгие годы основная масса советских граждан проживала в весьма стесненных условиях в бараках, общежитиях, коммунальных квартирах, где вопрос о комфорте в принципе не ставился. Действительно комфортные условия проживания предусматривались для советских элит. В статье показано, что в случае "домов для начальников" и иностранных специалистов архитекторы преимущественно отказывались от новаторских идей и создавали проекты, которые соответствовали представлениям о буржуазном благополучии. Жилье для элиты должно было быть просторным, разумной планировки, светлым, хорошо проветриваемым, отделанным натуральными материалами. Показательно, что советские архитекторы предусматривали помещения, где проживала бы прислуга. Элементами такой инфраструктуры были столовые, прачечные, детские сады. В качестве образцов советского комфортабельного жилья рассматриваются "Дом Наркомфина" и "Дом на набережной", а также коттеджная застройка в соцгородах и соцпоселках.

Ключевые слова: СССР; жилье; советская архитектура; город-сад; дом-коммуна; соцгород; комфорт; урбанизация

Introduction

After coming to power in 1917, the Bolsheviks immediately turned their attention to improving the housing conditions of the working masses. These conditions, inherited from tsarist Russia, were indeed deplorable. Workers in large cities lived in overcrowded basements, semi-basements, barracks, and modest dwellings on factory outskirts. Before the First World War, Moscow had 327,000 residents living in lodging houses, while in St. Petersburg in 1912, there were 150,000 destitute individuals renting corners in shared apartments (Orlov 2014: 78).

Following the Revolution, the Bolsheviks – being neither the largest nor the most popular party in the country – sought first to consolidate and expand their social base by demonstrating zeal in the immediate improvement of the living conditions of the working people, those disadvantaged and oppressed under the old regime. Among the priority issues was housing. Improving housing quality and eliminating this crucial aspect of social inequality could win sympathy for the new government among the urban population. Resolving the housing problem outright was, of course, impossible. In the context of revolutionary upheaval, economic decline, and civil war, new construction was out of the question; thus, the initial focus was on redistributing the existing housing stock. The essence of housing policy, openly class-based in character, was to curtail the privileges of former elites and resettle workers from basements into the bourgeoisie's well-appointed apartments.

The starting point of Soviet housing redistribution is often associated with Lenin's statement that a "rich apartment" was "any apartment in which the number of rooms equaled or exceeded the number of residents living in it" (Lebina 1999: 179). This gave impetus to the relocation of workers from the outskirts to the city center. In some cases, vacant housing was occupied (Lebina 1999: 179), while in others, apartment owners were forced to make room. Initially, owners were asked to find tenants themselves, a process known as *self-consolidation.* If they failed, the authorities would assign strangers to live in their apartments.

The once "rich apartments," converted into communal flats, gradually lost any resemblance not only to comfortable housing but even to basic civilized living. Workers relocated from slums had no idea how to adapt to aristocratic conditions. Into the shared space, they brought their own notions of convenience and hygiene. Unsanitary conditions soon prevailed, expensive interiors deteriorated, plasterwork crumbled, and heating was provided by makeshift stoves.

For decades, communal flats became a defining reality of Soviet and post-Soviet cities – a symbol of discomfort, disregard for personal space, endless quarrels, and everyday stress.

As the situation in the country stabilized, Soviet authorities faced the need to create a new housing stock. Architects were tasked with designing dwellings that would serve not only as places to live, but also as manifestos of modernity and foundations for shaping the Soviet individual and society.

Methodology of the Study

The theoretical foundation of the article is modernization theory, since Soviet housing policy was implemented against the backdrop of the USSR's modernization and was shaped by the specific features and turning points of modernization processes. Housing design was also closely linked to ideas about the necessity of social transformation and the creation of a new Soviet society. Architects, at least episodically, sought not merely to meet the needs of the population but to design genuinely innovative housing in both architectural and functional terms.

The methodological basis of the study rests on the principles of objectivity and historicism, combined with a value-oriented approach. The authors employed a systemic approach, aiming to demonstrate the influence of political and economic factors, Soviet ideology, utopian social projects, and contemporary architectural trends on the design and construction of housing in the USSR during the 1920s-1930s. The historical-genetic method was also applied, enabling the tracing and explanation of the emergence of particular views on what Soviet housing should look like, the transformation of values underlying design, and the evolution of state priorities that defined housing policy. The historical-comparative method made it possible to contrast different conceptions of acceptable living conditions for ordinary workers and for the Soviet elites.

The study further employs a contextual method, through which Soviet housing architecture is analyzed within its socio-economic and political framework. This method also highlights the connections between Soviet architecture and certain aspects of Western architectural thought. Soviet architects did not develop their projects in isolation: they were influenced by demands from both society and the state. Moreover, after the Revolution, Soviet architects-maintained ties with architectural thought in Western countries. They traveled abroad on official assignments, studied the works of foreign colleagues, and participated in international exhibitions. In turn, Western architects were admitted to Soviet architectural competitions and invited to work in the USSR.

Discussion and Results

At the beginning of the twentieth century, the ideas of Ebenezer Howard's garden city enjoyed great popularity in Russia. The essence of the concept was that those in need of housing would form cooperatives, whose members contributed certain sums toward the purchase of land and the construction of individual family houses. The remaining amount was provided by a bank at a low interest rate. By repaying the loan, cooperative members became homeowners. The garden city was intended to combine the best features of both city and countryside. Located on the outskirts of a metropolis, it represented a cottage settlement with all necessary infrastructure. Around the well-maintained houses, residents had plots of land where they could cultivate gardens and plant orchards.

In the early years of Soviet power, it was assumed that garden cities would become the foundation for solving the housing problem, and that small houses would be the primary form of housing for Soviet workers. The initiators of such settlements were not only housing cooperatives but also government departments (commissariats) and municipal authorities (Meerovich et al. 2019: 21). A number of Soviet architects (G.B. Barkhin, V.N. Markovnikov, M.G. Dikansky, among others) believed in low-rise construction (Yakovleva 2018: 784). Several settlements were built, the most famous being Moscow's *Sokol,* Dukstroy, and the settlement near the *Krasny Bogatyr* factory.

The garden city was designed to include cottages of various types, both single-family and multi-apartment (2-4 units). It was assumed that, given the country's overall situation, cottages should be built cheaply and with minimal amenities (Yakovleva 2018: 785). Nevertheless, providing Soviet citizens with even simple individual houses proved an impossible task for a country devastated by revolution and war. The housing standards developed by the People's Commissariat of Labor and the People's Commissariat of Health, though not always observed, were still too generous. A small worker's apartment was supposed to include two rooms, a kitchen, a bathroom, and an entrance hall. A medium-sized family apartment of 61–66 m^2

consisted of a kitchen-dining room, two bedrooms, a vestibule, a pantry, and a bathroom. A multi-family apartment was expected to have a kitchen, a separate dining room, two bedrooms, an entrance hall, and a bathroom (Yakovleva 2018: 784). Architects also considered the future improvement of cottages and the everyday life of their residents. For example, V.N. Markovnikov envisioned abandoning the traditional Russian stove in favor of modern heating systems, rationalizing kitchen design, and incorporating the latest technical innovations in future construction (Markovnikov 1928: 106).

It cannot be said that comfort was the central narrative in discussions and designs of garden settlements. The focus was rather on reducing social tension and the severity of the housing problem, on economical construction, and on the social aspects of such resettlement. However, in the historical context – and especially compared to the housing situation during the era of industrialization – the ideas of cottage settlements appear as an extraordinary concern by the authorities for their citizens. From the mid-1920s, garden settlements began to give way to departmental settlements, where housing was built by the state, and the right to occupy living space was directly tied to employment in the Soviet national economy.

Another striking phenomenon of Soviet housing thought in the 1920s was the communal house *(dom-kommuna),* which had a rather tenuous relationship to notions of comfortable living. Here, the emphasis was on transforming Soviet everyday life from individualist foundations to collective ones. Communal houses were intended to facilitate the creation of Soviet society. The general idea was to reduce personal space and expand communal space. Residents of such houses were expected to eat in common dining halls, spend leisure time in libraries or recreation rooms, and place their children in shared nurseries and kindergartens. The most radical projects reduced the living unit to a sleeping cabin (Milyutin 1930: 40) or, for example, envisioned a common dormitory with the possibility of privacy for married couples in special "double bedrooms" (Lebina 1999: 169). A more balanced approach proposed using the living unit for sleeping, studying, individual activities, and storage (Milyutin 1930: 40). Throughout the 1920s, communal houses were the subject of debate, as such a radical restructuring of everyday life seemed excessive to many. They never became a mass phenomenon, and by the early 1930s, communal houses were abandoned as a utopian idea.

With the onset of industrialization and the expansion of industrial construction, the urban population grew rapidly. Around industrial facilities, *socialist cities (sotsgoroda)* and *socialist settlements (sotsposelki)* emerged, raising the urgent question of providing housing for vast numbers of people. In the 1920s, Soviet authorities and architects looked to German experience, particularly to standardized workers' settlements, which embodied key principles such as maximum economy, standardization, rationality, technological efficiency, and the fastest possible pace of design and construction (Konysheva et al. 2011: 231). German projects were attractive because they eliminated "overcrowding, unsanitary conditions, excessive density, and high land rents of existing cities; they ensured the decentralization of cities and offered 'brilliant prospects… for improving health and physical development… and relocating the permanent residence of inhabitants and their families beyond the congested urban core'" (Konysheva et al. 2011: 231).

In 1930, German architect Ernst May arrived in the USSR to implement the principles of German standardized construction as quickly as possible. He and his team developed plans for a dozen socialist cities, including Avtostroy, Magnitogorsk, Stalingrad, Kuznetsk, Nizhny Tagil, and others. Very soon, however, it became clear that the state lacked the resources to build even moderately high-quality housing. "May's architects were forced to design housing not only from

brick and concrete panels (following May's Frankfurt prototypes) but also from cheap local materials such as wood and clay. One-story houses with wooden frames, boarded walls filled with clay, shavings, or peat for insulation differed little from ordinary barracks built by workers or prisoners themselves without architects' involvement" (Khmelnitsky 2008).

The Germans were disappointed but still tried to adapt to Soviet realities. In 1932, May's associate W. Schwagenscheidt wrote: "In recent months… behind closed doors I developed a proposal for a new type of socialist city, which naturally runs counter to the Party line. Based on real life in developing regions, I say, the Soviet Union will long be able to build only primitive barracks. Available materials and resources must be used for industrial construction. The people inhabiting socialist cities are at a very low cultural level; they do not understand (though it is assumed they will build multi-story houses) how to live in such houses. One-story construction from local materials is the right path" (Wolters 2007).

Schwagenscheidt was mistaken about the Soviet government's attitude toward barracks: for many years, they became an integral part of urban life. Moreover, in the 1930s, the state, which otherwise strictly controlled construction and housing distribution, partially withdrew from solving the housing problem, leaving the population to fend for itself. In new industrial cities, self-built housing and dugouts appeared, tolerated by local authorities. Needless to say, Soviet realities of the 1930s had nothing in common with comfortable living conditions.

Industrial construction and military priorities were paramount. From the second half of the 1920s, the construction of new towns and workers' settlements at enterprises was classified as "industrial" and incorporated into the production and financial plans of sectoral commissariats. Civil housing and public utilities were assigned a secondary role (Meerovich et al. 2006: 96). Funding for housing construction was therefore carried out on a residual basis.

Conceptions of comfort for ordinary workers and for the Soviet elite – party and state officials, managers, and highly qualified specialists of industrial enterprises, security service leadership, and loyal intelligentsia – differed dramatically. The upper strata of Soviet society were provided with housing unimaginable to the average citizen. The living conditions of officials and those close to power were not openly discussed. Unlike the propagandistic promotion of mass housing and the modern everyday life of workers and employees, projects for elite settlements and high-comfort housing were scarcely publicized. When they were mentioned, it was never acknowledged that such housing was reserved for the few. For example, architect A.S. Urban, presenting in the 1930s a project for a luxurious 107.5 m^2 apartment, did not fail to reference "the growth of the general welfare of the working people" and "the new socialist person" who would live in modern, comfortable conditions (Urban 1936). Even in subsequent decades, architectural researchers referred to housing intended for the privileged stratum as "workers' housing."

Ideas about what constituted "housing for officials" were shaped not so much by social experiments aimed at creating fundamentally new dwellings to foster a new type of personality, but by ordinary, practical notions of good living conditions. Such housing was expected to be a spacious apartment for a family, with ample light and air, or a detached house with extensive grounds. Careful planning, all modern amenities, and high-quality construction and finishing materials were assumed.

The stratification of housing conditions between ordinary citizens and officials emerged immediately after the Revolution. For temporary accommodation of new leaders, elite hotels such as *Astoria* and *Evropeyskaya* in Petrograd, or *National* and *Metropol* in Moscow, were converted into so-called *Houses of Soviets.* For example, in the Second House of Soviets, located in the *Evropeyskaya* hotel, rooms could be occupied by members of the All-Russian Central Executive

Committee, the Central Committee of the RCP, provincial committees, regional bureaus of the Central Committee, provincial executive committees, heads of departments and their deputies, members of departmental boards, Cheka and Air Defense staff, district committees of the RCP(b) and district soviets, and high-ranking officials on assignment. In exceptional cases, a room could be granted to a particularly valuable specialist, but overall, such housing was intended for the ruling elite. Beyond the privilege of residing in a hotel of *Astoria's* caliber, tenants could also count on a certain level of everyday comfort. In particular, the Houses of Soviets had communal dining halls and kitchens, allowing residents to devote themselves fully to state and party affairs without distraction from domestic concerns (Lebina 1999: 161).

For the resettlement of responsible Party officials, mansions of the old nobility were also used, such as the houses of Count Sheremetev and Prince Kurakin in Moscow. Part of the Bolshevik leadership lived in buildings within the Kremlin itself (Ovsyannikova et al. 2014: 102).

This well-appointed housing stock was clearly insufficient, and subsequently, new housing for the chosen few began to be constructed. A prime example of such a "house for officials" is the famous Narkomfin Building. Designed by architects M.Ya. Ginzburg, I.F. Milinis, and engineer S.L. Prokhorov, built between 1928 and 1930, it is best known for its constructivist architecture and innovative ideas in organizing living space and everyday life. Yet it should not be forgotten that the apartments in the Narkomfin Building were intended for employees of the People's Commissariat of Finance of the USSR, including its highest-ranking officials. Ginzburg's views on what Soviet housing should be were set out in his theoretical work Housing. The creator of the Narkomfin Building acknowledged the strengths of contemporary Western European housing construction and the general level of housing culture, manifested in attention to detail, quality building materials, and diverse furnishings (Ginzburg 1934: 40). As often happened when Soviet authors needed to speak favorably of Western achievements, Ginzburg noted that capitalism had prepared the ground for industrialized construction, but that the internal contradictions of the capitalist system would prevent it from reaching the heights attainable under socialism (Ginzburg 1934: 42).

Ginzburg classified his residential project as a "transitional" type of housing. He disapproved of communal houses, believing that premature total collectivization of everyday life would discredit the very idea of reformatting society on collectivist foundations. The architect argued that it was necessary to create "a series of elements stimulating the transition to a higher form of social and everyday organization, but not decreeing this transition" (Ginzburg 1934: 68). According to Ginzburg, the residential units were designed for families and were to include all amenities, including a kitchen and bathroom, albeit in simplified form. Even if small apartments replaced kitchens with niches and bathtubs with showers, the unit was self-sufficient for comfortable, isolated living. The apartment sizes far exceeded the wildest dreams of ordinary Muscovites. The smallest unit type F, intended for one person or childless couples, had an area of 27, 30, or 31 m^2 (Ginzburg 1934: 72). The largest units type K, three-room apartments, reached a remarkable 78 m^2.

The project envisioned greater involvement of residents in collective life than before. A communal block connected by a heated passage to the residential building was planned, to house a gymnasium, kitchen, dining hall with recreation rooms, and a rooftop summer dining area. A separate children's home was to be built, along with a service yard with laundry and other domestic facilities. Not all of these plans were realized: the dining hall never opened, and the nursery was located not in a separate annex but in the communal block (Ginzburg 1934: 82). By the 1980s, the Narkomfin Building was in disrepair but was saved thanks to the

efforts of Ginzburg's grandson, contemporary Russian architect Alexey Vladimirovich Ginzburg. Restorers claimed to have recreated the original layout, interiors, and finishes. Today the building impresses with its beauty, harmony, and thoughtful design. The rooms are literally flooded with light. It is reported that after the reconstruction completed in 2020, all apartments were sold (Online tour of the Narkomfin Building). Evidently, the comfort envisioned for residents of the 1930s proved equally appealing to modern people.

The Narkomfin Building was not only housing for the elite but also the realization of a bold modern architectural project, an experiment in new social and everyday organization, and a reflection of certain ideals of the era. Later in the 1930s, "houses for officials" no longer bore pronounced innovative features and instead corresponded to notions of bourgeois lifestyle and prosperity. A striking example is the House on the Embankment (the First Residential Building of the Council of People's Commissars), designed by B.M. Iofan. It became an emblem of the era and a witness both to the rise of its residents and to their tragic downfall during Stalinist repressions. Apartments, with areas reaching 200 m^2 and up to seven rooms, were intended for Soviet intelligentsia, high-ranking officials, and generals. Among its residents were Stalin's children Svetlana Alliluyeva and Vasily Stalin, Alexey Stakhanov, and L.P. Beria. Ceilings were decorated with murals, floors with oak parquet, and bathrooms had windows. Residents were provided with luxurious furniture and high-quality household items. Apartments were equipped with all necessary appliances and even garbage chutes. Many included a maid's room. The building offered extensive services: a club, the *Udarnik* cinema (the first designed for sound films), a department store, nursery, kindergarten, clinic, solarium, library, laundry, post office, and even tennis courts (Ovsyannikova et al. 2014: 102-103).

Although the Narkomfin Building and the House on the Embankment were contemporaries, they reflect different epochs. The Narkomfin Building marked a farewell to the avant-garde experimentation of the 1920s and a kind of constructivist austerity. The Sovnarkom House signaled the step into the 1930s, with its opulent style, heavy luxury, and widening gap between the upper and lower strata of Soviet society.

Another example of elite housing is the House on Mokhovaya Street for employees of the Moscow Soviet, designed by I.V. Zholtovsky and built between 1932 and 1934. Its costly design was evident from the neoclassical façade. The building served as residential housing only briefly before being converted into the U.S. Embassy.

When designing high-comfort apartments, architects did not limit their imagination. A rare example of a candid description of elite housing is found in architect A.S. Urban's article, where he outlined his vision of modern Soviet housing. In a 4½-room apartment, there was to be a living room, study, bedroom, children's room, and maid's room. The entrance hall was to contain a table with a telephone and two armchairs. The apartment was also to include a heated loggia with a winter garden, oak doors in carved frames, and a children's room with a bay window (Urban 1936).

Elite housing could take the form not only of apartments in individual buildings but also of cottage settlements that appeared in socialist cities or settlements around enterprises built during industrialization. The contrast in housing standards between different social groups was striking. Workers and managers lived not only in different buildings but also in different parts of the settlement, spatially separated from one another. Settlements were typically divided into three categories of housing. Housing for top officials consisted of compact, isolated neighborhoods of detached or semi-detached houses. Lower-ranking officials and skilled specialists lived in sectional 3–5-story stone buildings or two-story wooden houses. The

majority lived in barracks, dormitories, and hostels.

Cottage developments existed in Orsk, Sverdlovsk, Kamensk-Uralsky, at DneproGES, in Chelyabinsk, and in Avtostroy near the Nizhny Novgorod (Gorky) automobile plant, among others. The most famous cottage settlement, a garden suburb, was Magnitogorsk's *Berezki*, where the leadership of the Magnitogorsk Metallurgical Combine, NKVD officials, and highly qualified foreign specialists resided. Initially called "Amerikanka," it was built to house specialists from the American firm McKee. After their departure, the houses were fully transferred to the local elite. While builders and workers of the plant survived in barracks and dugouts, managers lived in separate well-appointed houses designed for single families. The amenities of these cottages fully corresponded to Western standards of comfort. In 1930-1931, about 1,500 people lived in *Berezki,* no more than 2% of the city's population. The director of the Magnitogorsk plant, A.P. Zavenyagin, enjoyed privileges that could be considered truly regal at the time. His three-story mansion had 14 rooms, including a billiard room, children's playroom, music salon, and study. Behind the house was a deer reserve, and in front a garden (Meerovich 2016).

In the socialist city of Kamensk-Uralsky, built around the Ural Aluminum Plant, the cottage settlement consisted of two-story sectional houses designed for two families. Apartments included rooms for domestic workers and balconies on the second floor. The housing was equipped with all necessary engineering and technical facilities as well as built-in wardrobes. The neighborhood was landscaped with pedestrian paths, flowerbeds, small architectural forms in front of the main facades, and croquet courts behind the houses. In the public recreation zone, there were volleyball courts, gazebos, and hammocks. Notably, outsiders had no opportunity to enjoy this oasis amid the harsh realities of the socialist city alongside the residents: the settlement was fenced and guarded around the clock by paramilitary security (Gavrilova 2011). The settlement for foreign specialists and managers of the automobile plant in the socialist city of Avtostroy in Gorky was likewise surrounded by barbed wire.

The proclaimed equality of the workers of the Soviet state found no reflection in everyday practices and was clearly manifested in the housing sphere. Throughout the 1920s-1930s, the contrast between the housing conditions of ordinary citizens and privileged groups only intensified. The layout, amenities, and technical equipment of "houses for officials" increasingly acquired a classical bourgeois appearance, and the comfort of elite housing grew into outright luxury. In the 1930s, the idea of relieving Soviet citizens of domestic concerns was transferred into the notion of equipping elite houses with auxiliary services such as dining halls, communal kitchens, nurseries, and so forth. In the House on the Embankment, for example, luxurious apartments had tiny kitchens of 4-6 m^2, since it was assumed that residents would primarily eat outside their homes. In this case, the goal was not collectivization of everyday life but rather concern for the convenience of the residents.

Conclusion

In the 1920s–1930s, the housing question remained one of the most acute social problems in the Soviet Union. The shortage of housing for the urban population was inherited by the Bolsheviks from tsarist Russia, where workers were forced to live in barracks, dormitories, or rent corners in shared apartments. Initially, the improvement of conditions for those whom the Bolsheviks considered their social base occurred through the redistribution of the existing housing stock. However, as the situation in the country stabilized, construction of Soviet housing began. The main task was to provide workers with decent living conditions, with the

expectation that new housing would be economical, rationally organized, hygienic, and aligned with contemporary architectural and design trends. Through the organization of everyday life, housing was also expected to contribute to the formation of the new Soviet person and society. Considerations of comfort played only a secondary role. Examples of projects from the 1920s include garden cities and communal houses.

With the onset of industrialization, the state's priority became the rapid creation of heavy industry, and ordinary workers, virtually abandoned to their fate, were forced to crowd into overpopulated apartments, barracks, dormitories, and dugouts. The new houses built for workers and employees were maximally simplified, turning modest projects into miserable ones. In the 1930s, the issue was survival rather than comfort for the masses.

The history of Soviet housing is a history of inequality under the declared goal of creating a classless society of equals. The Soviet government began by attempting, after the Revolution, to erase differences in living standards between classes, including resettling workers from slums into "rich apartments." Yet immediately, a new stratification appeared among those loyal to Soviet power. While workers and minor employees crowded into communal apartments, those holding high positions in Soviet institutions received individual housing of substantial size. A narrow stratum of Soviet leaders moved into buildings in the Kremlin and expensive pre-revolutionary hotels. By the 1930s, it became even more evident that the authorities held different notions of comfort and prosperity for the masses and the elites. For officials, industrial managers, the upper intelligentsia, figures embodying Soviet achievements (famous pilots, Stakhanovites, etc.), and foreign specialists, housing was built to a standard of comfort that remains comprehensible to modern people. "Houses for officials" were distinguished by large areas, thoughtful layouts, technical equipment, and infrastructure that eased everyday life. And, of course, apartments and houses for the chosen few, designed for individual families, ensured complete isolation from any outside interference.

Thus, in the period under consideration, when the authorities did attempt to address the housing problem, they primarily sought to provide citizens with at least minimally decent living space and, in principle, to resettle people somehow and somewhere. In designing mass housing for workers, discussions focused mainly on sanitary norms, rational use of living space, and alignment with idealized notions of what Soviet everyday life should be. Comfortable living conditions became an exclusive privilege available only to a narrow group of the Soviet elite.

Acknowledgements

The author is grateful to the Editorial Board and reviewers for their scientific support of this article

References

Gavrilova S. Comprehensive Development of Kamensk-Uralsky in the 1930s: Implemented and Unimplemented Projects. *Arkhitekton: Proceedings of Universities.* 2011. No.36, pp.85-98.

Ginzburg M. *Housing: Experience of Five Years of Work on the Housing Problem.* Moscow: State Scientific and Technical Publishing House of the Construction Industry and Shipbuilding. 1934. 190 p.

Konysheva E., Meerovich M., Firl T. Ernst May in the History of Soviet Industrialization. *Bulletin of Irkutsk State Technical University.* 2011. No.7, pp.230–237.

Khmelnitsky D. Foreign Architects in Stalin's USSR. Uvarov Readings – VI. *Border and Borderlands in History and Culture. Murom,* May 16-18, 2005. Murom. 2008. URL: http://old.museum-murom.

ru/nauch-rab/uvar-vi/inostrannye-arhitektory-v-stalinskom-sssr (accessed: 13.11.2025).
Lebina N. *Everyday Life of the Soviet City: Norms and Anomalies.* 1920-1930s. St. Petersburg: Neva Journal – Publishing and Trading House "Letniy Sad." 1999. 320 p.
Markovnikov N. *Housing Construction Abroad and in the USSR.* Moscow: Cntrozhilsoyuz. 1928. 112 p.
Meerovich M. Housing Stock of New Socialist Cities of the First Five-Year Plans: Cottages. *Creativity and Modernity.* 2016. No.1(1), pp.36-49.
Meerovich M., Menkovsky V., Zherebtsov I. *"Socialist City": The Idea and Its Implementation in the Soviet Union of the 1920-1930s.* Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History. Komi Scientific Center Ural Branch of RAS. 2019. 72 p.
Meerovich M., Khmelnitsky D. American and German Architects in the Struggle for Soviet Industrialization. *Bulletin of Eurasia.* 2006. No.1, pp.92–124.
Milyutin N. *The Problem of Building Socialist Cities: Basic Issues of Rational Planning and Construction of Settlements in the USSR.* Moscow-Leningrad: State Publishing House. 1930. 83 p.
Ovsyannikova E., Vasiliev N., Panin O. *Architecture of Moscow during the NEP and the First Five-Year Plan.* Moscow: ABC Design. 2014. 328 p.
Online Tour of the Narkomfin House/Narkomfin. Department of Cultural Heritage of the City of Moscow. URL: https://www.youtube.com/watch?v=uTJNzqzsnVc&t=924s (accessed: 13.11.2025).
Orlov I. Soviet Housing Economy in the 1920s-1930s: Between Class Line and Self-Sufficiency. *Modern Problems of Service and Tourism.* 2014. No.2, pp.78-84.
Urban A. Architecture of the Interior and Internal Equipment of Housing. *Problems of Architecture: Collection of Materials.* Vol. I. Book 1. Moscow: Publishing House of the All-Union Academy of Architecture. 1936. URL: https://tehne.com/event/arhivsyachina/s-urban-arhitektura-interera-i-vnutrennego-oborudovaniya-zhilishcha-1936 (accessed: 13.11.2025).
Wolters R. *Specialist in Siberia.* Novosibirsk: "Svin'in i synov'ya". 2007. 260 p.
Yakovleva G. Housing in the Structure of the Soviet City of the 1920-1930s. In: *Soviet Urban Planning. 1917-1941.* Moscow: Progress-Tradition. 2018. Pp.783-805.

Information about authors

Viachaslau I. Menkouski – Professor at the Chair of History of Russia, Doctor of Historical Science, Department of History, Belarusian State University, Krasnoarmeyskaya st., 6, 220030, Minsk, Belarus, https://orcid.org/0000-0003-3417-4589, vmenkouski@gmail.com
Maryna A. Shabasava – Associate Professor at the Chair of History of Russia, Candidate of Historical Science, Department of History, Belarusian State University, Krasnoarmeyskaya st., 6, 220030, Minsk, Belarus, https://orcid.org/0000-0002-7916-2517, shabasovamarina@gmail.com

Авторлар туралы мәлімет

Вячеслав Иванович Меньковский – т.ғ.д., Ресей тарихы кафедрасының профессоры, Беларусь Мемлекеттік Университетінің Тарих факультеті, Қызыл Армия көшесі, 6, 220030, Минск, Беларусь, https://orcid.org/0000-0003-3417-4589, vmenkouski@gmail.com
Марина Алексеевна Шабасова – т.ғ.к., Ресей тарихы кафедрасының доценті, Беларусь Мемлекеттік Университетінің Тарих факультеті, Қызыл Армия көшесі, 6, 220030, Минск, Беларусь, https://orcid.org/0000-0002-7916-2517, shabasovamarina@gmail.com

Сведения об авторах

Вячеслав Иванович Меньковский – д.и.н., профессор кафедры истории России, исторический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, https://orcid.org/0000-0003-3417-4589, vmenkouski@gmail.com
Марина Алексеевна Шабасова – к.и.н., доцент кафедры истории России, исторический факультет, Белорусский государственный университет, ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск, Беларусь, https://orcid.org/0000-0002-7916-2517, shabasovamarina@gmail.com

Authors' Contributions

V.I. Menkouski – developed the concept of the article, determined the structure, goals, and objectives of the research, edited the article, and formulated the conclusions.
M.A. Shabasava – proposed the idea, collected, systematized, and analyzed the material, proposed the methodology, participated in the writing, and formulated the conclusions.

Disclosure of conflict-of-interest information. The author claims no conflict of interest / ***Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.*** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді / ***Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье
Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 03.01.2026.
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 05.03.2026.
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.04.2026.

GUMILYOV JOURNAL OF HISTORY
ISSN: 3080-129X. eISSN: 3080-6860
WORLD HISTORY – ДУНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫ – ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ –

Научная статья / Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.61.00

CC BY NC ND

https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-78-95

From the history of the ethnographic study of pattern weaving (branoe tkachestvo) of the Udora Komi

V. Sharapov
Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS, Syktyvkar, Russia
sharapov.valery@gmail.com

Abstract. Samples of patterned weaving produced by the Udora Komi were regularly documented by ethnographers and collectors throughout the twentieth century. Woven items collected along the Vashka and Mezen rivers are now held in major national and regional museums in Russia, as well as in museum collections abroad (Hungary, Finland, Estonia, Germany). Nevertheless, to this day, no specialized studies have been devoted to this unique artistic tradition. The reason for this "lack of scholarly attention" on the part of ethnographers and art historians likely lies in the fact that nearly all collectors have regarded Udora decorative weaving as a tradition borrowed from the Russian population of the Northern Dvina basin. It is quite possible that the emergence of patterned weaving in Udora was directly connected to the influx of Old Believer peasant settlers from the Pinega and Northern Dvina regions who arrived on the Vashka in the 1860s. Undoubtedly, the technological language used to execute ornamental motifs and narrative compositions in Udora textiles is closely related to the work of Vologda and Arkhangelsk craftswomen, since the inhabitants of the Vashka and Pinega rivers share a common historical and cultural environment within the Northern Dvina basin. However, Komi craftswomen did not borrow Russian patterns themselves; rather, they adopted the technological language of producing woven ornamented items. There is reason to believe that in the first half of the twentieth century, a distinctive multicolored ornamental style developed in the patterned weaving of the Udora Komi-one that is uncharacteristic not only of Russian craftswomen but also of other ethnographic groups of the Komi. This article presents a concise history of the ethnographic study of Udora Komi patterned weaving in the twentieth century, as well as an attempt to describe the unique multicolored decorative canon of textile ornamentation created by Komi craftswomen of the Vashka River basin. The article also formulates a hypothesis regarding the origins of the artistic tradition of multicolored patterned weaving among the Udora Komi in the first half of the twentieth century.
Keywords: ethnology; weaving; textile traditions; Udora Komi; Vashka River basin; patterned multi-shaft weaving

For citation: Sharapov V. From the history of the ethnographic study of pattern weaving (branoe tkachestvo) of the Udora Komi. *Gumilyov Journal of History.* 2026. Vol.155, no.2, pp.78-95. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-78-95

Funding. This work was carried out within the framework of the planned research project of the Ethnography Sector of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, "Ethnology of the Komi and Neighboring Peoples: A Comparative Analysis of Ethnocultural Transformations" (Reg. No. EGISU NIOKTR 1260212171180).

© V. Sharapov, 2026

Узорлы тоқымашылықты этнографиялық зерттеу тарихынан (удор комилері)

В. Шарапов

Ресей ғылым академиясы, Коми ғылыми орталығының Тіл, әдебиет және тарих институты, Сыктывкар, Ресей

Аңдатпа. Удор комилерінің браное тоқымасының үлгілері XX ғасыр бойы этнографтар мен жинаушылар тарапынан жүйелі түрде тіркеліп отырған. Вашка мен Мезень өзендерінен жиналған тоқыма бұйымдары Ресейдің орталық және өңірлік музейлерінде, сондай-ақ шетелдік музейлердің (Венгрия, Финляндия, Эстония, Германия) коллекцияларында сақтаулы. Алайда осы бірегей көркемдік дәстүрге арналған арнайы зерттеулер бүгінгі күнге дейін жоқ. Бұл тоқыма дәстүрінің этнографтар мен өнертанушылар тарапынан "зерттелмей" қалуының себебі, шамасы, көптеген жинаушылар удордың көркемдік бранын Солтүстік Двина алабындағы орыс халқының дәстүрінен алынған деп бағалауымен байланысты. XIX ғасырдың 60-жылдарында Пинега мен Солтүстік Двина өңірінен Вашкаға қоныс аударған старообрядшы шаруалардың келуі удорда браное ткачество дәстүрінің пайда болуына тікелей ықпал етуі мүмкін. Әрине, удор тоқыма бұйымдарындағы ою-өрнек мотивтері мен сюжеттерін орындаудың технологиялық тілі Вологда мен Архангельск шеберлерінің жұмыстарымен жақын, өйткені Вашка мен Пинега тұрғындары Солтүстік Двина алабының ортақ тарихи-мәдени кеңістігінде өмір сүрген. Алайда коми шеберлері орыс оюларын емес, тек тоқыма бұйымдарын жасаудың технологиялық тілін ғана қабылдаған. XX ғасырдың бірінші жартысында удор комилерінің браное ткачествосында орыс шеберлеріне де, комидің өзге этнографиялық топтарына да тән емес, бірегей көптүсті орнаменттік стиль қалыптасты деуге негіз бар. Бұл мақалада XX ғасырдағы удор комилерінің браное ткачествосын этнографиялық зерттеу тарихының қысқаша шолуы, сондайақ Вашка өзені алабындағы коми шеберлерінің көптүсті декоративтік канонын сипаттау тәжірибесі ұсынылады. Сонымен қатар мақалада XX ғасырдың бірінші жартысында удор комилерінің көптүсті узорлы ткачество дәстүрінің шығу тегі жөнінде гипотеза тұжырымдалады.

Түйін сөздер: этнология; тоқымашылық; тоқыма дәстүрлері; удор комилері; Вашка өзені алабы; көпремизді браное тоқымашылық

Из истории этнографического изучения узорного ткачества удорских коми

В. Шарапов

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия

Аннотация. Образцы браного ткачества удорских коми регулярно фиксировались этнографами и собирателями на протяжении всего XX века. Тканые изделия, собранные на реках Вашке и Мезени, представлены в российских центральных и региональных музеях, а также в коллекциях зарубежных музеев (Венгрия, Финляндия, Эстония, Германия). Однако до настоящего времени нет специальных исследований, посвященных этой уникальной художественной традиции. Причина "неизучения" этнографами и искусствоведами этой текстильной традиции, вероятно, заключается в том, что практически все собиратели оценивают удорскую художественную брань как традицию, заимствованную у русского населения бассейна Северной Двины. Не исключено, что появление на Удоре традиции браного ткачества непосредственно связано с притоком на Вашку крестьянского старообрядческого населения с Пинеги и Северной Двины в 60-х годах

XIX в. Безусловно, технологический язык исполнения орнаментальных мотивов и сюжетов на удорском текстиле близок изделиям вологодских и архангельских мастериц, поскольку население Вашки и Пинеги проживает в одном историко-культурном ареале бассейна Северной Двины. Однако коми мастерицы заимствовали не сами узоры русских, а лишь технологический язык изготовления тканых изделий. Есть основания полагать, что в первой половине XX в. сложился уникальный многоцветный орнаментальный стиль в браном ткачестве удорских коми, который не характерен не только для русских мастериц, но и для других этнографических групп коми. В статье представлена краткая история этнографического изучения браного ткачества удорских коми в XX в., а также опыт описания уникального многоцветного декоративного канона текстильных орнаментированных изделий коми мастериц бассейна реки Вашки. Также в статье формулируется гипотеза о происхождении художественной традиции узорного многоцветного ткачества удорских коми в первой половине XX в.
Ключевые слова: этнология; ткачество; текстильные традиции; удорские коми; бассейн реки Вашки; браное многоремизное ткачество

Для цитирования: Шарапов В. Из истории этнографического изучения узорного ткачества удорских коми. *Gumilyov Journal of History.* 2026. Vol.155, no.2, pp.78-95. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-78-95

Финансирование. Работа выполнена в рамках плановой темы исследований сектора этнографии ИЯЛИ ФИЦ КНЦ УРО РАН "Этнология коми и соседних народов: сравнительный анализ этнокультурных трансформаций" (Рег. № ЕГИСУ НИОКТР 126021217118-0).

Введение

Многочисленные образцы браного ткачества удорских коми, собранные этнографами в течение XX в. на реках Вашке и Мезени, представлены в фондах российских центральных и региональных музеев, а также в коллекциях зарубежных музеев (Венгрия, Финляндия, Эстония, Германия). Однако до настоящего времени нет этнографических и искусствоведческих исследований, посвященных этнолокальной художественной традиции удорских коми. Причина "неизучения" этой уникальной текстильной традиции, вероятно, обусловлена тем, что практически все собиратели оценивают удорскую художественную брань как традицию, заимствованную у русского населения бассейна Северной Двины. Безусловно, технологический язык исполнения орнаментальных мотивов и сюжетов на удорском текстиле близок изделиям вологодских и архангельских мастериц, поскольку жители Вашки и Пинеги живут в одном историко-культурном ареале бассейна Северной Двины. Однако коми мастерицы заимствовали лишь технологический язык изготовления тканых изделий, но не декоративный канон брани. Можно предположить, что в первой половине XX в. сложился уникальный многоцветный орнаментальный стиль в браном ткачестве удорских коми, который не характерен не только для мастериц Русского Севера, но и для других этнографических групп коми.

Материалы и методы

В настоящей статье представлен опыт обобщения известных этнографических материалов по уникальной традиции браного ткачества удорских коми, представленных в фондах различных музеев, а также на основе авторских полевых сборов 1990-2000-х гг.

В частности, дается описание некоторых технологических особенностей изготовления текстильных изделий удорскими коми мастерицами. Так же, формулируется декоративный канон, характерный для текстильных орнаментированных изделий коми в бассейне реки Вашки и формулируется гипотеза о происхождении художественной традиции узорного многоцветного браного ткачества удорских коми в первой половине XX в. В ходе осуществления исследовательского проекта по картографированию традиционных художественных промыслов и ремёсел коми сотрудниками отдела этнографии ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН совместно с искусствоведами кафедры декоративно-прикладного искусства Сыктывкарского государственного университета была проведена полевая фиксация (цифровое фотографирование, графические зарисовки) и научная атрибуция нескольких десятков образцов традиционного браного ткачества в различных коми селах бассейна р. Вашки. Полученные сведения были включены в электронный этнографический атлас "Народное изобразительное искусство коми" (Земцова, Шарапов, 2017). В частности, по результатам упомянутых выше современных полевых исследований был подготовлен паспорт "Технология узорного ткачества удорских коми" для Реестра Объектов Нематериального Культурного Наследия Республики Коми.

Литературный обзор

Полевые исследования браного ткачества удорских коми в XX в. Есть основания полагать, что традиция браного ткачества удорских коми впервые упоминается в научных отчетах об экспедиции на рр. Вашке и Мезени венгерского этнографа Б. Баратоши Балога (Baráthosi Balogh Benedek), который посетил в 1911 г. села Важгорт, Ёртом и деревни Коптюга, Вендинга по дороге в Канинскую тундру. По заданию Венгерского Национального музея и Гамбургского Этнографического музея исследователь "попутно" приобрел обширную коллекцию предметов браного ткачества удорских коми (более 30 экспонатов, изготовленных в конце XIX – начале XX вв.). Обширная коллекция образцов браного ткачества удорских коми, собранных Б. Баратоши Балогом в 1911 г., в настоящее время представлена в открытом доступе на сайте Этнографического музея г. Будапешта (Егоров 2015; Шарапов 2019).

Во второй половине 1920-х гг. выпускница Петроградского университета этнограф Г.В. Шипунова впервые обратилась к опыту систематического изучения (классификации и типологии) различных видов народного изобразительного искусства коми, в том числе традиционного ткачества удорских коми. В частности, исследовательница ставила перед собой задачу научного описания и систематизации материалов по орнаментальной традиции различных этнографических групп коми в формирующихся в то время фондов Областного краеведческого музея в г. Сыктывкаре (Шипунова 1931, 1960).

В ходе осуществления долгосрочной комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР в Коми АССР летом 1952 г. московским этнографом В.Н. Белицер была предпринята поездка в Удорский район Коми АССР. В этой экспедиции также приняли участие сотрудник НИИХП художник З.А. Пучкова и молодой коми этнограф КФАН СССР Л.Н. Жеребцов. Целью поездки был сбор этнографических материалов по традиционной культуре коми населения бассейна рек Вашка и Мезень. В ходе экспедиции было зарисовано и описано значительное количество экспонатов по народному изобразительному искусству Коми, в том числе по браному ткачеству удорских коми. По итогам полевых исследований В.Н. Белицер приходит к заключению, что технология и декор ткачества удорских коми очень близки к русскому узорному ткачеству не только

по расцветке, технике и отдельным мотивам орнамента, но и по общему характеру рисунка и, вероятно, является заимствованной художественной традицией. При этом, исследовательница подчеркивает, что на Удоре "в настоящее время домашнее ткачество почти исчезло" (Белицер 1953: 26; Белицер 1958: 333).

В сентябре 1960 г. сотрудница ленинградского Музея народов СССР М.А. Браун поводила полевые исследования на р. Мезень (с. Кослан, с. Чернутьево и д. Сёльыб) с целью сборов этнографических материалов для строительства экспозиции "Народы коми". В частности, исследовательницей был собран уникальный материал по традиционной для удорских коми технике обработки волокон конопли, льна и шерсти, подробно описан процесс тканья на горизонтальном ткацком стане, а также собрана обширная коллекция образцов браного ткачества удорских коми (Колчина 2007).

Летом 1964 года длительную поездку по коми селам и деревням, расположенным в бассейнах рек Вашка и Мезень совершили сотрудники текстильной лаборатории НИИХП – искусствовед Н.С. Королева, художники Н.В. Назаренко и З.А. Пучкова. Результаты этой поездки нашли отражение в двух альбомах по народному изобразительному искусству коми, которые включали в себя 152 фотографии и 40 цветных таблиц с зарисовками различных видов декоративно-прикладного искусства Коми. В ходе поездки Н.С. Королевой были собраны подробнейшие сведения об уникальной технологии многоцветного браного ткачества удорских коми, которые впоследствии вошли в диссертационное исследование, посвященное народному искусству финно-угорских народов СССР. В частности, Н.С. Королева зафиксировала определенный всплеск традиции браного ткачества на Удоре в первой половине 1960 года.

Исследовательница, наблюдавшая "живую традицию" удорского бранного ткачества, обращает внимание на следующие особенности:

1. Коми мастерицы используют широкую цветовую палитру (4-5 цветов), не характерную для русской традиции;

2. Только на Вашке ткут бранные многоцветные узорчатые чулки, которые до второй половины XX в. были распространены на Удоре так же широко, как и вязанные чулки;

3. Для удорских коми характерна более примитивная техника тканья (на малом количестве ремизок, двухремизное одноуточное и двухуточное бранное ткачество), которая у русских мастериц была забыта ещё в конце XIX в.;

4. Для браных узоров коми независимо от вещи, которую они украшали, типична тонкая и очень мелкая разработка орнаментальных форм, композиция построена на равномерном соотношении узора и просветов фона;

5. В разных полосах тканого полотенца очень редко встречается один и тот же узор;

6. Удорские мастерицы никогда не дополняли браные изделия декором, выполненным в другой технике.

К сожалению, разыскания Н.С. Королевой по ткачеству удорских коми не были опубликованы впоследствии и лишь фрагментарно представлены в диссертационном исследовании "Народное искусство пермских финно-угров XIX–XX вв." (Королева 1968: 94–109).

В начале 1970-х годов экспедиционные исследования в Удорском районе Коми АССР проводили этнографы ИЯЛИ КФАН СССР, исследователь декоративно-прикладного искусства коми Л.С. Грибова и специалист по изучению текстильного орнамента Г.Н. Климова. Исследовательницы отмечали, что на р. Вашке дольше, чем в других регионах проживания коми, сохранялась традиция узорного тканья полотенец с оригинальными трехчастными орнаментальными композициями, а также изготовление тканых чулок

с многоцветным браным узором (Грибова 1980: 82). К сожалению, этнографические сведения, собранные о "живой" орнаментальной традиции многоцветного браного ткачества удорских коми впоследствии не были подробно описаны исследователями, а лишь кратко упоминаются в плане сравнительно-типологического изучения текстильного орнамента коми в известных монографиях по народному искусству коми (Климова 1984: 11, 13, 22; Грибова 1980: 82, 88). В частности, технологическая традиция браного ткачества удорских коми, не характерная для других этнографических групп коми, определялась Г.Н. Климовой как "мода", сравнительно недавно заимствованная удорскими коми у пограничного русского населения (Климова 1984: 14).

Уникальные образцы удорского браного ткачества конца XIX – первой половины XX в. были собраны в 1970–1980-х гг. директором школьного музея в с. Важгорт Удорского района Коми АССР Б.И. Петровым, которому довелось самому наблюдать процесс традиционного ткачества в селах и деревнях на р. Вашка, а также интервьюировать удорских мастериц, которые неоднократно представляли свои тканые изделия на региональных и всесоюзных выставках (Петров 1976). В настоящее время полевые сборы Б.И. Петрова представлены в фондах Национального музея Удорского района (с. Кослан) и Важгортском филиале (с. Важгорт).

В ходе полевых исследований, проводимых сотрудниками отдела этнографии Коми республиканского историко-краеведческого музея (ныне Национального музея Республики Коми, г. Сыктывкар), образцами браного ткачества удорских коми регулярно пополнялись "мягкие" фонды, а также постоянная экспозиция по традиционной культуре коми. Некоторые уникальные экспонаты художественного тканья удорских коми из фондов музея были опубликованы в альбомах по народному искусству коми, а также представлены на этнографических картах по текстильной традиции в историко-культурном атласе Республики Коми и музейных каталогах (Грибова, Савельева 1990; Зеновская 1997: 272–274; Колчина 2012; Зыряне… 2015).

В начале 1990-х годов в коми селах на Удоре этнографам отдела этнографии КНЦ УрО РАН удалось наблюдать "живую традицию" многоцветного браного ткачества в с. Латьюга (мастерица Павлова А.О., 1907 г.р.), в с. Важгорт (мастерица Сазонова М.В., 1928 г.р.), в д. Кривой Наволок (мастерица Яковлева Д.К., 1914 г.р.), в с. Пучкома (Палева М.В., 1916 г.р.) и в с. Чупрово (Багаева Е.А., 1920 г.р.). В ходе полевых исследований на р. Вашка было зафиксировано несколько уникальных традиционных узорчатых полотенец, тканых подолов рубах и сарафанов, а также редкие образцы тканых узорчатых чулок удорских коми.

Некоторые образцы браного ткачества удорских коми на реках Вашка (д. Кривой Наволок, д. Пасма, с. Важгорт, с. Вендинга, с. Ёртом, с. Большая Пучкома, д. Выльгорт) и Мезень (с. Кослан, с. Глотово, д. Верхний Вылиб) были зафиксированы и сфотографированы этнографами В.Б. Липиным и Артом Леэте в ходе совместной экспедиции Национального музея Республики Коми и Эстонского национального музея в Удорский район Республики Коми (Леэте, Липин 2007).

Результаты

Декоративный канон удорского браного ткачества. Удорские коми мастерицы владели несколькими техниками узорного ткачества: браной *(öктымын кыöм),* браной "на верхнем цепу", многоремизной *(табöн кыöм),* ажурной, что позволяло создавать различные по фактуре ткани. Владевшие этими навыками ткачихи украшали

разнообразными орнаментами полотенца, скатерти, паголенки чулок и подолы женских рубах. Изначально тканые изделия коми были одноцветными (с использованием нитей белого цвета разных оттенков) и двухцветными (нитей белого и красного цветов, реже – чёрного). С появлением анилиновых красителей в конце XIX в. мастерицы начинают ткать многоцветные орнаментальные композиции. В это время браные чулочные паголенки начинают ткать из цветной шерстяной пряжи (гаруса). Особенно пёстрыми стали узоры на удорских полотенцах к середине XX в., когда в продаже стали появляться красочные фабричные нити (мулине, ирис).

Одной из особенностей браного ткачества удорских коми является широкий круг изделий, изготавливавшихся данным способом: не только полотенца, но и скатерти, подолы сарафанов и рукава рубах, а также тканые узорчатые чулки. Удорские мастерицы декорировали узкими полосами браного ткачества вороты, рукава и более широкими – наплечия ("полики") и подолы рубах и сарафанов *(бöждор прöшва).*

Особенно разнообразными по орнаментации были полотенца, которые выполняли не только утилитарную и декоративную функции, но были также необходимой принадлежностью свадебного обряда – ими одаривали жениха, его родственников и в большом количестве вывешивали на стены, что демонстрировало мастерство невесты.

Кузь сера чышкöд – тканые узорчатые полотенца. В технике браного ткачества у коми мастериц на Удоре выработались свои, не встречающиеся у других этнографических групп коми, приёмы композиционного размещения узора на полотенцах. Так, широкие браные полосы здесь сопровождаются более узкими бордюрами, которые, размещаясь на некотором расстоянии от основной полосы, смягчают резкий переход к белому фону полотна. Особенно сложен ритм сочетания широких и узких полос в нарядных декоративных полотенцах (Королева 1968: 99). Здесь в расположении и сочетании браных полос допускается неограниченная свобода, но чаще всего мастера стремятся утяжелить композицию узора к нижнему краю полотенца; с этой целью самая широкая, плотная по узору полоса размещается внизу, а более узкие – вверху. Облегченность верхней части узора подчеркивается мотивом антропоморфных фигур, которые называют *"ыджыд юр / большая голова"* или *"баба сер / женский узор".*

Фото / Photo 1

Фрагмент тканого многоцветного узорчатого полотенца (к.-з. "кузь чышкöд").

Towel, patterned, multi-colored weaving. Made by A.L. Mateva from Toiyma, Vashka, in 1967.

Дер. Тойма на р. Вашка. Мастер: А. Матева, 1903 г.р.
Дата изготовления: 1967 г.
Техника: браное, ремизное ткачество. В декоре верхней орнаментальной полосы представлен традиционный антропоморфный мотив "ыджыд юр / большая голова".
Фонды Важгортского филиала Национального музея Удорского района: КП 841.
Фото В.Э. Шарапова, 2015 г.

Fragment of a multicolored patterned woven towel (k.-z. kuz' chyshköd). Village of Toyma, Vashka River. Craftswoman: A. Mateva, born 1903.
Date of production: 1967.
Technique: patterned multi-shaft weaving (braided / drawloom weaving). The upper ornamental band features the traditional anthropomorphic motif "ydzhyd yur / big head."
Collections of the Vazhgort Branch of the National Museum of the Udora District: Inv. No. KP 841.
Photograph by V. E. Sharapov, 2015.

В браных узорах на полотенцах удорских коми часто встречается сложный мотив *"креста сер / узор крестами"* или *"крука сер / узор с крючками*", который не характерен для ткачества других этнографических групп коми. Строится этот мотив из обычного прямого креста, дополненного со всех четырех сторон гребенчатыми ответвлениями, похожими на ветвистые рога оленя. Отсюда особая сложность и переплетенность этой группы тканых узоров.

Фото / Photo 2

Фото №2. Фрагмент тканого узорчатого полотенца (к.-з. "кузь чышкöд"). Дер. Тойма на р. Вашка. Мастер: А.Л. Матева, 1903 г.р. Дата изготовления: 1967 г.
Техника: браное, ремизное двухцветное ткачество. В декоре верхней орнаментальной полосы представлены традиционные мотивы "поп юр", а в более широкой нижней "креста сер / узор крестами" и "крука сер / узор с крючками".
Фонды Важгортского филиала Национального музея Удорского района: КП 841.
Фото В.Э. Шарапова, 2015 г. Photo 2 Towel, patterned weaving. Made by A.L. Mateva from Toiyma, Vashka.

Photo 2 Towel, patterned weaving. Made by A.L. Mateva from Toiyma, Vashka, in 1967. Fragment of a patterned woven towel (k.-z. kuz' chyshköd). Village of Toyma, Vashka River. Craftswoman: A. L. Mateva, born 1903. Date of production: 1967.
Technique: patterned two-color multi-shaft (drawloom) weaving. The upper ornamental band features the traditional motif "pop yur", while the wider lower band contains the motifs "kresta ser / cross pattern" and "kruka ser / hook pattern."
Collections of the Vazhgort Branch of the National Museum of the Udora District: Inv. No. KP 841.
Photograph by V. E. Sharapov, 2015.

Фото / Photo 3

Многоцветное узорчатое полотенце (к.-з. "кузь чышкöд"). Дер. Тойма на р.Вашка. Мастер: А.Л. Матева, 1903 г.р. Дата изготовления: 1967 г. Техника: браное, ремизное ткачество. В декоре верхней орнаментальной полосы представлен традиционный антропоморфный мотив "ыджыд юр / большая голова". Фонды Важгортского филиала Национального музея Удорского района: КП 841. Фото В.Э. Шарапова, 2015 г.

Photo 3 a, b Towel, patterned multi-colored weaving. Made by A.L. Mateva from Toiyma, Vashka, in 1967. Multicolored patterned woven towel (k.-z. kuz' chyshköd). Village of Toyma, Vashka River. Craftswoman: A. L. Mateva, born 1903. Date of production: 1967. Technique: patterned multi-shaft (drawloom) weaving. The upper ornamental band features the traditional anthropomorphic motif "ydzhyd yur / big head." Collections of the Vazhgort Branch of the National Museum of the Udora District: Inv. No. KP 841. Photograph by V. E. Sharapov, 2015.

С браными узорами декоративных полотенец сочетается обычно не гладкий, а фактурный, выполненный на тех же бральницах, фон, благодаря чему еще больше усиливается узорность вещи. И фактура, и цвет, и узоры объединяются на полотенцах в единый ритмически слаженный декор (Королева 1968: 99).

Фото / Photo 4

Фрагмент тканого свадебного полотенца (к.-з. 'кузь чышкöд'). Село Чупрово на р. Вашка.

Fragment of a woven wedding towel (k.-z. kuz' chyshköd). Village of Chuprovo, Vashka River.

Мастер: Е.А. Багаева, 1920 г.р. Дата изготовления: первая половина XX в. Техника: браное, ремизное многоцветное ткачество. В декоре верхней орнаментальной полосы представлены традиционные мотивы 'ыджыд юр / большая голова' и 'крука сер / узор с крючками'. Материалы этнографической экспедиции 1990 г. сектора этнографии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН в селах на р.Вашка. Фото В.Э. Шарапова, 1990 г.

Craftswoman: E. A. Bagaeva, born 1920. Date of production: first half of the 20th century. Technique: multicolored patterned multi-shaft (drawloom) weaving. The upper ornamental band features the traditional motifs "ydzhyd yur / big head" and "kruka ser / hook pattern."

Для браных полотенец удорских коми типичны особые асимметричные узоры, переплетенные между собой в сложном ритме. Нижняя широкая узорная полоса редко строится самостоятельной и замкнутой; чаще всего в ней несколько раз повторяются одни и те же соединенные вместе полосы, в результате чего возникают новые узорные мотивы и новый ритмический строй. В одних случаях преобладает диагональная сетка, в других – горизонтальные или вертикальные протоки. Н.С. Королева отмечает, что аналогичный принцип композиционного решения декора характерен и для браного ткачества удмуртов (Королева 1968: 102).

Характеризуя браное ткачество удорских коми В.Н. Белицер, отмечает: "Ценочные линейки или палочки, которыми перекладывают подвязанные нити при набирании узоров, называют здесь "лапи". Поэтому, определяя сложность узора, отмечают, во сколько лапей он сделан. Для сложных узоров используют до 100 "лапей" (Белицер 1958: 333). Эти данные подтверждаются и относительно недавними полевыми материалами автора, зафиксированными на р. Вашке. Так, информанты отмечают, что сложная трехчастная орнаментальная композиция на свадебных полотенцах (а также на полотенце, которое крестная накидывает на плечи парня, провожая его в армию) состояла из 18 лапей верхней, 30 лапей средней и 100 лапей нижней браных полос (записано со слов Е.А. Багаевой, 1920 г.р. в с. Чупрово).

Кыӧм пызандӧра **–** браная скатерть. Тканые скатерти у коми почти всегда были белыми. Мастерицы обычно ткали не законченные изделия, а длинный метровый холст. Затем из трех или двух полотен сшивали скатерти. Удорскими коми мастерицами скатерти изготовлялись в технике ткачества "на малом количестве дощечек". При таком приеме ткачества сохраняется та же двухремизная заправка станка и проборка основы дощечками – бральницами, но здесь ткали одним, белым утком.

На ткани получается не настил, характерный для браного способа ткачества, а плотные рельефные рубчики и едва заметный ажур. Эта рельефно-ажурная фактура не заполняла всей площади ткани, а включалась определенными участками, сохраняя в отдельных местах и полотняное переплетение. От различных комбинаций в соотношении гладких и фактурных участков создавалась узорность вещи. При этом способе ткачества количество бральниц определялось сложностью узора. С помощью одной доски на гладком полотняном фоне получается очень простой шашечный или полосатый узор, на двух и трех досках более сложный с включением геометрических фигур, прямых и диагональных линий. Лишь для праздничных, обрядовых скатертей ткали полотно, декорированное красными полосами браного ткачества. Браные полосы с красным узором не только украшали скатерть, но придавали определенную композиционную завершенность изделию.

Фото / Photo 5

Браная скатерть (к.-з. "кыён пызандӧра"). Редкий образец удорского браного ремизного ткачества из с. Лоптюга на р. Вашке. Мастерица Жданова Александра Егоровна (1889-1958). Фото В.Э. Шарапова, 2024 г.

Photo 5 Tablecloth, patterned weaving. Made by A.E. Zhdanova from Loptyuga, Vashka. Браное одноуточное ложноажурное ткачество в примитивной технике исполнения "на малом количестве дощечек". В таком приёме ткачества сохраняется двухремизная заправка станка и проборка основы дощечками-бральницами, но ткали в данном случае одним белым утком. Мастерицы обычно ткали не законченные изделия, а длинный метровый холст. Скатерти, как правило, декорировали красными полосами браного ткачества, которые придавали определенную композиционную завершенность изделию. Скатерти удорских коми отличаются от русских аналогичных браных изделий тем, что между двумя полотнищами никогда не вставлялась декоративная полоса "прошва", а два полотнища просто сшивались.

Patterned woven tablecloth (k.-z. kyön pyzandöra). A rare example of Udora patterned multi-shaft weaving from the village of Loptyuga, Vashka River. Craftswoman: Aleksandra Egorovna Zhdanova (1889-1958). Technique: singleweft patterned pseudoopenwork weaving executed in a primitive method "with a small number of tablets." In this technique, the loom retains a two-shaft threading and tablet-based pattern selection using bral'nitsy (pattern tablets), but the weaving itself is done with a single white weft. Craftswomen typically wove not a finished item but a long length of cloth. Tablecloths were usually decorated with red patterned bands that provided compositional completeness to the piece. Udora Komi tablecloths differ from Russian patterned analogues in that no decorative proshva (inserted ornamental band) was ever placed between the two cloth panels; instead, the two panels were simply sewn together.

По наблюдениям Н.С. Королевой, браное ткачество удорских коми напоминает счётную вышивку "набором", поскольку в обоих случаях получается узорная ткань с "негативным" повторением рисунка на лицевой и изнаночной стороне изделия. Цвет в браном ткачестве может меняться только по горизонтали, так как цветная уточная нить, образующая рельефный настил в браном ткачестве, может меняться только по горизонтали. Каждый стежок кладется параллельно нитям основного фонового полотна с небольшим сдвигом по отношению друг к другу, что определяет обязательные уступы в обрисовке узорных форм. Браное ткачество не требует сложной заправки станка, нити основы пробираются здесь, как и для обычного полотна в две ремизки, но при самом

процессе ткачества применяются еще специальные дощечки-бральницы, с помощью которых образуется зев для пробрасывания узорного утка. Количество бральниц зависело от ширины и сложности рисунка, поскольку каждый новый уступ узора требовал новой проборки основы (Королева 1968: 94).

По структуре и общему композиционному строю скатерти удорских коми близки изделиям русских мастериц Кировской, Вологодской и Архангельской областей. Однако в большинстве районов этих областей давно забыт примитивный способ ткачества "на малом количестве дощечек". В Кировской и Вологодской областях эффекта рельефно-ажурной фактуры мастерицы достигали более совершенным четырех-ремизным способом ткачества. По наблюдениям Н.С. Королевой, скатерти удорских коми отличаются от русских изделий и тем, что между двумя полотнищами не вставлялась декоративная прошва, а полотнища просто сшивались. Русские же мастерицы, как правило, вшивали в середину скатерти кружево или другую тканую полосу, а на Кокшеньге эти полосы порой дополнялись и вышивкой.

Кыöм сера чувки **–** тканые узорчатые чулки для сенокоса. К ряду уникальных технологических традиций в ткачестве удорских коми можно отнести изготовление многоцветных тканых узорчатых чулок. В.Н. Белицер в 1958 г. предельно лапидарно охарактеризовала эту традицию следующим образом: "В Удорском районе женщины до настоящего времени носят не только вязаные чулки, но и сшитые из холста, с браным узором, состоящим из разноцветных полос. В паголенке узорный холст нашивают на более толстую ткань, которая служит подкладкой" (Белицер 1958: 333).

Л.С. Грибова в своей монографии приводит следующее описание этих узорчатых тканых чулок удорских коми: "Об этих изделиях остались лишь воспоминания. Автору довелось всего лишь дважды увидеть их в быту: в с. Коса – белые гетры сложного ремизного тканья и в Коми республиканском доме народного творчества удорские гетры с браным узором мелкого сложного рисунка красным по белому с включением зеленого цвета. Кроме того, один чулок зарисован в с. Важгорт Удорского района экспедицией Л.Н. Жеребцова. Он весь покрыт браным узором, состоящим из разновеликих правильных и неправильных ромбиков, между которыми проходит сплошная диагональная сетка. Красный уток чередуется с синим, черным, зеленым и желтым, образуя многоцветные узкие горизонтальные узорные полосы. Ткань для таких чулок для большей прочности ткали ремизным способом, что создавало благодаря рельефной фактуре дополнительный художественный эффект" (Грибова 1980: 88).

По наблюдениям Н.С. Королевой, удорские мастерицы при тканье узорчатых чулок также использовали сочетание зелёного, синего и жёлтого. При этом в декоре тканых чулок используются типичные для браного ткачества мотивы, но здесь они заполняют всю плоскость чулка не только по горизонтали, а преимущественно по вертикали паголенка. Преобладают в этих изделиях элементы орнамента, производные от мотива "косого креста" и различные вариации, похожие на букву "Т" (Королева 1968: 104).

Фото / Photo 6

Фото №6. Тканые чулки (к.з. "кыöм чувки"). Село Шиляево на р.Вашка.
Техника выполнения – браное ткачество.
Photo 6 Hosiery, weaving. From Shilyaevo, Vashka.
В декоре браного узора использованы фиолетовый, желтый, зеленый и красный цвета. Зарисовка художника Зинаиды Алексеевны Пучковой. Совместная экспедиция НИИХП и ИЭ РАН в Удорском районе Коми АССР, 1952 г. Фонды Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства: КП-40225/29.
https://collection.damuseum.ru/entity/OBJECT/348248?kit=5094954&index=44

Woven stockings (k.-z. kyöm chuvki).
Village of Shilyaevo, Vashka River. Technique: patterned (braided) weaving.
The patterned design incorporates purple, yellow, green, and red colors. Drawing by the artist Zinaida Alekseevna Puchkova. Joint expedition of the Research Institute of Art Industry (NIIKhP) and the Institute of Ethnology, USSR Academy of Sciences, to the Udora District of the Komi ASSR, 1952.

Фото / Photo 7

Тканые чулки (к.з. "döра вывса чувки").
Техника выполнения – браное ткачество, с.Чупрово на р.Вашка.
Photo 7 Hosiery, weaving. From Chuprovo, Vashka.
Сборы Kodolányi János & Vászolyi Erik, Российско-венгерская экспедиция 1966 г. Фонды Этнографического музея г.Будапешт (NM 67.59.8.1-2).
https://gyujtemeny.neprajz.hu/neprajz.01.01.php?bm=1&as=188135&kr=C_363_%3D%22Udorai%20j%C3%A1r%C3%A1s%22

Woven stockings (k.-z. döra vyvsa chuvki).
Technique: patterned (braided) weaving. Village of Chuprovo, Vashka River.
Collected by Kodolányi János & Vászolyi Erik during the 1966 Russian–Hungarian expedition. Collections of the Ethnographic Museum, Budapest: Inv. No. NM 67.59.8.1–2.
Catalogue entry: https://gyujtemeny.neprajz.hu/neprajz.01.01.php?bm=1&as=188135&kr=C_363_%3D%22Udorai%20j%C3%A1r%C3%A1s%22

По мнению Н.С. Королевой, узоры удорского браного ткачества близки по технике исполнения к орнаментации счётной вышивки, характерной для северных удмуртов, обских угров, восточных марийцев. Близкие аналогии по композиции узоров и способу их исполнения можно найти в тканых изделиях русских мастериц Вологодской и Архангельской областей. Вместе с тем, сопоставление удорских браных изделий с русскими из районов Пинеги, Кокшеньги и Мезени выявляет некоторые различия в этих традициях ткачества. Те же свободные асимметричные мотивы русские мастера используют по-своему.

В изделиях русских мастериц асимметричные мотивы подчинены особой композиционной схеме, где чётко выделены центральные геометрические фигуры. Свободные по очертаниям мотивы свастики чаще всего вписываются в строгую ромбическую розетку, отделенную от других мотивов значительно большим пропуском фона. В таких узорах несколько нарушается и равномерность заполнения, и типичная для ткачества коми переплетенность орнамента. Русские мастера XIX-XX веков часто дополнительно украшали свои изделия другими приёмами. На Кокшеньге, например, тканые полотенца еще и вышивали, добавляли покупные ленты и аппликацию, чего совершенно нет в работах коми (Кожевникова 1967).

В самом приёме браного ткачества, как и в технике счётной вышивки, заложены определенные возможности художественного обобщения и геометризации орнаментальных форм, которые, однако, по-разному используются в разных этнических традициях. Для браных узоров коми независимо от вещи, которую они украшали, характерна тонкая и очень мелкая разработка форм. Здесь нет крупных мотивов, заполненных сплошь красным настилом; все построено на равномерном соотношении узора и просветов фона. Любая форма при таком решении дробится узкими диагональными линиями или мелкими фактурными разработками в виде шашечек и зубчиков, которые, чередуясь с просветами фона, образуют другие, более мелкие геометрические формы. Такой приём заполнения браных узоров обеспечивает равномерность, спокойный переход от одного мотива к другому.

Обсуждение

Рассмотренные в статье материалы позволяют предположить, что технология традиционного узорного ткачества удорских коми сформировалась во второй половине XIX в. на пограничье Вологодской и Архангельской губерний, в состав которых входил Коми край (ареал пограничного, либо совместного проживания коми и русского населения), что во многом обусловило некоторые особенности геометрических орнаментальных композиций и цветовую гамму на тканых изделиях, которые по целому ряду декоративных приемов являются уникальными как для художественной текстильной традиции Русского Севера, так и для ткачества других этнографических групп коми. Исследователи отмечают очевидную типологическая схожесть орнаментов на браных изделиях удорских коми, проживающих в бассейнах рек Вашка и Печора, с декором на аналогичных тканых изделиях русского населения бассейнов рек Мезени, Пинеги и Кокшеньги. Эти "пограничные" этнические традиции формировались и так или иначе развивались в едином историко-культурном ареале Европейского Севера-Востока, и безусловно, имели общие этнокультурные основы в технологических и эстетических традициях. Примечательно, что в быту удорских коми вплоть до второй

половины XX в. сохранились некоторые уникальные ("примитивные") технологии узорного ткачества, которые были утрачены в русской традиционной культуре уже в середине XIX в. Следует отметить, что вологодские и архангельские мастерицы как в прошлом, так и в настоящее время легко идентифицируют удорские браные изделия по орнаментальным и колористическим особенностям и называют их "зырянскими". Феномен удорского браного ткачества XX в., вероятно, может быть отнесен к ряду уникальных художественных и технологических традиций коми, которые формировались на территориях пограничного, либо совместного проживания коми с иноэтничным населением.

Заключение

Во многих сельских домах на Вашке и Мезени бережно хранят не только образцы старинных узорчатых тканей (полотенца, рубахи, скатерти), но и старинные ткацкие станы, на которых пожилые мастерицы ткали вплоть до 1990-х гг. и старались передать свое мастерство молодому поколению, которое проявляло неподдельный интерес к самобытной художественной традиции. В настоящее время в Удорском районе Республики Коми, к сожалению, не осталось мастериц, которые занимаются ткачеством узорчатых браных полотенец. Как это ни парадоксально, традиции браного ткачества удорских коми, характерные в прошлом для творчества мастериц коми на Вашке и Мезени, сегодня сохраняются за пределами Республики Коми – в Сольвычегодской школе-мастерской народных ремесел, где эти тканые узоры так и называют – "зырянские". Техника браного ткачества удорских коми привлекает современных архангельских мастериц своей относительной простотой, поскольку выполняется на малом количестве ремизок.

Примечательно, что эта относительно примитивная технология позволяет выполнять очень сложные геометрические композиции, которые в русской традиции мастерицы выполняли лишь на большом количестве ремизок, т.е. в более сложной технике. В данном случае происходит процесс так называемого "вторичного" заимствования определенных приемов браного ткачества и орнаментального декора русскими мастерицами у коми, которые сами ранее переняли эту традицию ткачества у русского населения. Лишь в некоторых сельских школах и музеях Удорского района Республики Коми силами местных краеведов практикуется мастерство изготовления традиционных браных тканых поясов *(кыöм сера йи)* на дощечках и на бердо. Так, в с. Важгорт изготовлением браных поясов на дощечках занимается Валентина Владимировна Екимова, в п. Междуреченск широкие многоцветные браные пояса на бердо ткёт Анна Александровна Горст, в с. Ослан ткет пояса Алида Александровна Евтушевская – постоянные участницы республиканских и районных конкурсов народного искусства коми. Некоторые элементы браного ткачества в реконструкциях народного костюма удорских коми воспроизводятся современными мастерами декоративно-прикладного искусства НХП "Зарни пас", созданного на базе "Коми Ремесленной Палаты" (г. Сыктывкар). В селах на Удоре браные узорчатые полотенца, как правило, используются в качестве декоративных украшений в убранстве сельских домов. Элементы браного ткачества сохраняются в убранстве некоторых элементов традиционных нарядов различных фольклорных коллективов Удорского района Республики Коми.

Художественная традиция браного ткачества удорских коми, во многом утраченная в настоящее время, безусловно, требует более детального изучения и тщательного

этнографического и искусствоведческого описания для качественного преподавания этого мастерства в учебных заведениях (в Коми республиканском колледже культуры им. В.Т. Чисталева и Гимназии искусств при Главе Республики Коми), а также возможного внедрения этой традиции в линейку изделий предприятий народных художественных промыслов Республики Коми, в частности, Ремесленной палаты Республики Коми.

Acknowledgements

I express my gratitude to the editorial board and scientific reviewers for their scientific support of the article.

Алғыс білдіру

Мақаланы ғылыми сүйемелдеуде редакцияға және ғылыми рецензенттерге алғысымды білдіремін

Благодарности

Выражаю благодарность редакции и научным рецензентам в научном сопровождении статьи.

Список литературы

Белицер В. Этнографические работы в Удорском районе Коми АССР в 1952 г. *Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.* Москва: Наука. 1953. Вып. 19. С.16-27.

Белицер В. *Очерки по этнографии народов коми: XIX – нач. XX в.* Москва: Наука. 1958. 403 с.

Грибова Л. *Декоративно-прикладное искусство народов коми.* Москва: Наука. 1980. 240 с.

Грибова Л., Савельева Э. *Народное искусство коми.* Москва. 1992. 190 с.

Егоров А. Вклад венгерского этнографа Бенедека Баратоши-Балога в изучение традиционной культуры финно-угорских народов. *Вестник Академии наук Республики Башкортостан.* 2015. Т.20, no.4, с.68-73.

Земцова И., Шарапов В. Этнографическое картографирование народного изобразительного искусства коми. В: *Роль визуальных источников в изучении региональной истории.* Сыктывкар. 2017. С. 23-27.

Зеновская В. Ткачество. *В: Историко-культурный атлас Республики Коми.* Москва: Дрофа. 1997. С.272-274.

"Зыряне – народ даровитый". Пьянкова Т., Шарапов В., Коровина Е., Юркина Г., Рафикова Ж., Фефилова Н. Сыктывкар: Коми республиканская типография. 2015. 200 с.

Климова Г. *Текстильный орнамент коми.* Сыктывкар: Коми книжное издательство. 1984. 144 с.

Кожевникова Л. Народное ткачество Кокшеньги (Вологодская область). *Сборник трудов Научно-исследовательского института художественной промышленности.* Москва: НИИХП. 1967. Вып.4. С.213-236.

Колчина Е. Полевые исследования М.А. Браун традиционной культуры народов коми. *Очерки по истории изучения этнографии коми.* Сыктывкар: Кола. 2007. С.164-180.

Королева Н. *Народное искусство пермских финно-угров XIX-XX вв.: коми, коми-пермяков, удмуртов:* дисс. канд. искусств. Москва. 1968. 288 с.

Леэте А., Липин В. О методике и результатах исследований этнографических экспедиций Эстонского национального музея по этнографическим группам коми. *Очерки по истории изуче-*

ния этнографии коми. Сыктывкар: Кола. 2007. С.307-324.
Петров Б. *Дорогой отцов.* Сыктывкар: Коми книжное издательство. 1976. 72 с.
Шарапов В. "Зырянская" экспедиция Б. Баратоши Балога на Вашку и Мезень в 1911 г. *XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сборник материалов.* Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории АН РТ. 2019. С.237-238.
Шипунова Г. Коми-областной музей. *Советская этнография.* 1931. No.1-2, с.182–184.
Шипунова Г. Народное искусство коми. *Советская этнография.* 1960. No.2, с.57–71.

References

Belitser V. Etnograficheskie raboty v Udorskom raione Komi ASSR v 1952 g. *Brief Communications of the Institute of Ethnography USSR Academy of Sciences.* Moscow: Nauka. 1953. Is.19, pp.16-27. (in Russian)
Belitser V. *Ocherki po etnografii narodov komi: XIX – nach. XX v*. Moscow: Nauka. 1958. 394 p. (in Russian)
Gribova L. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo narodov komi.* Moscow: Nauka. 1980. 240 p. (in Russian)
Gribova L., Savel'eva E. *Narodnoe iskusstvo komi.* Moscow. 1992. 190 p. (in Russian)
Egorov A. Vklad vengerskogo etnografa Benedeka Baratoshi-Baloga v izuchenie traditsionnoj kul'tury finno-ugorskih narodov. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan.* 2015. Vol.20, no.4, pp.68-73. (in Russian)
Zemtsova I., Sharapov V. Etnograficheskoe kartografirivanie narodnogo izobrazitel'nogo iskusstva komi. In: *The Role of Visual Sources in the Study of Regional History.* Syktyvkar. 2017, pp.23-27. (in Russian)
Zenovskaya V. Tkachestvo. In: *Historical and Cultural Atlas of the Komi Republic.* Moscow: Drofa Publ. 1997. Pp.272-274. (in Russian)
Zyriane – narod darovityi. Pyankova T., Sharapov V., Korovina E., Yurkina G., Rafikov Zh., Fefilova N. Syktyvkar: Komi Republican Printing House.2015. 200 p. (in Russian)
Klimova G. *Tekstilnyi ornament komi.* Syktyvkar: Komi Book Publishing House. 1984. 144 p. (in Russian)
Kozhevnikova L. Narodnoe tkachestvo Kokshen'gi (Vologodskaya oblast'). In: *Proceedings of the Research Institute of Art Industry.* Moscow: NIIHP Publ. 1967. Iss 4. Pp.213-236. (in Russian)
Kolchina E. Polevye issledovaniya M.A.Braun traditsionnoj kul'tury naroda komi. In: *Essays on the History of Studying Komi Ethnography.* Syktyvkar: Kola Publ. 2007. Pp.164-180. (in Russian)
Korolyova N. *Narodnoe iskusstvo permskih finno-ugrov XIX-XX vv.: komi, komi-permyakov, udmurtov.* PhD dissertation in Art Studies. Moscow. 1968. 288 p. (in Russian)
Leete A., Lipin V. O metodike I rezul'tatah issledivamij etnorgaficheskih ekspeditsij Estonskogo natsional'nogo muzeya po etnorgaficheskim gruppam komi. In: *Essays on the History of Studying Komi Ethnography.* Syktyvkar: Kola Publ. 2007. Pp.307-324. (in Russian)
Petrov B. *Dorogoj ottsov.* Syktyvkar: Komi Book Publishing House. 1976. 72 p. (in Russian)
Sharapov V. "Zyryanskaya" ekspeditsiya B. Baratoshi-Baloga na Vashku i Mezen' v 1911 g. In: 13th *Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia:* Proceedings. Moscow-Kazan: IEA RAN, KFU, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 2019. Pp.237-238. (in Russian)
Shipunova G. Komi-oblasthoj muzej. *Soviet ethnography.* 1931. No.1–2, pp.182–184. (in Russian)
Shipunova G. Narodnoe iskusstvo komi. *Soviet ethnography*. 1960. No.2, pp.57–71. (in Russian)

Information about the author

Valerij E. Sharapov – Candidate of Historical Sciences, principal research scientist of the ethnography sector, the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS, Kommunisticheskaya 26, 167982, Syktyvkar, Russia, https://orcid.org/0000-0003-0032-7081, sharapov.valery@gmail.com

Автор туралы мәлімет

Валерий Энгельсович Шарапов – т.ғ.к., Коми ғылыми орталығы РҒА Орал бөлімшесі жанындағы Тіл, әдебиет және тарих институтының этнография секторының жетекші ғылыми қызметкері, Коммунистическая көшесі, 26, 167982, Сыктывкар, Ресей, https://orcid.org/0000-0003-0032-7081, sharapov.valery@gmail.com

Сведения об авторе

Валерий Энгельсович Шарапов – к. и.н., ведущий научный сотрудник сектора этнографии, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, Коммунистическая 26, 167982, Сыктывкар, Россия, https://orcid.org/0000-0003-0032-7081, sharapov.valery@gmail.com

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье
Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 17.11.2025.
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 15.02.2026.
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.04.2026.

GUMILYOV JOURNAL OF HISTORY
ISSN: 3080-129X. eISSN: 3080-6860
WORLD HISTORY – ДУНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫ – ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ –

Научная статья / Research Article
МРНТИ / IRSTI 05.11.15

CC BY NC ND

https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-96-118

The northern republics in the demographic landscape of Russia

V. Fauzer[a], I. Zherebtsov[b]
[a]*Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia*
[b]*Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia.*
✉*fauzer.viktor@yandex.ru*

Abstract. The study is devoted to the demographic development of the northern republics of Russia, located in the European North – the Republics of Karelia and Komi; in the Asian North – the Republics of Sakha (Yakutia) and Tyva; in the southern part of Western Siberia – the Altai Republic; in Eastern Siberia – the Republic of Buryatia. All the named republics differ from other subjects of the Russian Federation in that they owe their names to the titular ethnic groups that constituted the ethnic majority during the period of their formation. In economic terms, all the titular republics have rich deposits of various minerals, which made them attractive for colonization and involvement in economic circulation at the beginning of the 20th century. In the 1930s and 1950s, all the republics became part of the Gulag economy, which radically changed their traditional way of life and economic activities. The article is based on current statistics and population censuses (1926-2021). On this basis, the transformation of the population dynamics of six republics is revealed: some republics demonstrated an increase in their numbers, others – a population decline, and there were also multidirectional dynamics. The importance of considering this issue is that the population dynamics of the republics determine their demographic potential and opportunities for economic development and the exploration of new territories. It is shown that along with external migration flows that have disturbed the demographic structures of the population (there are more men and disproportions in the age structure have arisen); the problems of the titular ethnic groups are examined in detail, the problems are revealed, how, from the dominant ethnic groups before the 20th century, they became both absolute and relative ethnic minorities. Economic expansion has led to a decrease in the territory of indigenous ethnic groups. The place of the northern ethnic groups in the national structure of the peoples of Russia was considered separately. According to the 2021 population census, the Yakuts occupied – 17th place, the Buryats – 19th, the Tuvans – 24th, the Komi – 33rd, the Altaians – 43rd, the Karelians – 56th. The issues of settlement of titular ethnic groups are examined in detail. It is noted that most of them live in rural areas and in their ethnic homeland. The Materials from the All-Russian Population Census 2021, "On the distribution of married couples by nationality of the spouses" represent novelty and scientific contribution; this data is being introduced into scientific circulation for the first time. It has been shown that people living in ethnic republics enter into same-ethnic marriages more often than those living outside of them. Karelians and Komi people are most likely to get married across national borders; it is noted that the spread of interethnic married couples leads to assimilation, the dissolution of small ethnic groups into larger ones. It should be noted that only a small part of the problems of the titular ethnic groups has been considered; it remains to be studied the problems

© V. Fauzer, I. Zherebtsov, 2026

of marriage and conscious loneliness, why civil marriages (cohabitation) leading to low birth rates are becoming widespread, and why the number of divorces and illegitimate births is increasing.

Keywords: northern republics; population; demographic landscape; ethnic groups; assimilation; interethnic marriages

For citation: Fauzer V., Zherebtsov I. The northern republics in the demographic landscape of Russia. *Gumilyov Journal of History.* 2026. Vol.155, no.2, pp.96-118. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-96-118

Funding. The study was supported by the grant of Russian Science Foundation No. 25-28-00482, https://rscf.ru/project/25-28-00482/.

Ресейдің демографиялық ландшафтындағы солтүстік республикалар

В. Фаузер[a], И. Жеребцов[b]

[a]Ресей ғылымдар академиясы Урал бөлімшесі Коми ғылыми орталығының Солтүстікке қатысты әлеуметтік экономикалық және энергетикалық мәселелер институты, Сыктывкар, Ресей

[b]Ресей ғылымдар академиясы Урал бөлімшесі Коми ғылыми орталығының Тіл, әдебиет және тарих институты, Сыктывкар, Ресей

Аңдатпа. Бұл зерттеу Ресейдің солтүстік республикаларының демографиялық дамуына арналған. Еуропалық Солтүстікте – Карелия және Коми республикалары; Азиялық Солтүстікте – Саха (Якутия) және Тыва республикалары; Батыс Сібірдің оңтүстік бөлігінде – Алтай Республикасы; Шығыс Сібірде – Бурятия Республикасы орналасқан. Аталған республикалардың барлығы Ресей Федерациясының өзге субъектілерінен ерекшеленеді: олардың атаулары құрылу кезеңінде этникалық басымдыққа ие болған титулды этностардың атымен байланысты. Экономикалық тұрғыдан барлық титулды республикалар әртүрлі пайдалы қазбалардың мол қорларына ие, бұл XX ғасырдың басында оларды отарлау мен шаруашылық айналымына тарту үшін тартымды етті. 1930–1950 жылдары бұл республикалардың барлығы ГУЛАГ экономиканың объектісіне айналып, олардың дәстүрлі өмір салты мен шаруашылық қызметінің құрылымын түбегейлі өзгертті. Мақала ағымдағы статистика мен халық санағы материалдарына (1926–2021 жж.) негізделген. Осы деректер негізінде алты республиканың халық саны динамикасының трансформациясы ашылады: кейбіреулері өсім көрсетсе, басқаларында халық санының кемуі байқалды, сондай-ақ қарама-қарсы бағыттағы үрдістер де тіркелді. Мәселені қарастырудың өзектілігі республикалардағы халық саны динамикасының олардың демографиялық әлеуетін, экономикалық даму мүмкіндіктерін және жаңа аумақтарды игеру қабілетін айқындайтындығында. Зерттеуде сыртқы көші-қон ағындарының демографиялық құрылымдарға әсері көрсетіледі: ерлер үлесінің артуы, жас құрылымындағы диспропорциялар. Сонымен қатар титулды этностардың мәселелері егжейтегжейлі талданады: XX ғасырға дейін басым этностар бола отырып, кейін абсолюттік те, салыстырмалы да азшылыққа айналды. Экономикалық экспансия нәтижесінде жергілікті этностардың дәстүрлі қоныстану аумағы тарылды. Солтүстік этностарының Ресей халықтарының ұлттық құрылымындағы орны жеке қарастырылады: 2021 жылғы халық санағы бойынша якуттар – 17 орында, буряттар – 19, тувиндер – 24, комилер – 33, алтайлықтар – 43, карелдер – 56 орында. Титулды этностардың қоныстану ерекшеліктері жан-жақты талданады. Олардың басым бөлігі ауылдық жерлерде

және өздерінің этникалық отанында тұратыны атап өтіледі. Зерттеудің жаңалығы мен ғылыми үлесі – 2021 жылғы Бүкілресейлік халық санағының "Жұбайлардың ұлттық тиесілігі бойынша некелік жұптардың құрылымы" деректерін ғылыми айналымға алғаш рет енгізуінде. Этникалық республикаларда тұратындар бір ұлтты некелерді республикадан тыс тұратындарға қарағанда жиірек жасайтыны көрсетілген. Ең жиі аралас некеге түсетіндер – карелдер мен комилер; аралас некелердің таралуы ассимиляцияға, шағын этностардың ірі этностар арасында еріп кетуіне әкелетіні атап өтіледі. Сонымен бірге титулды этностар мәселелерінің тек аз бөлігі ғана қарастырылғаны көрсетіледі. Алда некелесу мен саналы жалғыздық, азаматтық некелердің (бірге тұрудың) кең таралу себептері, олардың төмен туу көрсеткіштеріне әсері, ажырасулар мен некесіз туулар санының өсу себептері сияқты мәселелерді зерттеу міндеті тұр.
Түйін сөздер: солтүстік республикалар; халық саны; демографиялық ландшафт; этностар; ассимиляция; этносаралық некелер

Северные республики на демографическом ландшафте России

В. Фаузер[a], И. Жеребцов[b]

[a]Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия

[b]Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия

Аннотация. Исследование посвящено демографическому развитию северных республик России, расположенных на Европейском Севере – республики Карелия и Коми; на Азиатском Севере – республики Саха (Якутия) и Тыва; в южной части Западной Сибири – Республика Алтай; в Восточной Сибири – Республика Бурятия. Все названные республики отличаются от других субъектов Российской Федерации тем, что своими названиями они обязаны титульным этносам, составляющих этническое большинство в период их образования. В экономическом плане все титульные республики имеют богатые месторождения разнообразных полезных ископаемых, что делало их привлекательными для колонизации и вовлечения в хозяйственный оборот в начале XX века. В 1930-1950 годы все республики стали объектом гулаговской экономики, что в корне поменяло их традиционный уклад жизни, виды хозяйственной деятельности. Статья базируется на материалах текущей статистики и переписей населения (1926-2021 годов). На их основе раскрывается трансформация динамики численности населения шести республик: одни республики демонстрировали рост своей численности, другие – убыль населения, имела место и разнонаправленная динамика. Важность рассмотрения данного вопроса состоит в том, что динамика численности населения республик определяет их демографический потенциал и возможности в экономическом развитии и освоении новых территорий. Показывается, что наряду с внешними миграционными потоками, внесшими возмущение в демографические структуры населения (стало больше мужчин и возникли диспропорции в возрастной структуре), подробно рассмотрены проблемы титульных этносов, раскрываются проблемы, как из доминирующих этносов до XX в. они стали и абсолютным и относительным этническим меньшинством. Экономическая экспансия привела к тому, что сократилась территория исконного проживания коренных этносов. Отдельно рассмотрено место титульных этносов в национальной структуре народов России, по переписи населения 2021 года якуты занимали – 17 место, буряты – 19, тувинцы – 24, коми – 33, алтайцы – 43, карелы – 56. Подробно рассмотрены вопросы расселения титульных этносов. Отмечается, что большая их часть проживает в сельской местности и на своей этнической родине. Новизной и научным вкладом стали материалы Всероссийской переписи населения 2021 года "О распределение супружеских пар по национальной принадлежности супругов", эти данные в научный оборот введены впервые. Показано, что проживающие в

этнических республиках заключают однонациональные браки чаще чем те, кто проживает за ее пределами. Чаще всего вступают в межнациональные браки карелы и коми; отмечается, что распространение межнациональных супружеских пар ведет к ассимиляции, растворению малых этносов в больших. Следует отметить, что рассмотрена лишь малая часть проблем титульных этносов, предстоит изучить проблемы брачности и осознанного одиночества, почему широкое распространение получают гражданские браки (сожительство), ведущие к низкой рождаемости, почему растет число разводов и внебрачных рождений.
Ключевые слова: северные республики; численность населения; демографический ландшафт; этносы; ассимиляция; межнациональные браки

Для цитирования: Фаузер В., Жеребцов И. Северные республики на демографическом ландшафте России. *Gumilyov Journal of History.* 2026. T.155, no.2, pp.96-118. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-96-118

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00482, https://rscf.ru/project/25-28-00482/.

Введение

Сложный исторический путь прошли северные республики России – от автономных областей к автономным республикам, от автономных республик к Республикам, полноправным субъектам Российской Федерации. Были еще промежуточные формы государственного устройства, например Республика Коми с 1990 по 1992 г. имела статус Коми ССР (История Коми… 2011; Жеребцов 2016: 19; Жеребцов, Лейман 2021).

Все северные республики своими названиями обязаны титульным (коренным) этносам, в период своего образования они были доминирующей нацией в этническом составе своих республик. В научной литературе можно встретить разную группировку северных республик. Когда речь идет о четырех республиках: Карелии, Коми, Саха (Якутия) и Тыва, то обычно пишут – "республики российского Севера, их территории входят полностью в районы Крайнего Севера и местности, приравненные к районам Крайнего Севера. Когда речь идет о шести республиках, к ранее названным четырем добавляются еще две республики: Алтай и Тыва, территории которых входят в районы Крайнего Севера – частично (Об утверждении 2021), то речь идет о республиках Севера России» (Фаузер и др. 2023). Такими понятиями пользуется большинство журналов "Белого списка".

В географическом измерении республики Карелия и Коми расположены на Европейском Севере, республики Саха (Якутия) и Тыва на Азиатском Севере, Республика Алтай находится в южной Сибири, а Республика Бурятия расположена в южной части Восточной Сибири. Достаточно полное описание республик Севера России можно найти в монографии "Коренные народы Севера России" (Фаузер 2025).

В экономическом плане все северные республики имеют богатые месторождения разнообразных полезных ископаемых, что делало их привлекательными для колонизации и вовлечения в хозяйственный оборот в начале XX века (Фаузер, Жеребцов 2023). Однако для хозяйственного освоения северных территорий требовались трудовые ресурсы в неограниченном количестве, местного населения было явно недостаточно. Выход из создавшейся проблемы был найден, в стране создается система ГУЛАГа, призванная

обеспечить стройки районов нового хозяйственного освоения (РНХО) дешевой рабочей силой в нужном количестве (Фаузер и др. 2015; Безносова и др. 2023). После 1950-х годов страна сменила механизм привлечения населения в РНХО – от принуждения к поощрению (Фаузер и др. 2016).

Формирование населения Севера России за счет внешней миграции привело к ряду серьезных последствий: произошли существенные трансформации практически всех демографических структур, но особенно по полу и возрасту. Изменилась этническая структура принимающих сообществ, из доминирующих национальностей коренные народы Севера стали этническим меньшинством (Фаузер и др. 2017; Жеребцов, Фаузер 2024).

В фокусе внимания трансформация демографических процессов в северных республиках России. Ставятся задачи: изучить динамику численности населения северных республик; оценить изменение национальных структур населения республик; через межнациональные браки охарактеризовать уровень ассимиляции[1] коренных народов Севера. Авторы понимают, что на сохранение титульных этносов влияет: культура, язык и письменность, экономическая независимость, историческая память, государственность и т.д. Однако рассмотреть эти вопросы в одной статье не представляется возможным. Эти вопросы – труд новых исследований авторов или их коллег.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили принцип историзма и проблемно-хронологический метод, что позволило сравнить демографическое развитие северных республик в советский и постсоветский периоды. Статистические и демографические методы позволили проследить демографическую динамику от переписи населения 1926 до переписи 2021 г.

В статье использованы общепринятые подходы. *Статистический подход* наиболее широко распространен в демографических исследованиях. Он включает получение статистической информации о населении, обработку полученных данных, построение временных рядов и распределений, анализ закономерностей, а также вычисление показателей воспроизводства населения. На той же информационной базе и методах обработки базируется *описательно-исторический подход,* применяемый для определения общей численности населения и его структуры в отдельные исторические периоды применительно к мировому населению, населению отдельных стран или частей света. *Экономико-социально-материальный подход* применяется на государственном уровне практически во всех северных государствах с целью нивелировать суровые природно-климатические условия Севера и Арктики, оторванность от "материка" и сложные производственные условия (Татаркин и др. 2015; Фаузер и др. 2022).

В работе используется термин "титульные этносы", поскольку "нация – это повседневный плебисцит гражданско-политического самоопределения жителей страны, тогда как этнос – это форма культурного самоопределения общностей. Титульные этносы дали название своим республикам (исключение Республика Дагестан). Используется термин "Коренные народы", эти народы объединяет их историческая потомственная связь с определенной территорией со времен, предшествовавших колонизации, а также прочная связь с их землями.

Использованы материалы переписей населения за 1926-2021 гг. Приведены эксклюзивные материалы распределения супружеских пар по национальной принадлежности супругов, полученные по запросу в Росстат в марте 2025 года.

Литературный обзор

Демографические процессы интересовали человечество во все времена, трудно найти государственного деятеля, ученого или рядового обывателя, кто бы не интересовался демографией, не высказал своего к ней отношения. По большому счету мы все являемся участниками демографических процессов, начиная с акта рождения до акта смерти. Кто-то пройдет все демографические процессы, кто-то лишь два. Или как писал в своем фундаментальном труде "Человек перед лицом смерти" французский историк Филипп Арьес – "Все умирать будем" (Арьес 1992: 37).

Большой объем информации по северным республикам представлен в серии монографий "Народы и культуры", основанной в 1992 г. Эта серия уникальна тем, что она содержит наиболее полный свод современных знаний – результат сотрудничества ученых РАН и ведущих специалистов из числа представителей описываемых народов.

Алтайский народ представлен в томе "Тюркские народы Сибири". В него вошли главы, посвященные сибирским татарам, чулымским тюркам, телеутам, шорцам, кумандинцам, ***алтайцам*** (в том числе челканцам, тубаларам, теленгитам) и хакасам (Тюркские народы Сибири 2006).

Бурятскому этносу посвящен отдельный том, он является наиболее полным на сегодняшний день собранием сведений по этнической истории и культуре ***бурят,*** которые рассматриваются на исконной территории расселения – Предбайкалье и Забайкалье (Буряты 2004).

Один из томов серии посвящен прибалтийско-финским народам России, к числу которых относятся ***карелы,*** вепсы, российские финны, водь и ижора. В него включены также и саамы, язык которых представляет особую ветвь финно-угорских языков (Прибалтийско-финские… 2003). Также следует отметить, что "Слишком часто и испокон века карелы оказывались в орбите противоположных интересов своих могущественных соседей" (Киркинен, Невалайнен, Сихво 1998: 7-8), что не могло не отразиться на их демографии.

Коми этнос вошел в сводный том "Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты" (Народы Поволжья… 2000). По коми народу можно привести не один десяток работ, поскольку авторы работают в Коми научном центре УрО РАН (Жеребцов 2017; Жеребцов, Меньковский, Таскаев 2016). В числе последних комплексных работ по демографии можно отметить монографию "Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение" (Фаузер 2023). В ней рассмотрена история формирования населения Республики Коми: от первых ревизских сказок до Всероссийской переписи населения 2021 г.

В очередном томе "Тюркские народы Восточной Сибири" описаны тувинцы, тофалары и долганы. Данная книга – первое обобщающее исследование основных этапов этнической истории и наиболее значимых характеристик социума и культуры тюркских народов Восточной Сибири (Тюркские народы… 2008).

Якутскому этносу посвящен отдельный том, в нем "большое внимание уделяется происхождению, археологии, антропологии, ранней этнической и социальной истории

якутского народа, дается демографическая характеристика якутов, описаны этнографические и этнотерриториальные группы, проживающие за пределами республики" (Якуты (Саха) 2012).

Результаты и обсуждение

Динамика численности населения3. На 1 января 2024 г. численность населения шести северных республик составляла 3 766 361 человек, что составило 2,6% населения России (146 150 789 человек). Северные республики имеют площадь, сравнимую с целыми государствами, что ведет к низкой плотности населения. По площади Республика Саха (Якутия) стоит на первом месте и занимает 3 083 523 кв. км (для сравнения, площадь Европейской части России – 3 783 533 кв. км), что составляет 18,01% от площади России. Среди этнических республик Коми стоит на 2 месте, с площадью в 416 774 кв. км (11-е место по России) (Швеция занимает – 449 964 кв. км), самую маленькую территорию занимает Республика Алтай – 92 903 кв. км (35-е место по России) (Португалия занимает – 92 082 кв. км) (Фаузер 2025: 98–100), (табл. 1).

Таблица 1
Численность населения, занимаемая площадь и плотность населения северных республик России на начало 2024 года
Table 1
Population, occupied area and population density of the northern republics of Russia, at the beginning of 2024

Республика	Население, человек	% от общей численности населения РФ	Ранг по численности населения	Площадь, км^2	Ранг по занимаемой площади	Плотность населения, чел/км^2
Республика Саха (Якутия)	1 001 664	0,69	50	3 083 523	1	0,32
Республика Бурятия	971 922	0,67	52	351 334	14	2,77
Республика Коми	720 610	0,49	62	416 774	11	1,73
Республика Карелия	523 856	0,36	73	180 520	17	2,90
Республика Тыва	337 544	0,23	78	168 604	20	2,00
Республика Алтай	210 765	0,14	81	92 903	35	2,27

Источник: (Фаузер 2025: 100)
Примечание: ранжировано в порядке убывания численности населения.

Численность населения северных республик с 1989 по 2024 г. сократилась на 916 444 человека, или составила 74,7% к исходному уровню. Все республики показали неоднозначную динамику. Существенные потери населения имели: Карелия и Коми – с 2 040 997 человек в 1989 г. до 1 244 466 человек в 2024 г., они сохранили 61,0% от исходной численности.

Республики Саха и Тыва, начиная с 2002 г. увеличили свою численность на 84 418 человек. Стоит обратить внимание на то, что Республика Саха (Якутия) вновь перешагнула миллионный рубеж. Наряду с ростом абсолютной численности населения, обе республики увеличили свое представительство, Республика Саха (Якутия) с 21,9 до 22,1%, Тыва – с 7,0 до 7,4%. Республики, входящие в Север частично, расположенные в южной и восточной Сибири, демонстрировали разноплановую динамику. Республика Алтай увеличила как свою численность на 110,5%, так и свою долю с 0,9 до 1,6%; Республика Бурятия потеряла 59 411 человек, а доля снизилась с 4,8 до 4,6% (табл. 2).

Таблица 2

Численность населения северных республик России по данным переписей населения 1989-2021 гг. и текущего учета на начало 2024 года, человек

Table 2

Population of the northern republics of Russia, population censuses 1989-2021 and current accounting data at the beginning of 2024, people

Республика	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2021 г.	2024 г.
Север России	**12 807 752**	**10 818 872**	**10 158 433**	**9 406 473**	**9 350 079**
Европейский Север	**4 775 262**	**3 964 028**	**3 567 772**	**2 959 025**	**2 898 976**
Республика Карелия	790 150	716 281	643 548	533 121	523 856
Республика Коми	1 250 847	1 018 674	901 189	737 853	720 610
Азиатский Север	**4 917 657**	**4 336 659**	**4 349 179**	**4 496 196**	**4 542 507**
Республика Саха (Якутия)	1 094 065	949 280	958 528	995 686	1 001 664
Республика Тыва	308 557	305 510	307 930	336 651	337 544
Регионы, входящие в Север частично	**3 114 833**	**2 518 185**	**2 241 482**	**1 951 252**	**1 908 596**
Республика Алтай	27 634	28 934	29 651	29 951	30 546
Республика Бурятия	148 082	116 510	105 731	90 999	88 671

Источник: (Фаузер 2025:101).

Динамика численности шести северных этносов, проживающих в России и в своих республиках. В закрытых территориях этнический / национальный состав населения остается практически стабильным, при условии, что населяющие территорию этносы имеют одинаковый режим воспроизводства, в противном случае исключительно этнические различия в уровне рождаемости и смертности будут вносить свои поправки в национальный состав населения.

Северные республики в своем большинстве являются "территориями экстенсивного экономического освоения, где на формирование населения определяющую роль оказали внешние миграции. Этнический состав населения этих республик подвергся

"этнической эрозии» и ассимиляции" (Попова, Фаузер, Рожкин 2001: 6). Об изменениях этнических структур в регионах российского Севера и Арктики подробно рассмотрено в работе "Российская и Мировая Арктика" (Российская и Мировая… 2022).

По переписи населения 2021 г. численность шести северных этносов составила 1 млн 270,6 тыс. человек, прирост с 1926 г. равнялся 488 718 человек или численность увеличилась на 162,5%. Больший прирост численности населения дали четыре северные республики – 374 175 человек, или 70,9%, а две сибирские республики – 114 543 человек, или 45,1%. Как результат возросла доля северных республик с 67,5% до 71,0%, а сибирских снизилась за счет административного переустройства Бурят-Монгольской АССР в 1937 г., с 32,5% до 29,0%.

В разрезе шести этносов сложилась следующая картина. Два этноса с определенной даты снижали свою численность: карелы – с 1939 г., а коми – с 1989 г. Динамический рост показали тувинцы, с 1959 по 2021 г. они увеличили свою численность в 2,9 раза. Рост численности показали якуты – в 2,1 раза. У алтайцев рост численности начался после 1959 г., рост к 2021 г. составил 1,9 раза. Буряты с 1926 по 1939 г. снижали свою численность, а затем она стала расти, к 2021 г. численность бурят увеличилась в 2,5 раза (табл. 3).

Таблица 3
Численность шести этносов, проживающих в северных республиках России,
по данным переписей населения 1926-2021 годов, человек
Table 3
The number of six ethnic groups living in the northern republics of Russia, population censuses
of 1926-2021, people

Националь-ность	**Год**								
	1926	**1939**	**1959**	**1970**	**1979**	**1989**	**2002**	**2010**	**2021**
Карелы	100781	108571	85473	84180	81274	78928	65651	45570	25901
Коми	191245*	231301	245074	276178	280798	291542	256464	202348	127089
Тувинцы	-	-	97996	135306	161888	198448	235313	249299	279789
Якуты	235926	233273	226053	285749	313917	365236	432290	466492	469348
Итого	527952	573145	654596	781413	837877	934154	989718	963709	902127
Алтайцы	39015**	39285	38019	46750	50203	59130	66923**	68814	73242
Буряты	214957***	116382	135798	178660	206860	249525	272910	286839	295273
Итого	253972	155667	173817	225410	257063	308655	339833	355653	368515
Всего	781924	728812	828413	1006823	1094940	1242809	1329551	1319362	1270642

Примечание: * – Республика Коми в границах 1926 г.; ** – в 1926, 2002 гг. в состав алтайцев включили теленгитов, тубаларов, челканцев, которые учитывались отдельно, так как в 2010 г. и 2021 г. они – в составе алтайцев *** – по переписи 1926 г. входили в состав Бурят-Монгольской АССР; короткое тире (-) – явление отсутствует.

Источник: (Фаузер 2025:112)

Коренные этносы северных республик занимали в 2021 г. в национальной структуре населения России довольно высокие места: 17-е место – якуты, 19 – буряты, 24 – тувинцы,

33 – коми, 43 – алтайцы и 56 – карелы, это из списка 194 этносов учтенных переписью населения 2021 г. По отношению к переписи населения 2002 г. повысили свой ранг (рейтинг) якуты, тувинцы и алтайцы, сохранили его – буряты, ухудшили свой рейтинг – коми и карелы (табл. 4).

Таблица 4
Численность и ранг северных титульных этносов в национальной структуре населения России по данным переписей населения 2002 и 2021 годов
Table 4
The number and rank of the northern titular ethnic groups in the national structure of the population of Russia, population censuses of 2002 and 2021

Национальность	**Численность указавших национальность, человек**		**% от указавших национальность**		**Ранг в РФ**	
	2002 г.	2021 г.	2002 г.	2021 г.	2002 г.	2021 г.
Якуты	443 852	478 409	0,31	0,37	20	17
Буряты	445 175	460 053	0,31	0,35	19	19
Тувинцы	243 442	295 384	0,17	0,23	25	24
Коми	293 406	143 516	0,20	0,11	24	33
Алтайцы	72 058	78 125	0,05	0,06	48	43
Карелы	93 344	32 422	0,06	0,02	42	56
Всего	1 591 277	1 487 909	1,10	1,14		

Примечание: ранжировано в порядке убывания численности в 2021 г.
Источник: (Фаузер 2025: 114)

Место титульных этносов[2] в национальной структуре населения своих республик. Население шести северных республик формировалось как за счет собственной демографической базы, так и за счет вынужденных и добровольных мигрантов, оргнабора и комсомольских призывов. Все это отразилось на национальной структуре населения северных республик, но стоит отметить, что каждая республика имела свою этническую историю. В Республике Алтай доля алтайцев снижалась до 1939-1959 гг., а к 2021 г. возросла на 12,8 п.п., однако уровня 1926 г. не достигла. Доля бурят уменьшалась до 1959 г., а затем последовал рост на 12,3 п.п., уровень 1926 г. также не был достигнут. Из общей картины выбивается Республика Карелия, где доля коренного этноса составляет всего 5,5%, а уменьшение составило 31,9 п.п. Схожую картину демонстрирует Республика Коми, где доля коми этноса в национальной структуре населения уменьшилась на 70,1 п.п. В Республике Саха (Якутия) доля якутского этноса уменьшилась с 82,6% в 1926 г. до 33,4% в 1989 г. (Фаузер 2017: 41-46). В последующие годы, благодаря целенаправленной национальной политике, проводимой в республике, доля якут превысила половину населения и составила 55,3%. Стабильно росла доля тувинцев в населении республики, в 2021 г. она достигла рекордной величины – 88,7%. То есть можно заключить, что постоянно повышали свою долю в национальной структуре четыре этноса: алтайцы и буряты – умеренно, тувинцы и якуты – значительно (табл. 5).

Таблица 5
Доля титульных этносов в национальной структуре населения северных республик России по данным переписей 1926-2021 годов, %
Table 5
The share of titular ethnic groups in the national structure of the population of the northern republics of Russia, population censuses of 1926-2021, %

Республика	Год образования	Титульный этнос	Год								
			1926*	1939	1959	1970	1979	1989	2002**	2010**	2021**
Республика Алтай	1922	алтайцы	39,2	24,2	24,2	27,8	29,2	31,0	30,7	33,9	37,0
Республика Бурятия	1923	буряты	43,9	21,3	20,2	22,0	23,0	24,0	27,8	30,0	32,5
Республика Карелия	1920	карелы	37,4	23,2	13,1	11,8	11,1	10,0	9,2	7,4	5,5
Республика Коми	1921	коми	92,3 ***	72,5	30,1	28,6	25,3	23,3	25,3	23,7	22,2
Республика Саха (Якутия)	1922	якуты	82,6	56,3	46,4	43,0	36,9	33,4	45,7	49,9	55,3
Республика Тыва	1944	тувинцы	-	-	57,0	58,6	60,5	64,3	77,0	82,0	88,7

Примечание: * – в процентах к численности граждан СССР; ** – в процентах к численности лиц, указавших национальную принадлежность; *** – в границах 1926 г.; короткое тире (-) – явление отсутствует.

Источник: (Фаузер 2025:116)

Расселение шести северных (титульных) этносов. В последние годы коренные этносы стали больше проживать в своих республиках. Это позволяет сохранить им свою идентичность, поскольку при компактном расселении у титульных этносов выше вероятность заключить однонациональные браки, сохранить свой язык и культуру, традиционные виды деятельности (занятий), шире представлять свои интересы в законодательных и исполнительных органах власти. В настоящее время (2021) наиболее сконцентрировано проживают на этнической родине: в Республике Саха (Якутия) – якуты составляют 98,1% (от их численности в РФ); в Республике Тыва – тувинцы – 94,7%; в Республике Алтай – алтайцы – 93,7%; в Республике Коми – коми – 88,6%; в Республике Карелия – карелы – 79,9%; в Республике Бурятия – буряты – 64,2%, то есть за пределами своей этнической родины проживает больше всего бурят – 35,8% (табл. 6).

Таблица 6
Численность и расселение титульных этносов северных республик России
по данным переписей1926-2021 годов
Table 6
The number and resettlement of titular ethnic groups of the northern republics of Russia,
population censuses of 1926-2021

Расселение	**Год**								
	1926	**1939**	**1959**	**1970**	**1979**	**1989**	**2002**	**2010**	**2021**
Алтайцы*									
Всего проживало в РФ, человек	42 477	46 495	44 654	54 614	58 879	69 409	72 058	74 238	78 125
в т.ч. в Республике Алтай, человек	39 015	39 285	38 019	46 750	50 203	59 130	66 923	68 814	73 242
% от проживающих в РФ	91,8	84,5	85,1	85,6	85,3	85,2	92,9	92,7	93,7
Буряты									
Всего проживало в РФ, человек	237 494	220 654	251 504	312 847	349 760	417 425	445 175	461 389	460 053
в т.ч. в Республике Бурятия, человек	214 957	116 382	135 798	178 660	206 860	249 525	272 910	286 839	295 273
% от проживающих в РФ	90,5	52,7	54,0	57,1	59,1	59,8	61,3	62,2	64,2
Карелы									
Всего проживало в РФ, человек	248 030	249 855	164 050	141 148	133 182	124 921	93 344	60 815	32 422
в т.ч. в Республике Карелия, человек	100 781	108 571	85 473	84 180	81 274	78 928	65 651	45 570	25 901
% от проживающих в РФ	40,6	43,5	52,1	59,6	61,0	63,2	70,3	74,9	79,9
Коми									
Всего проживало в РФ, человек	226 292	415 173	282 780	315 347	320 078	336 309	293 406	228 235	143 516
в т.ч. в Республике Коми, человек	191 245	231 301	245 074	276 178	280 798	291 542	256 464	202 348	127 089
% от проживающих в РФ	84,5	55,7	86,7	87,6	87,7	86,7	87,4	88,7	88,6
Тувинцы									
Всего проживало в РФ, человек	-	-	99 864	139 013	165 426	206 160	243 442	263 934	295 384
в т.ч. в Республике Тыва, человек	-	-	97 996	135 306	161 888	198 448	235 313	249 299	279 789
% от проживающих в РФ	-	-	98,1	97,3	97,9	96,3	96,7	94,5	94,7
Якуты									
Всего проживало в РФ, человек	240 687	241 889	236 125	295 223	326 531	380 242	443 852	478 085	478 409
в т.ч. в Республике Саха, человек	235 926	233 273	226 053	285 749	313 917	365 236	432 290	466 492	469 348
% от проживающих в РФ	98,0	96,4	95,7	96,8	96,1	96,1	97,4	97,6	98,1

Примечание: * – в 1926, 2002 гг. в состав алтайцев включили теленгитов, тубаларов, челканцев, которые учитывались отдельно, так как в 2010 г. и 2021 г. они – в составе алтайцев; короткое тире (-) – явление отсутствует.

Источник: (Фаузер 2025:118)

Распределение супружеских пар по национальной принадлежности супругов у северных этносов, проживающих в России. По переписи населения 2021 г. в России было зафиксировано 24 240 650 супружеских пар; супружеских пар, где супруга указала свою национальность было 23 071 061, а где национальность указал супруг – 23 055 188, разница составила 15 873 супружеские пары. Здесь может быть два объяснения этой разницы, либо женщины подошли к переписи более ответственно, либо мужчины, живущие в браке без его оформления, не считают себя живущими в семье.

Приводимые ниже в таблице данные позволяют получить ряд распределений: распределение супружеских пар по национальности супругов (однонациональные / межнациональные браки), распределение мужчин по состоянию в браке с женщиной определенной национальности, аналогичное распределение можно выполнить и по супруге. Например, мужчина якут состоит в браке с русской – 2,6%, с якуткой – 92,5%, с буряткой – 0,3%. Женщина якутка имеет мужа русского – 4,0%, бурята – 0,4%, якута – 91,3%. Самая высокая доля однонациональных браков у тувинцев – 97,4%, затем следуют русские – 95,2%, якуты – 91,4%, буряты – 89,6% и алтайцы – 82,1%. В межнациональные браки чаще вступают карелы – 64,0%, коми – 40,5% и лица другой национальности – 27,1% (табл. 7).

Таблица 7

Распределение супружеских пар северных этносов, проживающих в России, по национальной принадлежности супругов, перепись населения 2021 года

Table 7

Distribution of married couples of northern ethnic groups living in Russia by nationality of spouses, 2021 population census

Национальность	Супружеские пары, где супруга указала национальность	Национальная принадлежность супруги						
		Русские	Алтайцы	Буряты	Карелы	Коми	Тувинцы	Якуты (саха)
Всего супружеских пар	23 071 061	18 508 771	14 624	77 428	7324	32 366	45 186	80 963

Супружеские пары, где супруг указал национальность	22 912 982	18 382 688	14 583	77 134	7252	32 121	45 000	80 659
Русские	18 160 427	17 494 490	1949	6062	3875	10 716	572	3205
Алтайцы	14 119	1725	11 970	31		-	21	10
Буряты	78 457	7650	24	69 052	2	1	149	318
Карелы	7222	3963	-	-	2599	8	-	1
Коми	29 086	8388	1	1	8	19 040	-	2
Тувинцы	44 410	363	13	58	-		43 832	24
Якуты (саха)	79 626	2093	8	204	1	1	34	73 655
Другие национальности	369 345	80 968	113	555	181	456	79	2566
Супружеские пары состоят в:								
однонациональном браке	21 083 933	17 497 735	11 979	69 109	2613	19 107	43 835	73 687
межнациональном браке	1 829 049	884 953	2604	8025	4639	13 014	1165	6972
однонациональном браке, %	92,0	95,2	82,1	89,6	36,0	59,5	97,4	91,4
межнациональном браке, %	8,0	4,8	17,9	10,4	64,0	40,5	2,6	8,6

Источник: (ВПН-2021. Т.5. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020)

Распределение супружеских пар по национальной принадлежности супругов, проживающих в республиках Карелия, и Алтай.

Республика Карелия. Перепись населения 2021 г. выделила по национальной принадлежности супругов 9 национальностей, для анализа оставили шесть, исключили татар, армян и азербайджанцев, где число супружеских пар было меньше 250. Всего в республике 91 161 супружеская пара, где супруги указали национальность. Супружеских пар, где оба супруга карелы – 2309 или 39,7%. Мужчины карелы имели супругу (%): русскую – 50,4, карелку – 40,4, белоруску – 3,4, финку – 1,7, украинку – 1,4, вепсу – 0,8. Женщины карелки имели супруга по национальности (%): русского – 49,6, карела – 39,6, белоруса – 4,4, финна – 1,5, украинца – 1,8, вепса – 0,7. Самая высокая доля состоящих в однонациональном браке у русских – 89,7%, а в межнациональном браке у финнов – 93,0%, белорусов – 81,5% и вепсов – 79,8% (табл. 8).

Таблица 8
Распределение супружеских пар в Республике Карелия по национальной принадлежности супругов, перепись населения 2021 года
Table 8
Distribution of married couples in the Republic of Karelia by nationality of spouses, 2021 population census

Национальность	Супруга указала национальность	в том числе национальная принадлежность супруги					
		русские	карелы	белорусы	вепсы	украинцы	финны
Всего супружеских пар	91 921	78 180	5890	2039	474	1272	677
Супруг указал							
национальность	91 161	77 598	5835	2026	470	1266	670
Русские	76 231	69 539	2894	1241	283	774	442
Карелы	5709	2880	2309	194	43	77	95
Белорусы	2414	1595	258	371	14	62	37
Вепсы	492	316	41	15	92	4	11
Украинцы	1673	1110	106	91	12	290	15
Финны	757	553	86	31	12	11	46
Супружеские пары в:							
однонациональном браке	74 554	69 568	2314	375	95	293	47
межнациональном браке	16 607	8030	3521	1651	375	973	623
однонациональном браке, %	81.78	89.65	39.66	18.51	20.21	23.14	7.01
межнациональном браке, %	18.22	10.35	60.34	81.49	79.79	76.86	92.99

Источник: (ВПН-2021. Т. 5. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020)

Республика Алтай представляет одну из двух республик, имеющих в своем составе местности, приравненные к районам Крайнего Севера (муниципальные районы: Кош-Агачский, Улаганский). Перепись населения 2021 г. зафиксировала 39 775 супружеских пар, где супруги указали свою национальность. В перечень национальностей, попавших в разработку, вошли алтайцы, русские, армяне, украинцы, казахи, немцы и кумандинцы. Среди супружеских пар однонациональные браки составляют (%): у алтайцев – 84,5, у русских – 89,3, у армян – 88,9, у казахов – 87,3; зато у немцев всего – 3,5, у кумандинцев

– 14,0 и у украинцев – 15,7. Мужчины алтайцы имели жен (%): алтаек – 86,6, русских – 10,9, казашек – 1,3, кумандинок – 0,4, немок – 0,1. Женщины алтайки состояли в браке с (%): алтайцем – 84,5, русским – 11,8, казахом – 1,7, кумандинцем – 0,4, остальные национальности – по 0,1 (табл. 9).

Таблица 9

Распределение супружеских пар в Республике Алтай по национальной принадлежности супругов, перепись населения 2021 года

Table 9

Distribution of married couples in the Altai Republic by nationality of spouses, 2021 population census

Источник: (ВПН-2021. Т. 5. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020)

Национальность	Супруга указала национальность	в том числе национальная принадлежность супруги						
		русские	алтайцы	армяне	казахи	кумандинцы	немцы	украинцы
Всего супружеских пар	39 936	22 483	13 765	91	2635	217	113	109
Супруг указал национальность	39 775	22 376	13 731	90	2622	216	113	108
в том числе национальность супруга:								
Русские	22 194	19 965	1619	10	116	115	91	82
Алтайцы	13 401	1467	11 601		174	58	12	6
Армяне	142	49	8	80	1	1		1
Казахи	2708	165	229		2287	3		
Кумандинцы	201	116	50		3	30		1
Немцы	135	112	13		2	1	4	1
Украинцы	153	114	15			3	1	15
Супружеские пары в:								
однонациональном браке	34 189	19 971	11 608	80	2 290	30	4	17
межнациональном браке	5586	2405	2123	10	332	186	109	91
однонациональном браке, %	85,96	89,25	84,54	88,89	87,34	13,89	3,54	15,74
межнациональном браке, %	14,04	10,75	15,46	11,11	12,66	86,11	96,46	84,26

Заключение

На демографическом ландшафте России особое место занимают национальные республики и национальные округа, в их числе можно выделить следующие группы: северные, финно-угорские, Северного Кавказа, поволжские и другие. Сохранение демографического потенциала титульных этносов имеет важное государственного значение и является особым направлением государственной национальной политики.

Так, из шести северных республик *нисходящую демографическую динамику* продемонстрировали три: Бурятия, Карелия и Коми; три республики продемонстрировали *восходящую демографическую динамику:* Алтай, Саха (Якутия) и Тыва.

Другая ситуация с динамикой титульных этносов. Если обратиться к абсолютным данным, то можно отметить, что у двух этносов – карел и коми – она уменьшилась; с определенной даты имели абсолютный рост – алтайцы, буряты, тувинцы и якуты. На демографическую динамику титульных этносов оказали влияние такие факторы, как: уровень воспроизводства населения, миграционные процессы, ассимиляция, уровень социально-экономического развития и государственная национальная политика. Здесь следует обратить внимание на то, что Росстат рекомендовал при анализе динамики национального состава населения по итогам ВПН-2021 использовать не абсолютные данные, а относительные данные о доле лиц соответствующей национальности[4].

Национальный состав четырех северных республик в XX в. подвергся значительной "этнической эрозии", из абсолютного и относительного большинства в своих национально-территориальных образованиях, коренные народы стали меньшинством. В республиках доля титульного этноса составила в 2021 г. в (%): Карелии – 5,5; Коми – 22,2; Бурятии – 32,5 и Алтае – 37,0. В Республике Саха (Якутия) после 1959 г. стала увеличиваться абсолютная численность якут, а относительная после 1989 г. В Республике Тыва все годы росла абсолютная и относительная численность тувинцев, благодаря высокой рождаемости и низкой миграционной подвижности коренного населения.

В многонациональной семье народов России титульные этносы северных республик занимают в национальной структуре достаточно высокие места. Из списка 194 национальностей, учтенных переписью населения 2021 г., они занимали: 17-е место – якуты, 19 – буряты, 24 – тувинцы, 33 – коми, 43 – алтайцы и 56 – карелы. По отношению к переписи населения 2002 г. повысили свой ранг (статус) якуты, тувинцы и алтайцы, сохранили его – буряты, ухудшили свой рейтинг коми и карелы.

Можно согласиться с мнением одного из рецензентов, что "целесообразно выделить типологию процессов" у рассматриваемых республик: 1) модель этнодемографического роста (Тыва, Якутия), где доля титульных этносов увеличивается за счёт высокой рождаемости и возвратной миграции; 2) смешанная модель (Алтай, Бурятия) – относительная стабильность демографических процессов; 3) модель демографической эрозии, характеризующаяся устойчивым оттоком и высокой долей межэтнических браков (Карелия, Коми).

На сохранение своей идентичности значительное влияние оказывает характер расселения титульных этносов. При компактном расселении у титульных этносов выше вероятность заключить однонациональные браки, сохранить свой язык и культуру, традиционные виды деятельности (занятий) и ряд других позиций. Если проанализировать расселение титульных этносов с 1926 по 2021 г., то можно отметить

следующее: алтайцы, коми, тувинцы и якуты все годы компактно проживали на своей этнической родине. Буряты и карелы демонстрировали разнонаправленную динамику, но в конечном итоге, к 2021 г. они увеличили свое представительство на этнической родине.

Научным вкладом в демографическую теорию стал анализ распределения супружеских пар по национальной принадлежности супругов. В открытом доступе такой информации нет, ее мы получили по запросу в Росстат. Были получены результаты по шести титульным этносам, проживающих в России и в качестве примера приведен анализ по двум республикам: Алтай и Карелия. Статистика показывает, что межнациональные браки у многих национальностей стали широко распространенным явлением. Для северных республик такая тенденция пока не стала распространенным явлением (исключение карелы и коми). По переписи населения 2021 г. доля межнациональных браков составляла у коренных этносов в республиках (%): карелы – 60,3, коми – 34,9, алтайцы – 15,5, якуты – 7,6, буряты – 7,5, тувинцы – 1,4. Для сравнения приведем распространенность межнациональных браков у коренных малочисленных народов Севера, Сибири, с численностью населения свыше 10 тыс. человек (%): манси – 79,0, эвены (ламуты) – 71,0, эвенки – 63,7, ханты – 59,6, чукчи – 48,2. Как видим численность этноса влияет на распространенность межнациональных браков.

Если для крупных этносов, имеющих численность населения свыше 50 тыс. человек, это не особенно сказывается на ассимиляции[5], то для малочисленных этносов это создает две проблемы. С одной стороны, распространенность "межнациональных браков" ведет к ассимиляции коренных народов[6], а с другой стороны, у ассимиляции есть и свои плюсы. В малых сообществах создание большого числа новых комбинаций выгодно и генетически. Вынужденные жить в изоляции от большого мира кочевые малые народы могут страдать от генетических проблем. Чтобы избежать этого, первобытные общества стали интуитивно обеспечивать себе большее разнообразие за счет такого смешения (Фаузер 2025).

В статье были рассмотрены лишь отдельные стороны демографического развития шести северных республик. В перспективе отдельного рассмотрения требуют вопросы рождаемости и смертности, ожидаемой продолжительности жизни, семейной структуры населения, проблемы брачности и осознанного одиночества. Необходимо понять, почему широкое распространение получают гражданские браки (сожительство), ведущие к низкой рождаемости, почему растет число разводов и внебрачных рождений. На демографическом ландшафте России много проблем, требующих своего исследования. Эти исследования предстоит выполнить авторам или их коллегам по работе.

Acknowledgements

I express my gratitude to the editorial board and scientific reviewers for their scientific support of the article.

Алғыс білдіру

Мақаланы ғылыми сүйемелдеуде редакцияға және ғылыми рецензенттерге алғысымды білдіремін

Благодарности

Выражаем благодарность редакции и научным рецензентам в научном сопровождении статьи.

Примечания

1. Процесс ассимиляции, несмотря на определенную степень условности, можно замерить рядом показателей: уровнем рождаемости коренного и пришлого населения; распространенностью межнациональных браков; владением родным языком и языком доминирующей национальности, развитием национальной инфраструктуры и т.п.
2. Понятие "титульная нация" ввёл Морис Баррес, французский романист-индивидуалист и политик-националист, в конце XIX века.
3. При анализе статистической информации авторы руководствовались Приказом Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации "Об утверждении методических рекомендаций по оценке демографического потенциала субъекта Российской Федерации и разработке региональных программ по повышению рождаемости" от 5 мая 2023 г. № 436.
4. Письмо Росстата от 22.01.2024 за № 180/ОГ.
5. Авторы приходят к выводу, что увеличение числа межнациональных браков, при наличии двух доминирующих этнокультурных идентичностей – казахской и русской, не ведет к ассимиляции или складыванию новых общностей (Казиев С., Старченко Р., Могунова М. Межнациональные браки между казахами и русскими северного Казахстана социологические исследования 2022, № 10. С. 128.)
6. Межнациональные браки, с одной стороны, буквально воплощали в себе идею единства народов, с другой – были мощным стимулом и катализатором ассимиляции отдельных народов, чью культуру и самобытность защищала советская национальная политика (Павлюкевич Р., Бармина Е. Межнациональные браки у коренных народов севера Красноярского края в конце 1950-х гг. Известия Алтайского государственного университета, 2021, № 2(118). С. 30.)

Список литературы

Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: Пер. с фр. Общ. ред. Оболенской С.; Предисл. Гуревича А. Москва: "Прогресс" – "Прогресс-Академия". 1992. 528 с.

Безносова Н., Жеребцов И., Саблин В. Миграции населения Коми автономии в 1920-1930-е годы. *Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН*. 2023. No.8, с.44-51.

Буряты. Нимаев Д. и др. Москва: Наука. 2004. 633 с.

Демографические и миграционные процессы на Российском Севере: 1980-2000 гг. Фаузер В., Лыткина Т., Фаузер Г. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина. 2016. 168 с.

Жеребцов И. Коми: от области к республике. *Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН.* 2016. No.3, с.15-22.

Жеребцов И. Историография работ по демографии, экономике труда и социологии, выполненных на материалах Республики Коми и Севера России. *Историческая демография.* 2017. No.1. с.87-98.

Жеребцов И., Лейман И. Создание Коми автономии как результат национальной политики большевиков. *История. Журнал Белорусского государственного университета.* 2021. No.4, с.44-53.

Жеребцов И., Фаузер В. Всероссийская перепись населения 2021 года о расселении народов Кавказа на территории Республики Коми. *Известия Коми научного центра УрО РАН*. 2024. No.10, с.60-70.

Историко-демографические исследования в Республике Коми (1980-е – 2016 гг.). Жеребцов И., Меньковский В., Таскаев А. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. 2016. 24 с.

История карельского народа. Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. Петрозаводск: Барс. 1998. 321 с.

История Коми с древнейших времен до современности. Жеребцов И., Попов А., Таскаев М., Турубанов А. и др. Сыктывкар: Анбур. 2011. Т.2. 688 с.

Народы Поволжья и Приуралья: Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. Жеребцов И., Конаков Н., Шабаев Ю. и др. Москва: Наука. 2000. 579 с.

Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, в целях предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в этих районах и местностях, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых актов Совета Министров СССР: *Постановление Правительства РФ от 16.11.2021 № 1946*. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111170030 (дата обращения: 03.11.2025).

Прибалтийско-финские народы России. Аксянова Г., Зубов А., Долинова Н. и др. Москва: Наука. 2003. 671 с.

Развитие этнических процессов в Республике Коми. Попова Л., Фаузер В., Рожкин Е. Сыктывкар. 2001. 20 с.

Российская и Мировая Арктика: население, экономика, расселение. Фаузер В., Смирнов А., Лыткина Т., Фаузер Г. Москва: Политическая энциклопедия. 2022. 215 с.

Татаркин А., Захарчук Е., Логинов В. Современная парадигма освоения и развития Арктической зоны Российской Федерации. *Арктика: экология и экономика*. 2015. No.2(18), с.4-13.

Тюркские народы Восточной Сибири: Тувинцы. Тофалары. Долганы. Функ Д. и др. Москва: Наука. 2008. 422 с.

Тюркские народы Сибири. Валеев Ф., Львова Э., Томилов Н., Функ Д. и др. Москва: Наука. 2006. 678 с.

Фаузер В. Влияние межнациональных браков на ассимиляцию коренных народов Севера. *VI Всероссийский демографический форум с международным участием: сборник материалов* (Москва, 2-3 декабря 2025 г.). Отв. ред. Т. Ростовская; ФНИСЦ РАН. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 2025. С.69-71.

Фаузер В. *Коренные народы Севера России*. Екатеринбург: УрО РАН. 2025. 308 с.

Фаузер В. *Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение.* Ижевск: Принт. 2023. 308 с.

Фаузер В., Жеребцов И. *Колонизация Республики Коми: роль этнической компоненты*. Сыктывкар. 2023. 36 с.

Фаузер В., Смирнов А., Фаузер Г. Демографическая динамика и трансформация системы расселения на Севере России в координатах переписи населения 2021 года. *Север и рынок: формирование экономического порядка.* 2023. No.1, с.64-79.

Фаузер В., Смирнов А., Лыткина Т., Фаузер Г. Вызовы и противоречия в развитии Севера и Арктики: демографическое измерение. *Арктика: экология и экономика.* 2022. Т.12, no.1, с.109-120. http://eng.arctica-ac.ru/article/574/10.25283/2223-4594-2022-1-111-122

Фаузер В., Лыткина Т., Фаузер Г. Миграционный фактор динамики численности и этнических структур населения Российского Севера. *Север и рынок: формирование экономического порядка.* 2017, No.5, с.32-43.

Фаузер В. Демографический потенциал северных регионов России. *Экономика Востока России.* 2017. No.1, с.41-46.

Фаузер В., Лыткина Т., Фаузер Г. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению. Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. 2015. No.3, с.151-168.

Якуты (Саха). Алексеев Н., Романова Е., Соколова З. Москва: Наука. 2012. 599 с.

References

Ares F. *Chelovek pered litsom smerti*. Per. s fr. Obshch. red. Obolenskoi S.; Predisl. Gurevicha A. Moscow: Progress Publishing Group – Progress-Academy. 1992. 528 p. (in Russian)

Beznosova N., Zherebtsov I., Sablin V. Migratsii naseleniya Komi avtonomii v 1920-1930-e gody. *Proceedings of the Komi science centre, Ural branch, Russian academy of sciences.* 2023. No.8, pp.44–51. (in Russian)

Buryaty. Nimaev D. i dr. Moscow: "Nauka" Publ. 2004. 633 p. (in Russian)

Demograficheskie i migratsionnye protsessy na Rossijskom Severe: 1980-2000 gg. Fauzer V., Lytkina T., Fauzer G. Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Press. 2016. 168 p. (in Russian)

Zherebtsov I. Komi: ot oblasti k respyblike. *Proceedings of the Komi science centre, Ural branch, Russian academy of sciences.* 2016. No.3, pp.15-22. (in Russian)

Zherebtsov I. Istoriografiya rabot po demografii, ekonomike truda I sotsiologii, vypolnennyh na materialah Respubliki Komi i Severa Rossii. *Historical demography.* 2017. No.1, pp.87-98. (in Russian)

Zherebtsov I., Lejman I. Sozdanie Komi avtonomii kajk rezultat natsionalnoj politiki bolshevikov. History. *Journal of Belorussian state university*. 2021. No.4, pp.44–53. (in Russian)

Zherebtsov I., Fauzer V. Vserossijskaya perepis naseleniya 2021 goda o rasselenii narodov Kavkaza na territorii Respubliki Komi. *Proceedings of the Komi science centre, Ural branch, Russian academy of sciences.* 2024. No.10, pp.60-70. (in Russian)

Istoriko-demograficheskie issledovaniya v Respublike Komi (1980-e – 2016 gg.). Zherebtsov I. L., Menkovskij V.I., Taskaev A.M. Syktyvkar: IYaLI Komi NTs UrO RAN Publ. 2016. 24 p. (in Russian)

Istoria karelskogo naroda. Kirkinen H., Nevalajnen P., Sihvo H. Petrozavodsk: "Bars" Publ. 1998. 321 p. (in Russian)

Istoriya Komi s drevnejshih vremyon do sovremennosti. Zherebtsov I., Popov A., Taskaev M., Turubanov A. dr. Syktyvkar: "Anbur" Publ. 2011. Vol.2. 688 p. (in Russian)

Narody Povolzhya i Priuralya: Komi-zyryane. Komi-permyaki. Marijtsy. Mordva. Udmurty. Zherebtsov I., Konakov N., Shabaev Yu. i dr. Moscow: "Nauka" Publ. 2000. 579 p. (in Russian)

Pribaltijsko-finskie narody Rosii. Aksyanova G., Zubov A., Dolinova N. i dr. Moscow: "Nauka" Publ. 2003. 671 p. (in Russian)

Razvitie etnicheskih protsessov v Respublike Komi. Popova L.A., Fauzer V., Rozhkin E. Syktyvkar. 2001. 20 p. (in Russian)

Rossijskaya i Mirovaya Arktika: naselenie, ekonomika, rasselenie. Fauzer V.V., Smirnov A., Lytkina T., Fauzer G. Moscow: "Politicheskaya entsiklopediya" Publ. 2022. 215 p. (in Russian)

Tatarkin A., Zakharchuk E., Loginov V. Sovremennaia paradigma osvoeniia i razvitiia Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii. *The Arctic: ecology and economics*. 2015. No.2(18), c.4-13. (in Russian)

Tyurkskie narody Vostochnoj Sibiri: Tuvintsy. Tofalary. Dolgany. Funk D. i dr. Moscow: "Nauka" Publ. 2008. 422 p. (in Russian)

Tyurkskie narody Sibiri. Valeev F., Lvova E., Tomilov N., Funk D. i dr. Moscow: "Nauka" Publ. 2006. 678 p. (in Russian)

Fauzer V. Vliianie mezhnatsionalnykh brakov na assimiliatsiiu korennykh narodov Severa. *VI All-Russian Demographic Forum with International Participation: Proceedings* (Moscow, December 2–3,

2025). Ed. by T. Rostovskaya; Federal Research Center for Sociology of the Russian Academy of Sciences (FNISC RAS). Vologda: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences. 2025. Pp.69-71. (in Russian)

Fauzer V. *Korennye narody Severa Rossii.* Ekaterinburg: UrO RAN Publ. 2025. 308 p. (in Russian)

Fauzer V. *Respublika Komi na rubezhe vekov: demografiya, migratsiya, rasselenie.* Izhevsk: "Print" Publ. 2023. 308 p. (in Russian)

Fauzer V., Zherebtsov I. *Kolonozatsiya Respubliki Komi: rol etnucheskoj komponenty*. Syktyvkar. 2023. 36 p. (in Russian)

Fauzer V., Smirnov A., Fauzer G. Demograficheskaia dinamika i transformatsiia sistemy rasseleniia na Severe Rossii v koordinatakh perepisi naseleniia 2021 goda. *North and Market: Formation of Economic Order.* 2023. No.1, pp.64-79. (in Russian)

Fauzer V. Demoraficheskij potentsial severnyh regionov Rossii. *The economy of Russian East*. 2017. No.1, pp.41-46. (in Russian)

Fauzer V., Lytkina T., Fauzer G. Migratsionnyj factor dinamiki chislennosti i etnicheskih struktur naseleniya Rossijskogo Severa. *North and market: the formation of an economic order.* 2017. No.5, pp.32-43. (in Russian)

Fauzer V., Lytkina T., Fauzer G. Gosudarstvennoe upravlenie migratsiej naseleniya: ot prinuzhdeniya k pooschreniyu. *Corporate governance and innovative development of North's economy.* 2015. No.3, pp.151-168. (in Russian)

Yakuty (Saha). Alekseev N., Romanova E., Sokolova Z. Moscow: "Nauka" Publ. 2012. 599 p. (in Russian)

Information about the authors

Viktor V. Fauzer – Doctor of Economic Sciences, Professor, chief researcher at the laboratory of demography and social management, the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Scientific Center Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia, Kommunisticheskaya, 26, 167982, Syktyvkar, Russia, https://orcid.org/0000-0002-8901-4817, fauzer.viktor@yandex.ru

Igor L. Zherebtsov – Doctor of Historical Sciences, director, the Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Center Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Kommunisticheskaya, 26, 167982, Syktyvkar, Russia, https:// orcid.org/0000-0002-7115-4547, zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Авторлар туралы мәлімет

Виктор Вильгельмович Фаузер – э.ғ.д., профессор, Ресей Федерациясының еңбек сіңірген ғылым қайраткері, демография және әлеуметтік басқару зертханасының бас ғылыми қызметкері, Ресей ғылымдар академиясы Урал бөлімшесі Коми ғылыми орталығының құрамындағы Солтүстікке қатысты әлеуметтік-экономикалық және энергетикалық мәселелер институты, Коммунистическая, 26, 167982, Сыктывкар, Ресей, https://orcid.org/0000-0002-8901-4817, fauzer.viktor@yandex.ru

Игорь Любомирович Жеребцов – тарих ғылымдарының докторы, РҒА Орал бөлімшесі ғылыми орталығының Коми тілі, әдебиеті және тарихы институтының директоры, Коммунистическая, 26, 167982, Сыктывкар, Ресей, https://orcid.org/0000-0002-7115-4547, zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Сведения об авторах

Виктор Вильгельмович Фаузер – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми научного центра Уральского отделения РАН, Коммунистическая, 26, 167982, Сыктывкар, Россия, https:// orcid.org/0000-0002-8901-4817, fauzer.viktor@yandex.ru

Игорь Любомирович Жеребцов – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и научного центра истории Уральского отделения РАН Коммунистическая, 26, 167982, Сыктывкар, Россия, https:// orcid.org/0000-0002-7115-4547, zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Authors contribution

The authors contributed equally to the writing of the article.

Авторлардың қосқан үлесі

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в написании статьи.

Disclosure of conflict-of-interest information. The author claims no conflict of interest. ***Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.*** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. ***Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье.

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 17.11.2025.

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами: 18.02.2026.

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.04.2026.

GUMILYOV JOURNAL OF HISTORY
ISSN: 3080-129X. eISSN: 3080-6860
DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
МРНТИ 03.20

CC BY NC ND

https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-119-142

Elections to the Soviets in the Kazakh ASSR, 1922-1935: Through the Lens of Official Soviet Statistics

N. Ablazhey✉
Institute of History, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Novosibirsk, Russia
✉*ablazhey@academ.org*

Abstract. The article is devoted to an overview of early Soviet electoral statistics of the 1920s and the first half of the 1930s, as well as to an analysis of their informativeness as a historical source. The focus is on the critical interpretation of official statistical materials reflecting the course and results of elections to the Soviets, as well as an assessment of their potential for reconstructing electoral geography, the structure of the electorate, and methodological approaches to data interpretation. The aim of the study was to provide a detailed characterization of the outcomes of elections to the Soviets in the Kazakh ASSR in terms of their completeness, reliability, and correspondence to all-Russian trends, which makes it possible to identify the specific features of the political development of the autonomy in the context of the transformation of the Soviet electoral system. The article presents information on administrative-territorial changes in the Kazakh ASSR, the dynamics of the number of urban and rural settlements, and the formation of a network of lower-level Soviets that appeared in intermediate and final statistics. It is shown that the autonomy repeatedly ranked among the regions lagging behind in submitting statistical data to the Center, and that the number of territories of the Kazakh ASSR included in all-Russian summaries remained extremely limited. The author links this to ongoing administrative-territorial reforms, difficulties in population accounting, the high mobility of nomadic and semi-nomadic groups, and delays in establishing a stable network of local Soviets. The study analyzes data on the number of voters and disenfranchised persons, as well as turnout indicators in cities and auls/villages, compared with data for the RSFSR. A paradoxical situation is noted in which, despite the evident undercounting of voters, an increase in electoral activity was recorded, indicating the politicized nature of the statistics. It is concluded that from the mid 1920s official data demonstrated rising electoral activity in the Kazakh autonomy, exceeding RSFSR indicators, whereas in the first half of the 1930s a stable lag behind all-Russian values emerged. Official statistics, as emphasized in the article, clearly reflect the course toward the Sovietization of national peripheries, the drive to monopolize the interpretation of results, and the strengthening of administrative control over the electoral process. The study shows that the electoral statistics of the Kazakh ASSR constitute an important source for understanding the mechanisms of political mobilization, the specific features of regional governance, and the formation of the Soviet model of power in national republics.
Keywords: elections; Soviets; electoral statistics; RSFSR; Kazakh ASSR; administrative-territorial changes; voters; disenfranchised persons; turnout

For citation: Ablazhey N. Elections to the Soviets in the Kazakh ASSR, 1922–1935: Through the Lens of Official Soviet Statistics. *Gumilyov Journal of History.* 2026. Vol.155, no.2, pp.119-142. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-119-142

Funding. The article was prepared within the framework of the implementation of a scientific project of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan on the topic: AP26197673 "Electoral Campaigns for Local Self Government Bodies in Kazakhstan: Implementation Experience and Electoral Practices (1921-1936)".

© N. Ablazhey, 2026

1922-1935 жылдардағы Қазақ АКСР-індегі Кеңестерге сайлау: ресми кеңестік статистика айнасында

Н. Аблажей

Ресей Ғылым академиясы Сібір бөлімшесі, Тарих институты, Новосібір, Ресей

Аңдатпа. Мақала 1920 жылдар мен 1930 жылдардың бірінші жартысындағы ерте кеңестік электоралдық статистиканы шолуға және оны тарихи дереккөз ретінде ақпараттық тұрғыдан талдауға арналған. Зерттеудің назарында Кеңестерге сайлау барысы мен нәтижелерін көрсететін ресми статистикалық материалдарды сыни тұрғыдан түсіндіру, сондай-ақ электоралдық географияны, электорат құрылымын және деректерді интерпретациялаудың әдістемелік тәсілдерін қайта құру мүмкіндіктерін бағалау тұр. Зерттеудің мақсаты – Қазақ АКСР-індегі Кеңестерге сайлау нәтижелерін олардың толықтығы, шынайылығы және жалпыресейлік үрдістерге сәйкестігі тұрғысынан егжей-тегжейлі сипаттау, бұл автономияның саяси дамуының ерекшеліктерін кеңестік сайлау жүйесінің трансформациясы контекстінде айқындауға мүмкіндік береді. Мақалада Қазақ АКСР-індегі әкімшілік-аумақтық өзгерістер, қала және ауылдық елді мекендер санының динамикасы, сондай-ақ аралық және қорытынды статистикада көрініс тапқан төменгі деңгейдегі Кеңестер желісінің қалыптасуы туралы мәліметтер келтіріледі. Автономияның статистикалық деректерді Центрге ұсыну мерзімдері бойынша бірнеше рет артта қалғаны және Қазақ АКСР-інің жалпыресейлік жинақтарға енгізілген аумақтарының саны өте шектеулі болғаны көрсетіледі. Автор мұны үздіксіз әкімшілік-аумақтық реформалармен, халықты есепке алудың күрделілігімен, көшпелі және жартылай көшпелі халықтың жоғары мобильділігімен, сондай-ақ төменгі деңгейдегі Кеңестердің тұрақты желісін құрудағы кешеуілдеумен байланыстырады. Зерттеуде сайлаушылар мен сайлау құқығынан айырылғандар саны, сондай-ақ қалалар мен ауылдардағы сайлауға қатысу көрсеткіштері талданып, олар РКФСР деректерімен салыстырылады. Сайлаушылардың айқын кем есептелуіне қарамастан, белсенділіктің өсуі тіркелген парадоксалды жағдай атап өтіледі, бұл статистиканың саясиланған сипатын көрсетеді. 1920 жылдардың ортасынан бастап ресми деректер Қазақ автономиясындағы электоралдық белсенділіктің РКФСР көрсеткіштерінен жоғары болғанын, ал 1930 жылдардың бірінші жартысында жалпыресейлік деңгейден тұрақты түрде артта қалу байқалғанын көрсетеді. Мақалада ресми статистика ұлттық шет аймақтарды кеңестендіру бағытын, нәтижелерді түсіндіруді монополияландыруға ұмтылысты және сайлау процесіне әкімшілік бақылаудың күшеюін айқын көрсететіні атап өтіледі. Зерттеу Қазақ АКСР-інің электоралдық статистикасы саяси мобилизация тетіктерін, өңірлік басқару ерекшеліктерін және ұлттық республикалардағы кеңестік билік моделінің қалыптасуын түсінуге маңызды дереккөз болып табылатынын көрсетеді.

Түйін сөздер: сайлау; кеңестер; электоралдық статистика; РКФСР; Қазақ АКСРі; әкімшілік-аумақтық өзгерістер; сайлаушылар; құқығынан айырылғандар; қатысу деңгейі

Выборы в Советы в КАССР 1922-1935 гг. в зеркале официальной советской статистики

Н. Аблажей
Институт Сибирского отделения Российской Академии наук, Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена обзору раннесоветской электоральной статистики 1920-х – первой половины 1930-х гг. и анализу её информативности как исторического источника. В центре внимания находится критическое осмысление официальных статистических материалов, отражающих ход и результаты выборов в Советы, а также оценка их возможностей для реконструкции электоральной географии, структуры электората и методологических подходов к интерпретации данных. Цель исследования заключалась в детальной характеристике итогов выборов в Советы в Казахской АССР с точки зрения их полноты, достоверности и соответствия общероссийским тенденциям, что позволяет выявить специфику политического развития автономии в контексте трансформации советской избирательной системы. В статье приводятся сведения об административно-территориальных изменениях в КАССР, динамике числа городских и сельских поселений, а также о формировании сети Советов нижнего уровня, которые фигурировали в промежуточной и итоговой статистике. Показано, что автономия неоднократно оказывалась в числе регионов, отстающих по срокам представления статистических данных в Центр, а число территорий КАССР, включённых в общероссийские сводки, оставалось крайне ограниченным. Автор связывает это с постоянными административно-территориальными реформами, сложностями учёта населения, высокой мобильностью кочевого и полукочевого населения, а также с отставанием в создании устойчивой сети низовых Советов. В работе анализируются данные о численности избирателей и лиц, лишённых избирательных прав, а также показатели явки в городах и аулах/селах, сопоставленные с данными по РСФСР. Отмечается парадоксальная ситуация, когда при очевидном недоучёте избирателей фиксировался рост активности, что свидетельствует о политизированном характере статистики. Делается вывод, что с середины 1920-х гг. официальные данные демонстрировали повышение электоральной активности в Казахской автономии, превышавшее показатели по РСФСР, однако в первой половине 1930-х гг. наметилось устойчивое отставание от общероссийских значений. Официальная статистика, как подчёркивается в статье, наглядно отражает курс на советизацию национальных окраин, стремление к монополизации интерпретации результатов и усиление административного контроля над избирательным процессом. Исследование показывает, что электоральная статистика КАССР является важным источником для понимания механизмов политической мобилизации, особенностей регионального управления и формирования советской модели власти в национальных республиках.

Ключевые слова: выборы; советы; электоральная статистика; РСФСР; КАССР; административно-территориальные изменения; избиратели; лишенцы; явка

Для цитирования: Аблажей Н. Выборы в Советы в КАССР 1922-1935 гг. в зеркале официальной советской статистики. *Gumilyov Journal of History.* 2026. Т.155, no.2, с.119-142. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-119-142

Финансирование: статья подготовлена в рамках проекта по грантовому финансированию Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан AP26197673 "Избирательные кампании в органы местного самоуправления Казахстана: опыт реализации и электоральные практики (1921-1936 гг.)"

Введение

Изучение избирательной системы выводит исследователей на проблему легитимности власти и выборных процедур как механизма легитимации. Электоральная статистика играет ключевую роль в признании результатов выборов и, по сути, формирует властный мандат. Статистика была и остается инструментом идеологии, поэтому часто подвергается манипуляциям. Осмысление советской электоральной статистики 1920 – первой половины 1930-х гг. позволяет судить не только о специфике советской избирательной системы, но также о трансформации политической и социальной системы в целом. Манипуляции со статистикой позволяли сформировать нужное для власти восприятия реальности, поэтому оценка достоверности статистики крайне важна. Еще одним ключевым критерием оценки достоверности статистических данных является анализ их полноты. Именно эти два фундаментальных критерия позволяют судить как о качестве статистических сведений, так и о соответствии их реальной ситуации в обществе. Очевидно, что советская избирательная система преследовала цель удержания государством командных высот в управлении и контроле над населением страны. Менее очевидным представляется тезис, согласно которому рост числа избирателей на выборы в Советы однозначно демонстрировал безоговорочную поддержку советской власти.

Обсуждение

Историография процесса формирования избирательной системы и проведения кампаний по выборам в Советы весьма обширна и многопланова. Изучение выборов 1920-1930-х гг. имеет долгую традицию как в советской, так и в постсоветской историографии. Советская историография прошла путь от апологетики в духе "самого демократичного строя" до признания формального и безальтернативного характера выборов. Интерес к раннесоветской избирательной системе был обусловлен ее отличием от современных стандартов, ролью "советского строительства", под которым понималось формирование советской модели государственной власти и политического режима, основанного на классовом подходе.

В постсоветской историографии центр внимания исследователей сместился. Изучались правовые аспекты избирательной политики, такие как институт лишения прав и положение дискриминированных групп населения, электоральные практики и поведение, специфика региональных избирательных кампаний. На сегодняшний день сделан ряд важных выводов: с одной стороны, говорится об определенной преемственности советской и имперской избирательных систем; с другой, о наличии электоральных новаций, важнейшей из которых стал институт лишения избирательных прав, позволивший большевикам ввести особый избирательный ценз, основанный на взаимосвязи социально-экономической и политической составляющих, что кардинально отличало его от иных избирательных моделей. На данный момент в историографии в большей степени изучены избирательные кампании 1920-х гг., что объясняется интересом к формированию советской власти на местах, в то время как выборы первой половины 1930-х гг., приведшие к укреплению политической системы, изучены недостаточно (Саламатова 2025). По мнению главного специалиста по теме М.С. Саламатовой, один из ключевых вопросов при изучении раннесоветской избирательной системы заключается в том, были ли вообще заинтересованы советская власть и население в участии в выборах? (Саламатова 2016а: 225)

В поле зрения специалистов попали общесоюзный и республиканский, региональный и местный уровни избирательной системы. Несмотря на наличие значительного количества работ, посвященных электоральным процессам в разных регионах СССР, на данный момент ощущается явный недостаток исследований, анализирующих выборные кампании в национальных республиках и автономиях. В современной казахстанской историографии исследовательский интерес в значительной степени смещен на темы, связанные с национально-государственным строительством, коренизацией государственного аппарата и формированием национальной советской элиты. Лишь отдельные моменты становления избирательной системы и избирательного процесса в раннесоветской истории Казахстана получили освещение в научных публикациях правоведов и историков (Аблажей и др. 2024, 2025; Турлыбекова и др., 2026; Изгуттинов и др. 2026).

В целом, следует отметить, что работ, посвященных собственно избирательной системе, механизмам и практикам ее функционирования, в том числе институту лишения избирательных прав, практически нет, за исключением исследований, посвященных анализу кампании по "ликвидации крупных баев". Советская власть коренным образом трансформировала кочевой/полукочевой социум в 1920-1930-е гг., в том числе за счет смены прежней традиционной избирательной модели, сочетавшей родоплеменную структуру и выборность должностей, на советскую.

Проблема охвата и достоверности электоральной статистики получила обсуждение в историографии в плане изучения методов сбора, обработки, анализа данных и их интерпретации (Саламатова 2016b). При этом ощущается явный недостаток исследований, сфокусированных на анализе статистики выборов в отдельных национальных автономиях и регионов, их сопоставлении с общесоюзными тенденциями. Цель данной статьи состоит в том, чтобы на материалах общероссийской электоральной статистики в 1920-х – первой половины 1930-х гг. детализировать результаты выборов в Советы в КАССР на предмет их полноты и соотношения с тенденциями, характерными для федерации в целом.

Материалы и методы

Электоральная статистика содержит важный эмпирический материал в плане осмысления электоральных процессов советской эпохи. В рамках избирательной модели, введенной Конституцией 1918 г., в РСФСР прошло восемь избирательных кампаний. Первые общероссийские выборы прошли в 1922 г. На протяжении пяти лет они проводились ежегодно – это избирательные кампании 1922, 1923, 1924, 1925/1926, 1926/1927 гг. Начиная с выборов 1928/1929 гг. их периодичность изменилась: выборы стали проводить раз в два или три года. Выборы 1924 г. проводились в сентябре-ноябре, а после кассации повторно – в марте-мае 1925 г., поэтому эти выборы часто объединяют в единую кампанию 1924/1925 г. Время проведения избирательных кампаний, начиная с кампании 1925/1926 гг., сместилось на позднюю осень и начало зимы, а с выборов 1928/1929 гг. – полностью на зимний период. В первой половине 1930-х гг. прошли две избирательные кампании: 1930/1931 гг. и 1934/1935 г.

В 1936 г., с принятием новой Конституции, избирательная модель в СССР была кардинально изменена. Отменялись многоступенчатость, открытое голосование, возможность лишения избирательных прав и вводилось всеобщее, равное, прямое

избирательное право при тайном голосовании.

В 1922-1924 гг. в РСФСР организацией выборов занимался Наркомат внутренних дел, а с 1925 г. эта функция перешла к Всероссийской Центральной избирательной комиссии (ЦИК), созданной в сентябре того же года при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете (ВЦИК). Важно отметить, что методика сбора избирательной статистики была разработана Наркоматом внутренних дел РСФСР, и на протяжении 1920-х гг. функции ее ведения оставались также за НКВД, вплоть до ликвидации ведомства в 1930 г. Начиная с избирательной кампании 1926/1927 г., ведение избирательной статистики стало прерогативой Всероссийской ЦИК при президиуме ВЦИК (в первую очередь его орготдела).

В феврале 1926 г. была организована союзная Центральная избирательная комиссия (Центризбирком), и орготдел ВЦИК стал ее частью. На местах выборами занимались орготделы при губернских исполкомах, являвшиеся, по сути, структурами республиканского Наркомата внутренних дел, а позднее региональные избирательные комиссии, контроль за которыми сохранили те же региональные исполкомы, окружные и уездные избиркомы, на низовом уровне – сельские и городские избирательные комиссии, подконтрольные административным органам горсоветов и сельсоветов. В национальных и автономных республиках, входивших в состав РСФСР, выборы относились к компетенции центральных исполнительных комитетов, при которых с 1925 г. функционировали избирательные комиссии. Так, например, в КАССР действовала Всеказакская избирательная комиссия (Казизбирком) при КазЦИКе.

Официальная статистика выборов отражена в статистических электоральных изданиях (статистических сборниках), опубликованных под эгидой НКВД РСФСР и Всероссийской избирательной комиссии при ВЦИК. Подобные издания могли представлять собой выпуски, содержавшие как предварительные, так и финальные итоги избирательных кампаний. Традиционно статистические данные представляли собой не только цифровые данные, но также обширное сопровождение в виде аналитического текста – комментариев, выводов и заключений. Советскую электоральную статистику в целом можно охарактеризовать, во-первых, как описательную, что позволяет систематизировать и обобщать большие объемы информации, в том числе визуально (таблицы, графики, диаграммы), во-вторых, как выборочную и неполную в силу использования лишь части данных и избранных показателей, демонстрировавших далеко не все тенденции и причины происходящих изменений как в самой избирательной системе, так и в электоральном поведении населения.

Первым подобным изданием стал статсборник по итогам кампании 1923 г. (Избирательная 1924). Имеются также аналогичные публикации по итогам выборов в Советы 1925/1926, 1926/1927, 1928/1929, 1930/1931 гг. В 1920-е гг. некоторые регионы и автономии самостоятельно публиковали статистику по отдельным избирательным кампаниям, но в случае в КАССР таких изданий нами не обнаружено. Имеющиеся в наличии отчеты Крайизбиркома, обнаруженные в архивах, не подлежали оглашению, поэтому не предусматривались к публикации.

Согласно официальной версии, электоральные издания были призваны продемонстрировать основные результаты выборов и ознакомить население с "достижениями и недочетами избирательной кампании", а полученный опыт "должен помочь добиться еще больших положительных результатов". По сути, статсборники представляли собой обширные аналитические отчеты, содержавшие статистические

таблицы, а также сведения, представленные преимущественно в виде сводных (в том числе и по регионам) и сложных комбинированных таблицах. Например, по итогам выборов 1927/1928 г., 1930/1931 г. и 1934/1935 г. изданы сборники диаграмм (Выборы 1930, 1931, 1935), призванные популяризировать электоральную статистику и показать динамику участия населения и итоги выборов в общероссийском срезе.

Наиболее полно представлена статистика, в первую очередь промежуточная, кампании 1925/1926 г. (два выпуска "Предварительных итогов" и 18 выпусков "Сводок телеграфных сообщений" (Выборы 1926; Выборы 1925-1926). По итогам выборов 1929 (Итоги 1929-1; 1929-2) г. и 1934 г. издавались информационно- статистические сборники с предварительной отчетностью (Статистическая 1934).

В 1929 г. было выпущено пять бюллетеней, содержавших промежуточные отчетные данные и по итогам кампании 1934 г. – также пять выпусков. В структуру этих информационных изданий в обязательном порядке входили аналитика и таблицы. Материал обрабатывался на основании телеграфных сведений от региональных и городских избирательных комиссий о ходе выборов. Начиная с выборов 1927 г., электоральную статистику начали публиковать в сборниках "Выборы в Советы в Союзе ССР", где приводились данные лишь по союзным республикам и СССР в целом.

Итоговая статистика по выборам в городские Советы наглядно иллюстрировала неполноту данных из-за того, что далеко не все города и поселения городского типа оказались в ней представлены. Значительный разброс имеет место как в целом по РСФСР, так и по регионам и национальным автономиям. В статистике первых выборов (1920 г.) фигурируют, наряду с городами, и поселения городского типа, тогда как по всем остальным выборным кампаниям данные представлены преимущественно по городам. При этом их максимальное число – 709, относится к кампании 1928/1929 гг. (Выборы 1929) В дальнейшем, несмотря на стремительную урбанизацию и изменение статуса многих рабочих поселков на город, количество городских поселений, фигурировавших в статистике, сокращается.

В ходе административно-территориальной реформы (районирования), проведенной в РСФСР в 1923-1929 гг., была предпринята попытка создания региональных административно-территориальных объединений разного уровня, в том числе краевого и областного вместо губернских и уездных, образуемых в пределах крупных экономических районов. На нижнем уровне ликвидировались волости и создавались районы. Первоначально в 1923-1924 гг. было проведено укрупнение волостей, что привело к сокращению их численности примерно в три раза, в 1924-1925 гг. на их месте были созданы укрупненные районы. На фоне районирования шло активное формирование сети сельсоветов, которые заменили волостные земства.

В целом по итогам районирования в середине 1920-х гг. на территории РСФСР было создано порядка 70 тыс. сельсоветов, но их численность постоянно менялась. Симптоматично, что на момент подведения итогов избирательных кампаний даже в первой половине 1930-х гг., приводились данные только по половине сельсоветов (Предварительные 1935: 48).

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что хотя в официальном дискурсе секретной (закрытой) отчетности не было, тем не менее, она, безусловно, была. Секретную отчетность собирал как НКВД, так и ВЦИК (Саламатова 2016b). К сожалению, на данный момент ключевые аспекты "закрытой"» электоральной информации и статистики остаются недоступными для исследователей.

Результаты

Административное устройство Казахской автономии и территориальные аспекты выборных кампаний

Первые выборы в Советы в РСФСР состоялись лишь спустя несколько лет после создания национальных автономных образований, хотя формирование национальных территорий и территориальное размежевание еще не было завершено. Весной 1922 г. произошло территориальное разграничение с Сибирью в Акмолинской и Омской областях. Отметим, что в республиках Центральной Азии территориальное размежевание провели лишь в середине 1920-х гг.

В ходе административно-территориального размежевания, в отличие от Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана, статус Киргизской (Казахской) автономии остался прежним, т. е. не был повышен до уровня национальной республики. Казахстан и Киргизию разделили в 1924–1925 гг.: в октябре 1924 г. была образована Кара-Киргизская автономная область, в июне 1925 г. – Казахская АССР. В ходе размежевания 1924 г. территория Сырдарьинской области была выведена из состава Туркестанской АССР и разделена между Казахстаном и Киргизией. В Казахстан вошли также северные части Джетысуйской, Сырдарьинской и Самаркандской областей, из которых были образованы Джетысуйская и Сырдарьинская губернии. Оренбургская губерния весной 1925 г. была выведена из состава КАССР. К выборам 1925/1926 г. в состав автономии входили Акмолинская, Актюбинская, Джетысуйская, Семипалатинская, Сыр-Дарьинская и Уральская губернии, Кустанайский округ, Адаевский уезд. Кара-Калпакская автономная область входила в состав КАССР с 1925 г. по 1929 г., а затем отошла к РСФСР. По итогам административно-территориальной реформы (районирования) КАССР получила статус отдельного экономического района, в состав которого входили 14 экономических округов (Материалы 1924). В течение 1920-х гг. несколько раз менялась столица автономии: до 1925 г. ею был Оренбург, затем Ак-Мечеть (бывший форт Перовский), переименованная в июле 1925 г. в Кзыл-Орду (Красная столица), а с 1927 г. – Алма-Ата, хотя реальной столицей она стала только после переезда сюда правительства в 1929 г.

В ходе первого этапа районирования в 1923–1924 гг. в КАССР число волостей в разных губерниях сократилось на 50–70% (существенно выше, чем по РСФСР), что привело к нарушению этнической однородности поселений сельского типа и росту их территорий в среднем в два раза На 1924 г. количество сельских населенных пунктов в республике составляло 8111 (Материалы 1924: 50-52).

Первые выборы в КАССР состоялись в 1923 г. и 1924 г., но лишь начиная с выборов 1925/1926 г. они проводились на всей территории КАССР, в том числе и в Кара-Калпакии, хотя ее статус на тот момент еще не был определен. Результаты выборов 1924 г. в автономии, как и в большинстве регионов СССР, были аннулированы, поэтому весной 1925 г. проводились перевыборы. В дальнейшем случаев кассации результатов выборов не было, хотя были значительные сдвижки по срокам проведения; также имели место многочисленные нарушения. Организация и статус избирательных комиссий в автономии соответствовали ее административно-территориальному устройству и видоизменялись в соответствии с ним. Так, на 1925 г. в КАССР имелись одна областная, пять окружных, шесть губернских, 30 уездных, 437 волостных, 2333 аульных и 1622 сельских избирательных комиссий, что суммарно составляло 4436 избирательных комиссий различного уровня[1].

На момент переписи 1926 г., которая проходила с декабря 1926 г. по март 1927 г., автономия состояла из шести губерний, Кустанайского округа и Кара-Калпакской автономной области. 50 поселений проходили как поселения городского типа, в том числе 29 (!) со статусом города (Кзыл-Орда, Аулиэ-Ата, Алма-Ата, Акмолинск, Актюбинск, Гурьев, Джаркент, Джамбейта, Зайсан, Копал, Илек, Лепсинск, Каркаралинск, Казалинск, Кунград, Кокчатав, Павлодар, Петропавловск, Темир, Торгай, Турткуль, Чимкент, Форт Александровск, Ходжейли, Чимбай, Шурухан, Усть-Каменогорск, Уральск, Урда) (Всесоюзная 1926, 1928). Такое число городов и поселений городского типа с незначительным количеством населения получили подобный статус на основании того, что они вошли в городскую перепись 1923 г. Согласно переписи 1926 г., городов, в которых действовали горсоветы, насчитывалось чуть меньше – 27, волостей – 4072. По другим данным, на момент выборов 1926 г. городов с горсоветами было 25, а число волостей – 411 (Всесоюзная 1926: 9). Общая численность сельсоветов по Казакской АССР составляла 3750, число населенных мест оценивалось в 77285.

В общероссийской избирательной статистике, отражавшей итоги выборов 1925/1926 годов, по Казакской АССР на начало 1926 г. фигурировали только Кзыл-Орда, Акмолинск и Кустанай, 60 волостей, 606 сельских поселений и 446 сельсовета (Всесоюзная 1926: 84). Ответить однозначно на вопрос, насколько полными были статданные и поступили ли с мест итоговые цифры, на данный момент невозможно. Показателен следующий факт: даже к моменту проведения следующей выборной кампании восемь городских поселений автономии, а именно Актюбинск, Аулиэ-Ата, Гурьев, Зайсан, Лепсинск, Семипалатинск, Уральск и Чимбай, так и не предоставили сведения по избирательной кампании 1925/1926 г. (Выборы 1926: 94, 96).

В 1927 г. КАССР состояла из шести губерний, двух округов и 31 уезда, а также Каракалпакской автономной области. В очередной раз казахская автономия фигурировала в общероссийской статистике лишь фрагментарно. В кампанию 1927/1928 годов выборы прошли в 24 городах: Кзыл-Орда, Акмолинск, Актюбинск, Алма-Ата, Аулиэ-Ата, Гурьев, Джамбей, Джаркент, Зайсан, Каркаралы, Кокчетав, Кустанай, Лепсинск, Новоказалинск, Павлодар, Петропавловск, Семипалатинск, Туркестан, Турткуль, Усть-Каменогорск, Уральск, Челкар, Чимбай и Чимкент. Суммарно население этих городов превышало 444 тыс. чел. (Выборы 1928: X). Однако на момент издания статсборника по итогам выборов семь городов автономии, а именно Кзыл-Орда, Алма-Ата, Джамбей, Джаркент, Туркестан, Торткуль и Челкар) так и не предоставили данных в российский Центризбирком. Относительно г. Новоказалинск указывалось, что горсовет был здесь образован только в 1927 г. (Выборы 1928: 94, 96). Таким образом, в статистику выборов в ходе двух кампаний не попали данные по 16 городам КАССР (Итоги 1928: 5).

В сентябре 1928 г. на территории автономии упраздняются губернии и уезды, на их место пришли округа и районы. В ходе административной реформы было создано 13 округов (Адаевский (упраздненный в 1929 г.), Акмолинский, Актюбинский, Алма-Атинский, Гурьевский, Кзыл-Ординский, Каркаралинский, Кустанайский, Павлодарский, Петропавловский, Семипалатинский, Сырдарьинский, Уральский), Каракалпакская автономная область сохранила свой статус. После завершения реформы к концу 1920-х гг. на всей территории автономии была введена районная система. Первоначально было создано 198 районов (и еще 10 районов в Каракалпакии) (Образование Казахской АССР 1957; Справочник 1958; Собрание 1928), но уже в декабре 1930 г. часть районов укрупнили, вследствие чего их количество сократилось сначала до 183, а потом до 122.

В результате уменьшилось число национальных районов, при увеличении количества районов смешанного типа. В 1930 г. Каракалпакская автономная область была выведена из состава КАССР. В статистике выборов 1928/1929 гг. представлены сведения по 17 городам, выборов 1930/1931 г. – по 19. К 1930 г. в автономии был 121 район и 3717 сельсоветов, однако в статсборниках приводились данные лишь по 2159 сельсоветам (Итоги 1931: 62, 100).

В 1932 г. в составе автономии было выделено шесть областей: Актюбинская – 18 районов, Алма-Атинская – 21 район, Восточно-Казахстанская – 21 район; Западно-Казахстанская – 13 районов; Карагандинская – 23 района; Южно-Казахстанская – 19 районов; суммарно количество районов достигло 115. Однако в 1933–1934 гг. были вновь образованы два округа: Гурьевский и Каркаралинский, в каждом из которых было по пять районов.

На момент выборов 1934 г. в состав автономии входили 123 района, что было на порядок выше, чем по другим автономным республикам РСФСР (Информационно-статистический 1934: 48; 1935: 82), 37 городах и рабочих поселках (Информационно-статистический 1934: 52). Число сельсоветов, включенных в выборку по итогам выборов, достигло 2653 (Информационно-статистический бюллетень 1934: 56).

В 1936 г. прошла кампания по укрупнению районов, в ходе которой созданы две новые области – Кустанайская и Северо-Казахстанская. К моменту преобразования КАССР в Казахскую ССР в декабре 1936 г. в республике было восемь областей и один округ, в составе которых находились 157 сельских административных районов. Итоги выборов по новой модели (декабрь 1937 г.) опубликованы в виде статистических отчетов по итогам избирательной кампании в Верховный Совет и охватывают данные по союзным и автономным республикам, областям и округам. К публикации итогов выборов в региональные и местные Советы попытались вернуться в 1939 г., но практика не прижилась.

Официальная трактовка итогов выборов в Казахской автономии: численность избирателей, доля лиц, лишенных избирательных прав и явки

К числу наиболее важных данных, характеризующих итоги выборов, следует отнести сведения о количестве избирателей, в т. ч. принявших участие в выборах и количестве лиц, лишенных прав, а также о динамике явки на выборы в советы по городам и сельской местности.

Данные о численности населения автономии за 1920-е гг. весьма противоречивы. По данным ЦСУ КАССР, в 1923 г. в автономии проживало 3,5 млн чел., по данным ЦСУ СССР – 5,1 млн чел., что уже дает разницу в 1,2 млн чел. По данным того же ЦСУ СССР, на 1924 г. численность населения автономии составляла уже около 4,5 млн чел. К 1925 г. она, согласно официальной информации, напротив, сильно выросла и в изданиях ЦСУ оценивалась в 5,3 млн чел. (Алексеенко 2007: 36-37) Согласно переписи 1926 г., численность населения автономии составляла 6503006 чел., в т. ч. городского – 539316 чел. (8,3%), а сельского – 5963383 чел. (91,7%) (Краснобаева 2007: 29). Более 73% населения автономии проживало в Семипалатинской, Акмолинской, Сыр-Дарьинской и Джетысуйской губерниях. Титульные этнические группы составляли более 60% населения. За период 1930–1936 гг. динамика численности населения Казахстана, по данным Управления народно-хозяйственного учета, составляла: на 1930 г. – 5873,0 тыс. чел, 1931 г. – 5114,0 тыс., 1932 г. – 3227,0 тыс., 1933 г. – 2493,5 тыс., 1934 г. – 2681,9 тыс., 1935 г. – 2926,0 тыс. и на 1936 г. – 3287,9 тыс. чел. (Алексеенко 2007: 57) Падение

численности населения за первую половину 1930-х гг. было вызвано в первую очередь голодом и массовой миграцией казахского населения за пределы республики.

Статистика разводит итоги выборов – отдельно по сельской местности и городам, а также очерчивает круг избирателей (взрослое население, имевшее право голоса) и лиц, лишенных избирательных прав. Городские избиратели представлены тремя группами: 1) организованное гражданское население (члены профсоюзов); 2) неорганизованные избиратели (трудовое население, не состоявшее в профсоюзах); 3) военнослужащие (красноармейцы). Сельские избиратели делились на крестьян и другие трудовые слои (сельхозрабочих и батраков, кустарей и ремесленников, сельскую интеллигенцию и служащих, красноармейцев). Подавляющая часть избирателей в деревне были крестьянами, которые после коллективизации стали колхозниками. Выборы первой половины 1930-х гг. выделяют колхозников из крестьянской массы. Такая конфигурация электората была искусственной, т. к. не отражала реальную социальную структуру населения.

Государственная статистика в советский период строилась по административно-территориальному принципу. Население было приписано к соответствующим единицам учета, тем не менее, подсчет числа избирателей не был до конца отработан, вследствие чего имел место их массовый недоучет. Проблема достоверности учета избирателей – одна из ключевых для исследователей раннесоветской электоральной системы, равно актуальная как для сельской местности, так и для городов. Речь идет как о массовом недоучете избирателей, так и значительных колебаниях в численности взрослого населения, имевшего право голоса.

Сравнение показателей "численность имевших право голосовать" (все избиратели) и "численность участвующих в выборах" (фактическая явка) позволяет рассчитать реальный процент участия населения в выборах и определить активность электората, т.е. легитимность выборов. Однако данные о численности избирателей крайне фрагментарно представлены в официальной статистике, что не позволяет объективно оценить численность электората. Необходимо также отметить еще несколько важных моментов. Во-первых, расширение круга избирателей во время выборов 1925 г. произошло не только за счет совершенствования методов сбора статистики, но и вследствие сокращения числа лиц, лишенных избирательных прав. Во-вторых, на выборах 1930/1931 г. и 1934/1935 г. по сравнению с выборами второй половины 1920-х гг. произошло сокращение сельского электората. В-третьих, новыми массовыми группами избирателей стали женщины и молодежь. В-четвертых, прирост избирателей в значительной степени обеспечили национальные регионы СССР. Большинство исследователей считает, что однозначной зависимости между колебания численности избирателей и динамикой политических процессов нет.

Данные по численности избирателей КАССР представлены в статсборниках крайне фрагментарно (см. Таблицу 1). В значительной степени можно списать это на сложности учета кочевого и полукочевого населения, хотя при проведении переписи в декабре 1926 г. это удалось сделать. Во-первых, данные переписи расходятся с данными Центризбиркома КАССР почти на 500 тыс. чел. На момент избирательной кампании 1925/1926 гг. Центризбирком оценивал численность населения автономии лишь в 4,7 млн чел., не уточняя численность взрослого населения в целом и, собственно, избирателей[2]. Перед началом следующей избирательной кампании – 1926/1927 гг., количество лиц, имевших право голоса, Казизбирком оценил приблизительно в 2720 тыс.

чел., из которых 198,7 тыс. чел. горожане (без учета Казалинска и Усть-Каменогорска)[3]. В ходе кампании 1927/1928 г. Избирком КАССР констатировал, что наконец-то удалось наладить в республике учет избирателей.

Встает вопрос, как это отразилось в официальной статистике. В имеющихся в нашем распоряжении статистических сборниках данные по КАССР приведены только на момент начала избирательных кампаний 1925/1926 г. и 1930/1931 г. Первые опубликованные данные по кампании 1925/1926 г. представлены несколькими городами и одной губернией. Согласно имеющимся данным, на выборах 1931 г., численность лиц, имевших право голоса, составила 2033 тыс. чел., из которых 203 тыс. – в городах и 1831 тыс. чел. – в сельской местности (Итоги выборов 1931: 100). Данные по выборам 1934 г. представлены только в одном отчете и речь идет лишь 142,7 тыс. сельских избирателях.

Таблица 1
Динамика численности избирателей в КАССР
Table 1
Dynamics of the Number of Voters in the Kazakh ASSR

Год, кампания	Число жителей старше 18 лет, участвующих в выборах, города	В т.ч. имевших право голосовать, города	Число жителей старше 18 лет участвующих в выборах, сельская	В т.ч. имевших право голосовать, сельская
1922 г.	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
1923 г.	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
1924/1925 г.	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
1925/1926 г.	24898 (24907)[5] 68391[6]	23327	367136	363232
1926/1927 г.	165410[7]	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
1928/1929 г.	Нет сведений	Нет сведений	2729068 (данные Центризбиркома КАССР)[9]	1386305 (62%) 2235976 (100%)[10]
1930/1931 г.	Нет сведений	203191[8]	Нет сведений	1830936
1934/1935 г.	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений

Составлено по: Выборы в советы в РСФСР в 1925/26 году (предварительные итоги. Ч. 1. М., 1926. С. 76-77, 174, 222; Итоги выборов в горсоветы. РСФСР. 1927. М.-Л., С. 128–130; Итоги выборов в советы РСФСР в 1930-31 г. Статистический сборник / Издание Всероссийской Центральной Избирательной комиссии М., 1931. С. 100; Бюллетень № 5 Всероссийской Центральной Избирательной комиссии за 1 мая 1929 г. М., 1929. С. 3.

Учет лиц, лишенных избирательных прав, был намного важнее, чем учет собственно избирателей, но и здесь полной картины нет. Финальная статистика лишенцев по СССР следующая: 1923 г. – 8,2% и 1,4%; 1924/1925 г. – 5% и 0,74%; 1926/1927 г. – 7,7% и 3,5%; 1928/1929 г. – 8,5% и 4,1%, 1930/1931 г. – 4,9 и 3,7%; 1934/1935 г. – 2,4% и 2,6% (Выборы 2010: 20). Общее число лиц, лишенных гражданских прав, никогда не превышало 5% от

населения страны (в 1929 г. в РСФСР – 2 млн 433 тыс. (4,54 % от взрослого населения), в СССР – 3 млн 716 тыс. (4,89%)) (Саламатова 2017:718). Официальные данные в доли лишенцев в городах и сельской местности по РСФСР в целом (Саламатова 2017:718). и отдельно по КАССР приведены в Таблице 2. Прирост численности лишенцев, согласно этим данным, характерен для всех избирательных кампаний 1920-х гг. (за исключением кампании 1925/1926 г.). В целом по городам РСФСР количество избирателей и лиц, лишенных прав, в 1923 г. составило 91,8% и 8,2%, в 1924/1925 г. – 94,9% и 5,1% и в 1925/1926 гг. – 94,4% и 5,6% соответственно (Выборы 1926: 39-40)[11]. Сопоставление данных предварительной и финальной статистики иллюстрирует снижение показателей. Приведенные в статсборниках данные о лишении избирательных прав показывают, что процент лишенных прав в автономных республиках и областях РСФСР был значительно выше, чем в целом по РСФСР: на выборах 1928/1929 г. 3,9% к 3,3% по сельсоветам и 4,7% к 3,9% по городам (Бюллетень № 5 1929:13) На выборах 1930/1931 и 1934/1935 г. фиксируется постепенное сокращение численности лишенцев как в сельских местностях, так и в городах. По КАССР полных данных по лишенцам нет. Согласно опубликованным данным, доля лиц, лишенных избирательных прав, в КАССР неуклонно росла, составив в 1924/1925 г. – ок. 1 %, в 1925/1926 г. – 2,4%, в 1927/1928 г. – 3,3% и в 1929 г. – 3,7%. Согласно отчетам КазЦИК, статистика лишенцев выглядит несколько по-иному: на выборах 1924/1925 г. суммарно по деревне и аулу процент лишенных избирательных прав составлял 0,9% от числа избирателей, а в 1927/1928 г. уже 4,6%[12]. Число лишенцев в городах как минимум в 2,5 раза превышало их число в сельской местности, а в отдельных промышленных центрах – в пять раз. По данным Центризбиркома КАССР в избирательную кампанию 1926/1927 г. было лишено избирательных прав 112563 чел., из которых в селах и аулах – 94377 чел., в городах – 18186 чел.[13]. Весьма показательный факт, что процент лишенцев в Казакской АССР оказалось существенно выше, чем по Киргизской АССР (1,7 раза). Данные по автономии о численности лишенцев наглядно иллюстрируют значительные расхождения в статистике.

Таблица 2
Лишенные избирательных прав
Table 2
Disenfranchised Persons

Кампания	РСФСР, всего (%)	РСФСР город (%)	РСФСР село (%)	КАССР, всего (%)	КАССР (город (%)	КАССР (село/аул) (%)
1922 г.	1,4	2.1	1.4	Нет сведений		
1923 г.	1,4	2	1,3	Нет данных		
1924/1925 г.	1,3	1,7	1,3	0,7 (0,9)		
1925/1926 г.	1,1	1,6	1	2,4	6.3 (5.5)[13]	1.1
1926/1927 г.	3,3	3.9	3.3	3,3 (4,6)	8.3 (8.8)[14]	3.3 (от всего населения)

1928/1929 г.	4,5	7,2	3,9	3,7(3,1 предвари-тельная		
1930/1931 г.	3.7	4,6	3,5			
1934/1935 г.	2.1	1,9	2,3		Нет данных	Нет данных

Составлено по: Выборы в советы в РСФСР в 1925/26 году (предварительные итоги. Ч. 1. Москва 1926. С. 76-77, 174, 222; Выборы в Советы в диаграммах/ издание Всероссийской Центральной Избирательной Комиссии. Москва, 1927. С. 22; Выборы в советы по РСФСР в 1927 г... С. 7, 59; Бюллетень № 5 Всероссийской Центральной Избирательной Комиссии о результатах выборов в советы на 1 мая 1929 г. Москва: Изд. Издательство Всероссийской Центр. Избирательной комиссии. 1929. С. 20. Об итогах перевыборов Советов в 1927 г. по КССР (итоговая сводка). АП РК. Ф. 141. Оп. 7. Д. 38. Л. 51-69. Опубликовано: Изгуттинов, М., Маслов Х. "К вопросу о итогах перевыборов советов в 1927 году по Казакской АССР: Научная статья". Gumilyov Journal of History, 2026, vol. 154, no. 1, pp. 119-37, https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-154-1-119-137.

Логично было бы предположить, что прирост числа избирателей должен непосредственно отразиться на показателях явки. Однако прямой зависимости здесь нет. Явка в основном указывалась в относительных показателях, что позволяло нивелировать колебания численности избирателей относительно населения в целом. Для выборов 1920-х гг. это объяснялось административными реформами и неполнотой статистики, а позднее – сложившейся традицией. По сути, необходимость наличия показателей явки объяснялась стремлением продемонстрировать уровень поддержки населением власти и ее политики. Отсутствие полных сведений о численности избирателей стало одним из базовых нарушений, что изначально подрывало доверие к результатам выборов в советы. Есть веское основание утверждать, что власти не были слишком заинтересованы в участии всего имеющего право голоса населения в выборах.

Для первых выборов в советы была характерна крайне низкая явка. На выборах 1924/1925 г. население РСФСР повсеместно продемонстрировало политическую апатию, и власть, по сути, итоги выборов отменила. Были проведены перевыборы, во время которых пороговая явка не была отменена. Этот порог постепенно повышали, доведя его к выборам 1934 г. до 50%. За десятилетие явка избирателей на выборы выросла до рекордных показателей. Так, явка по СССР составила: в 1925/1926 г. – 50,8%, 1926/1927 г. – 50,2%, 1928/1929 г. – 6,5%, 1930/1931 г. – 72,1% и в 1934/1935 г. – 85% (Выборы 1935:8). Явка в городах за период поднялась с 52 до 91,6%, а в сельский местности с 48,4 (показатель 1927 г.) до 83,3%. Явка по РСФСР за период 1922 г. по 1935 г. выросла с 36,5% (Выборы 1926: 47) до 90,3%, по сельской местности – с 22.3% до 82,3%. Явка сельских избирателей в РСФСР на выборах 1922 г. – 22,3%, 1923 г. – 37,4%, 1924/1925 г. – 28,9% (выборы не признаны состоявшими в регионах, где явка была ниже 35%), 1926/1927 г.– 47,6%, 1927/1928 – 60,7%, 1930/1931 г. – 69,1%, в 1934 г. – 82,3%. (Выборы 1935: 9). Официальные цифры показывали более низкую явку по сельской местности и малым городам, при этом наблюдался значительный разброс по регионам и отдельным поселениям.

Таблица 3
Явка избирателей РСФСР и КАССР на выборы в сельские Советы
Table 3
Voter Turnout in the RSFSR and the Kazakh ASSR in Elections to Rural Soviets

Кампания	Явка по РСФСР	Явка М/Ж (% от числа избирателей)	Явка по КАССР, %	Явка М/Ж (% от числа избирателей)
1922 г.	22,3 (38,5)[15]	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
1923 г.	37,2 (35,8)	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
1924/1925 г.	41,1 (47,3)	63,5/19,9	45%[16]	
1925/1926 г.	41,5 (48,9)	67,4/28,7	51,8 (по предварительным – 48,8)	по предварительным 72,8/28,2
1926/1927 г.	47,5/47,6 (48,4)	66,7/30,1	50,0	Нет данных
1928/1929 г.	60,7 (61,8)	75,7/46,9	58,7	70,9/43,7
1930/1931 г.	69,1 (70,4)	76,9/61,7	63,3	71,7/52,3
1934/1935 г.	82,3 (83,3)	87,5/79,0	70,2	73,5/64,0 (предварительные итоги)

Составлено по: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году: К XI съезду советов РСФСР. М, 1924. С. 4-6; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г. М.: Изд-во "Власть советов" при Президиуме ВЦИК, 1928. С. 7, 10; Выборы в советы по РСФСР в 1927 г. М., 1928. С. 7–13; Предварительные итоги выборов в советы РСФСР 1934 г./ Издание учетно-информационного отдела Президиума ВЦИК. М., 1935. С. 27, 41; Предварительные итоги выборов в советы РСФСР 1934 г. Информационный бюллетень № 5. / Издание учетно-информационного отдела Президиума ВЦИК. М., 1935. С. 6, 31; Итоги выборов в советы РСФСР в 1930-31 г. Статистический сборник/ Издание Всероссийской Центральной Избирательной комиссии. М., 1931. С. 62; Выборы в Советы в Союзе ССР. 1934-1935 гг. М., 1935. С. 82.

Таблица 4
Явка избирателей РСФСР и КАСС на выборы в городские Советы
Table 4
Voter Turnout in the RSFSR and the Kazakh ASSR in Elections to Urban Soviets

Кампания	Явка по РСФСР	Явка М/Ж (% от числа избирателей)	Явка по КАССР, %	Явка М/Ж (% от числа избирателей)
1922	(33,2)[17]	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
1923	(38,5)	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
1924/1925	(48,7)	Нет сведений	15,3	Нет сведений

1925/1926	(52,0)	Нет сведений	49,1 (по 3 городам) (по др. данным 46,1)	68,9/31,1
1926/1927	59,0 (59,1)	Нет сведений	Ок. 50 % По другим данным (44,2)	Нет сведений
1928/1929	70.4 (70,8)	76,3/64,2	53,0	58,5/44,2
1930/1931	78,4 (79,6)	81,5/75,8	63,7	68,7/61,6
1934/1935 г.	90,3 (91,6)	93,0/88,2	75,118	Нет сведений /69,6

Составлено по: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году: К XI съезду советов РСФСР. М, 1924. С. 13–15; Выборы в советы в РСФСР в 1925–26 году (предварительные итоги). Ч. 1. М., 1926. С. 174–175. Выборы в Советы по РСФСР в 1927. М., 1928. С. 57–61; Итоги выборов в советы в 1929 г. Статистический сборник. Вып. 2. Выборы в городские Советы. М., 1930. С. 44–45; Итоги выборов в советы РСФСР в 1930–31 г. Статистический сборник / Издание Всероссийской Центральной Избирательной комиссии. М., 1931. С. 100; Выборы в Советы в Союзе ССР. 1934–1935 гг. М., 1935. С. 12.

Параметры явки на выборах в КАССР укладываются в общесоюзный и общероссийский тренды. (Тем не менее, надо учитывать, что в 1920-е гг. численность кочевого и полукочевого населения приближалась к 93%. Во-вторых, официальные данные по выборам не только 1920-х, но и первой половины 1930-х гг. фрагментарны.) Автономия демонстрировала рост явки избирателей уже с перевыборной кампании 1925/1926 годов. На резкий рост явки на этих выборах в КАССР первыми обратили внимание историки еще в 1940-е гг., расценив его не столько как успех партии и советской власти в ауле, сколько как проявление межродовой борьбы (Кучкин 1946: 9). В официальной статистике прирост явки также отражен, но приводимые данные почти на 10% меньше (по предварительным данным по сельской местности оценивался в 48,8 %, а по итоговым – 51,8%, чем показатели Центризбиркома КАССР (ок. 62%). Заметим, что даже обнародованные показатели на 10 % превысили данные по РСФСР. Что касается данных за 1927/1928 г., то Центризбирком КААСР оценивал долю лиц, принявших участие в голосовании в целом по автономии, приблизительно в 50 %, но при довольно низкой явке в городах – 44,2%[18]. Незначительное отставание по проценту явки начинается с выборов 1928/1929 г., и становится явным по итогам выборов 1930/1931 г. На выборах 1934/1935 г. показатели по явке в КАССР оказываются уже на 10% ниже, чем по РСФСР в целом. Явка горожан в Казахстане также была существенно ниже общероссийской, отставание в среднем составило около 15%. При этом процент явки по городам автономии лишь незначительно превысил явку по сельской местности.

Важным показателем была явка женщин-избирательниц. Каждая следующая кампания характеризовалась, сокращением разрыва как между общей явкой и явкой женщин, так и разрывом между явкой мужчин и женщин. Разница между общей явкой и явкой женщин на выборах в сельсоветы РСФСР в 1925/1926 г. составила 18,8%, на выборах 1934/1935 г. – уже в 3,3%; по городам – 9,1 и 2,1% соответственно (Предварительные итоги 1935: 6). В целом по СССР за этот же период явку женщин удалось поднять в два раза по городам и в 2,9 раза – в сельской местности (Выборы в Советы: 1935: 11). Согласно официальным

данным, явка женщин на выборах 1925/1926 г. в КАССР составила менее трети (31,1 %) от числа избирателей. Полной картины опубликованная статистика по КАССР не дает в т.ч. и по выборам 1926/1927 г., хотя по Киргизии они есть, несмотря на очень низкий показатель (14 %) (Выборы в Советы: 1935: 9,13). В целом все центральноазиатские республики "проседали" по показателю явки женщин на выборы. Самой низкой она была в Таджикской ССР, хотя республика и показала рекордный рост явки на выборах 1930/1931 г. и 1934/1935 г. с 33 % до 66% (Выборы в Советы: 1935: 10). Тем не менее, официальная пропаганда утверждала, что "борьба за раскрепощение женщин народов Востока дала свои результаты" (Выборы в Советы: 1935: 10). Именно Казахская АССР по итогам выборов 1934/1935 г. с показателем 68,9% оказалась в числе аутсайдеров по РСФСР (Выборы в Советы: 1935: 9-10,18). Казахская автономия продемонстрировала и минимальный по РСФСР процент (9,7%) выдвижения женщин в состав районных сельсоветов, также оказалась на предпоследнем месте по доле женщин, выдвинутых в председатели сельсоветов (5,4%) (Выборы в Советы: 1935: 16).

Соотношение явки русскоязычного и титульного населения автономий в опубликованной статистике представлено косвенно. Статистика по избирателям разных национальностей в Казахстане на выборах первой половины 1930-х гг. фиксирует рост активности казахов, хотя он и был пропорционален росту активности русскоязычных избирателей (1931 г. – 65,3 и 62,8 % соответственно 1934 г. – 69,3 и 68,7 % соответственно) (Информационный бюллетень No.5: 31).

Тенденцию к коренизации, вовлечение представителей титульных национальностей в органы власти, иллюстрируют данные Центризбиркома по национальному составу советов разного уровня (см.: Таблица 5). Официальная статистика показывает национальный состав советов на выборах 1925/1926 г. (см.: таблицу 6), но данные существенно ниже, чем данные Центризбиркома КАССР.

Таблица 5
Национальный состав советов и исполкомов[3]
Table 5
Ethnic Composition of Soviets and Executive Committees[3]

Годы	Горсоветы	Аулсельсоветы	Волисполкомы	Уисполкомы
% казахов в перевыборы				
1923 г.	18	53	47,1	57,3
1924/1925 г.	17	52	52,5	59,1
1925/1926 г.	22,2	61,2	64	60
1927/1928 г.	19	57,5	60,7	50
% каракалпаков в перевыборы				
1927/1928 г.	1,5	2,2	1,9	6
% русских и прочих в перевыборы				
1927/1928 г.	79,5	40,3	37,4	44

Таблица 6
Национальный состав сельских выборных органов в 1925/1926 г
Table 6
Ethnic Composition of Rural Elected Bodies in 1925/1926

Казахская АССР	Национальность, именем которой названа автономия (%%)					
	Среди населения	В состав избранных в:				
		Сельсов.	Пред с/с	Волсъезды	Волисполкомы	Председ. волисполкомов
Казакская АССР	н.св	53.3	58.2	63.8	52.8	56.7

Составлено: Выборы в Советы РСФСР в 1925-1926 году (предварит. итоги). Ч.1 М., 1926. С. 38.

Заключение

В целом следует констатировать, что официальная электоральная статистика не только включала данные об избирательных кампаниях, но также задавала, по сути, возможности критики результатов выборов, фактически монополизировав их интерпретацию. Советская избирательная система преследовала цель удержать за партией и государством властные полномочия и сохранить контроль над населением страны. Низкая степень достоверности советской электоральной статистики объясняется неполнотой данных в силу постепенного введения избирательной системы в практику общественно-политической жизни, массового недоучета избирателей, необходимости максимально быстрого предоставления отчетов административно-территориальными единицами и способами обработки данных. Для электоральной статистики характерны также различия в методах сбора и анализа данных, связанные с постоянным изменением форм отчетности и количества показателей, что затрудняет интерпретацию результатов и выявление динамики избирательного процесса. В дальнейшем изучении нуждаются вопросы соотношения публичных (обнародованных) и непубличных (секретных или ДСП) данных электоральной статистики.

Анализ материалов по КАССР свидетельствует о том, что автономия неоднократно оказывалась в числе аутсайдеров при подаче актуальных сведений о ходе и итогах избирательных кампаний. Приводимые по автономии данные обычно носили предварительный характер и не всегда корректировались в финальной статистике. Имело место и значительное расхождение обнародованной статистики с данными Центризбиркома КАССР, отправляемые в Москву в качестве отчетных обзоров о ходе избирательных кампаний.

Изменение числа административных единиц и неполнота учета избирателей, отставание в создании сети советов создает известные сложности при оценке динамики избирательного процесса. Официальная статистика фиксировала рост активности избирателей Казахской автономии начиная с середины 1920-х гг. и эти темпы выше, чем по РСФСР в целом, но в первой половине 1930-х гг. имеет место системное отставание от среднероссийских показателей явки. Абсентеизм на выборах 1924/1925 г. и всплеск активности на выборах 1925 г. не получили отражения в статистике (а тогда откуда об

этом известно?) и никак официально не комментировались. Официальная статистика была призвана лишь иллюстрировать усиление тенденции к советизации национальных окраин, сохраняя монополию на интерпретации результатов, что свидетельствовало об окончательном установлении партийно-административного контроля над выборным процессом.

Acknowledgements
The author expresses gratitude to the editorial board and the reviewers.

Алғыс
Мақала авторлары редакция ұжымына және рецензенттерге алғысын білдіреді.

Благодарности
Автор статьи выражает благодарность редакционной коллегии и рецензентам.

Примечания

1. Дело о проведении избирательной кампании по перевыборам советов Казахской АССР. Государственный архив РФ (далее ГА РФ), ф.1235, оп.103, д.713а, л.32.
2. Дело о проведении избирательной кампании по перевыборам советов Казахской АССР. ГА РФ, ф.1235, оп.103, д.713 а, л.29.
3. Доклад о подготовке избирательной кампании 1927 г. в Казакстане и о ходе предвыборной кампании. ГА РФ, ф. 1235, оп.104, д.1142, л.29–32.
4. Об итогах перевыборов Советов в 1927 г. по КССР (итоговая сводка). Архив Президента РК (далее АП РК), ф.141, оп.7, д.38, л.51–69.
5. Суммарная численность по Кзыл-Орде, Акмолинску и Кустанаю
6. Суммарные данные по Акмолинску, Каркаралы, Кокчетаву, Кустанаю, Павлодару, Петропавловску, Усть-Каменогорску. Чимкенту.
7. Отражены данные по Акмолинск, Актюбинск, Аулие-Ата, Гурьев, Зайсан, Каркаралы, Кокчетав, Кустанай, Ново-Казалинск, Павлодар, Петропавловск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Уральск, Чимбай, Чимкент.
8. Приведены данный по 19 городам (без уточнения).
9. Отчет о подготовке в Казакстане избирательной кампании 1927 года ее ходе и итогах. ГА РФ, ф. 1235, оп. 104, д. 1142, л. 29–32.
10. Подсчитано 100 %, исходя из данных по 62%.
11. Материалы по проведению перевыборной кампании 1924–1925 гг. ЦГА РК, ф.5, оп.6, д.40а, л.1-2.
12. Отчет о подготовке в Казакстане избирательной кампании 1927 года ее ходе и итогах. ГА РФ, ф. 1235, оп. 104, д. 1142, л. 29–32. ап рк. ф.141, оп.18, д.1023, л.6-7.
13. Подсчитано по 8 городам.
14. Подсчитано по 16 городам.
15. Здесь и далее в таблице в скобках приведены данные по изданию: Выборы в Советском государстве, 1928-1937 гг… С. 19.
16. Здесь и далее в таблице в скобках приведены данные по изданию: Выборы в Советском государстве, 1928–1937 гг… С. 19.

17. Здесь и далее в таблице в скобках приведены данные по изданию: Выборы в Советском государстве, 1928–1937 гг.… С. 19.
18. В статистике приведены данные только по 25 % горсоветов.

Список литературы

Аблажей Н., Жанбосинова А. Избирательная кампания и родовое противостояние в Казахской АССР. *Вестник Санкт-Петербургского университета.* История. 2025. Т.70(2), с.421-444. https://doi.org/10.21638/spbu02.2025

Аблажей Н., Жанбосинова А. "Ситуация стабильная": выборы в советы в Акмолинской губернии 1926/1927 года. *Исторический курьер.* 2024. No.3, с.64-91. http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-05.pdf

Алексеенко Н., Алексеенко А. *Демографические кризисы в Казахстане.* XX век. Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс. 2007. 96 с.

Бюллетень № 5 Всероссийской Центральной Избирательной Комиссии о результатах выборов в советы на 1 мая 1929 г. Москва: Изд. Издательство Всероссийской Центр. Избирательной комиссии. 1929. 28 с.

Всесоюзная перепись 1926 года. Список городских поселений Союза ССР. ЦСУ. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Москва: Типография МКХ им. Ф. Лаврова. 1927. 26 с.

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Казахская АССР. Отдельный оттиск табличной части Т.VIII. Издание ЦСУ Союза ССР. Москва. 1928.

Выборы в Советском государстве, 1918-1937 гг. в документах, материалах и восприятии современников. Москва: РОИИП. 2010. 880 с.

Выборы в Советы 1934 года в Союзе ССР: Таблицы-диаграммы. Москва-Ленинград: ОГИЗ-Изогиз. 1935. 12 с.

Выборы в Советы в диаграммах. Москва: Издательство Всероссийской Центр. избирательной комиссии. 1928. 21 с.

Выборы в Советы в диаграммах. Москва: Издательство Всероссийской Центр. Избирательной комиссии. 1931. 30 с.

Выборы в Советы в Союзе ССР: 1934-1935 гг. Центральная избирательная комиссия Президиума ЦИК СССР. Москва: Издательство "Власть Советов" при Президиуме ВЦИК. 1935. 88 с.

Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1927 г.: Сводные цифровые итоги выборов. Москва: Издательство "Власть Советов" при Президиуме ВЦИК. 1928. 96 с.

Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1927 г.: Статистические сводки. Москва: Издательство "Власть Советов" при Президиуме ВЦИК. 1928. 41 с.

Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1929 г.: Статистические сводки. Москва: Издательство "Власть Советов" при Президиуме ВЦИК. 1929. 107 с.

Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1931 г. Москва: Издательство "Власть Советов" при Президиуме ВЦИК. 1931. 52 с.

Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г. Всероссийская избирательная комиссия при Президиуме ВЦИК. Москва: "Искра революции". 1928. 98 с.

Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: Статистические данные. Москва: Издательство "Власть Советов" при Президиуме ВЦИК. 1928. 98 с.

Выборы в Советы РСФСР в 1925-1926 гг.: Статистические материалы. Ч.1. Горсоветы, сельские советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. Москва: Издательство НКВД. 1926. 256 с.

Информационно-статистический бюллетень No.2 о ходе избирательной кампании советов по

РСФСР. Москва. 1934.

Информационно-статистический бюллетень № 5 о ходе избирательной кампании советов по РСФСР. Москва. 1935.

Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году: К XI съезду советов РСФСР. Москва. 1924.

Изгуттинов М., Маслов Х. К вопросу о итогах перевыборов советов в 1927 году по Казакской АССР. *Gumilyov Journal of History,* 2026. Vol.154, no.1, pp.119-37, https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-154-1-119-137

Итоги выборов в Советы РСФСР в 1927 г. Москва: Издание Центризбиркома. 1928. 75 с.

Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. Статистический сборник. Вып.1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. Москва: "Власть Советов" при Президиуме ВЦИК. 1930. 402 с.

Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. Статистический сборник. Вып. 2. Выборы в городские Советы. Москва: Издательство "Власть Советов" при Президиуме ВЦИК. 1930. 104 с.

Итоги выборов в советы РСФСР в 1930-1931 гг. Статистический сборник. Москва: Издат-во "Власть Советов" при Президиуме ВЦИК. 1931. 198 с.

Краснобаева Н. Динамика численности и этнический состав населения Казахстана по данным Всесоюзной переписи 1926 г. *Известия Алтайского государственного университета.* 2001. No.4, с.14-21.

Кучкин А. Советизация казахского аула 1926-1929 гг. *Вопросы истории.* 1946. No.10, с.3-23.

Материалы по районированию Киргизской Республики. Оренбург. 1924. 60 с.

Образование Казахской АССР: Сборник документов и материалов. Под ред. Покровского С. Алма-Ата: Издательство АН КазССР. 1957. 367 с.

Предварительные итоги выборов в советы РСФСР 1934 г. Информационный бюллетень No.5. Издание учетно-информационного отдела Президиума ВЦИК. Москва. 1935.

Саламатова М. *Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.).* Новосибирск: НГУЭУ. 2016a. 338 с.

Саламатова М. Трансформация научных подходов в новейшей отечественной историографии к изучению становления советской избирательной системы. *Исторический курьер.* 2025. No.1(39), с.106–135.

Саламатова М. Электоральная статистика в РСФСР в 1920-е гг. *Идеи и Идеалы*. 2016b. No.2 (28), с.97-108.

Саламатова М. Российские и зарубежные избирательные цензы в первой трети XX в.: буква закона и реальность. *Quaestio Rossica.* 2017. Т.5, no.3, с.708–726. 10.15826/qr.2017.3.246

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. Москва. 1928. Отд.1. No.118. Ст.743. С.1586-1589.

*Справочник по административно-территориальному делению Казахстан*а (август 1920 г. – декабрь 1936 г.). Алма-Ата. 1958. 285 с.

Статистическая сводка No.1 о составе республиканских, краевых, областных, окружных, районных, сельских и городских избирательных комиссий. По данным на 1 ноября 1934 г. Москва: Учетно-информац. отд. президиума ВЦИК. 1934. 23 с.

Турлыбекова А., Байгабылов Н., Сайлаубай Е. Местные выборы в Казахской АССР как инструмент политической мобилизации: региональный кейс Павлодарского Прииртышья (1920-1930-е гг.). *Gumilyov Journal of History.* 2026. Vol.154, no.1, pp.160-77, https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-154-1-160-177

References

Ablazhey N., Zhanbossinova A. Izbiratelnaia kampaniia i rodovoe protivostoianie v Kazakhskoi ASSR. *Bulletin of St. Petersburg University. History.* 2025. Vol.70(2), pp.421-444. https://doi.org/10.21638/spbu02.2025.20 (in Russian)

Ablazhey N., Zhanbossinova A. *"Situatsiia stabilnaia": vybory v sovety v Akmolinskoi gubernii 1926/1927 goda.* Historical Courier. 2024. No.3, pp.64-91. http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-05.pdf (in Russian)

Alekseenko N., Alekseenko A. *Demograficheskie krizisy v Kazakhstane.* XX vek. Ust-Kamenogorsk: Media-Alliance. 2007. 96 p. (in Russian)

Biulleten № 5 Vserossiiskoi Tsentralnoi Izbiratelnoi Komissii o rezultatakh vyborov v sovety na 1 maia 1929 g. Moscow: Ed. Publishing house of the All-Russian Center. The Election Commission. 1929. 28 p. (in Russian)

Vsesoiuznaia perepis 1926 goda. Spisok gorodskikh poselenii Soiuza S.S.R. Moscow: Printing House of the Moscow Communal Economy named after F. Lavrov. 26 p. (in Russian)

Vsesoiuznaia perepis naseleniia 1926 goda. Kazakhskaia ASSR. Vol.VIII. Publication of the Central Statistical Administration of the USSR. Moscow. 1928. (in Russian)

Vybory v Sovetskom gosudarstve, 1918-1937 gg. v dokumentah, materialah i vospriyatii sovremennikov. Moscow: ROIIP. 2010. 880 p. (in Russian)

Vybory v Sovety 1934 goda v Soiuze SSR: Tablitsy-diagrammy. Moscow-Leningrad: OGIZ-Izogiz. 1935. 12 p. (in Russian)

Vybory v Sovety v diagrammakh. Moscow: Publishing House of the All-Russian Central Election Commission. 1928. 21 p. (in Russian)

Vybory v Sovety v diagrammakh. Moscow: Publishing House of the All-Russian Central Election Commission. 1931. 30 p. (in Russian)

Vybory v Sovety v Soiuze SSR: 1934-1935 gg. Central Election Commission of the Presidium of the CEC of the USSR. Moscow: Vlast Sovetov Publishing House under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee. 1935. 88 p. (in Russian)

Vybory v Sovety i sostav organov vlasti v SSSR v 1927 g.: Svodnye tsifrovye itogi vyborov. Moscow: Vlast Sovetov Publishing House under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee. 1928. 96 p. (in Russian)

Vybory v Sovety i sostav organov vlasti v SSSR v 1927 g.: Stat. svodki. Moscow: Vlast Sovetov Publishing House under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee. 1928. 41 p. (in Russian)

Vybory v Sovety i sostav organov vlasti v SSSR v 1929 g. Moscow: Vlast Sovetov Publishing House under the Presidium of the CEC of the USSR. 1929. 107 p. (in Russian)

Vybory v Sovety i sostav organov vlasti v SSSR v 1931 g. Moscow: Vlast Sovetov Publishing House under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee. 1931. 52 p. (in Russian)

Vybory v Sovety po RSFSR v 1927 g. Moscow: Iskra Revolyutsii. 1928. 98 p. (in Russian)

Vybory v Sovety po RSFSR v 1927 g.: Statisticheskie dannye. Moscow: Vlast Sovetov Publishing House under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee. 1928. 98 p. (in Russian)

Vybory v Sovety RSFSR v 1925-1926 gg.: statisticheskie materialy. Ch.1. Gorsovety, selskie sovety, volsieezdy, volispolkomy i revizionnye komissii. Moscow: NKVD Publishing House. 1926. 256 p. (in Russian)

Informatsionno-statisticheskii biulleten No.2 o khode izbiratelnoi kampanii sovetov po RSFSR. Moscow. 1934. (in Russian)

Informatsionno-statisticheskii biulleten № 5 o khode izbiratelnoi kampanii sovetov po RSFSR. Moscow. 1935. (in Russian)

Izguttinov M., Maslov H. K voprosu o itogakh perevyborov sovetov v 1927 godu po Kazakskoi ASSR. *Gumilyov Journal of History.* 2026. Vol.154, no.1, pp.119-137. https://doi.org/10.32523/3080-1281-2026-154-1-119-137 (in Russian)

Itogi vyborov v Sovety RSFSR v 1927 g. Moscow: Publication of the Central Election Commission. 1928. 75 p. (in Russian).

Itogi vyborov v Sovety RSFSR v 1929 g. Statisticheskii sbornik. Vyp.1. Vybory v selskie, volostnye, raionnye organy vlasti. Moscow: Vlast Sovetov Publishing House under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee. 1930. 402 p. (in Russian).

Itogi vyborov v Sovety RSFSR v 1929 g. Statisticheskii sbornik. Vyp. 2. Vybory v gorodskie Sovety. Moscow: Vlast Sovetov Publishing House under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee. 1930. 104 p. (in Russian).

Itogi vyborov v sovety RSFSR v 1930-1931 gg. Statisticheskii sbornik. Moscow: Vlast Sovetov Publishing House under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee. 1931. 198 p. (in Russian).

Krasnobaeva N. *Dinamika chislennosti i etnicheskii sostav naseleniia Kazakhstana po dannym Vsesoiuznoi perepisi 1926 g*. Izvestiya of Altai State University. 2001. No.4, pp.14-21. (in Russian)

Kuchkin A. *Sovetizatsiia kazakhskogo aula 1926-1929 gg*. *Voprosy Istorii*. 1946. No.10, pp. 3-23. (in Russian)

Materialy po raionirovaniiu Kirgizskoi Respubliki. Orenburg. 1924. 60 p. (in Russian)

Obrazovanie Kazakhskoi ASSR: Sb. dokumentov i materialov [Formation of the Kazakh ASSR: Collection of Documents and Materials]. Ed. by Pokrovsky S.N. Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. 1957. 367 p. (in Russian)

Salamatova M. *Transformatsiia nauchnykh podkhodov v noveishei otechestvennoi istoriografii k izucheniiu stanovleniia sovetskoi izbiratelnoi sistemy. Historical Courier.* 2025. No.1(39), pp.106–135. (in Russian)

Salamatova M. *Vybory v Sovetskoi Rossii: zakonodatelstvo i praktika realizatsii (1918–1936 gg.).* Novosibirsk: NSUEM. 2016a. 338 p. (in Russian)

Salamatova M. *Elektoralnaia statistika v RSFSR v 1920-e gg*. *Ideas and Ideals*. 2016b. No.2(28), pp.97–108. (in Russian)

Salamatova M. *Rossiiskie i zarubezhnye izbiratelnye tsenzy v pervoi treti XX v.: bukva zakona i realnost. Quaestio Rossica*. 2017. Vol.5, no.3, pp.708–726. 10.15826/qr.2017.3.246 (in Russian)

Sobranie uzakonenii i rasporiazhenii rabochego i krestianskogo pravitelstva RSFSR. Moscow. 1928. Sect.1. No.118. Art.743, pp.1586-1589. (in Russian)

Spravochnik po administrativno-territorialnomu deleniiu Kazakhstana (avgust 1920 g. – dekabr 1936 g.). Alma-Ata. 1958. 285 p. (in Russian)

Statisticheskaia svodka No.1 o sostave respublikanskikh, kraevykh, oblastnykh, okruzhnykh, raionnykh, selskikh i gorodskikh izbiratelnykh komissii. Po dannym na 1 noiabria 1934 g. Moscow: Accounting and Information Department of the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee. 1934. 23 p. (in Russian)

Turlybekova A., Baigabylov N., Sailaubay Ye. Mestnye vybory v Kazakhskoi ASSR kak instrument politicheskoi mobilizatsii: regionalnyi keis Pavlodarskogo Priirtyshia (1920-1930-e gg.). *Gumilyov Journal of History.* 2026, Vol.154, no.1, pp.160-77. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-154-1-160-177 (in English)

Information about the authors

Natalia N. Ablazhey – Doctor of Historical Science, leading researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St., 8, 630090, Novosibirsk, Russia, https://orcid.org/0000-0002-3215-0615, ablazhey@academ.org

Авторлар туралы мәлімет

Наталья Николаевна Аблажей – тарих ғылымдарының докторы, жетекші ғылыми қызметкер, Ресей Ғылым академиясы Сібір бөлімшесі Тарих институты, Николаева, 8, Новосібір, Ресей, https://orcid.org/0000-0002-3215-0615, ablazhey@academ.org

Сведения об авторах

Наталья Николаевна Аблажей – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, ул. Николаева, 8, 630090, Новосибирск, Россия, https://orcid.org/0000-0002-3215-0615, ablazhey@academ.org

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье
Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 01.02.2026.
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 28.03.2026.
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.04.2026.

GUMILYOV JOURNAL OF HISTORY
ISSN: 3080-129X. eISSN: 3080-6860
DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Ғылыми мақала / Research Article
МҒТАР / IRSTI 03.20.00

CC BY NC ND

https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-143-160

Ideological Narratives of Peasant Uprisings in Soviet Kazakhstan in the 1920s-1930s (based on the F. Tolstoukhov uprising)

B. Atantayeva[a], R. Akhmetova[a]✉, A. Botabekova[a]
[a]*Shakarim University, Semey, Kazakhstan*
✉*r.d.akhmetova@mail.ru*

Abstract. The article examines the ideological narratives of peasant armed uprisings in Soviet Kazakhstan during the 1920s–1930s, using the rebellion led by F. D. Tolstoukhov as a case study. The relevance of this research stems from the need for a more in-depth analysis of the insurgent movement during the collectivization period, not only as a socio-economic phenomenon but also as a specific form of political and ideological self-determination of the peasantry. The aim of the study is to reconstruct the ideological orientations, motivational patterns, and behavioral strategies of the uprising's participants, as well as to identify the distinctive features of the formation of their political platform. The methodological foundation of the research consists of the principles of historicism, systemic approach, and interdisciplinary approach, as well as elements of microhistorical and narrative analysis. The source base comprises a wide range of archival materials, including documents from central and regional archives of the Republic of Kazakhstan, as well as investigative files of the Joint State Political Directorate (OGPU), containing interrogation records, operational reports, intelligence summaries, and insurgent propaganda materials. The use of these sources made it possible not only to reconstruct the course of events but also to uncover the internal logic and underlying meanings of protest behavior. Special attention is given to the analysis of the rebels' political platform, their slogans, proclamations, rumors, and forms of agitation, reflecting the specific nature of their perception of Soviet power, collectivization policies, and the socio-economic transformations of the late 1920s to early 1930s. It is established that the ideology of the uprising was complex in nature, combining elements of anti-Soviet rhetoric with notions of a "just" peasant authority, "free labor," and the restoration of traditional forms of economic organization. It is demonstrated that, in the consciousness of the movement's participants, Soviet power was not entirely rejected but rather reinterpreted through the prism of local experience and social expectations. The study concludes that peasant protest movements of this period represented not only a reaction to accelerated socio-economic transformations but also a form of alternative political thinking rooted in the peasant milieu, manifesting in attempts to construct their own model of power and social order. The findings expand our understanding of the nature and content of anti-collectivization uprisings in Kazakhstan and contribute to the historiography of insurgent movements in the Soviet period.

Keywords: East Kazakhstan; peasant uprisings; Tolstoukhov; collectivization; ideological narratives; protest movement

For citation: Atantayeva B., Akhmetova R., Botabekova A. Ideological Narratives of Peasant Uprisings in Soviet Kazakhstan in the 1920s-1930s (on the basis of the F. Tolstoukhov uprising). *Gumilyov Journal of History.* 2026. Vol.155, no.2, pp.143-160. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-143-160

Funding. The article was prepared within the framework of the implementation of the scientific project - IRN AP23485479 "Armed demonstrations in the Semipalatinsk district in documents: the history and fate of participants (1929-1931)". The article was completed with the funding of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

© B. Atantayeva, R. Akhmetova, A. Botabekova, 2026

Идеологические нарративы крестьянских восстаний 1920-1930 гг. в советском Казахстане (на примере восстания Ф. Толстоухова)

Б. Атантаева[a], Р. Ахметова[a], А. Ботабекова[a]
Университет Шакарима, Семей, Казахстан

Аннотация. В статье исследуются идеологические нарративы крестьянских вооружённых выступлений в советском Казахстане в 1920-1930-х гг. на примере восстания под руководством Ф. Толстоухова. Актуальность работы обусловлена необходимостью углублённого анализа повстанческого движения периода коллективизации не только как социально-экономического явления, но и как специфической формы политического и идеологического самоопределения крестьянства. Цель исследования заключается в реконструкции идейных установок, мотивационных моделей и поведенческих стратегий участников восстания, а также в выявлении особенностей формирования их политической платформы. Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, системности и междисциплинарного подхода, а также элементы микроисторического и нарративного анализа. Источниковую базу формирует широкий круг архивных материалов, включая документы центральных и региональных архивов Республики Казахстан, а также архивно-следственные дела органов Объединённого государственного политического управления (далее ОГПУ), содержащие протоколы допросов, оперативные сводки, донесения и агитационные материалы повстанцев. Привлечение данных источников позволило не только реконструировать ход событий, но и выявить внутреннюю логику и смысловые основания протестного поведения. Особое внимание уделено анализу политической платформы повстанцев, их лозунгов, воззваний, слухов и форм агитации, отражающих специфику восприятия советской власти, политики коллективизации и социально-экономических преобразований конца 1920-х – начала 1930-х гг. Установлено, что идеология восстания носила сложный характер, сочетая элементы антисоветской риторики с представлениями о "справедливой" крестьянской власти, "свободном труде" и восстановлении традиционных форм хозяйствования. Показано, что в сознании участников движения советская власть не отрицалась полностью, а подвергалась переосмыслению через призму локального опыта и социальных ожиданий. В результате исследования делается вывод о том, что крестьянские протестные движения данного периода представляли собой не только реакцию на форсированные социально-экономические преобразования, но и форму альтернативного политического мышления, укоренённого в крестьянской среде и проявлявшегося в попытках конструирования собственной модели власти и социального порядка. Полученные результаты расширяют представления о характере и содержании выступлений против коллективизации в Казахстане и вносят вклад в развитие историографии повстанческого движения советского периода.

Ключевые слова: Восточный Казахстан; крестьянские восстания; Толстоухов; коллективизация; идеологические нарративы; протестное движение

1920-1930 жж. кеңестік Қазақстандағы шаруалар көтерілістерінің идеологиялық нарративтері (Ф. Толстоухов көтерілісі мысалында)

Б. Атантаева[a], Р. Ахметова[a], А. Ботабекова[a]
Шәкәрім Университеті, Семей, Қазақстан

Андатпа. Мақалада Ф.Д. Толстоухов бастаған көтеріліс мысалында 1920-1930 жылдардағы кеңестік Қазақстанда орын алған шаруалар қозғалысының идеологиялық нарративтері зерделенеді. Зерттеудің өзектілігі ұжымдастыру кезеңіндегі көтерілістер тек әлеуметтік-экономикалық құбылыс қана емес, шаруа қожалықтарының саяси және идеологиялық тұрғыдан өзін-өзі айқындауының айрықша формасы ретінде тереңірек зерделеу қажеттілігінен туындайды. Зерттеудің мақсаты – көтеріліске қатысушылардың идеялық ұстанымдарын, уәждемелік үлгілері мен мінез-құлық стратегияларын қайта жаңғырту, сондай-ақ олардың саяси тұғырнамасы қалыптасуының өзіндік ерекшеліктерін айқындау болып табылады. Зерттеудің әдістемелік негізі тарихилық, жүйелілік принциптеріне және пәнаралық тәсілдерге, сонымен қатар микротарихи және нарративтік талдау элементтеріне сүйенеді. Зерттеудің деректік негізін Қазақстан Республикасының орталық және өңірлік архив қорларынан алынған материалдардың ауқымды жиынтығы құрайды. Соның ішінде ОГПУ органдарының тергеу істері, жауап алу хаттамалары, жедел мәліметтер мен баяндамалар, сондай-ақ көтерілісшілердің үгіт материалдары пайдаланылды. Аталған дереккөздерді ғылыми айналымға енгізу - оқиғалардың қалай өрбігенін қайта жаңғыртып қана қоймай, оқиға желісінің ішкі мәні мен мағыналық негіздерін тереңірек ұғынуға мүмкіндік береді. Мақалада көтерілісшілердің саяси тұғырнамасын, ұрандары мен үндеулері мен үгіт-насихат формаларын талдау арқылы 1920–1930 жылдардағы кеңестік реформалар мен ұжымдастыру саясатын халықтың қабылдау ерекшеліктері зерделенеді. Көтеріліс идеясының жан-жақты әрі көпқырлы болғаны дәлелденді: ол риториканы "әділ" шаруа билігі, "еркін еңбек" және шаруашылық жүргізудің дәстүрлі формаларын жаңғырту туралы түсініктермен ұштастырған. Қозғалысқа қатысушылардың ұстанымы кеңес өкіметін мүлдем теріске шығармай, қайта жергілікті жағдайлар мен әлеуметтік сұраныстар тұрғысынан қайта пайымдалғаны көрсетілген. Зерттеу нәтижесінде аталған кезеңдегі шаруалардың наразылық қозғалыстары тек қатысушылардың реформаларға қайтарылған жауабы ғана емес, бұл шаруалардың ішкі болмысынан туындаған дербес саяси ұстанымының көрінісі болды деген қорытынды жасалды. Бұл құбылыс олардың билік жүйесі мен қоғамдық тәртіпті өз таным-түсінігінше орнатуға ұмтылған іс-әрекеттерінен айқын байқалады. Алынған нәтижелер Қазақстандағы ұжымдастыру науқанына қарсылықтың мазмұны мен табиғатын жаңа қырынан ашып, кеңес дәуіріндегі көтерілістер тарихнамасын байыта түседі.

Түйін сөздер: Шығыс Қазақстан; шаруалар көтерілісі; Ф. Д. Толстоухов; ұжымдастыру; идеологиялық нарративтер; наразылық қозғалысы

Сілтеме жасау үшін: Атантаева Б., Ахметова Р., Ботабекова А. 1920-1930 жж. кеңестік Қазақстандағы шаруалар көтерілістерінің идеологиялық нарративтері (Ф. Толстоухов көтерілісі мысалында). *Gumilyov Journal of History*. 2026. Т.155, no.2, pp.143-160. *https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-143-160*

Қаржыландыру: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің гранттық қаржыландыру жобасы AP23485479 "Семей округіндегі қарулы бас көтерулер құжаттарда: қатысушылардың тарихы және тағдыры (1929-1931 ж.ж.)" аясында дайындалған.

Кіріспе

1920-жылдардың соңы мен 1930-жылдардың басындағы кеңестік Қазақстанда орын алған шаруалар көтерілісінің тарихы – қазіргі отандық тарих ғылымының өзекті бағыттарының бірі. Бұл тақырып ауыл өмірінің дәстүрлі болмысын түбегейлі өзгерткен ұжымдастыру науқанының зардаптарын пайымдау тұрғысынан маңызды. Аталған кезеңде әлеуметтік-экономикалық қайшылықтардың шегіне жете шиеленісуі ауыл тұрғындарының арасында наразылықтың өршуіне және олардың бейбіт қарсылықтан қарулы күреске ауысуына түрткі болды.

Шаруалар қозғалысының себептері мен барысы туралы зерттеулердің молдығына қарамастан, көтерілістердің идеологиялық мазмұны, наразылық санасының қалыптасу тетіктері мен қатысушыларды жұмылдырудағы идеялық негіздемелердің маңызы әлі де болса толыққанды ашылмай келеді. Осыған орай, көтерілісшілердің идеялық ұстанымдары мен ұрандарын талдау мәселенің ғылыми өзектілігін айқындай түседі.

Зерттеудің мақсаты – Ф.Д. Толстоухов бастаған көтеріліс мысалында кеңестік Қазақстандағы шаруалар қозғалысына тән идеологиялық нарративтерді айқындау және олардың мән-мағынасын ашу.

Мақаланың әдістемелік негізі тарихилық, объективтілік және жүйелілік принциптерін басшылыққа ала отырып, оқиғаларды жекелеген деректер негізінде қайта жаңғыртуға мүмкіндік беретін микротарихи тәсілге сүйенеді. Архивтік-тергеу материалдарын, оның ішінде ОГПУ органдарының құжаттарын пайдалану – оқиғалардың фактілік желісін нақтылауға ғана емес, сонымен бірге сол кезеңдегі ахуалдың билік пен көтерілісшілер тарапынан қалай қабылданғанын тарихи-әлеуметтік контексте саралауға мүмкіндік береді.

Материалдар мен әдістер

Зерттеудің деректік негізін республикалық және өңірлік архивтерде сақталған, партиялық және атқарушы билік органдарының ашық қолжетімді құжаттары құрайды. Бұл кешенге шаруалардың қарулы көтерілістерінің себеп-салдарлары мен сипатын ашатын дереккөздер – билік тарапынан қабылданған қаулылары мен нормативтік-құқықтық актілер жатады. Атап айтқанда, Қазақстан Республикасы Президентінің архивіндегі (ҚР ПА) 141-қордың және Шығыс Қазақстан облысының мемлекеттік архивіндегі (ШКО МА) 1276-қордың материалдары пайдаланылды.

Зерттеудің негізгі өзегін ҚР ІІМ Алматы және Шығыс Қазақстан облысы Полиция департаментінің Арнайы мемлекеттік архивтерінде (Алматы ПД АМА, ШКО ПД АМА) сақталған құжаттар құрайды. Мәселен, "Толстоухов бандысын айыптау ісіне" қатысты он бір томдық материалда Ф. Толстоухов бастаған "контрреволюциялық ұйым" мүшелерін жауапқа тарту және тіркеу хаттамалары жинақталған. Көтерілісшілердің көбі қарулы қақтығыс басталғанға дейін-ақ тұтқындалған. Жоспар бойынша көтеріліс 1930 жылдың 20 ақпанында Семей округінің аумағында (соның ішінде Қытаймен шекаралас аудандарда) басталуы тиіс еді, алайда ОГПУ алдын ала тұтқындау шараларын жүргізді. Соған қарамастан, көтеріліс бір күн кешігіп – 21 ақпанда Зырян және Өскемен аудандарында көтеріліс ошақтары пайда болды.

Қолжетімділігі шектеулі дереккөздерге қарулы көтеріліс қатысушыларының архивтік-тергеу материалдары мен көптомдық айыптау істері жатады. А. Тепляков "қолжетімділігі

қиын" (Тепляков 2018: 232) деп сипаттаған мұндай құжаттар зерттеліп отырған кезеңнің макро және микротарихын егжей-тегжейлі зерделеуде құнды мәліметтер береді. Бұл материалдардың бірегейлігі оқиғалар барысын қайта жаңғыртуға, оның динамикасына әсер еткен маңызды тұстарды анықтауға және "ауызша тарих" үзінділері арқылы нақты тарихи жағдайды айқындауға мүмкіндік береді.

ОГПУ-дың ішкі іс-қағаздарын жүргізу үлгісімен қалыптасқан архивтік материалдардың ақпараттық әлеуеті өте жоғары және олар пәнаралық зерттеулер жүргізуге жол ашады. Ондағы түрлі дереккөздерден құралған "Анықтамалар..." мен "Меморандумдар" шынайы құнды "жедел құжаттар" (Тепляков 2018: 241) болып табылады. Бұл құжаттарды ғылыми айналымға енгізу көтеріліс кезеңіндегі халықтың күнделікті өмірін, аман қалу стратегиялары мен бейімделу тәжірибелерін зерделеуге мүмкіндік береді. Сонымен қатар, архивтік-тергеу істерінде сақталған: үндеухаттар, плакаттар мен прокламациялар арқылы "шағын адамдардың" тағдырын, олардың мінез-құлық мотивтері мен қарсылық формаларын (пассивті және активті) жаңа қырынан тануға болады. Ведомстволық архивтермен қатар, қосымша растаушы деректердің тартылуы архивтік-тергеу хаттамаларында сипатталған оқиғалардың шынайылығы мен объективтілігін қамтамасыз етеді.

Мақала авторлары жалпы ғылыми тарихи әдістер кешеніне, сондай-ақ отандық және шетелдік ғалымдардың іргелі еңбектеріндегі әдістемелік тәсілдерге сүйенді.

Әдебиеттерге шолу

Кеңес тарихына қатысты шетелдік әріптестеріміздің ғылыми жарияланымдары, ең алдымен, сыртқы оқырманға және олар сипаттап отырған жағдайды айқындауға бағытталған. Шетелдік кеңесшілер тар шеңбердегі тақырыптарды зерттей отырып, өз материалдарын публицистика мен ғылыми ойдың тоғысында қалыптастырады. Кеңес мемлекетінің тарихы бойынша зерттеу жүргізу барысында шетелдік ғалымдар Ресей архивтерінің материалдарына, ал Қазақстан тарихын қарастырғанда – қазақстандық архив деректеріне сүйенеді. Орыс тілді оқырман қауым үшін бұл монографиялардың көпшілігі ірі баспа корпорациялары тарапынан аударылып, жарық көргеннен кейін ғана танымал бола бастайды. Мәселен, Қазақстанда Р. Киндлердің монографиясы қазақ тіліндегі аудармасы арқылы кең жұртшылыққа таныстырылды (Киндлер 2023).

Ресейде аударылып басылған осындай еңбектердің бірі – Л. Виоланың шаруалар бүлігіне арналған монографиясы. Шетелдік ғалымдар шаруалардың наразылық көңіл-күйі мен қарулы қарсылығын "ауыл мен қала арасындағы" азамат соғысы ретінде сипаттайды. Л. Виола атап өткендей, егер шаруалар қарулы әрекеттерге көшсе, демек олар "өз дауыстарын толық естіртуге" бел буған (Виола 2010: 13). Алайда, олардың арасында ОГПУ мәліметтері мен материалдарында әртүрлі мәртебеге ие болған "естілмеген дауыстар" ("Неуслышанные голоса" 1987) да бар еді. Л. Виола шаруалардың наразылық көңіл-күйін антропологиялық тұрғыдан көрсетеді: олар не ойлады, қалай өмір сүрді немесе аман қалды, қолдарына қару алғанда неден үміттенді (Виола 2010: 13). Н. Пианчоло мен А. Жарасовтың жарияланымының ерекшелігі – авторлар ұсынған тақырып бойынша еуропалық тарихшылардың еңбектеріне терең шолу жасауы және ведомстволық архив материалдары негізінде көтеріліс тақырыбының микротарихын жасауды ұсынуы болып табылады (Пианчоло, Жарасов 2020: 13).

Мәселені зерттеуге отандық тарихшы Т. Алланиязов елеулі үлес қосты (Алланиязов 2001, 2022, 2009). Т. Алланиязов – көтеріліс тақырыбы бойынша санаулы кәсіби мамандардың бірі, оның зерттеулері мәселенің тарихнамасы мен деректануына айтарлықтай үлес қосып, әлі де зерттелуі тиіс әлеуетті маңызды және келешегі зор тақырыптарға назар аударады. Тек оның еңбектерінен ғана қазақстандық тарихнамаға, соның ішінде көтеріліс тақырыбы бойынша сыни шолуларға негізделген ең толық талдауларды кездестіруге болады (Алланиязов 2023, 2024, 2025a, 2025b).

Барлық көтеріліс қозғалыстарының маңызды құрамдас бөлігі – қауесеттер, аранда-тушылық мәлімдемелер және т.б. болды. Көтерілісшілер өз іс-әрекеттерін үндеулермен, ұрандармен, парақшалармен қолдап отырды; зерттеп отырған көтеріліс те бұдан тыс қалған жоқ. Көтерілісшілердің қауесеттері мен үндеулері тақырыбы көптеген зерттеушілердің еңбектерінде қозғалған, олар шаруалар көтерілісінің ауызша тарихының үзінділерін айқындайды (Виола 2010, Омарканова 2024).

Мемлекеттік қуғын-сүргін құрбандарын ақтау комиссиясының жұмысы аясында соңғы үш жылда Қазақстанның аймақтарында, соның ішінде Абай және Шығыс Қазақстан облыстарында көтеріліс қозғалысының тарихы бойынша бұрын белгісіз болып келген материалдар жарияланды. Зерттеліп отырған 1929-1931 жылдардағы хронологиялық кезеңде жоғарыда аталған облыстар біртұтас Семей округін құраған болатын. Осы аумақтағы көтерілістер тарихы, соның ішінде Шыңғыстау, Абыралы, Шұбартау және Толстоухов көтерілістері бойынша мәселелер жарық көрді (Байсарина 2025; Атантаева 2024; Atantayeva 2025). Дегенмен, "Толстоухов көтерілісінің" тарихы бойынша Ф. Толстоуховтың саяси тұғырнамасына талдау жасалған және оқиғалар егжей-тегжейлі сипатталған бұрынғы басылымдардан басқа (Жанбосинова 2018) жаңа материалдар әлі анықтала қойған жоқ.

Нәтижелер мен талқылау

1929-1931 жылдары Қазақстанда 397 көтеріліс тіркелді, оның ішінде 25 қарулы көтеріліске шамамен 80 мың адам қатысты (Алланиязов, Таукенов 2009). Қарулы көтеріліс атауларының көп бөлігі территориямен, топонимикалық кеңістікпен байланысты болды. Қазақстан аумағындағы өзге көтерілістермен салыстырғанда, зерттеліп отырған көтерілістің бірегейлігі бірнеше факторлармен айқындалады: біріншіден, жетекшісінің тегіне байланысты "Толстоухов көтерілісі" деп аталуымен ерекшеленеді; екіншіден, жоспарлану ауқымы мен таралу географиясының кеңдігімен сипатталады; үшіншіден, Қытай аумағындағы кеңестік билікке қарсы эмиграциямен байланысты болуымен айқындалады; төртіншіден, арнайы әзірленген саяси платформасы мен айқын көрініс тапқан көтеріліс идеясының бағыт-бағдарымен анықталады.

1920 жылдардың соңы мен 1930 жылдардың басындағы әлеуметтік-саяси жағдай халық арасында наразылық әрекеттердің пайда болуына ықпал етіп, олардың өзін-өзі ұйымдастыру қабілетін дамытуға және идеологиялық платформаларды қалыптастыру сияқты жаңа мінез-құлық үлгілерін қалыптастыруға жағдай туғызды. Көтерілісті ұйымдастыруда 1887 жылы туған Орел губерниясының тумасы Федор Дорофеевич Толстоухов ерекше рөл атқарды. Ф. Толстоухов қызықты әрі ерекше тұлға, 1909 жылы революционер ретінде Бұхтарма өлкесіне жер аударылған (Жанбосинова 2018).

Ф. Толстоуховтың идеялық көзқарастарының қалыптасуына шаруалардың меншігіне қатысты биліктің қайшылықты саясаты әсер еткен. Сонымен қатар, большевиктер

жариялаған "жер-шаруаларға" ұранын жүзеге асыру барысында шаруалардан ауыл шаруашылық өнімдерін күшпен тартып алу тәжірибесі бұл идеялық бағытты кең көлемде жүзеге асыруға негіз болды.

Ф. Толстоуховтың жергілікті шаруалар мүддесін қорғау әрекеті алдымен оны партиядан шығаруға, содан кейін қайта қалпына келтіріп, губерниялық комитеттің мүшесі және РКП (б) XI съезіне делегат ретінде сайлануына әкелді. Зырянов ауданындағы жергілікті партиялық қызметкерлермен болған қайшылық нәтижесінде, олар Ф. Толстоуховты азық-түлік салығы саясатын бұзып, фракциялық күреске қатысы бар деп айып-тағандықтан, ол Қиыр Шығысқа көшуге мәжбүр болды. Ф. Толстоуховтың 1929 жылдың мамыр айында Отанына оралуы экономикалық жағдайдың шиеленісіп, шаруалар наразылығының күшейе түскен кезеңімен тұспа-тұс келді. Зырян ауданының ауылдық кеңестерінде колхоз құрылысына қарсы шыққан оппоненттерге қатысты жүргізілген барлық істің хаттамаларында жалпы бірдей формула қолданылды: "... жаппай ұжымдастыру негізінде, колхоз құрылысына кедергі келтіретін, Кеңес өкіметіне қарсы тұрған класс ретінде жою"[1].

"Толстоухов көтерілісінің" ошағы Зырянов ауданының Пихтовый ключ ауылы болды. 1929 жылы көтеріліс қарсаңында бұл аудан Қытай шекарасына жақын аумақты жерді алып жатты. Семей округінің орталығымен телеграф желісінен басқа, Ертіс өзенінің бойымен Гусиная станциясына дейін параходпен байланыс орнатылды. ОГПУ дерегі бойынша көтеріліс отрядтарына келесі топтар кірген: "... бұрынғы кулактар, кулакқа айналған қызыл партизандар, ауылдағы кеңес өкіметіне қарсы элемент, қуғынға ұшырағандар, сондай-ақ кеңес өкіметінің іс-шараларына наразылық танытқан орташа және кедей шаруалар..."[2].

"Контрреволюциялық ұйымның" міндеттеріне Семей округінің басым бөлігін және оның шегінен тыс, Жетісу шекарасы бойында, Сібір аймағында, Оралда, сондай-ақ Қытаймен шекаралас аудандарда қарулы көтеріліс ұйымдастыру және "таза шаруалар билігін" құру кірді. Осы мақсатта Ф. Толстоухов Сібір өлкесінің округтерімен байланыс орнату бойынша шаралар қабылдады.

Архив материалдарына сәйкес Ф. Толстоухов "1929 жылдың шілдесінен бастап, контрреволюциялық топ құру бойынша ұйымдастырушылық жұмысты" бастады. Құрылған топтардың негізі үштік болды, олар ұйымдастырушылық және көшбасшылық рөлге ие болды. Топ құрылған үштіктермен кеңейтіліп отырды[3]. Жаңа топтарды ұйымдастыру қажеттілігін Ф. Толстоухов келесідей түсіндіреді: "көтеріліс басталған кезде олар біртұтас ұйымға бірігіп, алдымен бір ауылды басып алып, кейін оған жақын орналасқан келесі ауылға өтуі тиіс. Семей қаласына дейінгі жолды екі тәулік ішінде жүріп өтуге болады, әрине, бұл үшін телеграф байланысын үзу қажет"[4]. Көтерілістің дайындығы мен аумағына қарай, Зырян ауданынан алыс орналасқан Самар, Көкпекті, Қатонқарағай аудандарының тұрғындары, сондай-ақ Өскемен, Риддер, Зайсан қалаларының тұрғындарының тартылғанын ескере отырып, Ф. Толстоухов округ бойынша көтерілістің бір мезгілде жүзеге асатынына үміттенген. Ф. Толстоуховтың белсенді көмекшілері патша армиясының бұрынғы офицерлері Кленовицкий, Зинковский, Паутов және т.б. болды. Ф. Толстоуховтың қазақ ауылдары да кірген кірген, онда көтеріліске дайындық үшін топтар да ұйымдастырылған[5]. Ф. Толстоухов бастапқыда қазақ ауылдарын қосуға және олармен ынтымақтасуға дайын болды. Осы мақсатта оның елшілері ауылдың ауқатты адамдарымен байланыс орнатып, олар жергілікті биліктің күш қолдану қысымына ұшырады. Архивтік-тергеу материалдарында, атап айтқанда, Калель (Халель) Онов,

Мухамбет Муканов, Нұрғали Самаев, Хадыбул Сасанов, Қасен Токсанов және т.б. тұлғалардың есімдері кездеседі. М. Самаевтың үйінде Толстоуховтың адамдары қазақ байларымен кеңестер өткізген. Архив материалдарына сәйкес, Күршім ауданының үшінші, төртінші және алтыншы аудандарында "контрреволюциялы топтар" құрылды. Ф. Толстоухов өз серіктерімен, оның ішінде қазақ тілін білетін көмекшісі Сливкинмен бірге, ОГПУ отрядтарының қуғынынан құтылу мақсатында қозғалыс жолында жиі қазақ ауылдарына барып, ет, нан және басқа да азық-түлік өнімдерін сатып алған[6].

Зевакино, Барашки, Таврия ауылдарында және басқа да көптеген ауылдарда Ф. Толстоухов топтары жұмыс істеген. ОГПУ деректеріне сәйкес, мұндай ұйымдар Рубцовск пен Омскке дейінгі ауылдардың барлығында дерлік қызмет еткен. Зевакино ауылындағы топты ағайынды Чекаловтар Егор мен Яков, Мартынов Федот, Шабалкин Петр, Барашки ауылындағы топты Толмачев Николай басқарды. Зевакин тобында үш пулемет, 10 наган револьвері болған, сондай-ақ Өскеменнен винтовкалармен жабдықталған үш арбаның жеткізілуі жоспарланған[7].

Мякотиха ауылында топты Семен Бурнашев басқарған, ал оның белсенді қатысушылары, кейіннен әскери құрылымдардың жетекшілері болып Михаил Какоулин, Петр Какоулин, Дмитрий Никитин, Семен Екимов, Василий Селезнев, Осип Палкин, Николай Усенко және Гусиная елді мекенінен Семен Лопатин қызмет атқарған. 1930 жылдың ақпан айында өткен жиналыста Семен Бурнашев өз жақтастарына топтың шекарадан Қапал мен Новосібірге дейінгі кең аумақты қамтитынын хабарлады. Аталған топтың Бұхтармадағы бас жетекшісі етіп Федор Толстоуховты атады[8].

Нәтижесінде көтеріліс басталғанға дейін іс жүзінде барлық топтар қарумен қамтамасыз етіліп, көтеріліске дайын болған.

Ф. Толстоуховтың жоспарлары мен іс-әрекеттері негізделген әрі жүйелі іс-шараларды қамтыған. Көтеріліс бір күн ішінде қалада да, ауылда да мың шақырымға дейінгі аумақта басталып, Түркістан-Сібір теміржолын басып алумен жүзеге асуы тиіс болған. Ол теміржолды басып алу көтерілісшілерге қарсы Қызыл Армияның тұрақты әскери бөлімдерін тасымалдауды шектеуге мүмкіндік береді деп болжады. Екінші жағынан, көтерілісшілердің кең көлемді тобы Қытай шекарасынан Оралға дейін таралғанына қарамастан, олардың көтерілісшілерге барлық жерде қолдау табуға және билікті қан төкпей басып алуға деген аңғал үміттері болған. Өз идеяларын қолдауды ол билік тарапынан қысым көрген шаруалардан іздегенімен, көтеріліс армиясына бұрынғы ауқатты шаруаларды, яғни "кулактарды" жинауға ұмтылып, негізгі басымдылықты соларға бағыттаған[9].

Ф. Толстоухов көтерілістің бастапқы жоспарында телеграфты алдын ала өз адамдары арқылы басып алуды қарастырған. Оның ойынша, бұл биліктің тез әрекет етіп, қарулы көтеріліске қарсы шара қолдануына кедергі келтіруі тиіс еді. Сонымен қатар, кеңестік және қоғамдық ұйымдар орналасқан, билікпен тікелей немесе жанама байланысты Мемлекеттік мекемелерге шабуыл жасау жоспарланды. Бұл әрекеттер кеңес және партия қызметкерлері мен кедей белсенділері және оларды қолдаушыларды тұтқындаумен толықтырылуы тиіс болатын. Ф. Толстоухов өз серіктестерін террордан бас тартуға және одан аулақ болуға шақырған. Ол кеңес билігін құлатқаннан кейін тұтқындау немесе ату жазасын қолданудың орнына, көтерілісті қолдаудан бас тартқан коммунистерді Оралдан тыс жерге, КСРО-ның орталық аймақтарына жіберуді ұсынған. Оның пікірінше, "олар сол жақта өз коммуналарын құра берсін, ал біз Сібірде автономды түрде өмір сүретін боламыз" деген[10].

Семей округінің аудандарындағы көтерілісшілер топтарын жоюға ОГПУ органдары 1930 жылғы 17 ақпанда кірісіп, 20 ақпанға қарай 72 адамды қамауға алды. Істің сәтсіздікке ұшырай бастауы мен алауыздықтың күшеюіне, сондай-ақ түрлі пікірлердің болғанына қарамастан, жаппай тұтқындаулар дүрбелең туғызды. Соның салдарынан көтерілісшілер отрядтары ішінара орманды аймақтарға, ішінара таулы өңірлерге ше-гінуге мәжбүр болды[11]. Көтерілісшілер әрекеттерінің бытыраңқы және ұйымдасу деңгейінің төмендігіне қарамастан, олар белгілі бір дәрежеде топтасып, жекелеген елді мекендерде билікті уақытша өз қолдарына алып, ауылдық кеңес мүшелерін тұтқындауға қол жеткізген.

Ауылдардағы Толстоухов қарулы көтерілістерінің барысы А.Жанбосинованың еңбектерінде көрініс тапты (Жанбосинова 2018: 192-204). Көтеріліс алдын ала әзірленген жоспарға сәйкес басталды: көтерілісшілер ішінара қаруланып, кеңес билігі өкілдері мен жергілікті белсенділерді тұтқындады, комиссарларды қарусыздандырды, тұтқындалған жақтастарын босатып, жекелеген елді мекендерде нақты бақылау орнатты. Көтеріліс идеясы штаб құру, отрядтар ұйымдастыру, халықты жұмылдыру (соның ішінде мәжбүрлеу), ауылдардағы билікті басып алу және көтеріліс туралы ақпаратты көрші аудандарға тарату сияқты іс-қимылдар арқылы жүзеге асырылды. Көтерілісшілер ұжымдастыруға және Кеңес өкіметіне қарсы белсенді үгіт-насихат жүргізіп, "еркін еңбек" және "еркін сауда" ұрандарын насихаттады, сондай-ақ қозғалыстың Алтай, Орал мен Сібірге дейін таралуын мақсат етті.

Қозғалыс қатысушылары халықты көтеріліс отрядтарына белсенді түрде тартумен айналысты, үндеулер таратты. Мысалы, Мякотиха ауылындағы негізгі көшедегі аркаға қызыл мата іліп, "Колхоздарға, бесжылдыққа, коммунистерге және тонауларға жол жоқ, еркін еңбек пен саудаға даңқ» деген ұран жазды. Сонымен қатар, олар "Жолдастар, біз бірікпесек болмайды, билікті өз қолымызға аламыз, тонаулар мен ұжымдастыруға жол жоқ, еркін еңбек болсын' деген ұрандармен митингілер ұйымдастырды"[12].

Көтеріліске тартылған елді мекендерде халықты жұмылдыру кейде қару қолдану және ату қаупін ескерту арқылы жүзеге асырылды. Көтеріліс басшылары қозғалысқа тартылатын халықтың көңіл-күйінің, саяси ұстанымдарының тұрақсыздығын түсінді. Қашып кетудің және олардың "қызылдар" жағына өтіп кетуінің алдын алу мақсатында, тұтқынға түскен көтерілісшілер мен коммунистерге қатысты азаптау мен қорлау әрекеттері орын алады деген мазмұндағы қауесеттер әдейі таратылды. Нәтижесінде, тұтқынға түспеудің "ең қолайлы" жолы ретінде адамның өз-өзіне оқ атып өмірін қиюы жөнінде бұрмаланған түсінік қалыптастырылды. Көтеріліске тартылатын кедей бұқараға қатысты көтеріліс басшылары мен белсенділері бұйрықты орындаудан бас тартқан жағдайда, оларды атуға дейін баратын қарулы күш қолдануға дейін барды. Бұл әрекеттер "Бізде қызылдарға жететін оқ болмаса да, сендерге жетеді. Барлығы да көтеріліске қатысуы тиіс" деген мазмұндағы сөздер айтылды[13].

Айта кету керек, көтерілісшілер жақсы жиналғанымен, ұйымдасқан түрде қарсылық көрсете алмады, бірақ соған қарамастан олар өз күштерін бір деңгейде дұрыс жұмсай алды. ОГПУ мәліметтері бойынша Зырян ауданының Зубовка және Крестовка ауылдары маңында, сондай-ақ Горно-Ульбинка, Северное және Винное ауылдарында көтерілістің ұйымдастыру жұмыстарын жүргізу мақсатында шамамен 400-ге жуық көтерілісші, ал Мякотиха ауылында 300-ге жуық көтерілісішілер шоғырланған делінген.

Ф. Толстоуховтың Самар ауданында да құрылған көтерілісшілердің үштік басқару комиссиясының стратегиялық және шекаралық жағдайына да ерекше назар аударылды.

Қолайсыз жағдай туындаған кезде оның позициясы кейін шегінуге мүмкіндік беретін. Кейінгі ОГПУ-дің көтерілісшілердің жоспарларын бұзу жөніндегі белсенді әрекеттеріне байланысты жағдайлар Ф. Толстоуховтың Самар ауданын сақтық шарасы ретінде пайдалану тактикасы да оң нәтижесін көрсетті. Самар ауданының Пантелеймоновка ауылы ерекше рөлге ие болды, себебі осы ауылдағы көтерілісті 18 ақпанда (кейбір деректерде 24 ақпанда) Қытайға босқын ретінде кеткен Ф. Толстоухов ұйымдастырған[14]. Қытай шекарасына қарай өз жақтастарымен бірге жолға шыққан Ф. Толстоухов кеңес билігіне қарсы шыққан және оған наразылық білдірген адамдардың арасында жиналыс өткізді. Онда ол: "...Риддерде, Семейде, Өскеменде көтерілістер болып жатыр... коммунистерді қарудан айыруды бастау қажет... Егер бастайтын болсаңдар бастайық, ал бастамайтын болсаңдар мен Қытайға кетемін...", деді. Пантелеймоновка тұрғындары дереу көтеріліске шығуға келіспеді, бірақ жолға шыққан өкілдері қуып жеткеннен кейін, Ф. Толстоухов кері қайтып, көтерілісті қайта басқарды[15]. Одан кейінгі болған оқиғалар Толстоуховты көтерілісті қайта бастау жоспарынан бас тартып, өз серіктерімен бірге Қытайға қашуға мәжбүр етті.

Қытайға жеткеннен кейін Ф. Толстоухов бастаған топ қарусыздандырылып, қамауға алынды және әскери күзетпен Шәуешек генерал-губернаторының алдына жеткізілді. Генерал-губернатор Толстоухов пен оның көмекшісі Кленовицкийді жеке тергеуге алды. Тергеу аяқталғаннан соң Толстоухов пен оның серіктері Добырылджынге жіберілді, онда тоғыз күн қамауда болды. Біраз уақыттан кейін Шәуешек губернаторы өз өкілін Добырылджын комендантына жіберді. Олар бірлесіп Толстоуховтың алдына келіп, оның Қытай аумағында әрі қарай тұтқында болуының мүмкін еместігін жеткізді. Бұл шешім Қытай мен КСРО арасындағы келісім және Кеңес дипломатиялық өкілдігінің ресми талаптарына негізделген еді. Осыдан кейін комендант Толстоухов пен оның серіктестерін босатып, оларға Шара-Сумаға кедергісіз баруға мүмкіндік берді[16]. Негізінде, Қытай билігі Шәуешек губернаторы арқылы, өз үкіметінің шектеу шараларына және Кеңес консулының бірнеше рет жасаған талаптарына қарамастан, Ф. Толстуховты және оның тобын Кеңес билігіне беруден бас тартты. Олар Чункур ауылына орналасып, Қытай аумағында жүріп-тұрудың заңды мүмкіндігіне ие болды. ОГПУ мәліметтері бойынша, Ф. Толстоухов өзі басқарған топпен "КСРО-дан қашып шыққан және құғын-сүргіннен жасырынып жүрген контрреволюционерлер тобын" алып келді, бұл Қытайға "Кеңес Одағының босқындарына кіруге тыйым салынғанына» қарамастан жүзеге асты. Барлық шетелдіктерге Қытайға кіру үшін рұқсат алу міндеттелді, ал Қытай мен КСРО шекаралас аймақтары арқылы заңсыз босқындардың келуі "шеттетілгендер санаты" қатарына жатқызылды (Наземцева 2012: 201).

Қытайда болған кезінде Толстоухов эмигранттық казак топтарымен – бұрын Анненков әскерінде қызмет еткен Чункурдағы Алекандр Безсоновпен және Шара-Сумэдағы Грымкинмен байланыс орнатты. Алайда олардың Зайсанда көтеріліс жасау мақсатында қарулы топ жасақтау, еріктілерді жұмылдыру және қару-жарақпен қамтамасыз ету әрекеттері сәтсіз аяқталды. Көңілі қалған Толстухов өз пікірін былай деп қорытындылады: "Шетелде тек біреудің басып алып берген дайын билігіне отыру көзделеді ешқандай күш салмай; барлығы ауқаттылар, әскер жинау қиын, айтарлықтай қаржы керек. Жалпы, шетелге ешқандай үміт жоқ. Менің ойымша, билікті өз халқымыздың мүддесі үшін жаулап алу қажет, шетелдің көмегіне сүйенбей, қайтадан саудагерлер ұрпақтарының билікке келуіне жол бермеу керек"[17]. Батыс Қытайда қоныстанған ақ эмигранттар тобы терең рухани және материалдық дағдарыстан өтті

және бүлікшілердің идеясы мен жалпы олардың идеологиясы оларға қажетті шабыт бермеді. Чункурде жүрген кезінде Ф. Толстоухов Сібірдің бүкіл аумағында көтеріліс басталғаны туралы мәлімет алады. Кеңес билігінің құлатылғанын және елді жаңа билік басқарып отыр деп есептеп, қайтып оралуға шешім қабылдайды. Зайсан ауданының Қаратал ауылында тұратын Боровцев, Стрельцов, Шашкин деген тұрғындарынан халықтың қолдауымен көтерілісті ұйымдастыру туралы мәселені талқылау ұсынысын алады. 13-14 адамнан тұратын отрядпен шекарадан өтіп, Қараталға алты шақырым жерде кездесуге келген Ф. Толстоуховты шекарашылар күтіп тұрады. Ф. Толстоуховқа сәттілік нәтижесінде аман қалады. Ол осы кезде Отанға оралуға қатысты соңғы шешімін қабылдап, шекараны Қатон-Қарағай маңынан кесіп өтуге бел буады. 1930 жылдың шілде айының басында оған Безсонов, Кленовицкий және Якубов қосылды[18].

1930 жылдың жазында Қытайдан оралған Ф. Толстухов алдыңғы тәжірибені ескере отырып, көтерілісті ұйымдастыруға тағы да әрекет жасайды. Бірінші кезекте ОГПУ жойған ұйымдар мен байланыстарды қалпына келтіру туралы шешім қабылдады. Екіншіден, Ф. Толстоухов Семей округі мен Алтай, Сібір өлкесі сияқты жақын маңдағы шекара аумақтарындағы барлық белсенді және белсенді емес антикеңестік топтарды біріктіруге шешім қабылдады. Халық арасында кеңестік билікке қарсы насихаттың жасырын түрлерін жандандыруды қолға алды. Толстоухов өзіне адал адамдар тобымен бірге Зырян ауданының Кутиха ауылында орналасты. Бұл ауыл көтерілісшілердің уақытша штабы ретінде қызмет атқарды. Біраз уақыттан кейін штабтың орналасқан жері Зырян ауданы мен Ойратия ауданының қосылған жерінде орналасқан қиыршық тас асуына көшірілді[19]. Өте қысқа мерзімде Толстоухов байланысты қалпына келтіріп, көтерілісті қайта ұйымдастыру процесін іс жүзінде қайта бастады, тіпті оны 1930 жылдың тамыз айында жүзеге асыруды жоспарлады. Екінші кезеңде ол көтерілісті бастау тактикасын өзгертті: алдымен көтеріліс Өскемен мен Риддерде басталады деп мәлімдеді, одан кейін ауылдар қосылып, олар көтерілісті Орал мен Сібірге дейін кеңейтуді жоспарлады. Мүмкін Толстоухов ықтимал қауіптерді есепке алған болар, ол қолайсыз нәтиже туындаған жағдайда Қиыр Шығысқа қарай кететінін атап көрсетті.

Семей округінің жеделтобы Ф. Толстоуховтың жоспарларын екінші рет бұзды, алайда оған Бұқтарма өзені арқылы жасырын қашуға мүмкіндік болды. 1930 жылғы 28 қыркүйекте өзеннің төменгі ағысында оны дайындалған тосқауылдың көмегімен өлтірді. Қаза болған адамның Ф. Толстоухов екендігі туралы актіге оның ең жақын туыстары қол қойды[20].

ОГПУ-дің тексерілмеген мәліметтері бойынша Ф. Толстоуховтың "бандасына" 900-ге жуық адам қатысты, оның 160-ы өлтірілді, 70-і жараланды, 3-уі өз-өзіне қол жұмсады, 597 адам тұтқынға алынды[21]. Архив материалдарына сәйкес, жедел-тергеу шаралары барысында 269 адам қаралған, көптомдық архивтік-тергеу ісі бойынша ОГПУ үштігі арқылы 152 адам өткен, оның 31-і ату жазасына кесілген[22].

Ф. Толстоуховтың саяси платформасы бірінші кезеңде Кеңес өкіметін қарулы түрде құлатуға бағытталған болатын, оған "Коммунистерсіз Кеңес өкіметі", "Еркін еңбек ұзақ өмір сүрсін", "Колхоздар мен ұжымдастыру жойылсын", "Бесжылдық пен индустрияландыру жойылсын" ұрандары дәлел болды. Біртұтас сенімдес адамдармен сөйлескенде Ф. Толстоухов "Таза Кеңестік билік" тіркесін жиі қолданған[23].

Кеңес өкіметі тұсындағы саяси және әлеуметтік-экономикалық қайта құрулар Ф. Толстоуховтың идеялары мен көзқарастарының түбегейлі өзгеруіне ықпал етті. Партизан ретінде ол патша өкіметіне қарсы бостандық, теңдік және бауырмашылдық

саясаты үшін күресті. Кеңес өкіметі "Бостандық. Теңдік. Бауырластық» саясатын ұсын-ғанымен, Ф. Толстоуховтың пікірінше, шын мәнінде, феодалдық жүйені қалпына келтіріп, шаруаларды колхоздар мен совхоздарға қосу арқылы тәуелді етті. "Ал еркін еңбек қайда? Мен халықты коммунистік қамыттан шығарып, шаруалар қалаған бостандықты бергім келеді". Оның мақсаты үкіметті халық (шаруалар) сайлауына және шаруалар билігін орнатуға бағытталған[24]. Көтерілісшілердің пікірінше, мәселе "халыққа қарсы коммунистерде" болды. Ф. Толстоухов одақтастарын қолдай отырып, барлық коммунистер бірдей емес екендігін айтты. Шаруалардың үндеулері билік басындағы Қызыл империяға қарсы бағытталған: "Азаматтар... Кеңес билігі бізді алдады, бізге еркіндік пен теңдікті уәде етті, бірақ орнына қатты қысым көрсетті. Біз... шаруа халық ретінде жалған диктатураны көріп, зорлыққа төзбедік, өз маңдай терімізбен келген еңбегімізді қорғауға көтерілдік; осылайша шаруашылық пен мемлекеттің беріктігін нығайтамыз. ...Кеңес билігі алғашында бізге қажет нәрсені берді, алайда өкінішке орай ВКП(б) партиясы бесжылдық жоспарды жедел жүзеге асыру арқылы бізге қысым көрсетті; шаруа қожалықтарын күйзеліске ұшыратты; шаруаларды аяусыз қыспаққа алды..."[25]. Олардың пікірінше, барлық мәселе дұрыс ойластырылмаған экономикалық саясат болды, сондықтан көтерілісшілер бес жылдық жоспарға қарсы шығып, астық пен ет дайындаудың шамадан тыс берілген жоспарларына наразылықтарын білдірді. Олардың барлық ұрандары "Еркін еңбек" терминімен байланысты және ұжымдастыруға қарсы бағытталған: "Бесжылдық жойылсын, ұжымдастыру жойылсын, Еркін еңбек пен еркін сауда дамысын" болды[26].

Көтерілісшілердің үндеулері түбегейлі әрекеттерге жол ашты: "Сіз бұл биліктен жалықпадыңыз ба, неге бармайсыз? оны құлату керек"; "Коммунистер басқаратын билікті емес, таза Кеңестік билікті адал қорғауыңыз керек"[27]. Көтерілісшілер тез ұйымдастырылатын митингілер әдісін қолданды, онда сөз сөйлеушілердің негізгі идеясы келесідей болды: "Азаматтар, барша арамтамақтар мен тонаушылардан құтылу уақыты келді, зорлық-зомбылық пен құлдықты жою қажет. Біздің артымызда миллиондаған көтерілген әскерлер тұр, бәрің бізге қосылыңдар, коммунистер мен тонаушылар жойылсын, еркін шаруашылық жасасын!"[28].

Ұрандардағы нақты жағдайды талдау мазмұны "бостандықты ұрлаған" коммунистерді Кеңес өкіметінен шығаруға бағытталған (Омарканова 2024: 46).

Көтерілісшілердің идеялық платформасы Ф. Толстоуховтың сөзінде көрініс тапқан: "Кеңес өкіметі зорлық-зомбылық пен қысымсыз, бірден социалистік құрылысқа көшу арқылы жүзеге асуы керек; бұрын билік жүргізген және қазір бізге бұрынғы байлықтары үшін қысым көрсетіп отырғандарды орнынан алу қажет, олар біздің елді күйретуге тырысады" (Омарканова 2024: 44).

Қорытынды

Зерттеу қорытындысы көрсеткендей, 1920-жылдардың соңы мен 1930-жылдардың басындағы кеңестік Қазақстанда орын алған шаруалар көтерілістері – тек әлеуметтік наразылық қана емес, астары терең, көпқырлы құбылыс болған. Бұл қозғалыстар мемлекеттің қатал саясатына берілген жауап қана емес, халықтың билікке деген өзіндік балама көзқарасын да танытты. Соның ішінде, Ф. Толстоухов бастаған көтерілісті зерделеу барысында наразылықтың нақты саяси тұғырнамасы болғаны анықталды. Ол тұғырнама "таза кеңес өкіметі" идеясын қолдау, еңбек бостандығын талап ету және

күштеп ұжымдастыру саясатына үзілді-кесілді қарсы тұру секілді өзекті бағыттарды біріктірді.

Архивтік дереккөздерді талдау көтерілісшілерді жұмылдыруда үгіт-насихат тәжірибелері – ұрандар, үндеулер, қауесеттер мен ауызша үгіт-насихат шаралары шешуші рөл атқарғанын көрсетті. Осы тәсілдер арқылы "жау бейнесі" қалыптасып, қарсылық әрекеттері заңдастырылған. Сонымен қатар, көтерілісшілердің ұстанымы қайшылықты сипатта болды: олар кеңестік саясаттың нақты іс-қимылдарына қарсы шыққанымен, кеңес өкіметі идеясынан түпкілікті бас тартқан жоқ, керісінше, билікті "коммунистік идеологиядан тазартуды" мақсат тұтты.

Зерттеу нәтижесі көрсеткендей, Ф. Д. Толстоуховтың тұлғалық беделі көтерілісшілердің басын біріктіруде шешуші рөл атқарған. Оның жеке ұстанымы мен саяси тәжірибесі қозғалыстың идеологиялық негізінің қалыптасуына тікелей ықпал етті. Дегенмен, ресурстардың тапшылығы, ұйымдастыру ісіндегі кемшіліктер және жазалаушы аппараттың жазалаушы органдарының қатал іс-қимылдары көтерілістің жеңіліс табуына негізгі себеп болды.

Қорыта келе, қарастырылып отырған кезеңдегі шаруалар көтерілістеріне тек әлеуметтік наразылық қана емес, билік, әділдік және қоғамдық құрылым туралы баламалы көзқарастар тоғысқан ерекше саяси мәдениеттің көрінісі ретінде баға берген жөн. Зерттеу нәтижелері кеңестік Қазақстандағы қарсылық қозғалыстарының табиғатын тереңірек ұғынуға жол ашады және олардың идеологиялық негіздерін зерделеудің маңыздылығын айқындай түседі.

Acknowledgments
The authors of the article express their gratitude to the editorial team and the reviewers.

Алғыс
Мақала авторлары редакция ұжымына және рецензенттерге алғысын білдіреді.

Благодарности
Авторы статьи выражают благодарность редакционной коллегии и рецензентам.

Ескертулер

1. Аналитические обзоры ПП ОГПУ по внутреннему положению региона. Шығыс Қазақстан облысының Мемлекеттік архиві (әрі қарай ШҚО МА). 1276 қ. 1 т. 105 іс. 11 п.
2. Обзоры ПП ОГПУ по Семипалатинской губернии. Шығыс Қазақстан облысы Полиция Департаментінің Арнайы Мемлекеттік Архиві (әрі қарай ШҚО ПД АМА). 19 қ. 1 т. 3641 іс. 206 п.
3. Секретная переписка (передачи по прямому проводу. Алматы қаласы Полиция Департаментінің Арнайы Мемлекеттік Архиві (әрі қарай Алматы ПД АМА). 1 қ. 1 т. 11317 іс. 5 т. 5-6 пп.
4. Секретная переписка (передачи по прямому проводу. Алматы ПД АМА. 1 қ. 1 т. 11317 іс. 1 т. 13 п.
5. Сводки ПП ОГПУ о социально-политической обстановке в Семипалатинской губернии. ШҚО ПД АМА. 11 қ. 1 т. 27 іс. 13 п.

6. Алматы ПД АМА. 1 қ. 1 т. 11317 іс. 5 т. 245 п.
7. Материалы ОГПУ по крестьянским движениям в КАССР. ШҚО ПД АМА. 19 қ. 1 т. 2748 іс. 9 п.
8. Оперсводки ОГПУ по борьбе с бандитизмом в Семипалатинской губернии. ШҚО ПД АМА. 19 қ. 2 т. 3749 іс. 240 п.
9. Сводки ПП ОГПУ о социально-политической обстановке в Семипалатинской губернии. ШҚО ПД АМА 9 қ. 1 т. 27 іс. 63-66 пп.
10. Сводки ПП ОГПУ о социально-политической обстановке в Семипалатинской губернии. ШҚО ПД АМА. 11 қ. 1 т. 27 іс. 14 п.
11. Секретные сводки ПП ОГПУ по борьбе с антисоветскими выступлениями. ШҚО ПД АМА. 19 қ. 1 т. 3398 іс. 5-6 пп.
12. Оперсводки ОГПУ по борьбе с бандитизмом в Семипалатинской губернии. ШҚО ПД АМА. 19 қ. 2 т. 3749 іс. 245 п.
13. Оперсводки ОГПУ по борьбе с бандитизмом в Семипалатинской губернии. ШҚО ПД АМА. 19 қ. 2 т. 3749 іс. 246 п.
14. Секретная переписка (передачи по прямому проводу). Алматы ПД АМА. 1 қ. 1 т. 11317 іс. 9 т. 490 п.
15. Секретная переписка (передачи по прямому проводу). Алматы ПД АМА. 9 қ. 1 т. 11317 іс. 397 п.
16. Секретная переписка (передачи по прямому проводу). Алматы ПД АМА. 1 қ. 1 т. 11317 іс. 136-137 пп.
17. Секретная переписка (передачи по прямому проводу). Алматы ПД АМА. 1 қ. 1 т. 11317 іс. т. 11. 138 п.
18. Секретная переписка (передачи по прямому проводу). Алматы ПД АМА. 1 қ. 1 т. 11317 іс. 11 т. 140 п.
19. Докладные записки ОГПУ о настроениях населения КАССР. ШҚО ПД АМА. 19 қ. 1 т. 2089 іс. 142 п.
20. Секретная переписка (передачи по прямому проводу). Алматы ПД АМА. 1 қ. 1 т. 11317 іс. 11 т. 154 п.
21. Секретная переписка. ҚР ПА. 141 қ. 17 т. 455 іс. 43-60 пп.
22. Секретная переписка (передачи по прямому проводу). Алматы ПД АМА. 1 қ. 1 т. 11317 іс. 8 т. 548-549 пп.
23. Сводки ПП ОГПУ о социально-политической обстановке в Семипалатинской губернии. ШҚО ПД АМА. 11 қ. 1 т. 27 іс. 17 п.
24. Информационные отчёты ПП ОГПУ по КАССР. ШҚО ПД АМА. 19 қ. 1т. 1894 іс. 101 п.
25. Секретная переписка (передачи по прямому проводу). Алматы ПД АМА. 1 қ. 1 т. 11317 іс. 1 т. 213 п.
26. Доклады ПП ОГПУ по крестьянским восстаниям в КАССР. ШҚО ПД АМА. 19 қ. 1 т. 3376 іс. 44 п.
27. Оперсводки ПП ОГПУ по Семипалатинской губернии. ШҚО ПД АМА. 19 қ. 2 т. 3743 іс. 18 п.
28. Донесения, оперсводки ПП ОГПУ по Семипалатинской губернии. ШҚО ПД АМА. 19 қ. 2 т. 3746 іс. 176 п.

Әдебиеттер тізімі

Atantayeva B., Akhmetova R., Shcheglova T., Botabekova A. Protest sentiments and survival strategies of the kazakh population in the 1929-1930s: behavioral motives and forms of resistance. *Gumilyov Journal of History.* 2025. T.152, no.3, pp.60-78. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-152-3-60-78

Алланиязов Т. Директивы Семипалатинского оперсектора ОГПУ как источник по изучению вооруженных выступлений казахских шаруа в период коллективизации. В: *Казахстан на пути к государственной независимости: история и современность.* Материалы Международной научно-практической конференции. Семипалатинск. 2001. часть II. С.217-222.

Алланиязов Т., Таукенов А. Последний рубеж защитников номадизма. *История вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане (1929-1931 годы).* Алматы: ОО "OST – XXI век". 2009. 424 с.

Алланиязов Т. "Доклад о боевых действиях оперативной группы в Казахстане в марте, апреле и мае 1930 года", как исторический источник. *Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение.* 2022. Т.141, no.4, с.7-21. https://doi.org/10.32523/2616-7255-2022-141-4-7-21

Алланиязов Т. Против дилетантизма в изучении истории народных восстаний 1929-1931 гг. *Вестник КазНУ. Серия историческая.* 2023. Т.108(1), с.196-205. https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/view/1653/932

Алланиязов Т. *Вооружённые выступления и повстанческие движения 1929-1931 годов в Казахстане: историография и источниковедение.* Караганда: ТОО "Типография Арко". 2024. 222 с.

Алланиязов Т. Публикация документов из архивно-следственныхдел на участников вооруженных восстаний 1929-1931 годов: достижения и просчеты. *Вестник КазНУ. С ерия историческая.* 2025a. Т.116(1), с.242-252. https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/view/1996/1077

Алланиязов Т. Народные восстания и протесты 1928-1932 гг. в Казахстане. *Gumilyov Journal of History.* 2025b. Т.153, no.4, с.91-110. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-153-4-91-110

Атантаева Б., Ботабекова А., Турлыбаев М. Семей округінде ауыл шаруашылығын ұжымдастыру: әкімшілік озбырлық және оның салдары (1928-1930 жж.). *Вестник университета Шакарима. Серия Исторические науки*. 2024. No.1, с.74-91. https://history.shakarim.kz/index.php/my/article/view/52/16

Байсарина К., Карибаев М., Турлыбаев М. Семей округіндегі шаруалардың ауылды күштеп модернизациялау кезеңдегі қарсылығы (1929-1931 жж.). *Gumilyov Journal of History. 2025.* Vol.150, no.1. с.128-151. https://jhistory.enu.kz/index.php/jHistory/article/view/21/175

Бранденбергер Д. Роль насилия и фальсификаций при подготовке протоколов допросов эпохи сталинизма. *Новейшая история России.* 2023. Т.13. no.2, с.376-399. https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.208

Виола Л. *Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления*. Москва: Фонд первого Президента России Б. Ельцина. 2010. 367 с.

Жанбосинова А. Толстоуховский мятеж в источниках и материалах. *Отан тарихы.* 2018. Т.83, no.3, с.192-203. https://otan.history.iie.kz/main/issue/view/19/20

Киндлер Р. *Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане* / Пер. с нем. Л. Пантиной. Москва. 2017. 382 с.

Наземцева Е. История русской эмиграции в Китае 1920-40 гг.: эволюция правового статуса. *Человеческий капитал*. 2012. No.5(41), с.198-205.

Неуслышанные голоса: *Документы Смоленского архива*. Кн. 1: 1929. Кулаки и партейцы. Сост. С. Максудов. Ann Arbor: Ardis. 1987. 286 с.

Омарканова А., Жанбосинова А. Листовки, воззвания и прокламации в деревне в конце 1920-х

– начале 1930-х гг. (на примере Казахской советской автономии). *Известия Алтайского государственного университета.* 2024. No.5(139), с.41-47. 10.14258/izvasu(2024)5-05

Пианчоло Н., Жарасов А. Неуловимые мятежники: исследование восстаний накануне Великого голода в Казахстане (1929-1931 гг.). *Вестник КазНУ. Серия историческая.* 2020. Т.97(2), с.34-43. https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/view/914/654

Тепляков А. *Деятельность органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД (1917-1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты.* Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. Новосибирск: НГУЭУ. 2018. 434 с.

References

Atantayeva B., Akhmetova R., Shcheglova T., Botabekova A. Protest sentiments and survival strategies of the Kazakh population in the 1929-1930s: behavioral motives and forms of resistance. *Gumilyov Journal of History.* 2025. T.152, no.3, pp.60-78. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-152-3-60-78 (in English)

Allaniyazov T. Direktivy Semipalatinskogo opersektora OGPU kak istochnik po izucheniiu vooruzhennykh vystuplenii kazakhskikh sharua v period kollektivizatsii. In: Kazakhstan on the Path to State Independence: History and Modernity. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii.* Semipalatinsk. 2001. chast II. pp.217-222. (in Russian)

Allaniyazov T., Taukenov A. Poslednii rubezh zashchitnikov nomadizma. *Istoriia vooruzhennykh vystuplenii i povstancheskikh dvizhenii v Kazakhstane (1929-1931 gody*). Almaty: OO "OST – XXI wek". 2009. 424 p. (in Russian)

Allaniyazov T. "Doklad o boevykh deistviiakh operativnoi gruppy v Kazakhstane v marte, aprele i mae 1930 goda", kak istoricheskii istochnik. *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies*. 2022. T.141, No.4, pp.7-21. https://doi.org/10.32523/2616-7255-2022-141-4-7-21 (in Russian)

Allaniyazov T. *Protiv diletantizma v izuchenii istorii narodnykh vosstanii 1929–1931 gg. Al-Farabi Kazakh National University. Journal of history.* 2023. T.108(1), pp.196-205. https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/view/1653/932 (in Russian)

Allaniyazov T. *Vooruzhennye vystupleniia i povstancheskie dvizheniia 1929-1931 godov v Kazakhstane: istoriografiia i istochnikovedenie*. Karaganda: Arko Printing House LLP, 2024. 222 p. (in Russian)

Allaniyazov T. *Publikatsiia dokumentov iz arkhivno-sledstvennykh del na uchastnikov vooruzhennykh vosstanii 1929-1931 godov: dostizheniia i proschety. Al-Farabi Kazakh National University. Journal of history.* 2025. Vol.116(1), pp.242-252. https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/view/1996/1077 (in Russian)

Allaniyazov T. Narodnye vosstaniia i protesty 1928-1932 gg. v Kazakhstane. *Gumilyov Journal of History.* 2025. Vol.153, No.4, pp.91-110 https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-153-4-91-110 (in Russian)

Atantayeva B., Botabekova A., Turlybaev M. Semei okruginde auyl sharuashylyғyn ұzhymdastyru: әkimshilik ozbyrlyқ zhәne onyң saldary (1928-1930 zhzh.). *Bulletin of Shakarim University. Series: Historical Sciences.* 2024. No.1, pp.74-91. https://history.shakarim.kz/index.php/my/article/view/52/16 (in Kazakh)

Baisarina K., Karibayev M., Turlybayev M. Semei okrugindegi sharualardyң auyldy kүshtep modernizatsiialau kezeңdegi қarsylyғy (1929-1931 zhzh.). *Gumilyov Journal of History.* 2025. Vol.150, No.1, pp.128-151. https://jhistory.enu.kz/index.php/jHistory/article/view/21/175 (in Kazakh)

Brandenberger D. *Rol nasiliia i falsifikatsii pri podgotovke protokolov doprosov epokhi stalinizma. Modern history of Russia.* 2023. Vol.13, No.2, pp.376-399. https://doi.org/10.21638/ spbu24.2023.208 (in Russian)

Viola L. *Krestianskii bunt v epokhu Stalina: kollektivizatsiia i kultura krestianskogo soprotivleniia*.

Moscow: Foundation of the first President of Russia Boris Yeltsin: 2010. 367 p. (in Russian)
Zhanbosinova A. Tolstoukhovskii miatezh v istochnikakh i materialakh. *History of the Homeland.* 2018. Vol.83, No.3, Pp.192-203. https://otan.history.iie.kz/main/issue/view/19/20 (in Russian)
Kindler R. *Stalinskie kochevniki: vlast i golod v Kazakhstane* / Per. s nem. L. Pantinoi. Moscow. 2017. 382 p. (in Russian)
Nazemtseva E. Istoriia russkoi emigratsii v Kitae 1920-40 gg.: evoliutsiia pravovogo statusa. *Human Kapital.* 2012. No. 5 (41), Pp. 198-205. (in Russian)
Neuslyshannye golosa: *Documents from the Smolensk Archive.* Kn. 1: 1929. Kulaki i partiytsy. Sost. C. Maksudov. Ann Arbor: Ardis. 1987. 286 p. (in Russian)
Omarkanova A., Zhanbosinova A. Listovki, vozzvaniia i proklamatsii v derevne v kontse 1920-kh – nachale 1930-kh gg. (na primere Kazakhskoi sovetskoi avtonomii). *Izvestiya of Altai state university*. 2024. No5(139), pp.41-47. 10.14258/izvasu(2024)5-05 (in Russian)
Pianciola N., Zharassov A. Neulovimye miatezhniki: issledovanie vosstanii nakanune Velikogo goloda v Kazakhstane (1929-1931 gg.). *Al-Farabi Kazakh National University. Journal of history*. 2020. Vol.97, No.2, pp.34-43. https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/ view/914 /654 (in Russian)
Teplyakov A. *Deiatelnost organov VChK-GPU-OGPU-NKVD (1917–1941 gg.): istoriograficheskie i istochnikovedcheskie aspekty*. Novosibirsk State University of Economics and Management. Novosibirsk: NSUEM, 2018. 434 p. (in Russian)

Information about authors

Bakyt Zh. Atantayeva – Doctor of Historical Sciences, Professor, Shakarim University, 20A Glinka Street, 071412, Semey, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0001-6104-9797, bakytatantaeva@gmail.com
Raushan D. Akhmetova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Shakarim University, 20A Glinka Street, 071412, Semey, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0003-1359-0006, r.d.akhmetova@mail.ru
Aizhan R. Botabekova – lecturer, Shakarim University, 20A Glinka Street, 071412, Semey, Kazakhstan, https://orcid.org/0009-0009-1384-8047, a.botabekova@shakarim.kz

Авторлар туралы мәлімет

Бакыт Жумагазиевна Атантаева – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Шәкәрім университеті, Глинка көшесі, 20А, 071412, Семей, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0001-6104-9797, bakytatantaeva@gmail.com
Раушан Дюсенбековна Ахметова – тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Шәкәрім университеті, Глинка көшесі, 20А, 071412, Семей, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0003-1359-0006, r.d.akhmetova@mail.ru
Айжан Рымбековна Ботабекова – оқытушы, Шәкәрім университеті, Глинка көшесі, 20А, 071412, Семей, Қазақстан, https://orcid.org/0009-0009-1384-8047, a.botabekova@shakarim.kz

Сведения об авторах

Бакыт Жумагазиевна Атантаева – доктор исторических наук, профессор, Университет Шакарима, Глинки 20А, 071412, Семей, Казахстан, https://orcid.org/0000-0001-6104-9797, bakytatantaeva@gmail.com
Раушан Дюсенбековна Ахметова – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, Университет Шакарима, Глинки 20А, 071412, Семей, Казахстан, https://orcid.org/0000-0003-1359-0006, r.d.akhmetova@mail.ru
Айжан Рымбековна Ботабекова – преподаватель, Университет Шакарима, Глинки 20А, 071412, Семей, Казахстан, https://orcid.org/0009-0009-1384-8047, a.botabekova@shakarim.kz

Authors contribution

Atantayeva B.Zh. developed the overall research concept, defined its aims and objectives, conducted a theoretical and methodological analysis of the problem, prepared the main text of the article, and formulated the conclusions and generalizations.

Akhmetova R.D. analyzed archival documents, participated in the collection and interpretation of empirical data, and made necessary revisions and additions in accordance with the aims and objectives of the article.

Botabekova A.R. prepared the bibliographic review, contributed to structuring the material, and assisted in formatting the article.

Авторлардың үлесі

Атантаева Б.Ж. зерттеудің жалпы тұжырымдамасын әзірлеп, оның мақсаттары мен міндеттерін айқындады; мәселе бойынша теориялық және әдіснамалық талдау жүргізді; мақаланың негізгі мәтінін дайындады; қорытындылар мен тұжырымдар қалыптастырды.

Ахметова Р.Д. архив құжаттарына талдау жасады; тәжірибелік деректерді жинауға және олардың мағынасын ашуға қатысты; мақаланың мақсаттары мен міндеттеріне сәйкес қажетті түзетулер мен толықтырулар енгізді.

Ботабекова А.Р. библиографиялық шолу әзірлеп, материалды жүйелеуге және мақаланы рәсімдеуге көмектесті.

Вклад авторов

Атантаева Б.Ж. разработала общую концепцию исследования, определила его цели и задачи, провела теоретический и методологический анализ проблемы, подготовила основной текст статьи, сформулировала выводы и обобщения.

Ахметова Р.Д. проанализировала архивные документы, участвовала в сборе и интерпретации эмпирических данных, внесла необходимые правки и дополнения в соответствии с целями и задачами статьи.

Ботабекова А.Р. подготовила библиографический обзор, внесла свой вклад в структурирование материала и помогла в оформлении статьи.

Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest. / ***Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.*** Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / ***Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 09.03.2026.

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 17.04.2026.

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.04.2026.

GUMILYOV JOURNAL OF HISTORY
ISSN: 3080-129X. eISSN: 3080-6860
DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.20.00

https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-154-1-01.02.2026-2

Transition from the Soviet Model of Museums to the Modern Kazakhstani Model: Historical and Cultural Analysis

Ye. Ibrayev[a], **G. Nurusheva**[a]
[a]*Kostanay Regional University named after Akhmet Baitusynuly, Kostanay, Kazakhstan*
erden-ibraev@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the historical and cultural analysis of the transformation of the museum sector of Kazakhstan in the post-Soviet period. The research aims to identify the key stages of the transition from the Soviet model of museums, focused on ideological representation and centralized management, to the modern Kazakh museum as an institution of cultural memory, identity and public history. For the first time, the institutional, substantive, and conceptual changes that have occurred since 1991 have been analyzed within the framework of a unified approach, as well as the factors that influenced the formation of a new museum paradigm in the context of independence. The article describes the Soviet museums, which were a strictly centralized system subordinate to government agencies and used as an instrument of ideological control. Their main function was to broadcast the official historical version corresponding to the party line. Historical events were presented through the prism of class struggle, socialist construction, and the cult of heroism, especially in relation to the revolution, the Civil War, and the Great Patriotic War. One of the central places in the study is occupied by the question of the representation of historical memory: how attitudes towards such topics as the Famine of 1932-1933, Stalin's repressions, the Alash movement, and the deportation of ethnic minorities have changed. These events were previously marginalized or hushed up, but today they are becoming part of the museum narrative, reinterpreted through the prism of national identity and cultural sovereignty. The study reveals that today museums are increasingly viewed as not only repositories of artifacts, but also as spaces of reflection and dialogue with the past. In addition, they perform educational, communicative and memorial functions, providing a connecting thread between generations. Their activities contribute to the formation of a stable historical culture based on a critical understanding of both heroic and tragic pages of the past. Through museum practices, collective work with traumatic experiences is carried out, which is especially important in a multinational society striving for consolidation. The article also details the current challenges of the museum industry: lack of funding, institutional instability, lack of qualified personnel, lagging behind international standards in the field of digitalization and curatorial practice. The initiatives of the state policy, including "Rukhani Zhangyru" and "Uly Dala Eli", are considered as attempts to update the museum infrastructure and the semantic agenda. The scientific novelty of the research lies in the systematic formulation of issues of identity, memory and cultural transformation through the museum context. The work can be useful for historians, cultural scientists, museologists and specialists in the field of humanitarian policy of the post-Soviet space.

Keywords: museums; memoriality; acculturation; identity; reform; ideology; represen-tation; sovereignty; exhibitions; digitalization; reflection

For citation: Ibrayev Ye., Nurusheva G. Transition from the Soviet Model of Museums to the Modern Kazakhstani Model: Historical and Cultural Analysis. *Gumilyov Journal of History.* 2026. Vol.155, no.2, pp.161-178. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-154-1-01.02.2026-2

© Ibrayev Ye., Nurusheva G., 2026

Музейлердің кеңестік үлгісінен қазіргі қазақстандық үлгіге көшу: тарихи-мәдени талдау

Е. Ибраев[a], Г. Нұрушева[a]

[a]Ахмет Байтұрсынұлы атындағы Қостанай өңірлік университеті, Қостанай, Қазақстан

Аңдатпа. Мақала посткеңестік кезеңдегі Қазақстанның мұражай саласының трансформациясын тарихи-мәдени талдауға арналған. Зерттеу идеологиялық бейнелеуге және орталықтандырылған басқаруға бағдарланған мұражайлардың кеңестік моделінен мәдени есте сақтау, бірегейлік және қоғамдық Тарих институты ретінде қазіргі қазақстандық мұражайға көшудің негізгі кезеңдерін анықтауға бағытталған. Алғаш рет бірыңғай тәсіл шеңберінде 1991 жылдан бері орын алған институционалдық, мазмұнды және тұжырымдамалық өзгерістер талданды, сондай-ақ тәуелсіздік жағдайында жаңа мұражай парадигмасының қалыптасуына әсер еткен факторлар белгіленді. Мақалада мемлекеттік органдарға бағынатын және идеологиялық бақылау құралы ретінде қолданылатын қатаң орталықтандырылған жүйе болған кеңестік мұражайларға сипаттама берілген. Олардың негізгі қызметі партия желісіне сәйкес келетін ресми тарихи нұсқаны тарату болды. Тарихи оқиғалар таптық күрестің, социалистік құрылыстың және героикке табынудың объективі арқылы, әсіресе революцияға, азаматтық және Ұлы Отан соғыстарына қатысты болды. Зерттеудегі басты орындардың бірі-тарихи жадыны бейнелеу мәселесі: 1932-1933 жылдардағы ашаршылық, сталиндік қуғын-сүргін, Алаш қозғалысы, этникалық азшылықтарды депортациялау сияқты тақырыптарға деген көзқарас қалай өзгерді. Бұл оқиғалар бұрын маргиналданған немесе үнсіз болған, бірақ бүгінде ұлттық сана мен мәдени егемендік объективі арқылы қайта ойластырылған мұражай әңгімесінің бөлігі болып табылады. Зерттеу көрсеткендей, бүгінде мұражайлар артефактілер қоймасы ретінде ғана емес, сонымен бірге рефлексия мен өткенмен диалог кеңістігі ретінде қарастырылуда. Сонымен қатар, олар ұрпақтар арасындағы байланыстырушы жіпті қамтамасыз ететін білім беру, коммуникация және мемориалдық функцияларды орындайды. Олардың қызметі өткеннің қаһармандық және қайғылы беттерін сыни тұрғыдан түсінуге негізделген тұрақты Тарихи мәдениетті қалыптастыруға ықпал етеді. Мұражай практикасы арқылы травматикалық тәжірибесі бар ұжымдық жұмыс жүзеге асырылады, бұл әсіресе шоғырландыруға ұмтылатын көпұлтты қоғам жағдайында өте маңызды. Мақалада сондай-ақ мұражай саласының заманауи сын-қатерлері: қаржыландырутапшылығы,институционалдықтұрақсыздық,біліктікадрлардыңжетіспеушілігі, цифрландыру және кураторлық практика саласындағы халықаралық стандарттардан артта қалуы егжей-тегжейлі баяндалады. Мемлекеттік саясаттың, оның ішінде "Рухани жаңғыру" және "Ұлы Дала Елі" бастамалары мұражай инфрақұрылымы мен семантикалық күн тәртібін жаңарту әрекеттері ретінде қарастырылуда. Зерттеудің ғылыми жаңалығы-мұражайдың контексі арқылы сәйкестілік, есте сақтау және мәдени трансформация мәселелерін жүйелі түрде қою. Жұмыс тарихшыларға, мәдениеттанушыларға, мұражай ғалымдарына және посткеңестік кеңістіктегі гуманитарлық саясат мамандарына пайдалы болуы мүмкін.

Түйін сөздер: мұражайлар; естелік; мәдениеттілік; сәйкестік; реформа; идеология; өкілдік; егемендік; көрмелер; цифрландыру; рефлексия

Переход от советской модели музеев к современной казахстанской: историко-культурный анализ

Е. Ибраев[a], Г. Нурушева[a]
[a]Костанайский региональный университет имени Ахмет Байтурсынулы, Костанай, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена историко-культурному анализу трансформации музейной сферы Казахстана в постсоветский период. Исследование направлено на выявление ключевых этапов перехода от советской модели музеев, ориентированной на идеологическую репрезентацию и централизованное управление, к современному казахстанскому музею как институту культурной памяти, идентичности и публичной истории. Впервые в рамках единого подхода проанализированы институциональные, содержательные и концептуальные изменения, произошедшие с 1991 года, а также обозначены факторы, повлиявшие на формирование новой музейной парадигмы в условиях независимости. В статье дана характеристика советским музеям, которые представляли собой строго централизованную систему, подчинённую государственным органам и использовавшуюся как инструмент идеологического контроля. Их основная функция заключалась в трансляции официальной исторической версии, соответствующей линии партии. Исторические события подавались через призму классовой борьбы, социалистического строительства и культа героизма, особенно в отношении революции, Гражданской и Великой Отечественной войн. Одно из центральных мест в исследовании занимает вопрос репрезентации исторической памяти: как изменилось отношение к таким темам, как Голод 1932-1933 гг., сталинские репрессии, движение Алаш, депортация этнических меньшинств. Эти события ранее маргинализировались или замалчивались, но сегодня становятся частью музейного нарратива, переосмысленного через призму национального самосознания и культурного суверенитета. Исследование раскрывает, что сегодня музеи всё чаще рассматриваются, как не только хранилища артефактов, но и как пространства рефлексии и диалога с прошлым. Кроме того, они выполняют образовательную, коммуникативную и мемориальную функции, обеспечивая связующую нить между поколениями. Их деятельность способствует формированию устойчивой исторической культуры, основанной на критическом осмыслении как героических, так и трагических страниц прошлого. Через музейные практики осуществляется коллективная работа с травматическим опытом, что особенно важно в условиях многонационального общества, стремящегося к консолидации. В статье также подробно раскрываются современные вызовы музейной отрасли: дефицит финансирования, институциональная неустойчивость, нехватка квалифицированных кадров, отставание от международных стандартов в сфере цифровизации и кураторской практики. Рассматриваются инициативы государственной политики, в том числе "Рухани жаңғыру" и "Ұлы Дала Елі", как попытки обновить музейную инфраструктуру и смысловую повестку. Научная новизна исследования заключается в системной постановке вопросов идентичности, памяти и культурной трансформации через музейный контекст. Работа может быть полезна для историков, культурологов, музееведов и специалистов в области гуманитарной политики постсоветского пространства.

Ключевые слова: музеи; мемориальность; аккультурация; идентичность; реформа; идеология; репрезентация; суверенитет; экспозиции; цифровизация; рефлексия

Для цитирования: Ибраев Е., Нурушева Г. Переход от советской модели музеев к современной казахстанской: историко-культурный анализ. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Т.155, no.2, pp.161-178. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-154-1-01.02.2026-2

Введение

Актуальность темы. На протяжении всей своей истории музей непрерывно менял свои экзистенциальные функции. Зародившись в античности как "святилище муз", место для занятий философией, поэзией, дискуссиями в антураже статуй и картин, в средневековье музей превращается в сокровищницу при церквях, монастырях и дворах правителей, где выставляются реликвии святых, драгоценные предметы, атрибуты власти и дары монархов. Такие объекты не столько изучались, сколько служили демонстрации власти и повышали престиж церквей, что их хранили и показывали мирянам. Лишь начиная с Ренессанса и последующей эпохи Просвещения, музеи постепенно становятся социокультурными институтами, выполняя важные функции в обществе, связанные с сохранением, интерпретацией и трансляцией культурных и исторических ценностей. Музеи начинают влиять на формирование национальной идентичности, памяти, образования и диалога между поколениями и культурами. В XX веке с приходом к власти в некоторых странах тоталитарных правительств, музей приобретает новые функции – идеологические, обусловленные необходимостью пропагандировать существующий политический строй, исторические достижения и успехи, превосходство над другими странами и идеологиями. На стыке XX-XXI веков музейное пространство вновь переживает трансформацию, как внешнюю, так и концептуальную. Оно переходит от модели "музея-хранилища", "музея-центра пропаганды" к музею как открытому, динамичному, интерактивному социокультурному пространству. Музей становится площадкой для диалога, обсуждения, участия, а посетитель – соучастником, исследователем, активным лицом. Музеи стали включать многообразие голосов: этнических меньшинств, женщин, мигрантов, ранее забытых или травматичных тем (репрессии, геноцид, депортации и др.). Для более широкого охвата зрительской аудиторией разрабатываются виртуальные музеи, онлайн-экспозиции, цифровые архивы, уделяется внимание цифровой инклюзивности. Эти и многие другие аспекты эволюции современного исторического музея затронули и Казахстан.

Целью данного исследования является анализ трансформации музейной системы Казахстана в период перехода от советской модели к современной, выявить ключевые изменения в функциях, содержании, структуре и общественном значении музеев, а также определить роль музеев в формировании национальной исторической памяти, культурной идентичности в постсоветский период, параллельно обозначив проблемы и вызовы, стоящие перед современными музеями.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили архивные документы о создании, реорганизации, финансировании музеев, музейные отчёты и внутренние документы (планы выставок, экспозиционных программ), экспозиционные и выставочные материалы, нормативно-правовые документы (Законы РК о культуре, о музеях, концепции модернизации общественного сознания ("Рухани жаңғыру" и др.). Методами исследования выступили историко-сравнительный метод (сравнение советской и современной моделей музеев), историко-генетический метод (анализ эволюции музейной системы от советского этапа к постсоветскому), контент-анализ, т.е. изучение музейных экспозиций, текстов выставок, каталогов на предмет изменения нарратива, культурно-

исторический подход через рассмотрение музея как института, отражающего культурные и идеологические сдвиги эпохи.

Литературный обзор

Тема трансформации музеев и их функций после смены политических режимов и идеологических установок неоднократно изучалась как зарубежными, так и отечественными исследователями, среди них Э. Хупер-Гринхилл (Hooper-Greenhill 1992, 1995), в чьих исследованиях рассматривалось, как музеи формируют знание и культуру, как изменяется функция музея в постмодерне. Т. Беннетт (Bennett 1995) анализирует музей как инструмент власти и политики, показывает, как музей трансформировался в современное время. Дж. Клиффорд (Clifford 1997) осмысляет музей как место культурного обмена и трансформации идентичности. К. Крепс (Kreps 2003) рассматривает децентрализацию музейной сети, в том числе в Азии и странах постсоветского пространства. А. Гюйссен (Huyssen 2003) изучает понятие посттоталитарной памяти, её репрезентации в музеях и памятниках. Ш. Макдональд (Macdonald 2006, 2013) сквозь призму музейной деятельности изучает процессы формирования коллективной памяти и национальной идентичности в Европе, включая страны постсоветского пространства и бывшего соцлагеря.

Казахстанские исследователи в современное время также уделяют пристальное внимание трансформации музеев в постсоветский период. В научных работах изучаются этапы развития, деятельность и структура работы музеев Казахстана в период независимости (Капышев, Искаков 2021: 132-136), влияние политических факторов на изменение стандартов музейного дела в 1930-1950-х годах в Казахстане (Дуйсенова, Смагулов 2022: 70-80), предлагаются пути решения проблемы и возможные шаги по выводу казахстанской музеологии на более высокий научный уровень (Файзуллина 2020: 126-136), анализируются показатели работы казахстанских музеев и характер их экспозиций (Сатубалдин 2020: 120-129, Джуматаева 2013: 120-121).

Для эмпирической части исследования проводилась выборка республиканских и региональных кейсов с помощью карт музеев: сайты, каталоги, страницы в социальных сетях, содержащие данные по фондам, практикам и образовательным программам.

Научная новизна статьи состоит в том, что в рамках одного исследования системно рассмотрен переход от централизованной советской модели музеев к современной казахстанской музейной практике через призму исторических трансформаций, культурной политики и социальных изменений. Такой подход позволяет увидеть музей не только как культурное учреждение, но и как индикатор глубинных изменений в обществе. Были выявлены механизмы смены нарратива и репрезентации памяти, обоснована и проанализирована смена идеологических ориентиров музейных экспозиций: от социалистического мифа и героической риторики к проблематике идентичности, травматической памяти (Голод, репрессии, депортации) и национального самосознания. Выделены конкретные формы и примеры этого перехода в музейной практике. Дана критическая оценка современного состояния музееведения в Казахстане через освещение институциональных, методологических и профессиональных вызовов, с которыми сталкивается современная музейная система Казахстана: дефицит кадров, слабость научной школы, ограниченное внедрение цифровых технологий. Отдельное внимание уделено разрыву между государственной культурной стратегией и региональной музейной практикой

Результаты

С первых лет существования Советского Союза партийное руководство страны, наряду с учебными заведениями, библиотеками, театрами, галереями включило музеи в число инструментов государственной идеологической работы. Согласно известному ленинскому тезису о том, что культура должна быть "пролетарской по содержанию и национальной по форме", музейные экспозиции были переориентированы на выполнение агитационно-просветительской функции, а посещение выставок приравнивалось к полноценному рабочему дню для трудящихся страны.

С 1920-х годов музеи СССР выражали официальную интерпретацию истории с акцентом на классовую борьбу, героизацию партии и вождей, воспитание патриотизма. Партийная установка: "Музей должен быть активным проводником коммунистического воспитания масс" (Шерстенникова 2022: 102) выполнялась во всех республиках и автономиях. Содержание экспозиций согласовывалось с партийным руководством и "служило средством формирования "правильного" исторического сознания, закрепляя ведущую роль КПСС, рабочего класса и дружбы народов" (Шерстенникова 2022: 104).

Управление музеями в СССР было жёстко централизовано. Основным методическим, научным, просветительским центром было Министерство культуры СССР, которое с помощью республиканских органов (например, Министерства культуры КазССР) спускало директивы в музеи. Как отмечал исследователь Семёнов П.В.: "Вся система музейной деятельности регулировалась сверху – от тематики до форм показа экспонатов" (Семёнов 2020: 551). Это, с одной стороны, обеспечивало однородность подачи исторического материала по всей стране, но, с другой, подавляло национальное самовыражение, культурный колорит республик, творческую инициативу музейных специалистов.

Наиболее распространенными в сети советских музеев были историко-краеведческие музеи, основной целью которых было воспитание патриотизма и уважения к малой родине через трансляцию идеи, что каждый край большой страны принимал посильное участие в масштабных свершениях и победах. Все краеведческие музеи имели одинаковую систему залов с экспозициями, посвященных – Великой Октябрьской революции, гражданской войне, социалистическому строительству, Великой Отечественной войне, современности (достижения социализма), некоторые музеи содержали залы, имеющие локальную краеведческую направленность – залы подвига Целины, строительства БАМа, ГЭС и т.д. Разумеется, их экспозиции тоже прославляли генеральную линию партии, успехи социалистического строя и т.д.

Экспозиции часто сопровождались высказываниями вождей, лозунгами, схемами и фотоматериалами. История преподносилась в духе торжества марксистско-ленинской теории, где каждый элемент прошлого был подчинён политической задаче настоящего. "Со временем все более усиливается тенденция отношения к музею как к учреждению, способствовавшему воплощению культурной революции, а вместе с ней и целой коммунистической идеологии" (Семёнов 2020: 552).

По мнению Морозова И.А. и Слепцовой И.С.: "Типовой музей советской эпохи выполнял функцию памятника идеологической ортодоксии и трибуны для социалистического просвещения" (Морозов, Слепцова 2020: 196), где акцент делался не на исследовании экспоната, его исторической, научной значимости, а на его идеологической интерпретации.

Советская модель музея за несколько десятилетий приобрела строгую упорядоченность, масштабность, за короткий срок став неотъемлемой частью как идеологического, так и образовательного просвещения для самых широких слоев населения страны. Вместе с тем такая модель имела ограниченный культурный и критический потенциал. Её главной целью было не развитие логического осмысления, способности к анализу, развития академического знания, а исключительно формирование гражданина в духе социалистического патриотизма. Однако необходимо признать, что именно на такой фундаментальной базе создавалась музейная сеть в независимом Казахстане.

С обретением независимости в 1991 году музейная система Казахстана постепенно вступает на путь широких системных и содержательных трансформаций. Первым примером подобной трансформации необходимо считать разгосударствление культурной политики и переосмысление роли социокультурных институтов, проходящие путь от идеологического инструмента к пространству культурной рефлексии и формирования исторической памяти (Русаков, Русакова 2020: 28). Таким образом, после распада СССР музеи в Казахстане, как и другие учреждения сферы культуры, утрачивают роль идеологического центра и начинают пересматривать свою миссию: не оставаясь в стороне от международных трендов, они становятся площадками для публичного диалога и культурной памяти. Музеи стали переориентироваться на репрезентацию историко-культурной самобытности, казахской государственности и культурного наследия. Постепенно музей перестал быть пространством "официальной истины" и стал платформой для осмысления травматических, ранее замалчиваемых страниц прошлого – депортаций, репрессий, исчезновения традиционного уклада.

На рубеже 1990-2000-х годов началась поэтапная реформа правового регулирования музейной сферы. Важным этапом стало принятие Закона Республики Казахстан "О культуре" (2006), а также подзаконных актов, касающихся музейной деятельности и охраны памятников. Эти изменения создали условия для большей автономии музеев, появления новых организационно-правовых форм и источников финансирования, началась децентрализация и диверсификация музейной сети. В 1991-2017 гг. было открыто свыше 114 новых музеев: частных, мемориальных, вузовских (Satubaldin, Sakhiyeva 2021).

Это привело к тому, что наряду с государственными музейными центрами появились музеи памяти (например, музей Карлага в Долинке, музей АЛЖИР в Акмолинской области), частные художественные галереи, университетские форумы. Эти изменения сделали музейный ландшафт более разнообразным и гибким, способным отражать локальные и драматичные страницы истории.

В результате этого процесса усилилась представленность тем, связанных с традиционной культурой, исламом, историей ханств, Алаш-Орды и межэтнических отношений. Вырос интерес к музеям как площадкам для публичного диалога, образовательных проектов и исследовательских инициатив, особенно среди молодёжи и академического сообщества.

Если советские экспозиции строились по шаблону: социалистическое прошлое, строительство, достижения партии, то в постсоветском Казахстане доминируют темы: ханства и Алаш-Орды, депортации и сталинские репрессии, независимость и модернизация, этнокультурное многообразие.

Независимость также открыла путь к международным партнёрствам и переносу лучших практик в области музееведения. Казахстанские музеи стали участвовать

в программах ICOM, ЮНЕСКО, сотрудничать с зарубежными кураторами, получать гранты на реставрацию и исследования. В республике стала формироваться новая школа музейных специалистов, ориентированных на современные гуманитарные подходы: культурную историю, историческую антропологию, постколониальные и деколониальные нарративы (Постановление Правительства РК 2010).

К началу 2020-х годов музей от академичного заведения, где хранятся артефакты, превращается в пространство для общественного взаимодействия и инклюзивности. Примерами могут служить выставки к Международному женскому дню в Алмаатинском музее, а также проекты, отражающие разнообразие и равноправие, где музей становится социальным агентом данных изменений. В качестве примера можно указать проект виртуального музея "Women of Kazakhstan", созданный Д. Асановой и Б. Жангуттином, который нацелен на вовлечение аудитории и расширение исторического дискурса, особенно по гендерным вопросам. Это иллюстрирует принципиальную переориентацию музеев: из "говорящих трибун идеологии" они становятся платформами для коллективного осмысления прошлого (Assanova, Zhanguttin 2020).

Важную роль в формировании исторической памяти играют региональные музеи Казахстана, которые становятся площадками сохранения локальной идентичности и травматического опыта. Так, в Карагандинской области Музей памяти жертв политических репрессий в Долинке ("Музей Карлага") сохраняет память о системе ГУЛАГа через архивные материалы и свидетельства местных жителей. В Акмолинской области Мемориальный музей "АЛЖИР" формирует особый нарратив о женских судьбах в условиях репрессий, опираясь не только на государственную поддержку, но и на локальные инициативы. В Усть-Каменогорске и Семее краеведческие музеи Восточно-Казахстанской области репрезентируют этнокультурные традиции русских старообрядцев, татар, украинцев, а также поднимают тему голода 1930-х годов. В Туркестанской области музей-заповедник "Отырар" сочетает археологические артефакты с визуальными реконструкциями повседневной жизни, отражая сакральное наследие Южного Казахстана. Костанайский областной историко-краеведческий музей уделяет внимание депортации немцев Поволжья, корейцев, чеченцев и других этнических групп, интегрируя в экспозиции устные истории и предметы быта. В Мангистауской области краеведческий музей акцентирует внимание на кочевых маршрутах, морской торговле на Каспии и судьбах переселённых народов. Эти примеры показывают, что трансформация музейной сферы в Казахстане имеет многоуровневый характер: наряду с национальными центрами памяти значительный вклад в неё вносят региональные музеи, работающие с локальными сюжетами и травматическим прошлым.

Как уже говорилось ранее, после обретения независимости казахстанские музеи начали активно включать темы, ранее замалчиваемые в советской исторической традиции. Одной из самых актуальных тем, поднятых после масштабной реабилитации лиц, осужденных по политическим мотивам, было освещение деятельности движения Алаш. В Литературно-мемориальном заповеднике-музее Абая к 105-й годовщине движения демонстрировали более 100 оригиналов документов Алаш-Орды, включая письма и личные вещи лидеров движения (М. Тынышпаев, И. Джансугуров). В Национальном центре рукописей в Астане прошла выставка редких книг и личных принадлежностей активистов Алаш, была подчёркнута их роль в духовном подъёме нации.

Еще одной темой, освещаемой музеями в годы Независимости, стали голод 1932-33 гг. и политические репрессии. В 2001 году с целью изучения и сохранения памятников

истории КарЛАГа, а также увековечивания памяти жертв исправительно-трудовых лагерей, находившихся на территории Казахстана, в посёлке Долинка Карагандинской области был открыт Музей памяти жертв политических репрессий посёлка Долинка (Музей Карлага). В 2007 г. был открыт "АЛЖИР" – музейно-мемориальный комплекс памяти жертв политических репрессий и тоталитаризма. Открытие музея было приурочено к 10-летию со дня принятия указа о Дне памяти жертв политических репрессий и 70-летию с начала массовых политических репрессий. Данные музеи подробно освещают темы, ранее табуированные: голод, сталинские репрессии, женские истории из женских лагерей.

Такие шаги обозначили переход от музейной пропаганды к плюрализму в исторической ретрансляции, основанной на памяти и социальной рефлексии. Советский период в музейных залах перестал быть "мемориальной пародией" на достижения социализма и стал рассматриваться через призму критической исторической рефлексии.

Также в экспозиционной политике современных музеев Казахстана находят отражение трагические страницы в истории различных этнических сообществ, включая депортацию корейцев, приволжских немцев, чеченцев, массовые репрессии в отношении казахского населения, а также судьбы других народов, подвергшихся политическим преследованиям в советский период. Репрезентация этих тем в музейном пространстве способствует формированию культуры исторической памяти и осмыслению коллективной травмы.

Постепенно, на рубеже XX-XXI веков, казахстанские музеи трансформируются из инструментов идеологического вещания в учреждения, выполняющие функции социального медиатора. Они становятся важными платформами для критического переосмысления прошлого, эмоционального осмысления исторических травм и формирования многоуровневой, инклюзивной исторической идентичности в многоэтничном обществе. Музейное пространство с экспозициями, содержащими предметный ряд экспонатов, связанных с бытом заключенных, фотографии из мест лишения свободы способствуют более глубокому погружению самой широкой аудитории музеев в вышеописанные тематики.

Необходимо отметить, что данные вопросы с начала нового века поддерживались государством. В этих целях были созданы Программы "Рухани жаңғыру" и "Ұлы Дала Елі" как культурные ориентиры и государственные инициативы для направления вектора историко-культурного развития страны, в том числе и для музейной политики. В 2017 году "Рухани жаңғыру" стимулировала реставрацию культурных объектов и создание новых экспозиций в музейной сети Казахстана, проведение археологических экспедиций, привлекших международное внимание. "Ұлы Дала Елі" способствовала открытию музеев, отражающих древнее этногенезисное наследие, в качестве примера необходимо привести музей в Туркестане "Uly Dala" с мультимедиа-павильонами на тему тюрко-казахской культуры, сражений, кочевого образа жизни. Также в рамках программы "Ұлы Дала Елі" организуются историко-образовательные экспедиции с представителями этнокультурных групп, включающими туркмен, дунган и татар. Проект привлек более пятидесяти участников, посетивших в 2019 году Отырар, Сауран, мавзолеи и другие древние сакральные места.

Через эти программы музеи получили не только государственную поддержку, но и высокую общественную значимость, переходя к культурной дипломатии и локальной идентичности.

Восприятие современной аудиторией вопросов, поднимаемых музеями, было бы затруднительно без освоения мультимедийных технологий и интерактивных средств.

Если в советский период музеи в основном экспонировали выставки и фонды через материальные носители – витрины, стенды, галереи, то сегодня ключевым показателем визуализации являются технологии. С начала 2010-х в мировую музейную практику приходит мультимедийная революция. Внедрение VR, интерактивных карт, мобильных приложений и QR-экскурсий обозначено как способ привлечения молодой аудитории и повышения вовлечённости. К тому же подобные инновации, превращающие музеи в цифровые платформы, позволяют преподавать историю в новых форматах.

В музеях Казахстана также используются интерактивные зоны, VR-модели, мобильные приложения, QR-гид, данные технологии отвечают запросам времени, то есть делают посещение музея более динамичным и персонализированным. В Музее-заповеднике Абая оборудован VR-зал, в АЛЖИРе – кинохолл с документальными фильмами, в Uly Dala – исторические инсталляции, имитирующие быт кочевников. Присутствуют образовательные программы, посвящённые "малым историям" – женщинам, этническим меньшинствам, локальным событиям – что делает музей открытым социокультурным агентом.

В рамках трех направлений – введение новых нарративов, переосмысление советского прошлого и реализация программ культурной политики – музеи Казахстана превратились из инструментов идеологического внушения в многофункциональные платформы идентичности, образовательного пространства и общественного диалога. Они балансируют между сохранением наследия, оставаясь классическими музеями с выставками, экспозициями и фондами, и одновременно отвечают актуальным вызовам современности, трансформируясь в открытые интерактивные пространства с возможностью для дискуссий и диалога.

Таким образом, региональные музеи становятся не только хранителями локальной памяти, но и важными акторами децентрализации музейной сети: именно здесь поднимаются темы, которые в столичных музеях долгое время оставались периферийными. Их деятельность показывает, что процесс трансформации музейной сферы в Казахстане имеет многоуровневый характер, включающий как национальные, так и локальные нарративы.

В то же время казахстанская модель музея на пути своей трансформации и развития сталкивается с целым рядом институциональных, профессиональных и технологических вызовов и проблем. Музеи, являясь не только хранителями историко-культурного наследия, но и активными участниками формирования коллективной памяти, сегодня оказываются в ситуации необходимости переосмысления своих функций, стратегий и методов взаимодействия с обществом. Этот процесс осложняется целым рядом факторов, среди которых центральными выступают – недостаточное финансирование, дефицит профессиональных кадров, а также противоречивое восприятие цифровизации и глобальных музейных трендов.

Финансовая нестабильность остаётся одной из системных проблем музейной сферы Казахстана. Большинство музеев республики финансируются исключительно из государственного бюджета, что делает их деятельность зависимой от колебаний бюджетной политики. В условиях экономических ограничений приоритетное внимание уделяется вопросам базового содержания учреждений, в то время как программы модернизации, реставрации, развития научной базы и образовательных инициатив остаются второстепенными.

Так, по данным Комитета по культуре Министерства культуры и информации РК, лишь немногие крупные музеи – такие, как Национальный музей Республики

Казахстан в Астане или Центральный государственный музей Республики Казахстан в Алматы – получают поддержку на внедрение инновационных решений. В то же время региональные музеи (например, краеведческий музей в Таразе или областной музей в Мангистау) нередко сталкиваются с нехваткой средств на техническое обслуживание, обновление экспозиций или ремонт помещений.

Институциональная неустойчивость также проявляется в слабой нормативной базе. Законодательство в области музейной деятельности часто не успевает за изменяющимися социальными и культурными реалиями. Отсутствие чётких механизмов государственно-частного партнёрства, неразвитость системы музейных грантов, отсутствие программ поддержки молодёжных специалистов и научных сотрудников обостряют проблему кадровой и научной стагнации.

Еще одной актуальной проблемой является профессиональная подготовка и концептуальная слабость экспозиций. Подготовка специалистов в области музееведения в Казахстане остаётся нерегулярной и преимущественно теоретизированной. Высшие учебные заведения, предлагающие специальности, связанные с музеологией и историко-культурным наследием, не всегда обладают необходимыми ресурсами и инфраструктурой для формирования профессиональных практико-ориентированных навыков. Программы обучения не учитывают современные требования к музейной деятельности – от кураторской работы и экспозиционного дизайна до цифровых технологий и медиакоммуникаций.

Следствием этого становится ограниченность подходов к разработке музейных экспозиций. Во многих учреждениях по-прежнему доминирует традиционный, объектно-описательный формат, предполагающий хронологическое и фактологическое изложение материала. К примеру, в ряде историко-краеведческих музеев Восточно-Казахстанской области экспозиции выстроены по советской модели с акцентом на героико-патриотическую тематику и без возможности интерактивного диалога с аудиторией.

Прогрессивные практики демонстрируют лишь отдельные музеи, уже вышеупомянутые – Мемориальный музей "АЛЖИР" и музей памяти КАРЛАГ, где реализуется попытка интеграции эмоционального, визуального и архивного нарратива в построении образа травматической истории. Однако такие инициативы пока единичны и не получили системной поддержки в профессиональном сообществе.

Цифровизация и глобальные тренды являются как вызовом, так и возможностью для казахстанских музеев. В условиях быстро меняющегося медийного пространства и роста онлайн-коммуникаций музеи вынуждены искать новые формы диалога с аудиторией. Однако внедрение цифровых решений зачастую носит поверхностный характер. В ряде случаев "оцифровка" ограничивается созданием формальных сайтов или социальных страниц без глубокого переосмысления музейной миссии в условиях цифровой эпохи.

Тем не менее положительные сдвиги наблюдаются. Так, Национальный музей РК реализует виртуальные экскурсии и 3D-тур по постоянной экспозиции, что открывает доступ к коллекциям для удалённых пользователей. В рамках программы "Цифровой Казахстан" были предприняты попытки систематизации цифрового учёта музейных фондов. Однако отсутствие единой платформы и межмузейной координации ограничивает потенциал этих инициатив.

Глобальные тренды, связанные с инклюзивностью, деколонизацией музейного нарратива, открытостью и участием, пока что только частично проникают в казахстанскую музейную практику. Например, темы репрессий, голода, депортации этни-

ческих меньшинств, а также истории женских и маргинализированных сообществ лишь постепенно начинают интегрироваться в экспозиции. Проекты, созданные для повышения соучастия посетителей, контактов с локальными группами (пенсионерами, студентами, учащимися школ, представителями этносов), а также внедрения музейной педагогики нового типа, до сих пор остаются на стадии экспериментальных инициатив.

Таким образом, музейная система Казахстана находится в переходной фазе, требующей комплексных изменений – от законодательных реформ и инвестиционной поддержки до коренного пересмотра научных, образовательных и культурных приоритетов. Без преодоления перечисленных вызовов невозможно построение современной, устойчивой музейной инфраструктуры, способной не только сохранять наследие, но и активно формировать культурную и гражданскую идентичность в XXI веке.

Обсуждение

Результаты проведённого исследования подтверждают, что переход от советской модели музеев к современной казахстанской музейной практике является не просто институциональной трансформацией, но отражением глубоких изменений в культурной и исторической идентичности общества. Советская система, основанная на централизованной идеологической функции, формировала линейное и упрощённое восприятие прошлого. В этом контексте музей выступал в роли рупора официальной историографии, исключающего альтернативные и локальные нарративы. Авторы исследования стремились показать, что после обретения независимости Казахстан столкнулся с необходимостью не только реформировать музейную инфраструктуру, но и переосмыслить саму природу исторического рассказа в музейной экспозиции.

Прослеживая историографию музейного дела постсоветского пространства можно наблюдать общую тенденцию: музеи становятся ключевыми площадками переосмысления исторического наследия и коллективной памяти. В случае Казахстана этот процесс во многом сходен с опытом соседних республик, но имеет и специфические черты.

Например, музеи стран Балтии (Латвии, Литвы, Эстонии) после 1991 года сделали акцент на деконструкции советского прошлого и формировании национально-освободительного нарратива. В Риге и Вильнюсе появились музеи, посвящённые советским репрессиям, депортациям и сопротивлению. Казахстан, в свою очередь, также активно развивал мемориальные музеи (АЛЖИР, КарЛАГ), но, в отличие от Прибалтики, в экспозициях часто сохраняется баланс между осуждением тоталитарных практик и стремлением подчеркнуть вклад советского периода в индустриализацию и модернизацию.

Российские музеи после распада СССР пошли по пути постепенного реформирования: часть сохранила советскую интерпретацию Великой Отечественной войны и индустриального прогресса, другая – начала развивать новые направления, включая региональную и локальную память. В этом отношении казахстанская модель ближе к российской, чем к прибалтийской, однако в Казахстане сильнее просматривается акцент на возрождении довоенного культурного наследия (Алаш, традиции ханской эпохи).

Сравнительно интересен опыт Украины и Грузии, где музеи стали ареной политического противостояния и инструментом "политики памяти". В Национальном музее истории Украины и в музеях советской оккупации (например, в Тбилиси) экспозиции

выстраиваются вокруг идеи освобождения от колониального наследия. Казахстан же, напротив, демонстрирует более "синтетическую" модель – соединение травматической памяти о репрессиях с утверждением позитивных нарративов о государственности и независимости.

На международном уровне близкими к казахстанскому опыту являются примеры Польши и Чехии. Польский музей Варшавского восстания или Пражский музей коммунизма демонстрируют, как через музейные пространства можно одновременно сохранять историческую правду, формировать патриотическое воспитание и интегрироваться в глобальные культурные практики. Казахстан также стремится встроить музейную политику в международное поле, что видно по выставкам, посвящённым кочевой цивилизации, Великому Шелковому пути и диалогу культур.

Однако отличие Казахстана заключается в том, что наряду с мемориализацией трагических страниц истории здесь уделяется значительное внимание образу модернизации и будущего. Например, в экспозициях Национального музея РК цифровые технологии (VR, мультимедийные инсталляции) соединяют традиционное наследие с представлением о Казахстане как о современном и инновационном государстве. В этом аспекте казахстанские музеи ближе к практикам музеев Сингапура или Южной Кореи, где сочетаются историческая память и технокультурный дискурс.

Изменение функций музея в Казахстане сопровождалось трансформацией его визуального языка. Советская модель опиралась на стандартизированные визуальные коды: доминирование красного и золотого цветов (символика революции и победы социализма); лозунги, цитаты из речей Ленина и вождей; фотопанорамы индустриализации, коллективизации, военных подвигов; экспонаты располагались в хронологической логике "от революции к социализму и победе".

В постсоветский период произошёл переход к новым визуальным кодам, которые можно разделить на несколько направлений: репрезентация травмы, например, музей "АЛЖИР" и музей Карлага используют мрачные цвета (серый, чёрный, коричневый), фотографии заключённых, личные предметы, макеты лагерных бараков. Активно применяются иммерсивные эффекты: звук закрывающихся дверей, тусклый свет, реконструкции камер, что вовлекает посетителя эмоционально. Следующим направлением можно назвать конструирование национальной идентичности. В музеях независимого Казахстана преобладают образы сакральных мест, ханских династий, Алаш-Орды. Дизайн экспозиций ориентирован на визуализацию преемственности – используются элементы национального орнамента, цветовая палитра в сине-золотых тонах (ассоциация с флагом Казахстана). Этничность и многообразие также является особым визуальным кодом. В экспозициях региональных музеев появляются "уголки этносов" – традиционные костюмы, предметы быта, макеты юрт, национальные музыкальные инструменты. Важную роль играет сценографический подход – экспонаты не просто выставляются, а интегрируются в реконструированные интерьеры (например, этнографические залы в музеях Восточного Казахстана и Туркестана). В онлайн-музеях (например, "Women of Kazakhstan"») визуальные коды строятся на фото– и видеонарративах, акцентируя внимание на "невидимых" ранее темах – гендер, повседневность, локальная история.

Таким образом, визуальные практики казахстанских музеев демонстрируют переход от унифицированной и идеологизированной визуальности советской эпохи к плюралистичной и многослойной визуальной культуре, где память, идентичность и этничность обретают разнообразные формы репрезентации.

Заключение

Анализ трансформации музейной сферы в Казахстане с момента обретения независимости выявляет сложный и многоплановый процесс перехода от централизованной, идеологически ориентированной советской модели к более открытой, плюралистичной и культурно чувствительной музейной практике. Изменение политико-идеологического контекста дало импульс к переосмыслению роли музеев – от инструментов государственной пропаганды к площадкам, способствующим формированию исторического самосознания, памяти и идентичности.

Этот переход сопровождается не только институциональными реформами, но и сдвигами в содержании экспозиций, языке интерпретации прошлого и механизмах взаимодействия с аудиторией. Новые темы, ранее табуированные или маргинализированные, становятся частью публичной памяти, в том числе через музейное пространство. Вместе с тем эти процессы проходят неравномерно: сохраняется разрыв между официальными культурными стратегиями и возможностями региональных музеев, между научной рефлексией и экспозиционной практикой.

Одним из ключевых вызовов остаётся необходимость формирования собственного казахстанского подхода к музееведению, сочетающего международные стандарты с местной культурной спецификой. Только при условии устойчивой профессиональной среды, поддержки музейного сектора и открытого общественного диалога музеи смогут выполнять свои социальные, образовательные и культурно-коммуникативные функции в полном объёме.

Таким образом, трансформация музейной сферы – это не только вопрос модернизации социокультурных институтов, но и показатель более широких изменений в коллективном сознании, национальной памяти и культурной политике современного Казахстана.

Тем не менее, музеи в постсоветском Казахстане прошли путь от централизованной, идеологически заряженной системы до многообразной, диалогичной и технологичной платформы. Это выражается в децентрализации и появлении новых форм; нарративной диверсификации; цифровизации музейных услуг; международной интеграции; социальных миссиях и инклюзивности. Несмотря на перечисленные трудности, музеи Казахстана стали институционной основой формирования исторического сознания, культурной идентичности и общественного диалога.

Acknowledgments

The authors express their sincere gratitude to the staff of Kazakhstan's museums for the materials provided, consultations, and assistance in working with archival and exhibition funds, without which this research would not have been possible.

Алғыс білдіру

Авторлар Қазақстан музейлерінің қызметкерлеріне ұсынылған материалдары, кеңестері және мұрағат және көрме қорларымен жұмыс істеуге көмектескені үшін шынайы алғысын білдіреді, оларсыз бұл зерттеу мүмкін болмас еді.

Благодарность

Авторы выражают искреннюю благодарность сотрудникам музеев Казахстана за предоставленные материалы, консультации и содействие в работе с архивными и экспозиционными фондами, без которых данное исследование было бы невозможно.

Список литературы

Assanova D., Zhanguttin B. *Women's Museums in Kazakhstan: Prospects in the New Digital Ag*e. https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13500775.2020.1743063 Дата обращения 15.07.2025.

Bennett T. *The Birth of the Museum: History, Theory, Politics.* Routledge. England. 1995. 244 p.

Clifford J. *Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century.* Amazon. USA. 1997. 416 p.

Hooper-Greenhill E. *Museums and the Interpretation of Visual Culture.* Routledge. England. 1992. 216 p.

Hooper-Greenhill E. *Museums and the Shaping of Knowledge.* Routledge. England. 1995. 244 p.

Huyssen A. *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory.* Amazon. USA. 2003. 192 p.

Kreps C. *Liberating Culture: Cross-Cultural Perspectives on Museums, Curation and Heritage Preservation.* Routledge. England. 2007. 208 p.

Macdonald Sh. *A Companion to Museum Studies.* Wiley-Blackwell. USA. 2006. 592 p.

Macdonald Sh. *Memorylands: Heritage and Identity in Europe Today*. Routledge. England. 2013. 320 p.

Satubaldin A., Sakhiyeva K. The Museum System of Modern Kazakhstan: Classification and Typology of Museums. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo.* 2021. No.9, pp.79-89.

Джуматаева Д. Перспективные направления в проектировании современных музеев искусств. В: *Сейфуллинские чтения – 9: новый вектор развития высшего образования и науки. Материалы республиканской научно-теоретической конференции, посвященной дню Первого Президента Республики Казахстан.* Астана. 2013. Т.2, ч.1, с.120-121.

Дуйсенова Н., Смагулов Б. Некоторые аспекты развития музейной сферы в Казахстане в 1930-х – 1950-х гг. *Asian Journal "Steppe Panorama".* 2022. No.3(31), с.70-80.

Капышев А., Искаков К. Основные этапы развития музеев Казахстана в период независимости. *Наука и реальность*. 2021. No.1(5), с.132-136.

Морозов И., Слепцова И. С пристрастием вглядываясь в прошлое: "ад" и "рай" советской эпохи в современных музейных нарративах. *Журнал социологии и социальной антропологии,* 2020. No.23(5), с.195-224.

Постановление Правительства Республики Казахстан "О создании Республиканского государственного предприятия "Ғылым ордасы". No.84 от 11 февраля 2010 года.

Русаков В., Русакова О. Инфраструктура новой политики национальной памяти на постсоветском пространстве. К постановке проблемы. *Научный журнал "Дискурс-Пи".* 2020. No.2(39), с.27-47. https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10202

Сатубалдин А. Музейный мир Казахстана: основные направления деятельности. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств.* 2020. No.52, с.120-129

Семёнов П. Развитие музейной сферы в советский период (1917-1991). *Евразийское научное объединение*. 2020. No.5-7(63), с.551-554.

Файзуллина Г. Музеология как наука: казахстанские реалии*. Journal of history*. 2020. No.1(96), с.126-136.

Шерстенникова Е. Формы музейной коммуникации в МАЭ – ИЭ АН СССР в первой половине XX . *века. Кунсткамера.* 2022. No.3(17), с.98-109. https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-3(17)-98-109

References

Assanova D., Zhanguttin B. *Women's Museums in Kazakhstan: Prospects in the New Digital Age.* https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13500775.2020.1743063. Data obrashcheniia 15.07.2025. (in English)

Bennett T. *The Birth of the Museum: History, Theory, Politics. Routledge*. England. 1995. 244 p. (in English)
Clifford J. *Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century.* Amazon. USA. 1997. 416 p. (in English)
Hooper-Greenhill E. *Museums and the Interpretation of Visual Culture*. Routledge. England. 1992. 216 p. (in English)
Hooper-Greenhill E. *Museums and the Shaping of Knowledge.* Routledge. England. 1995. 244 p. (in English)
Huyssen A. *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Amazon. USA. 2003. 192 p. (in English)
Kreps C. *Liberating Culture: Cross-Cultural Perspectives on Museums, Curation and Heritage Preservation.* Routledge. England. 2007. 208 p. (in English)
Macdonald Sh. *A Companion to Museum Studies.* Wiley-Blackwell. USA. 2006. 592 p. (in English)
Macdonald Sh. *Memorylands: Heritage and Identity in Europe Today.* Routledge. England. 2013. 320 p. (in English)
Satubaldin A., Sakhiyeva K. The Museum System of Modern Kazakhstan: Classification and Typology of Museums. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*. 2021. No.9, pp.79-89. (in English)
Dzhumataeva D. *Perspektivnye napravlenija v proektirovanii sovremennyh muzeev iskusstv.* In: *Sejfullinskie chtenija – 9: a new vector for the development of higher education and science. Materials of the Republican scientific-theoretical conference, held on the 1st day of the First President of the Republic of Kazakhstan*. Astana. 2013. T.2, p.1, pp.120-121. (in Russian)
Dujsenova N., Smagulov B. Nekotorye aspekty razvitija muzejnoj sfery v Kazahstane v 1930-h – 1950-h gg. *Asian Journal "Steppe Panorama".* 2022. No.3(31), pp.70-80. https://doi.org/10.51943/2710-3994_2022_31_3_70-80 (in Russian)
Kapyshev A., Iskakov K. Osnovnye jetapy razvitija muzeev Kazahstana v period nezavisimosti. *Science and Reality.* 2021. No.1(5), pp.132-136. (in Russian)
Morozov I., Sleptsova I. S pristrastiem vgljadyvajas' v proshloe: "ad" i "raj" sovetskoj jepohi v sovremennyh muzejnyh narrativah. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2020. No.23(5), pp.195-224. (in Russian)
Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan "O sozdanii Respublikanskogo gosudarstvennogo predprijatija "Fylym ordasy". No.84, at 11.02.2010. (in Russian)
Rusakov V., Rusakova O. Infrastruktura novoj politiki nacional'noj pamjati na postsovetskom prostranstve. K postanovke problemy. *Scientific journal "Discourse-Pi".* 2020. No.2(39), pp.27-47. https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10202 (in Russian)
Satubaldin A. Muzejnyj mir Kazahstana: osnovnye napravlenija dejatel'nosti. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts.* 2020. No.52, pp.120-129. (in Russian)
Semjonov P. Razvitie muzejnoj sfery v Sovetskij period (1917-1991). *Eurasian Scientific Association.* 2020. No.5-7(63), pp.551-554. (in Russian)
Fajzullina G. Muzeologija kak nauka: kazahstanskie realii. *Journal of history.* 2020. No.1(96), pp.126-136. (in Russian)
Sherstennikova E. Formy muzejnoj kommunikacii v MAJe – IJe AN SSSR v pervoj polovine XX veka. *Kunstkamera*. 2022. No.3(17), pp.98-109. https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-3(17)-98-109 (in Russian)

Information about authors

Yerden Ye. Ibrayev – Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor, Kostanay Regional University named after Akhmet Baitusynuly, Baitursynov St. 47, 110000, Kostanay, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0002-9239-1293, erden-ibraev@mail.ru
Gulmira K. Nurusheva – Doctor of Philosophy (PhD), assistant professor, Kostanay Regional University

named after Akhmet Baitursynuly, Baitursynov St. 47, 110000, Kostanay, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0003-0115-0951, ng-8080@mail.ru

Авторлар туралы мәлімет

Ерден Ерназарович Ибраев – PhD, Ахмет Байтұрсынұлы атындағы Қостанай өңірлік университетінің қауымдастырылған профессоры, Байтұрсынов көшесі, 47, 110000, Қостанай, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0002-9239-1293, erden-ibraev@mail.ru
Гульмира Келдыбаевна Нурушева – PhD, Ахмет Байтұрсынұлы атындағы Қостанай өңірлік университеті профессорының ассистенті, Байтұрсынов көшесі, 47, 110000, Қостанай, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0003-0115-0951, ng-8080@mail.ru

Сведения об авторах

Ерден Ерназарович Ибраев – доктор философии (PhD), ассоциированный профессор Костанайского регионального университета имени Ахмета Байтурсынулы, ул. Байтурсынова, 47, 110000, Костанай, Казахстан, https://orcid.org/0000-0002-9239-1293, erden-ibraev@mail.ru
Гульмира Келдыбаевна Нурушева – доктор философии (PhD), ассистент профессора Костанайского регионального университета имени Ахмета Байтурсынулы, ул. Байтурсынова, 47, 110000, Костанай, Казахстан, https://orcid.org/0000-0003-0115-0951, ng-8080@mail.ru

Authors' contribution

Ye.Ye. Ibrayev is the author of the article's concept, defined its scientific problems and methodological approaches, and carried out the main work on writing the text. He developed the structure of the article, formulated the goals and objectives of the study, conducted a historical and cultural analysis of the transition from the Soviet model of museums to the modern Kazakhstani one, wrote and revised the main sections of the article, made a significant contribution to formulating the conclusions, abstract and conclusion of the article, and edited the final version of the text, ensuring its academic integrity and logical coherence.

G.K. Nurusheva participated in the collection and analysis of empirical material, contributed to the section on memory policy and national narrative in the museum sphere, and prepared draft versions of a number of text fragments, including examples from museum practice. She also participated in the selection of bibliographic sources, adjusting the structure of individual sections of the article and discussing its substantive content. Prepared the scientific apparatus of the study and clarification of formulations related to modern cultural strategies of Kazakhstan.

Авторлардың қосқан үлесі

Е.Е. Ибраев мақала тұжырымдамасының авторы, оның ғылыми мәселелері мен әдіснамалық тәсілдерін анықтап, мәтін жазу бойынша негізгі жұмысты жүзеге асырды. Ол мақаланың құрылымын әзірледі, зерттеудің мақсаттары мен міндеттерін тұжырымдады, мұражайлардың кеңестік моделінен қазіргі қазақстандыққа көшуге тарихи-мәдени талдау жүргізді, мақаланың негізгі бөлімдері жазылды және пысықталды, мақаланың қорытындыларын, аннотациялары мен қорытындыларын тұжырымдауға елеулі үлес қосты, сондай-ақ мәтіннің академиялық тұтастығы мен логикалық байланысын қамтамасыз ете отырып, оның түпкілікті нұсқасын редакциялауды жүзеге асырды.

Г.К. Нурушева эмпирикалық материалдарды жинауға және талдауға қатысып, мұражай

саласындағы есте сақтау саясаты мен ұлттық әңгімеге арналған бөлімге үлес қосты, бірқатар мәтін үзінділерінің, соның ішінде мұражай тәжірибесінен алынған мысалдардың жоба нұсқаларын дайындады. Сондай-ақ, библиографиялық дереккөздерді таңдауға, мақаланың жекелеген бөлімдерінің құрылымын түзетуге және оның мазмұнын талқылауға қатысты. Қазақстанның заманауи мәдени стратегияларымен байланысты тұжырымдарды нақтылау және зерттеу ғылыми аппаратын дайындады.

Вклад авторов

Е.Е. Ибраев автор концепции статьи, определил её научную проблематику и методологические подходы, а также осуществил основную работу по написанию текста. Им были разработаны структура статьи, сформулированы цели и задачи исследования, проведён историко-культурный анализ перехода от советской модели музеев к современной казахстанской, написаны и доработаны основные разделы статьи, внёс значительный вклад в формулирование выводов, аннотации и заключения статьи, а также осуществил редактирование окончательной версии текста, обеспечив его академическую целостность и логическую связанность.

Г.К. Нурушева участвовала в сборе и анализе эмпирического материала, внесла вклад в раздел, посвящённый политике памяти и национальному нарративу в музейной сфере, подготовила черновые версии ряда фрагментов текста, включая примеры из музейной практики. Также принимала участие в подборе библиографических источников, корректировке структуры отдельных разделов статьи и обсуждении её содержательного наполнения. Подготовила научный аппарат исследования и уточнение формулировок, связанных с современными культурными стратегиями Казахстана.

Disclosure of conflict-of-interest information. The author claims no conflict of interest /***Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.*** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді / ***Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 18.07.2025
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 30.10.2025
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.11.2025

GUMILYOV JOURNAL OF HISTORY
ISSN: 3080-129X. eISSN: 3080-6860
DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
МРНТИ 03.20

CC BY NC ND

https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-179-201

Social Aspects of Soviet Modernization in Kazakhstan: The Role of Housing Policy (1920s-1980s)

A. Kapayeva[a]✉, **S. Asanova**[a]
[a]*Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan Almaty, Kazakhstan*
✉*kapaeva.59@mail.ru*

Abstract. The article offers a comprehensive analysis of housing policy as a key mechanism of social modernization in Kazakhstan during the 1920s–1980s, examining it within the broader context of the formation of the Soviet model of social order. The study focuses on the transformation of housing conditions, settlement patterns, and principles of housing allocation, which functioned not only as social measures aimed at improving living standards but also as instruments of state regulation, control, and integration of the population into the Soviet socioeconomic system. The authors argue that housing policy was one of the most effective channels for shaping a new social structure, since access to housing–its type, quality, and location–determined opportunities for professional advancement, the degree of inclusion in the urban environment, and participation in industrial production processes. The article identifies several stages in the development of housing policy. The municipalization of the housing stock marked the 1920s, the redistribution of prerevolutionary urban spaces, and attempts to construct a new model of "socialist everyday life." In the 1930s–1950s, a centralized system of state housing distribution emerged, closely linked to industrialization, migration flows, and the development of new industrial centers in Kazakhstan. Particular attention is given to the Khruschev modernization of the 1950s–1960s, when mass housing construction became a major instrument of accelerated urbanization and social mobility, enabling a significant portion of the population to move from barracks and adobe dwellings to standardized apartments. In the subsequent decades, housing policy continued to serve as an important regulator of social stratification, although resource shortages, regional disparities, and growing waiting lists for housing constrained its effectiveness. The methodological framework of the study includes the analysis of legal acts, statistical data, and archival materials, as well as the use of historical-comparative and problemchronological approaches. This comprehensive methodology makes it possible to identify both all-Union trends and regional specificities shaped by levels of industrialization, ethnodemographic dynamics, and settlement patterns in Kazakhstan. The study demonstrates that housing policy contributed to the formation of new models of everyday life, changes in family structures, the consolidation of Soviet identity, and the emergence of a distinct urban culture. The conclusion substantiates that housing policy in Kazakhstan was a crucial component of Soviet modernization, combining the functions of resource redistribution, social integration, disciplinary control, and the construction of a new social order. It not only defined material living conditions but also served as an instrument for shaping Soviet society, influencing social mobility, labor structures, and the nature of state–society relations.

Keywords: housing policy; distribution mechanisms; regional features; housing standards; housing shortage; housing construction cooperatives

For citation: Kapayeva A., Asanova S. Social Aspects of Soviet Modernization in Kazakhstan: The Role of Housing Policy (1920s-1980s). *Gumilyov Journal of History.* 2026. Vol.155, no.2, pp.179-201. *https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-179-201*

Funding. The article was prepared within the framework of the research project GF AP23490001 "Social Policy in Kazakhstan in Historical Dynamics: The 1920s-1980s."

© A. Kapayeva, S. Asanova

Қазақстандағы кеңестік модернизацияның әлеуметтік аспектілері: тұрғын үй саясатының рөлі (1920-1980 жж.)

А. Қапаева[a], С. Асанова[a]

[a]Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, Алматы, Қазақстан

Аңдатпа. Мақала 1920-1980 жж. Қазақстандағы әлеуметтік модернизацияның негізгі тетіктерінің бірі ретінде тұрғын үй саясатын кешенді талдауға арналған. Зерттеу кеңестік әлеуметтік тәртіп моделінің қалыптасу үдерісімен өзара байланыста тұрғын үй жағдайларының, қоныстану формаларының және тұрғын үй қорын бөлу қағидаттарының трансформациясын қарастырады. Авторлар тұрғын үй саясаты өмір сүру сапасын жақсартуға бағытталған әлеуметтік шара ғана емес, сонымен қатар мемлекеттік реттеу, бақылау және халықты кеңестік әлеуметтік-экономикалық қатынастар жүйесіне интеграциялау құралы болғанын негіздейді. Тұрғын үйге қолжетімділік, оның түрі, сапасы мен орналасуы кәсіби өсу мүмкіндіктерін, қалалық ортаға кірігу деңгейін және индустриялық-өндірістік үдерістерге қатысу дәрежесін айқындағандықтан, тұрғын үй саясаты жаңа әлеуметтік құрылымды қалыптастырудың ең пәрменді арналарының бірі ретінде қарастырылады. Зерттеуде тұрғын үй саясатының бірнеше даму кезеңдері айқындалады. 1920 жж. кезеңі тұрғын үй қорының муниципализациясымен, дореволюциялық қалалық кеңістіктерді қайта бөлумен және "социалистік тұрмыстың" жаңа моделін құру әрекеттерімен сипатталады. 1930–1950 жж. Қазақстандағы индустрияландыру, көші-қон үдерістері және жаңа өнеркәсіптік орталықтардың қалыптасуымен тығыз байланысты тұрғын үйді мемлекеттік бөлу жүйесінің орталықтандырылған моделі қалыптасты. 1950–1960 жж. хрущёвтік модернизация кезеңінде жаппай тұрғын үй құрылысы жедел урбанизация мен әлеуметтік мобильділіктің маңызды құралына айналып, халықтың елеулі бөлігінің барактар мен саман үйлерден стандартты пәтерлерге көшуін қамтамасыз етті. Кейінгі онжылдықтарда тұрғын үй саясаты әлеуметтік стратификацияны реттеудің маңызды тетігі болып қала берді, алайда оның тиімділігі ресурстар тапшылығы, өңірлік теңсіздіктер және тұрғын үй кезектерінің өсуімен шектелді. Зерттеудің әдіснамалық негізін нормативтік-құқықтық актілерді, статистикалық деректерді, мұрағат материалдарын талдау, сондай-ақ тарихи-салыстырмалы және проблемалық-хронологиялық тәсілдер құрайды. Мұндай кешенді әдіс жалпыодақтық үрдістерді де, индустрияландыру деңгейі, этнодемографиялық өзгерістер және қоныстану ерекшеліктерімен айқындалған өңірлік ерекшеліктерді де анықтауға мүмкіндік береді. Тұрғын үй саясаты күнделікті өмірдің жаңа үлгілерін қалыптастыруға, отбасылық құрылымдардың өзгеруіне, кеңестік идентичтіліктің орнығуына және ерекше қалалық мәдениеттің пайда болуына ықпал еткені көрсетіледі. Қорытындыда тұрғын үй саясаты Қазақстандағы кеңестік модернизацияның маңызды элементі болғаны дәлелденеді. Ол ресурстарды қайта бөлу, әлеуметтік интеграция, тәртіптік бақылау және жаңа әлеуметтік тәртіпті қалыптастыру функцияларын біріктірді. Тұрғын үй саясаты тек материалдық өмір жағдайларын айқындап қана қоймай, әлеуметтік мобильділікке, еңбек құрылымына және мемлекет пен халық арасындағы өзара қатынастар сипатына ықпал еткен кеңестік қоғамды конструирлеу құралы ретінде қарастырылады.

Түйін сөздер: тұрғын үй саясаты; бөлу тетіктері; аймақтық ерекшеліктер; тұрғын үй нормасы; тұрғын үй тапшылығы; тұрғын үй-құрылыс кооперативтері

Социальные аспекты советской модернизации в Казахстане: роль жилищной политики (1920-1980-е гг.)

А. Қапаева[a], С. Асанова[a]

[a]Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алматы, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу жилищной политики как ключевого механизма социальной модернизации в Казахстане в 1920-1980е гг., рассматриваемой в контексте формирования советской модели социального порядка. В центре внимания находится трансформация жилищных условий, форм расселения и принципов распределения жилого фонда, которые выступали не только как социальные меры, направленные на улучшение качества жизни, но и как инструменты государственного регулирования, контроля и интеграции населения в советскую систему социально-экономических отношений. Авторы исходят из положения, что жилищная политика являлась одним из наиболее действенных каналов формирования новой социальной структуры, поскольку доступ к жилью, его тип, качество и место расположения определяли возможности профессионального роста, уровень включённости в городскую среду и степень участия в индустриально-производственных процессах. В исследовании выделяется несколько этапов развития жилищной политики. Период 1920-х гг. характеризуется муниципализацией жилого фонда, перераспределением дореволюционных городских пространств и попытками создания новой модели "социалистического быта". В 1930–1950-е гг. формируется централизованная система государственного распределения жилья, тесно связанная с индустриализацией, миграционными потоками и развитием новых промышленных центров Казахстана. Особое внимание уделяется хрущёвской модернизации 1950–1960-х гг., когда массовое жилищное строительство стало инструментом ускоренной урбанизации и социальной мобильности, обеспечив переход значительной части населения от бараков и саманных построек к стандартным квартирам. В последующие десятилетия жилищная политика сохраняла роль важного регулятора социальной стратификации, хотя её эффективность ограничивалась дефицитом ресурсов, региональными диспропорциями и ростом очередей на жильё. Методологическая основа исследования включает анализ нормативно-правовых актов, статистических данных, архивных материалов, а также использование историко-сравнительного и проблемно-хронологического подходов. Такой комплексный метод позволяет выявить как общесоюзные тенденции, так и региональные особенности, обусловленные уровнем индустриализации, этно-демографическими процессами и спецификой расселения в Казахстане. Показано, что жилищная политика способствовала формированию новых моделей повседневности, изменению семейных структур, закреплению советской идентичности и созданию специфической городской культуры. В заключение обосновывается вывод о том, что жилищная политика в Казахстане выступала важнейшим элементом советской модернизации, сочетая функции перераспределения ресурсов, социальной интеграции, дисциплинарного контроля и формирования нового социального порядка. Она не только определяла материальные условия жизни, но и служила инструментом конструирования советского общества, влияя на социальную мобильность, структуру занятости и характер взаимодействия государства и населения.

Ключевые слова: жилищная политика; механизм распределения; региональные особенности; норма жилья; дефицит жилья; жилищно-строительный кооператив

Для цитирования: Капаева А., Асанова С. Социальные аспекты советской модернизации в Казахстане: роль жилищной политики (1920-1980-е гг.). *Gumilyov Journal of History.* 2026. Т.155, no.2, с.179-201. *https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-179-201*

Финансирование: Статья подготовлена в рамках реализации научно-исследовательского проекта ГФ AP23490001 "Социальная политика в Казахстане в исторической динамике. 20-80-е годы XX в.".

Введение

Социальная сфера в любом обществе является важной частью политики государства. Социальная политика в СССР имела особенность: она являлась не только системой обеспечения населения различными благами в виде образования, здравоохранения, жилья, но и была инструментом формирования нового типа гражданина – "советского человека". Проблема соотношения социальной политики и этнической идентичности занимает важное место в современной исторической науке. Казахстан в этом отношении представляет особый научный интерес: на протяжении XX в. он оказался в центре различных социальных экспериментов, сюда стекались миграционные потоки в период освоения целинных и залежных земель (мы не затрагиваем более ранний период и переселенческую политику), здесь располагалась целая сеть лагерей, куда со всего Союза отправлялись "неугодные власти" люди и члены их семей, демографические трансформации и т.д. Эти процессы не могли не повлиять на формы этнического самосознания, языковую ситуацию, культурные процессы и представления о принадлежности к "нации" и "государству".

Советская социальная политика в Казахстане имела двойственный характер. Она обеспечивала доступ к медицинской помощи, образованию, труду (в том числе и женщин Востока) и социальным гарантиям, но одновременно сопровождалась непрерывным процессом идеологизации, цензуры, повсеместным контролем, унификацией. В результате этническая идентичность казахов подвергалась трансформации: в большинстве случаев происходила постепенная интеграция в новую советскую модель, в других – скрытое сопротивление, сохранение традиционных форм в узком кругу.

Материалы и методы

Основу исследования составляют архивные документы республиканских архивов – АП РК, ЦГА РК, а также российские архивы – ГАРФ и РГАСПИ. Фонды органов партийного и государственного управления, материалы плановых комиссий, отчеты местных исполнительных органов. Использование архивных источников позволяет реконструировать как официальную политику, так и реальные механизмы ее реализации, а также выявление противоречий между декларируемыми нормами и практиками. Важным источником являются постановления ВЦИК, СНК РСФСР и Казахской ССР, регулирующие вопросы муниципализации жилищного фонда, нормирования жилплощади и организации жилищного строительства. Существенное значение имеют опубликованные статистические сборники, отражающие динамику жилищного строительства, обеспеченности жильём в рассматриваемый период.

Для анализа взаимосвязи социальной политики и этнической идентичности использован междисциплинарный подход, сочетающий методы социальной истории, истории повседневности, исторической демографии. Социальная политика рассматривается не только как механизм распределения ресурсов, но и как инструмент создания определенных норм и правил поведения, не выходящих за допустимые рамки. Рассмотрены теоретические концепции Мишеля Фуко (Фуко 2002; 2005), С. Холла (Холл 2010). Через концепцию власти М. Фуко можно рассматривать социальную сферу как инструмент управления населением и формирования управляемых субъектов (Фуко

2002; 2005). Работы Дж. Скотта дают понимание того, как этничность становится объектом административного управления. В центре внимания С. Холл и Дж. Скотт является категория "власти", основной задачей которой является унификация, превращение человека в управляемый объект.

В работах Стюарта Холла идентичность понимается как процесс, а не фиксированное понятие, формирующееся под влиянием истории и культуры. Через анализ культуры можно увидеть модель функционирования всего социума: политику, религию, социальные институты, семейные отношения (Холл 2010).

Важное значение для понимания особенностей национальной политики Советского государства и процессов формирования национальных идентичностей имеют концепции, разработанные в современной зарубежной историографии. В частности, значительное влияние на изучение национальной политики СССР оказала работа Terry Martin – The Affirmative Action Empire, в которой анализируется политика советского государства в отношении национальностей и раскрывается специфика так называемой "позитивной дискриминации" в пользу национальных республик и этнических групп (Martin 2001).

При написании статьи применялся ряд методов. Историко-хронологический метод использовался для выявления этапов развития жилищной политики (муниципализация 1920-х годов, послевоенное восстановление, массовое строительство "хрущёвской модернизации", позднесоветский этап). Историко-сравнительный метод позволяет выявить региональные различия в обеспеченности жильём (индустриальные центры, административные города), а также сопоставить динамику жилищного строительства на различных этапах. Историко-системный метод использован для анализа жилищной политики как элемента более широкой системы социальной модернизации.

Проблематика социальной модернизации в Казахстане советского периода и роль жилищной политики в этих процессах находится на пересечении нескольких направлений: истории советской социальной политики, урбанизации и индустриализации, повседневности, а также исследований национальной политики. Несмотря на наличие значительного количества работ, исследование жилищной политики как инструмента социальной трансформации в Казахстане остается недостаточно разработанным.

Обзор литературы

В советской историографии вопросы жилищного строительства рассматривались в основном в рамках общей проблематики социалистического строительства и успехов индустриализации. Работы 1950-1980 гг. в основном описывают количественные показатели ввода жилья, акцентируют внимание на улучшении условий жизни трудящихся. (Востров, Кауанова 1972; Кауанова 1982; Абсадыков 1967).

Важный вклад в изучение повседневности внесли концепции Юрия Слезкина, рассматривавшего коммунальную квартиру как модель советского общества (Слезкин 2001). Шейла Фицпатрик анализировала практики повседневной жизни и социальные стратегии выживания (Фитцпатрик 2001). Эти подходы рассматривают жилищную политику не только как экономическую меру, но и как инструмент формирования новых социальных норм.

Исследования Н. Лебиной анализируют формирование советской повседневности, политику большевиков в сфере жилья и питания, моды и досуга (Лебина 2015).

Меерович М. в своих исследованиях рассматривает государственную жилищную проблему в качестве главной причины жилищного кризиса в стране (Меерович 2015). В работе реконструирует процесс становления и развития советского коммунального хозяйства.

Процессы вовлечения в советскую идентичность в Казахстане осуществлялись не столько через прямое идеологическое воздействие, сколько через повседневный опыт жизни в советской социальной реальности. Вопросы повседневности на материалах Центрального Казахстана рассматривались историками центра этнокультурных и историко-антропологических исследований Карагандинского государственного университета им. Е. Букетова. (История городской повседневности 2017; Города Центрального Казахстана 2017)

Результаты

Жилищная политика и этническая дифференциация городского пространства

Жилищная политика в СССР является одним из важных показателей социального государства. В целом на территории Казахстана накануне 1917 г. насчитывалось более двух десятков поселений городского типа, располагавших примерно 2 млн. кв. м. жилой площади 541 тыс. жителей (Народное хозяйство Казахстана 1977: 5, 159). Все жилые дома были в собственности частных лиц. По типу строения – в северо-восточных областях были в основном деревянные дома, а на юго-западе – саманные, в основном все одноэтажные. Во всех городах республики имелось около 70 тыс. одноэтажных домовладений, из них 4130 каменных и 33 500 деревянных (Народное хозяйство Казахстана 1977: 5, 159).

Город Верный в 1917 году имел 155 тыс. кв. м. жилой площади на 50 тыс. человек. В обзоре Акмолинской области за 1916 г. отмечалось, что в городе Акмолинске насчитывается 771 частное, 4 казенных, 6 церковных жилых домостроений, в которых проживало 14340 человек. Из всех жилых домов было 15 каменных, 13 полукаменных, 694 деревянных, остальные – саманные[1].

Декрет от 28 июня 1918 г. национализировал все предприятия по благоустройству, куда вошли предприятия по водоснабжению, железные дороги, предприятия по канализации.

20 августа 1918 г. декретом ВЦИК была отменена частная собственность на недвижимость в городах. Декрет ВЦИК "Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах" институционализировал переход к социалистической модели жилищного хозяйства, выступив основным инструментом перераспределения городской собственности. Его реализация означала не только юридическую ликвидацию частного владения недвижимостью, но и формирование нового социального порядка, в рамках которого жильё превращалось в ресурс, подлежащий централизованному распределению государством. В Казахстане, как и в других регионах страны, на основе данного декрета была проведена масштабная муниципализация жилого фонда, охватившая прежде всего крупные домовладения, стоимость которых превышала установленный государством порог. К середине 1920-х годов в основном закончилась национализация жилого фонда в городах и был создан обобществленный жилищный фонд. К 1925 г. в республике было муниципализировано 1521 здание[2], что заложило основу общественного жилищного фонда и одновременно стало механизмом включения населения в новую систему социальных отношений, характеризующуюся усилением

зависимости от государственных распределительных практик[3].

Соответствующие законы принимались и на республиканском уровне. Так, СНК Киргизской (Казахской) АССР в 1921 г. принял ряд постановлений по жилищному вопросу. В сентябре 1921 г. Совнарком республики рассмотрел вопросы о национализированном жилом фонде, о постройке на незастроенных участках. Были разработаны положения об управлении домами, различные инструкции комиссиям по предоставлению жилищ рабочим и служащим государственных учреждений. Совнарком Киргизской АССР 7 декабря 1921 г. принял постановление об установлении платы за пользование всеми жилыми и нежилыми постройками.[4.]

На основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 12 июля 1923 г. был установлен размер квартплаты с учетом социального положения квартиросъемщика и его заработка. При заработке 20 руб. в месяц ставка квартирной платы в крупных городах за одну квадратную сажень жилой площади составляла 15 коп., при заработке 30 руб. – 20 коп., 40 руб. – 30 коп, 60 руб. – 50 коп., 100 руб. – 90 коп. (Веселовский 1928: 29). Часть населения – инвалиды войны и труда, семьи красноармейцев – платила по самой низкой ставке, а в некоторых случаях совсем освобождалась от уплаты. На основе всесоюзного закона 1926-1928 гг. было разработано и законодательство о квартирной плате Казахской АССР. 7 декабря 1921 г. Совнарком Киргизской АССР принял постановление об установлении платы за пользование всеми жилыми и нежилыми постройками.

Размер квартплаты во всех союзных республиках был одинаков, а ее удельный вес в бюджете семьи занимает в среднем 3-5% (Дмитриев 1973:96). По переписи на 17 декабря 1926 г. из 6030 тыс. населения республики в городских поселениях проживало всего 519 тыс., что составляло 8,6% (Народное хозяйство Казахской ССР 1957b:10). В том числе 15 городов с населением до 10 тыс. жителей, 6 – до 20 тыс., 6 – до 30 тыс., 3 – до 50 тыс. и один город Семипалатинск имел население более 50 тыс. человек (Веселовский 1928:5,9).

В 1925 г. Казкрайком ВКП(б) организовал при Совнаркоме Казахской АССР строительное бюро, возложив на него жилищное строительство в столице.

Таблица: Общий жилой фонд по городам, рабочим поселкам на 01.01.1933 г.[5]
Table: Total housing stock by cities, workers' settlements 01.01.1933y.

Наименование обл. и городов	Вся жилая площадь в тыс. кв. метрах	В т.ч. муниципальный фонд	Количество населения в тыс. чел.	Нормы жилой площади на 1 чел.
Всего по Казахстану	3243,9	936,7		
В т.ч. Города	2708,1	801,5	818,8	3,3
Райцентры	247,8	76,9		
Раб. поселки	288,0	53,3	162,5	1,8
	По областям, городам			
1. Алма-Ата	340,0	102,0	152,7	2,2
2. Караганда	272,0	15,4	118,6	2,3

3. Семипалатинск	515,0	128,6	114,1	2,8
4. Петропавловск	251,9	78,0	75,3	3,3
5. Чимкент	122,5	37,5	52,1	2,4
6. Актюбинск	126,0	36,5	36,6	3,4
7. Риддер	48,4	21,0	82,8	1,5
8. Коунрад	15,0	2,5	50,9	0,8
9. Уральск	200,2	55,4	50,9	3,9
10. Гурьев	60,5	19,6	30,5	2,0

Таблица отражает региональные диспропорции в обеспеченности жильем городского населения Казахской АССР в начале 1930-х годов. Основная часть жилого фонда была сосредоточена в городах (2708,1 тыс. кв.м.), где проживало 818,8 тыс. человек, однако средняя обеспеченность жильем составляла лишь 3,3 кв.м на человека – этот показатель существенно уступает даже минимальным санитарным нормам, установленным в советских нормативных документах. В рабочих поселках ситуация была еще более острой: при населении 162,5 тыс. человек норма жилой площади снижалась до 1,8 кв.м. на человека, что говорит об экстремальной скученности. Анализ таблицы показывает, что в начале 1930-х гг. жилищная обеспеченность городского населения Казахстана была крайне неравномерной. Старые административные центры (Уральск, Петропавловск, Актюбинск) обладали более высоким уровнем обеспеченности жильем, тогда как новые индустриальные города и рабочие поселки (Караганда, Риддер, Коунрад) испытывали острый жилищный дефицит. Эти различия были обусловлены прежде всего темпами индустриализации, миграционными процессами и историческими особенностями формирования городов.

В 1930 г. в Караганде началась разработка третьей угольной базы СССР. На тот момент в Караганде имелось всего несколько полуподвальных бараков площадью около 4 тыс. кв. м. на 4-5 тыс. жителей. Не хватало жилья для прибывающих рабочих. Рабочие-казахи, прибывшие из аулов, рабочие из других республик первые годы вынуждены были жить в юртах, палатках и землянках. Поэтому шахтерский поселок Караганды тех лет напоминал своеобразную смесь казахского аула с рабочим поселком.

В отчете врачей, командированных в Караганду для комплексного обследования, отмечается: "Прибывающие рабочие ютятся часть по юртам, часть по палаткам, часть под открытым небом. Скученность населения можно характеризовать следующими цифрами: в каменных и саманных бараках имеется в среднем на человека 1,75 кв.м., при световом коэффициенте 1:12, в землянках, где живут до 90% казаки, приходится на человека от 0,35 до 1,25 кв.м. При высоте от 1,5 до 2,5 метров и световом коэф. 1:15 до 1:60, причем в этих землянках помещается мелкий домашний скот, так что не редкость видеть вместе маленьких детей и ягнят"[6].

В документе "Постановления и инструкции СНК КазССР по жилищно-бытовым вопросам" отмечается, что обеспечение жилой площадью дает систематическое снижение нормы в среднем по Киргизскому Краю с 4,1 кв.м. в 1929 г. До 2,7 кв.м. в 1932 кв.м., а по отдельным городам, областным центрам, столице края в ряду промышленных поселков снижается до 1,5 кв.м.[7] "Ни один город и рабочий центр края не имеет канализации. Абсолютно не развито строительство водопровода. Норма подачи воды в среднем по краю не больше 1%, следствием чего является перманентные эпидемические

заболевания населения и антисанитарное состояние населенных мест, находящиеся в прямой зависимости от наличия водопроводов и канализации"[8].

Жилой фонд городов, рабочих поселков и сел республики состоял исключительно из деревянных, саманных, глинобитных стеновых материалов. Даже некоторые города почти полностью состояли из саманных построек. Так, из городских строений Чимкента – 97,4%, Джамбула – 99,9%, Кзыл-Орды – 97,8%, Актюбинска – 80,7% были возведены из самана и прочих строительных Кзыл-Орды – 97,8, Актюбинска – 80,7% были возведены из самана и прочих строительных материалов[9]. В городах республики в 1936 г. еще не было благоустроенных жилых домов.

Вторым пятилетним планом развития народного хозяйства СССР средняя жилая норма на конец 1937 г. установлена 5,35 кв.м. Средняя норма жилплощади по Казахстану равнялась 2,6 кв.м. Однако бурное развитие промышленности, транспорта вызвавшее колоссальный приток населения в города и рабочие поселки Казахстана, "…вместо роста средняя норма жилплощади из года в год снижается. По своему техническому состоянию жилфонд Казакстана имеет от 32 – 69% изношенности. В столице г. Алма-Ата жилая норма на 1 человека уменьшается и достигла 2 кв.м., тогда как в 1928 г. была 4,7 кв.м.".[10]

В индустриальных городах и поселках вопрос обеспечения жильем был самым острым. "По данным Облгоссанинспекции в 1942 г. на одного рабочего на Карагандинском угольном бассейне приходилось в среднем 2,6 кв.м., при наличии большого количества землянок и других временных сооружений. В 1943 г. было сдано в эксплуатацию по всем трестам 56 общежитий с жилой площадью 11.200 кв.м. при этом ряд мелких и временных общежитий был ликвидирован (в частности, ряд землянок). В 1943 г. прибыло 7.000 рабочих, и таким образом переуплотненность увеличилась".[11] Количество прибывающего населения в Караганду опережало темп жилищного строительства.

В условиях ускоренной индустриализации и миграции в города казахское население, особенно выходцы из аулов, оказывались вовлеченными в систему, где социальный статус определялся не этнической принадлежностью, а степенью вовлеченности в производство. Это повлияло на изменение вектора с этнической принадлежности на социально-профессиональные. Однако рост рабочего класса среди казахов шел медленно.

По данным Казахского республиканского статистического управления на 5 мая 1950 года количество рабочих и служащих казахов в промышленности республики составляло только 12,5%. В такой ведущей отрасли промышленности Казахстана, как угольная промышленность, на 10 января 1952 г. количество казахов составляло 12,1%, а по комбинату "Карагандашахтострой" всего лишь 8,5 %. Новое пополнение промышленности и строительства квалифицированными рабочими за счет казахов осуществляется совершенно неудовлетворительно. Недостаточный рост численности рабочих в Казахской ССР за счет коренного населения является одной из серьезных причин, задерживающих создание постоянных и устойчивых рабочих кадров в промышленности и строительстве Казахской республики. (В. Пронин) 17 марта 1952 г.[12]

В индустриальных городах особенностью городского коммунального хозяйства было предоставление жилья и других коммунальных услуг предприятиями, а не местными советами. Таким образом, предприятие ставило работника через профсоюзные органы в очередь на получение места в общежитии или редком случае на квартиру. Конечно, в первую очередь квартиры получали передовики производства, активные, сознательные рабочие – бригадиры, ударники труда. Хорошие показатели в труде для рабочих

ускоряли получение квартиры. Поскольку жильем распоряжалось предприятие, это было мощным средством воздействия на рабочего. За нарушение производственной дисциплины рабочий выселялся из общежития. Получение квартиры или комнаты от предприятия для большинства рабочих было недосягаемой мечтой. Катастрофический дефицит жилья создавал возможности для властей стимулировать трудовой энтузиазм с одной стороны, с другой приучать к строжайшей дисциплине.

Окончательное прикрепление рабочих к производству связано с введением в декабре 1932 г. паспортной системы и института постоянной прописки по всей стране. В марте 1932 г. вышло Постановление ЦИК и СНК Казахской ССР "О введении паспортной системы и обязательной прописке паспортов в населенных пунктах КазССР". "1) Ввести на территории Казакской АССР единую паспортную систему всего населения, не вошедших в первую очередь паспортизации городов, рабочих поселков, населенных пунктов, являющихся районными центрами, новостроек, промпредприятий, совхозов, МТС, МТСС и иных пунктов, где расположены центры МТС и МТСС" (Города Казахстана 2025: 260; Сайлаубай 2025).

Каждый советский человек был прописан в определенном месте и постоянно проживать мог только в этом городе, в этом доме и квартире. Переезд на новое место жительства мог быть разрешен властью по мотивированным обстоятельствам (брак, уход за больными родителями и т.п.) Переехав, следовало сразу прописаться. В крупных городах прописаться можно было лишь к родственникам, если у них были излишки площади свыше санитарной нормы.

Советская политика 20-30-х годов формировала новую социальную структуру, во главе которой стоял рабочий класс. Индустриализация, трудовая политика и освоение природных ресурсов Казахской ССР сопровождалось массовым притоком рабочих и специалистов из других регионов СССР, что усиливало полиэтничность республики. Для казахского населения это означало ускоренный переход к индустриальной модели и замена этничности классовой идентичностью.

Индустриализация в Казахстане в 1920-1930-е годы имела свои особенности по сравнению с другими регионами СССР. В центральных районах Союза уже был сформированный рабочий класс, в Казахстане в этот период преобладало в основном кочевое и полукочевое хозяйство и соответственно население, проживавшее в аулах. Отсутствие пролетариата – существенное отличие процесса индустриализации в Казахстане.

Несмотря на трудности и противоречия, индустриализация сыграла большую роль в формировании нового социального слоя – казахского рабочего класса, который стал одним из носителей советской идентичности. Принадлежность к рабочему классу означала социальный престиж, так как пролетариат считался передовым классом социалистического общества. Индустриализация тесно связана с жилищным строительством в быстро развивающихся индустриальных центрах. Жилищное строительство в 1930-1940-е годы характеризовалось значительным отставанием от темпов индустриального развития и роста городского населения. Городской жилищный фонд Казахстана в рассматриваемый период был представлен преимущественно неблагоустроенными деревянными, саманными и глинобитными постройками. В годы Великой Отечественной войны ситуация существенно осложнилась. Массовая эвакуация промышленных предприятий, научных учреждений и населения из западных регионов СССР вызвала резкий рост численности городского населения, что обострило жилищный кризис и превратило обеспечение населения жильём в одну из наиболее

острых социальных проблем.

В послевоенный период жилищный дефицит приобрёл повсеместный характер, охватив все населённые пункты Советского Союза. Справка Центрального статистического управления СССР "О состоянии городского жилищного фонда в 1940-1952 гг. в СССР" от 18 августа 1953 г. отмечает, что средний размер жилой площади на одного человека в городах и рабочих поселках составлял 5,6 кв.м. (Народное хозяйство СССР 1961). Несмотря на рост жилищного строительства, уровень обеспеченности жильем в Казахстане в 1940-1950-е годы оставался низким. В большинстве городов республики показатели обеспеченности находились на уровне 4-6 кв.м. жилой площади на человека (Народное хозяйство Казахской ССР 1957а). Реальная обеспеченность была еще ниже, поскольку официальная статистика не учитывала значительную часть временно проживающих лиц и перенаселенность квартир.

В 1955 г. был образован Государственный комитет Совета Министров Казахской ССР по делам строительства и архитектуры (Госстрой Казахской ССР). Началась разработка проектов городов Джезказгана, Текели, Зыряновска. Были составлены проекты застройки Усть-Каменогорска и Лениногорска, а также рассмотрены и одобрены генеральные планы Павлодара, Джезказгана, Кокчетава и Темиртау[13].

Проверка состояния жилищных и культурно-бытовых условий трудящихся управления "Белогорскстрой" и Белогорского горно-обогатительного комбината (директор комбината В.А. Самородский, начальник строительного управления А.Я. Хегай) (ВКО) показала острый дефицит жилья. Проверка проводилась в 1959 г. в поселках рудников: Огневка, Асу-Булак, Белая гора, Новостройка. Жилая площадь, занимая каждым человеком в квартирах и общежитиях не соответствовала санитарным нормам. Средняя норма жилой площади составляет 4,5 кв. метра, из которой приходится фактически на одного человека в строительном управлении 3,9 кв.м., в т.ч. в общежитиях 6 кв.м. и на 1 чел. В комбинате 5,1 кв.м, при средней минимальной санитарной норме 9 кв.м. на каждого человека[14]. Так, например в пос. Красный кордон в доме общей площадью 296,8 кв.м. проживает 21 семья, общей численностью 80 человек, средняя площадь жилья, занимаемая каждым человеком составляет 3,7 кв.м. Дом полностью заражен грибком и разрушается. "Семья рабочего стройуправления Гарлиман, состоящая из 4 человек, занимает комнату в 6 кв.м., семья каменщика Айсарова, состоящая из 6 человек, занимает жилую площадь 12 кв.м и небольшую кухню. Семья учительницы Веденевой С.Н. Асу-Булакской средней школы, состоящая из 4 чел. проживает в школьной сторожевой комнате, площадью 8 кв.м. Молодая учительница этой же школы (Зав. Уч. Частью) Иминова Т. совершенно не имеет квартиры и проживает в санузле, расположенном на 3 этаже школы. Красный кордон и Асу-Булак не обеспечены водой, нет водопровода и водозаборных колонок, колодцев недостаточно. Жители поселков Красный кордон и Огневка вынуждены брать воду из речек за 600-800 метров"[15]. Несмотря на отсутствие в общежитиях надлежащих жилищно-бытовых условий с жильцов взимается квартирная плата за койко-место 23 руб. 80 копеек.

Много нарушений при строительстве жилья выявлено было в Караганде, где катастрофически не хватало жилья для рабочих. В частности, комбинат "Карагандауголь" проводил неправильную практику жилищного строительства. При наличии большого задела жилой площади без особой надобности включаются в план строительства новые жилые дома. При этом, как новые, так и переходящие с прошлых лет жилые дома не обеспечиваются финансовыми вложениями для полного окончания строительства

в 1959 г. "Ряд числящихся в заделе жилых домов, достройка которых с каждым годом откладывалась, уже разрушаются. К примеру, взять 53-х квартирный дом завода им. Пархоменко. Строительство, начатое в 1957 г., с января 1958 г. было прекращено и до настоящего времени не возобновлялось. Котлован цокольного этажа с выполненными в нем фундаментами и стенами из крупных блоков, стоимостью около одного млн. руб., многократно затоплялся, что привело к разрушению конструкций и переделкам их со значительными дополнительными затратами государственных средств"[16]. Почти повсеместно на проверенных стройках наблюдалось низкое качество строительно-монтажных работ. Допускались грубейшие нарушения правил производства строительных работ и отступления от проектов. Неправильно выполненные конструкции и даже целые здания преждевременно разрушаются, чем наносят большой ущерб государству. "Например, в Восточном строительном управлении треста "Караганда-промжилстрой" в 98 квартале Нового города при строительстве 53-х квартирного дома допущены грубейшие нарушения правил производства работ, что повлекло за собой обрушение междуэтажных перекрытий всех 4-х этажей. Проверка показала, что сборные железобетонные прогоны под плитами перекрытий оказались с трещинами и были уложены с эксцентриситетом по отношению колонн, доходящим до 15 см. В 1958 г. разрушился перед самым окончанием строительства пятиэтажный жилой дом №7 в 11 квартале города Сарани"[17]. В Карагандинском угольном бассейне весьма высокая стоимость строительства жилых домов. Например, средняя стоимость одного квадратного метра жилой площади, построенной в 1958 г. Для шахт № 22,23 в Новом городе, для шахт №№ 121,122 в пос. Актас составляет: в кирпичных домах 1802 руб. и в каркасно-щитовых домах, облицованных с наружной стороны кирпичной кладкой – 1248 руб. В городе Сарани, поселках Чурубай-Нуре, Карабассе, Шахане и Придолинском, соответственно: 1781 и 1141 руб, при плановой стоимости 1130 руб.[18]

В тресте "Атасурудстрой" в сданных в эксплуатацию в 1959 г. 8-ми квартирных жилых домов №№ 18, 19, 20, 27, 28 (поселок Горняков) крыши протекают, в результате разрушаются штукатурка стен и потолков. Дверные коробки не закреплены и вываливаются. Межкомнатные перегородки при легком нажиме падают. Все дома, сданные в этом году, сданы с большими недоделками. Так, например, 12-ти квартирный дом № 8 в 11 квартале введен без воды, санузлы не смонтированы, перила лестничных маршей не закончены. В домах № 7 и 14 межкомнатные перегородки качаются. В этих домах нет воды и электроосвещения, канализация не работает. Низкое качество строительно-отделочных работ на жилых[19].

Приведённый архивный документ наглядно отражает системные проблемы жилищного строительства в Казахстане конца 1950-х гг., связанные как с качеством строительных работ, так и с практикой ввода объектов в эксплуатацию. Факты сдачи жилых домов с серьёзными конструктивными дефектами – протекающими крышами, неустойчивыми перегородками, незакреплёнными дверными коробками – свидетельствуют о низком уровне контроля за строительством и нарушении элементарных технических норм. Особое внимание привлекает ввод в эксплуатацию многоквартирных домов без базовой инженерной инфраструктуры: водоснабжения, канализации, электроосвещения и санитарно-технического оборудования. Это указывает на формальный характер выполнения плановых заданий, при котором приоритет отдавался количественным показателям (сдаче объектов), а не их качеству и пригодности для проживания.

Упоминание аналогичных нарушений в деятельности другого строительного треста

("Карагандапромжилстрой") позволяет говорить не о локальных сбоях, а о более широких, отраслевых проблемах строительного комплекса. Подобная практика была тесно связана с административно-командной системой управления, в рамках которой выполнение плана зачастую достигалось за счёт снижения требований к качеству.

Таким образом, анализ архивных документов позволяет сделать вывод о том, что жилищная политика рассматриваемого периода характеризовалась противоречием между масштабами строительства и качеством вводимого жилья. Формальное выполнение планов и слабый технический контроль приводили к тому, что новые жилые дома не обеспечивали базовых условий для проживания. В повседневной жизни это означало сохранение низкого уровня бытового комфорта, вынужденное проживание в аварийных или недостроенных помещениях и перекладывание части затрат по доведению жилья до пригодного состояния на самих жителей.

В более широком контексте подобные практики подрывали доверие населения к декларируемым целям социальной политики и демонстрировали ограниченные возможности государства по реализации модели "благоустроенного социалистического быта".

Важным социальным проектом в 60-е годы стало массовое жилищное строительство при Н. Хрущеве, целью которого было обеспечение минимально нормальными условиями городское население страны. Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР № 931 от 31.07.1957 "О развитии жилищного строительства в СССР" обязало разработать новые типовые проекты многоэтажных домов (5-6 этажей, без лифтов) с меньшими размерами жилых комнат и нежилых помещений. Такие дома стали называть "хрущёвками". Для Казахстана, в котором проходили процессы индустриализации, урбанизации, миграции, формирования новой социальной структуры, это была значимая инициатива. Республика испытывала острый дефицит жилья, связанный с индустриальным ростом Караганды, Темиртау, Усть-Каменогорска, Джезказгана. Массовое строительство "хрущевок" было рассчитано на быстрое обеспечение рабочих и служащих функциональным жильем. Получение отдельной квартиры означало не просто улучшение бытовых условий, но и качественный сдвиг в образе жизни. Однако распределение жилья по-прежнему зависело от места в производственной и административной иерархии. Рабочие крупных предприятий и специалисты, прибывавшие из других регионов СССР, зачастую получали квартиры быстрее, чем коренное городское население. В результате советская жилищная политика, провозглашая равенство, на практике закрепляла различия в получении "заветных" квадратных метров. Типовые микрорайоны с их унифицированной архитектурой формировали общее социальное пространство, стирая региональные различия и встраивая республику в общесоюзный проект. Массовое строительство типовых домов – "хрущевок" базировалось на принципах индустриального домостроения, стандартизации и максимального удешевления.

Ведомственная система благ как механизм неравного распределения.

Архивные материалы Министерства коммунального хозяйства, Строительного комитета при СНК КазССР и местных исполнительных комитетов показывают, что распределение жилья осуществлялось по принципу производственной и социальной востребованности: приоритет отдавался рабочим промышленных предприятий, инженерно-техническим кадрам, партийно-советскому активу[20].

Так, для руководителей Восточно-Казахстанской области и облисполкома в 1959 г. был построен 4-х квартирный жилой дом, в котором на каждую квартиру приходится

полезной площади 152,5 кв.м., в т.ч. жилой – 100 кв.м., кухня – 16,3 кв.м., ванна – 6 кв.м. погреб – 24 кв.м. "Полы вместо предусмотренных проектом обычных дощатых, сделаны паркетные. В кухне и ванне вместо масляных панелей, выполнены из глазури. Дорогостоящие люстры, лепные украшения"[21]. В этом же 1959 г. проверка жилищных условий рабочих и молодых специалистов треста "Актюбстрой" показала, что 640 человек проживают в общежитиях, которые давно не ремонтировались, в комнатах "заселились клопы, стены испачканы, дезинфекции долгое время не проводилось. В девяти общежитиях холодно, окна не отремонтированы"[22]. На Зыряновском Свинцово-цинковом комбинате в 1958 г. построено пять одноквартирных жилых дома для руководящих работников комбината, общей площадью 250 кв. м каждый дом. Стоимость этих домов составляла 1047 тыс. руб., т.е. более 4 тыс. руб. за один кв. метр жилой площади[23]. В то время как по государственному плану стоимость кв. метра должна быть в пределах 1330-1600 руб. В акте проверки треста "Кокчетавстрой" отмечено, что в общежитии проживает 16 семей рабочих, где имеется "лишь один кухонный очаг, что затрудняет приготовление пищи, перебои в водоснабжении по несколько дней, перебои со светом, места общественного пользования не содержатся в чистоте". Несмотря на отсутствие в общежитиях надлежащих жилищно-бытовых условий с жильцов взималась квартирная плата за койко-место в размере 23 руб. 80 коп.[24].

Все эти нарушения были выявлены в ходе проверки в 1958/1959 гг. Комиссией советского контроля Совета Министров Казахской ССР, которую возглавлял зам. председателя В. Чернявский. 24 сентября 1957 г. ЦК КП Казахстана и Совет Министров Каз. ССР принял постановление № 659 "О мерах по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. о развитии жилищного строительства". По результатам проверки было направлено письмо секретарю ЦК КП Казахстана Ф.К. Карибжанову "О фактах грубого нарушения постановления партии и правительства в части устранения излишеств в проектировании и строительстве в Восточно-Казахстанской области" от 24 ноября 1958 г.

Проверка показала резкий контраст между жилищными условиями руководящих работников и рядовых рабочих в ряде регионов Казахстана конца 1950-х годов. Мы видим несоответствие между декларируемыми принципами социалистического равенства и реальной практикой распределения ресурсов, в данном случае жилой площадью. В условиях индустриализации и освоения сырьевых ресурсов (Восточный Казахстан, Зыряновск, Актюбинск, Кокчетав) жилищный вопрос был одним из основных факторов социальной стабильности. Основными причинами текучести рабочих кадров были неудовлетворительные жилищно-бытовые условия.

Так, в управлении "Иртышгэсстрой" (начальник Инюшин, гл. инженер Елецкий) за 10 мес. принято на работу рабочих 2262 человека, а уволено за это время 1883 чел. или 83% к числу принятых. Из общего числа уволенных 243 человека оставили производство из-за отсутствия жилой площади. В тресте "Иртышуглестрой" Карагандинского совнархоза, за указанное время принято 2987 рабочих, а уволено 3234 человека или 112% к числу принятых. (25 декабря 1959 г.)[25].

С 1962 г. в крупных городах республики началось строительство жилья жилищно-строительными кооперативами (ЖСК) подрядным способом. Государство освобождалось от значительной доли затрат на строительство. На его развитие партийные и советские

органы обращали постоянное внимание. С 1962 г. кооперативам выдавались кредиты на строительство жилых домов в размере до 60 % от их стоимости на срок от 10 до 15 лет, что привело к росту ввода жилой площади кооперативами до 32-33 млн м^2 в восьмую и девятую пятилетки. Одновременно с этим, хотя в столицах союзных республик и было запрещено строительство индивидуальных домов, во всех остальных поселениях Советы Министров республик СССР обязывались не только содействовать индивидуальным застройщикам стройматериалами, но и финансировать проекты планировки и благоустройство районов индивидуального жилищного строительства. Люди платили вступительный взнос и ждали получения жилья 3-4 года. Затем еще 15 лет выплачивали оставшуюся сумму. Еще одним нововведением стала организация молодежных жилищных комплексов, которые возводились за счет заинтересованных предприятий трудом его работников, получавших зарплату на строительстве при сохранении рабочего места на предприятии. Чтобы снизить затраты, члены кооперативов сами работали на постройке (метод народной стройки) домов. (Дворецкий 1990: 31)

Так, летом 1964 г. при Чимкентском горисполкоме был организован общественный отдел по жилищно-кооперативному строительству. За два года в городе появилось 22 кооператива. К 1965 г. 319 семей переселились в кооперативные благоустроенные квартиры[26]. В Кустанайской области с 1964-1970 гг. жилищными кооперативами построено 18 домов общей площадью 35 861 кв.м. В Актюбинской области в течение 1966-1968 гг. кооперативом было введено в эксплуатацию 15 852 кв. м.[27] В целом по республике за годы восьмой пятилетки было построено 577 тыс. кв.м. кооперативного жилья. (Народное хозяйство Казахстана 1977:158).

Были утверждены следующие стандартные размеры квартир в массовом жилищном строительстве – 18-22 м^2 жилой площади для однокомнатной, 24–32 м^2 для двухкомнатной и 33-47 м^2 для трехкомнатных квартир, не считая кухни и других обслуживающих помещений (Кобалевский 1954: 50–52). В результате перехода к индустриальному методу сроки возведения четырех-пятиэтажных домов были сокращены до 3–6 месяцев, а восьми-девятиэтажных домов – примерно до одного года. (Николаев 1956: 48).

Казахский филиал Академии строительства и архитектуры СССР разрабатывая проекты квартир предложил: "Уже в 1960-1965 гг. за счет уменьшения средней площади комнат можно увеличить количество многокомнатных (3-4-х комнатных квартир) в сериях жилых домов. Так, в серии № 308 основным типом является двухкомнатная квартира, предоставляемая обычно семье в 4 человека. В период 1960-1965 гг. такой семье может быть предоставлена трехкомнатная квартира жилой площадью 30-33 кв. м., имеющая примерно такую же стоимость, как 2-х комнатная серии № 308". Казахский филиал Академии строительства и архитектуры СССР составил таблицу:

Размеры квартир для государственного жилищного строительства в Казахской ССР в 1960-1965 гг.
Apartment Sizes for State Housing Construction in the Kazakh SSR, 1960-1965.

Кол-во членов семьи	2	3	4	5	6 чел. и больше
Жилая площадь квартиры в кв.м.	15-17	23-25	30-34	38-42	45-51
Кол-во комнат в квартире	1	2	3	4	5

Таблица составлена на основе данных: "Народное хозяйство Казахстана" 1965. No.3, с.3-7.

Представленная статья из журнала "Народное хозяйство Казахстана" отражает характерные тенденции развития советской жилищной политики в 1960-е гг., связанные с переходом к массовому жилищному строительству и стандартизации планировочных решений. В центре внимания находится задача оптимизации жилого пространства за счёт уменьшения средней площади комнат при одновременном увеличении количества комнат в квартире.

Предлагаемый подход демонстрирует стремление проектировщиков и государственных органов обеспечить формальное улучшение жилищных условий – прежде всего через увеличение числа комнат, что рассматривалось как показатель повышения уровня комфорта и соответствия семьи "нормативной" модели проживания. Так, для семьи из четырёх человек предусматривалась возможность перехода от двухкомнатной квартиры к трёхкомнатной при сопоставимой стоимости, однако за счёт сокращения жилой площади отдельных помещений. Иногда, в 25-метровой "распашонке" (квартира, где одна из комнат проходная) жило 4-6 человек.

Таким образом, планировочные решения отражали компромисс между необходимостью массового обеспечения жильём и ограниченностью ресурсов. Приоритет отдавался количественным показателям (число квартир, комнат), тогда как качественные характеристики – простор, функциональность и комфорт – оставались вторичными.

В более широком контексте это позволяет рассматривать хрущёвскую жилищную реформу как пример "ускоренной модернизации", в которой количественные показатели (массовость, охват населения) доминировали над качественными характеристиками среды. Несмотря на очевидные ограничения, именно эта модель стала важным этапом в трансформации повседневной жизни советского общества, задав новые стандарты жилья и представления о бытовом комфорте.

В Казахской ССР доля государственного жилищного строительства достигла наивысшего среди всех республик показателя в 73 %, в то время как за счет населения было построено 20 % жилья, а жилкооперацией и колхозами – по 2,2-2,3 %.

В 1959-1965 гг. были введены в эксплуатацию водопроводы в Целинограде, Уральске, Кустанае, Кокчетаве, Чимкенте и др. городах. В республике к концу 1965 г. было гази-фицировано 490,2 тыс. квартир или более 2 млн. человек стали пользоваться газом. В числе городского обобществленного фонда имели водопровод 61% квартир, канализацию – 57%, центральное отопление – 63, газ – 27, горячую воду – 20% (Народное хозяйство Казахстана 1977: 160). В 1965 г. в городах республики в среднем на каждого человека стало приходится примерно 8,7 кв.м. общей или 6,2 кв.м. жилой площади (Народное хозяйство Казахстана 1977:159)

К 1976 г. в республике 87% всех квартир имели водопровод, 86 – канализацию и центральное отопление, 80 – ванные, 96 – газовое отопление.

За 1967-1976 гг. охват населения телевидением возрос с 44 до 75%, а сеть радиоточек увеличилась на 1,5 млн. абонентов. В 1976 г. население республики получило более 60 тыс. телефонов (Казахстанская правда, 1976. 28 января и 1977. 7 мая).

Доля благоустроенного городского жилищного фонда по союзным республикам и видам благоустройства на 01.01. 1960 (%)
Share of Improved Urban Housing Stock by Union Republics and Types of Amenities as of January 1, 1960 (%)

Республики	Водопровод	Канализация	Центральное отопление	Газ	Ванна/ душ
РСФСР	38	34	32	20	20
Украинская ССР	31	28	20	17	17
Белорусская ССР	24	21	18	3	13
Узбекская ССР	9	7	6	5	5
Казахская ССР	15	12	16	1	8
Грузинская ССР	34	31	12	3	11
Азербайдж.ССР	36	32	11	50	16
Литовская ССР	38	35	14	3	17
Молдавская ССР	22	18	11	23	11
Латвийская ССР	55	54	18	20	27
Киргизская ССР	13	7	6	2	5
Таджикская ССР	9	8	6	2	5
Армянская ССР	34	27	19	2	15
Туркменская ССР	11	10	7	10	8
Эстонская ССР	54	55	19	15	27

Таблица составлена на основе данных: Баканов С., Хлызов В. Всесоюзная перепись жилищного фонда СССР 1960 г.: организация и итоги. Новейшая история России. 2023. Т.13, no.3, с.491.

В общий комплекс понятия жилищной проблемы входит обеспеченность благоустроенной квартирой с водопроводом, канализацией, центральным отоплением, газом, электроосвещением; наличие ванны, телефона, радио. Партией была поставлена задача, чтобы не было различия между центром и окраиной населенного пункта, между городом и деревней.

Существовали и нормативы по оценке благоустройства. Например, оборудованной водопроводом считалась жилплощадь, если водопровод был проведен внутрь здания, вне зависимости от источника воды. В качестве источника мог служить и колодец, в случае если вода из него выкачивалась при помощи электромотора и подавалась по трубам. При этом если на улице рядом с жилым зданием находились водопроводная колонка или кран, для использования которых необходимо было выйти из жилого помещения, то такая жилая площадь отмечалась как "не оснащенная водопроводом". Схожий принцип был и с учетом наличия канализации: благоустроенными считались строения, внутри которых была установлена канализация. При этом наличие канализации в каждой квартире было необязательным. Для учета благоустройства центральным отоплением было необходимо наличие котла для подогрева воды, а также труб для проводки воды по комнатам. Оборудованная газом жилплощадь учитывалась лишь в том случае, когда в ней была установлена какая-либо газовая аппаратура: плита, колонка, водогрейный

котел или проведено газовое отопление. Оборудованной ванной или душем считалась вся жилая площадь квартир, в которых установлена ванна или душ, независимо от того, установлены они в отдельной комнате или в другом приспособленном для этой цели помещении в других строениях. Важно отметить, что жилая площадь не считалась оборудованной душем в том случае, если отсутствовало оборудование для подогрева воды и душем можно было пользоваться только в летнее время. Для учета жилой площади, как оборудованной электрическим освещением, как и в случае с другими видами благоустройств, было совсем не обязательно, чтобы освещение имелось на всей жилой площади: достаточно и того, чтобы подводка электросети была лишь в части комнат (Баканов, Хлызов 2023:482).

Если сравнить обеспеченность городского населения жильем среди союзных республик СССР в 1960-1980 гг., то лидерами были Эстонская и Латвийская СССР (превышение над общесоюзными показателями на 25 %). Также систематически более высокие значения площади жилья, приходящегося на одного городского жителя, демонстрировали Грузинская ССР (на 10 %) и Украинская ССР (на 8 %), а также Литовская ССР (на 5 %). На среднем по стране уровне находились РСФСР и Белорусская ССР, в то время как показатели Молдавской, Казахской и Армянской ССР были, соответственно, в среднем на 8 %, 10 % и 12 % ниже общесоюзных. Наиболее низкие значения были характерны для Азербайджанской ССР (на 16% ниже среднего по СССР уровня) и Туркменской ССР (на 17 %), Киргизской и Таджикской ССР (на 20 %), а также для Узбекской ССР (на 24 %) (Пилипенко 2022:37).

К концу существования СССР оформилось несколько групп республик по обеспеченности населения жилой площадью. На первом месте среди всех союзных республик находилась Эстонская ССР, где на одного жителя к 1990 г. приходилось 21,6 м2 жилья. В группу лидеров также входили Латвийская и Литовская ССР (19,8 и 19,0 м2 соответственно), Грузинская ССР (18,8 м2), Белорусская и Молдавская ССР (по 17,9 м2) и Украинская ССР (17,8 м2). Показатель РСФСР немного превышал общесоюзный уровень (16,4 и 16,0 м2 соответственно), в то время как показатели Армянской и Казахской ССР были на 7–11 % ниже среднего по СССР (15,0 м2 и 14,2 м2 соответственно). Замыкали список республики с высоким естественным приростом населения: Азербайджанская ССР (12,5 м2), Киргизская и Узбекская ССР (по 12,1 м2), Туркменская ССР (11,1 м2) и Таджикская ССР (9,3 м2) (Пилипенко 2022:38-39)

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что жилищная политика в Казахстане в 1920-1980-е гг. выступала не только важнейшим элементом социальной политики, но и одним из основных инструментов советской модернизации. Жилищная политика играла центральную роль в трансформации социальной структуры казахстанского общества. Через механизмы распределения жилплощади формировались новые социальные структуры, закреплялись элементы социальной дифференциации. Доступ к жилью зависел не только от экономических факторов, но и от положения в системе государственной и производственной иерархии, что делало жилищный фонд важным инструментом регулирования социальных отношений. Анализ жилищной политики показал её двойственность: с одной стороны, она способствовала улучшению материальных условий жизни и расширению доступа к городским формам быта; с другой –

выступала механизмом государственного контроля и интеграции населения в советскую систему социальных и идеологических отношений.

Acknowledgments
The authors of the article express their gratitude to the editorial team and the reviewers

Алғыс
Мақала авторлары редакция ұжымына және рецензенттерге алғысын білдіреді.

Благодарности
Авторы статьи выражают благодарность редакционной коллегии и рецензентам.

Примечания

1. Обзор Акмолинской области. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее ЦГА РК), ф.393, оп.1, д.129, л.343.
2. Доклад о состоянии жилищно-коммунального хозяйства по Казахстану ЦГА РК, ф.1211, оп.1, д.60, л.2.
3. Доклад о состоянии жилищно-коммунального хозяйства по Казахстану ЦГА РК, ф.1211, оп.1, д.60, л.3
4. Решения и постановления Совнаркома КАССР ЦГА РК, ф.30, оп.1, д.58, л.148.
5. Конъюнктурные сведения о численности персонала, рабочей силе, производительности труда. Доклад о состоянии жилищно-коммунального хозяйства по Казахстану. ЦГА РК, ф.1211, оп.1, д.60, л.65.
6. Отчет о работе и командировке врачей. ЦГА РК, ф.815, оп.1, д.16, л.26.
7. Основные показатели и контрольные цифры по жилищно-коммунальному хозяйству ЦГА РК, ф.908, оп.1, д.13, л.20.
8. Основные показатели и контрольные цифры по жилищно-коммунальному хозяйству ЦГА РК, ф.908, оп.1, д.13, л.22.
9. Доклад о состоянии жилищно-коммунального хозяйства по Казахстану ЦГА РК, ф. 30, оп.5, д.709, л.18-22.
10. Санитарное состояние крупнейших объектов республики. Промышленно-санитарный надзор Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф.р-9226, оп.1, д.524, л.19 об.
11. О бытовых условиях сезонных рабочих на нефтепромыслах ЦГА РК, ф.1213, оп.1, д.6, л.26.
12. О недостатках в руководстве школами ФЗО и ремесленными училищами Российский Государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ), ф.17, оп.135, д.82, л.69.
13. Распоряжения Совета Министров КазССР. ЦГА РК, ф.1559, оп.1, д.4, л.57.
14. Материалы проверки Восточно-Казахстанского совнархоза. ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.161, л.110, 113.
15. Материалы проверки состояния жилищных и культурно-бытовых условий трудящихся ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.16, л.113.
16. Материалы проверки хода выполнения плана строительства жилищных и культурно-бытовых объектов коммунального хозяйства. ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.174, л.7.
17. Материалы проверки хода выполнения плана строительства жилищных и культурно-бытовых объектов коммунального хозяйства ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.174, л.20.

18. Материалы проверки хода выполнения плана строительства жилищных и культурно-бытовых объектов коммунального хозяйства ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.174, л.213.
19. Материалы проверки выполнения плана жилищного строительства Восточно-Казахстанского, Карагандинского и Кустанайского совнархозов. ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.306, л.41.
20. Распоряжения Совета Министров КазССР. ЦГА РК, ф.1559, оп.1, д.4, л.57.
21. Материалы проверки жилищного строительства. ЦГА РК. ф.1677, оп.1, д.25, л.69-70.
22. Материалы проверки жилищного строительства. ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.25, л.69.
23. Материалы проверки жилищного строительства. ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.25, л.13.
24. Материалы проверки жилищного строительства. ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.25, л.70.
25. Материалы проверки состояния жилищных, культурно-бытовых условий трудящихся. ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.161, л.115. Материалы проверки жилищного строительства. ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.25, л.64.
26. Справки и отчеты о выполнении решений горисполкома. Архив Президента Республики Казахстан (далее АП РК), ф.708, оп.40, д.1358, л.138.
27. Информация о работе по улучшению строительства городов. АП РК, ф.708, оп.4, д.1533, л.90, 102.

Список литературы

Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939.* Ithaca-Londres: Cornell University Press. 2001. 496 p.

Абсадыков А. *От юрт до высотных зданий.* Алма-Ата: Казахстан. 1967. 54 с.

Баканов С., Хлызов В. Всесоюзная перепись жилищного фонда СССР 1960 г.: организация и итоги. *Новейшая история России*. 2023. Т.13, no.3, с.482-499.

Веселовский Б. *Коммунальное хозяйство в цифрах и диаграммах 1917-1927 гг.* Москва: НКВД РСФСР. 1928. 467 с.

Востров В., Кауанова Х. *Материальная культура казахского народа на современном этапе.* Алма-Ата: Наука. 1972. 236 с.

Города Казахстана в 20-30-х гг. XX века как социокультурный феномен: этно-демографическое и социально-культурное развитие: *Сборник архивных документов и материалов*. Алматы: Нұрлы Әлем. 2025. 400 с.

Города Центрального Казахстана в 1950-1960-е годы. Караганда. 2017. 224 с.

Дворецкий С. *Жилищная проблема в СССР и пути ее решения Москва:* Профиздат. 1990. 31 с.

Дмитриев Н. *Жилищный вопрос: два мира – два подхода.* Науч. ред. Ю. Вознесенский. Москва: Московский рабочий. 1973. 208 с.

История городской повседневности Центрального Казахстана в 1946-1991 годы (с сюжетами демографической и социальной истории): Сактаганова З., Абдрахманова К., Досова Б., Козина В., Елеуханова С., Карсыбаева Ж., Утебаева А. Караганда: "Гласир". 2017. 456 с.

Кауанова Х. *Образ жизни и быт рабочих семей:* (На материалах Казахстана). Алма-Ата: Наука. 1982. 166 с.

Кобалевский В. *Жилищное строительство в пятой пятилетке.* Москва: Госполитиздат. 1954. 80 с.

Лебина Н. *Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии.* 1920-1930 годы. Москва: Новое литературное обозрение. 2015. 488 с.

Меерович М. Жилищная политика СССР с 1917 по 1941 г. *КЛИО.* 2009. No.2, с.65-78.

Народное хозяйство Казахской ССР. *Статистический сборник.* Алма-Ата. 1957а.

Народное хозяйство Казахстана в 1976 г. *Статистический сборник.* Алма-Ата. 1977.

Народное хозяйство Казахской ССР: *Статистический сборник.* Стат. Управление КазССР. Алма-Ата. 1957b.

Народное хозяйство СССР в 1960 г.: *статистический ежегодник Москва:* Статистика, 1961.

Николаев А. *Жилищное строительство в шестой пятилетке.* Москва: Госполитиздат. 1956. 96 с.

Пилипенко И. Динамика жилищного строительства в республиках СССР в 1920-1980-е гг. *Историко-экономические исследования.* 2022. Т.23, no.1, с.7-43.

"Под знаменем Победы — к новым успехам". *Казахстанская правда*. 1977. 7 мая

Сайлаубай Е., Алимгазинов К. Формирование паспортной системы в Карагандинской области в 1930-е годы. *Gumilyov Journal of History.* 2025. Vol.152, no.3, pp.186-07. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-152-3-186-207.

"Связь и телевидение на службе народа". *Казахстанская правда*.1976. 28 января

Слезкин Ю. СССР как коммунальная квартира. *В: Американская русистика: Вехи историографии последних лет.* Советский период. Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самарский университет. 2001. 376 с.

Фицпатрик Ш. *Повседневный сталинизм.* Социальная история советской России в 30-е годы. Москва. 2001. 478 с.

Фуко М. *Нужно защищать общество.* СПб: Наука. 2005. 312 с.

Фуко М. *Интеллектуалы и власть.* Часть 1. Избранные политические статьи, выступления и интервью 1970+1988. Москва: "Праксис". 2002. 388 с.

Холл С. Вопрос культурной идентичности. *Художественный журнал.* 2010. No.77- 78. URL: http:/xz.gif.ru/numbers/77-78/hall/

References

Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939.* Ithaca-Londres: Cornell University Press. 2001. 496 p. (in English)

Absadykov A. *Ot iurt do vysotnykh zdanii.* Alma Ata: Kazakhstan.1967. 54 p. (in Russian)

Bakanov S., Khlyzov V. Vsesoiuznaia perepis zhilishchnogo fonda SSSR 1960 g.: organizatsiia i itogi. *The modern history of Russia*. 2023.Vol.13, no.3, p.482-499. (in Russian)

Veselovsky B. *Kommunalnoe khoziaistvo v tsifrakh i diagrammakh 1917-1927 gg.* Moscow: NKVD of the RSFSR. 1928. 467 p. (in Russian)

Vostrov V., Kauanova H. *Materialnaia kultura kazakhskogo naroda na sovremennom etape.* Alma Ata: Science. 1972. 236 p. (in Russian)

Goroda Kazakhstana v 20-30-kh gg. XX veka kak sotsiokulturnyi fenomen: etno-demograficheskoe i sotsialno-kulturnoe razvitie: Collection of archival documents and materials. Almaty: Nurly Alem. 2025. 400 p. (in Russian)

Goroda Tsentralnogo Kazakhstana v 1950-1960-e gody. Karaganda. 2017. 224 p. (in Russian)

Dvoretsky S. *Zhilishchnaia problema v SSSR i puti ee resheniia.* Moscow: Profizdat. 1990. 31 p. (in Russian)

Dmitriev N. *Zhilishchnyi vopros: dva mira – dva podkhoda*. Scientific editor Yu. Voznesensky. Moscow: Moskovsky rabochy. 1973. 208 p. (in Russian)

Istoriia gorodskoi povsednevnosti Tsentralnogo Kazakhstana v 1946-1991 gody (s siuzhetami demograficheskoi i sotsialnoi istorii): Saktaganova Z., Abdrakhmanova K., Dosova B., Kozina V., Eleukhanova S., Karsybayeva Zh., Utebayeva A. Karaganda: "Glazir". 2017. 456 p. (in Russian)

Kauanova H. *Obraz zhizni i byt rabochikh semei:* (Na materialakh Kazakhstana). Alma Ata: Science. 1982. 166 p. (in Russian)

Kobalevsky V. *Zhilishchnoe stroitelstvo v piatoi piatiletke.* Moscow: Gospolitizdat. 1954. 80 p. (in Russian)

Lebina N. *Povsednevnaia zhizn sovetskogo goroda: normy i anomalii.* 1920-1930 gody. Moscow: New Literary Review. 2015. 488 p. (in Russian)
Meerovich M. Zhilishchnaia politika SSSR s 1917 po 1941 g. *CLIO.* 2009. No.2. pp.65-78. (in Russian)
Narodnoe khoziaistvo Kazakhstana. *Statistical collection*. Alma Ata. 1957a. (in Russian)
Narodnoe khoziaistvo Kazakhstana v 1976 g. *Statistical collection.* Alma Ata. 1977. (in Russian)
Narodnoe khoziaistvo Kazakhskoi SSR. *Statistical collection*. Stat. Administration of the Kazakh SSR. Alma Ata. 1957b. (in Russian)
Narodnoe khoziaistvo SSSR v 1960 g.: *Statistical Yearbook.* Moscow: Statistics. 1961. (in Russian)
Nikolaev A. *Zhilishchnoe stroitelstvo v shestoi piatiletke.* Moscow: Gospolitizdat. 1956. 96 p. (in Russian)
Pilipenko I. Dinamika zhilishchnogo stroitelstva v respublikakh SSSR v 1920-1980-e gg. *Historical and economic research.* 2022. Vol.23, no.1, pp.7-43. (in Russian)
"Pod znamenem Pobedy – k novym uspekham" (peredovaia statia k 9 maia). *Kazakhstanskaya pravda.* 1977. May 7. (in Russian)
Sailaubay E., Alimgazinov K. Formirovanie pasportnoi sistemy v Karagandinskoi oblasti v 1930-e gody. *Gumilyov Journal of History*. 2025. Vol.152, no.3, pp.186-07, https:/doi.org/10.32523/3080-129X-2025-152-3-186-207 (in Russian)
"Sviaz i televidenie na sluzhbe naroda" (peredovaia statia). *Kazakhstanskaya pravda*. 1976. January 28th. (in Russian)
Slezkin Y. *S*SSR kak kommunalnaia kvartira. In: *American Russian studies: Milestones in the historiography of recent years.* The Soviet period. Comp. M. David-Fox. Samara: Samara University. 2001. 376 p. (in Russian)
Fitzpatrick S. *Povsednevnyi stalinizm. Sotsialnaia istoriia sovetskoi Rossii v 30-e gody.* Moscow. 2001. 478 p. (in Russian)
Fuko M. *Nuzhno zashchishchat obshchestvo*. St. Petersburg: Nauka Publ. 2005. 312 p. (in Russian)
Fuko M. *Intellektualy i vlast. Chast 1. Izbrannye politicheskie stati, vystupleniia i interviu 1970-1988.* Moscow: Praxis. 2002. 388 p. (in Russian)
Hall S. Vopros kulturnoi identichnosti. *Art magazine.* 2010. No.77- 78. URL: http:/xz.gif.ru/numbers/77-78/hall/ (in Russian)

Information about authors

Aizhan T. Kapayeva – Doctor of Historical Sciences, Professor, CH.CH. Valikhanov Institute of History and Ethnology of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Shevchenko 28, 050000 Almaty, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0002-1198-0185, kapaeva.59@mail.ru
Saltanat A. Asanova – Candidate of Historical Sciences. CH.CH. Valikhanov Institute of History and Ethnology of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Shevchenko 28, 050000 Almaty, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0002-7077-2298, saltasanova@gmail.com

Авторлар туралы мәлімет

Айжан Тоқанқызы Қапаева – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің, Шевченко 28, 050000, Алматы, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0002-1198-0185, kapaeva.59@mail.ru

Асанова Салтанат Әмірғалиқызы – тарих ғылымдарының кандидаты, Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің, Шевченко 28, 050000, Алматы, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0002-7077-2298, saltasanova@gmail.com

Сведения об авторах

Айжан Токановна Капаева – доктор исторических наук, профессор, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Шевченко 28, 050000, Алматы, Казахстан, https://orcid.org/0000-0002-1198-0185, kapaeva.59@mail.ru

Асанова Салтанат Амиргалиевна – кандидат исторических наук, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Шевченко 28, 050000, Алматы, Казахстан, https://orcid.org/0000-0002-7077-2298, saltasanova@gmail.com

Author Contributions

A. Kapayeva – development of the article's concept and methodological framework, collection and analysis of archival sources, writing of several sections. S. Assanova – collection of archival materials, writing and editing of sections of the article.

Авторлардың қосқан үлесі

А. Капаева – мақаланың тұжырымдамасын және әдіснамалық негізін әзірлеу, архивтік дереккөздерді жинау және талдау, жекелеген бөлімдерін жазу. С. Асанова – архивтік материалдарды жинау, мақаланың бөлімдерін жазу және редакциялау.

Вклад авторов

А. Капаева – разработка концепции статьи, методологической базы, сбор и анализ архивных источников, написание некоторых разделов. С. Асанова – сбор архивных материалов, написание и редактирование разделов статьи.,

Disclosure of conflict-of-interest information. The author claims no conflict of interest / ***Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.*** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді / ***Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 06.03.2026.
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 17.04.2026.
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.04.2026.

GUMILYOV JOURNAL OF HISTORY
ISSN: 3080-129X. eISSN: 3080-6860
DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Research Article
IRSTI 03.20

CC BY NC ND

https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-202-219

Woman in Camp Society: Problems of Sexual Exploitation and Interpersonal Relations (Based on the Materials of Karlag and Peschanlag)

Z. Saktaganova[a], **T. Allaniyazov**[b]
[a]*E.A. Buketov Karaganda National Research University, Karaganda, Kazakhstan*
[b]*O.A. Baikonurov Zhezkazgan University, Zhezkazgan, Kazakhstan*
[a]*zauresh63@mail.ru*

Abstract. This article examines one of the most complex and taboo aspects of camp everyday life – the position of women in Kazakhstani correctional labour camps in the 1930s-1950s, focusing on survival strategies via sexual relations. This issue is the least studied in Kazakh historiography. The research is based on previously unpublished documents from the State Archive of the Russian Federation, fund R-9414 – Main Directorate of Places of Imprisonment (sometimes unofficially referred to as the "GULAG archive"), as well as the testimonies of former prisoners, which allow us to reconstruct the practice of sexual relations within the camp society. The study addresses the political and moral state of the Karlag military guard, which was notably at a low level. The article provides facts about the cohabitation of guards with female prisoners. The report on the results of the operational and service activities of the paramilitary guards of the camps and colonies of the USSR Ministry of Internal Affairs for 1951 to the Deputy Minister of Internal Affairs of the USSR, Colonel General I.A. Serov, was discussed. Information concerning the negative aspects of the activities of the paramilitary guards (VOKhR) is presented. The article assesses the condition of discipline within the 2nd Industrial and Karadzhar divisions and Espinsky, Prostornensky, and SKhOS (Agricultural Experimental Station) independent platoons based on the report on the operational performance of the paramilitary security units of the Karlag under the Ministry of Justice of the USSR. Primary focus is on the under-researched and ethically complex phenomenon of "sex behind barbed wire" as a survival strategy and a mechanism for physical adaptation. According to the meticulously documented case (April 1952) on cohabitation between prisoners and the officers, guards, and civilian employees of the 4th camp division of the Special Peschany Camp (MVD USSR), the authors analyse both forced and consensual forms of sexual contact. The study provides facts, detailing the circumstances. while also examining the camp administration's policies regarding the professional misconduct of officers, VOKhR sergeants, and overseers. The obtained data indicate that sexual relations under conditions of camp confinement should be considered along a continuum – from direct coercion to forced adaptive forms of behavior determined by the asymmetry of power between guards and prisoners. This study is based on archival documents and testimonies of former female inmates, enabling a reconstruction of the gender hierarchy within the camp's social structure.
Keywords: Gulag; Karlag; gender history; everyday life of prisoners; survival strategies; sexual exploitation

For citation: Saktaganova Z., Allaniyazov T. Woman in Camp Society: Problems of Sexual Exploitation and Interpersonal Relations (Based on the Materials of Karlag and Peschanlag). *Gumilyov Journal of History.* 2026. Vol.155, no.2, pp.202-219. *https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-202-219*

© Z. Saktaganova, T. Allaniyazov, 2026

Funding. The article was prepared as part of the IRN research project AP26104679 “Women of Kazakhstani Gulag camp inmates: survival strategies, camp everyday life” with grant funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

Лагерлік социумдағы әйел: жыныстық тұрғыда пайдалану мен тұлғааралық қатынас мәселелері (Карлаг пен Песчанлаг материалдары негізінде)

З. Сактаганова[a], Т. Алланиязов[b]

[a]Е.А. Бөкетов ат. Қарағанды Ұлттық зерттеу университеті, Қарағанды, Қазақстан

[b]О.А. Байқоңыров атындағы Жезқазған университеті, Жезқазған, Қазақстан

Аңдатпа. Мақалада 1930-1950 жылдардағы Қазақстан аумағындағы еңбекпен түзету лагерьлеріндегі әйелдердің жағдайы лагерлік күнделікті өмірдің ең күрделі әрі жабық тақырыптарының бірі ретінде қарастырылады. Зерттеуде әйелдердің тіршілік үшін жыныстық қатынастарға бару құбылысы олардың өмір сүру стратегиялары тұрғысынан талданады. Аталған мәселе Қазақстан тарихнамасында әлі де жеткілікті деңгейде зерделенбеген бағыттардың қатарына жатады. Зерттеудің деректік негізін бұрын ғылыми айналымға енгізілмеген құжаттар құрайды. Атап айтқанда, Ресей Федерациясының Мемлекеттік архивіндегі Р-9414 қоры – Бас бостандығынан айыру орындары басқармасына тиесілі материалдар (кейбір жағдайда бейресми түрде "ГУЛАГ архиві" деп атайды), сондай-ақ бұрынғы әйел тұтқындардың естеліктері пайдаланылды. Осы деректер кешені лагерлік социум шеңберіндегі жыныстық қатынастар тәжірибесін қалпына келтіруге мүмкіндік береді. Карлагтың әскерилендірілген күзет қызметі жеке құрамының саяси-моральдық жай-күйін қарастыра отырып, оның төмен деңгейде болғаны көрсетіледі. Атқыштардың әйел тұтқындармен бірге тұру фактілері келтіріледі. КСРО ІІМ-нің лагерлері мен колонияларындағы әскерилендірілген күзеттің жедел-әрекет ету қызметінің қорытындылары туралы 1951 жылғы КСРО ІІМ министрінің орынбасары, генерал-полковник И.А. Серовқа жолданған баяндаманың мазмұны сипатталады. Сонымен қатар, әскерилендірілген күзет (ВОХР) қызметіндегі жағымсыз құбылыстар мен тәртіп бұзушылықтарға қатысты мәліметтер жүйеленеді. КСРО Әділет министрлігіне қарасты Карлаг бөлімшелерінің әскерилендірілген күзет құрылымдарының қызметтік жағдайы туралы анықтама негізінде 2-Өнеркәсіптік және Қаражар дивизиондарындағы, сондай-ақ Эспин, Просторный және СХОС бөлімшелерінің жекелеген взводтарындағы тәртіп ахуалына кешенді баға беріледі. Мақалада аз зерделенген әрі этикалық тұрғыдан күрделі мәселе – "тікенекті сымның ар жағындағы жыныстық қатынас" құбылысы бейімделу тетігі және физикалық тұрғыдан аман қалудың құралы ретінде қарастырылады. 1952 жылғы сәуір айында КСРО ІІМ-нің Ерекше Песчаный лагерьінің 4-лагерьлік бөлімшесінде офицерлік құрам, қадағалаушылар және еркін жалдамалы қызметкерлер мен тұтқындар арасындағы бірге тұру дерегі егжей-тегжейлі құжатталған материалдар негізінде талданады. Авторлар жыныстық қатынастардың мәжбүрлі және ерікті түрлерін саралап, нақты фактілер мен жағдайларды, кінәлілер мен жәбірленушілердің тегі, әскери атағы мен қызметтік лауазымдарын көрсетеді. Сонымен қатар, лагерь әкімшілігінің офицерлердің, ВОХР сержанттарының және қадағалаушылардың жарғыға сәйкес келмейтін мінез-құлқына қатысты ұстанған саясаты қарастырылады. Алынған мәліметтер тікелей мәжбүрлеуден бастап күзет пен тұтқындар арасындағы билік асимметриясымен айқындалатын мәжбүрлі-бейімделуші мінез-құлық формаларына дейін лагерьлік қамау жағдайындағы жыныстық қатынастарды бірізділік тұрғысынан қарастыру қажеттігін көрсетеді. Бұл зерттеу архивтік құжаттар мен бұрынғы әйел тұтқындардың естеліктеріне негізделіп, лагерьлік социум ішіндегі гендерлік иерархияны

реконструкциялауға мүмкіндік береді. Аталған зерттеу архивтік құжаттар мен бұрынғы әйел тұтқындардың куәліктеріне негізделіп, лагерьлік социум ішіндегі гендерлік иерархияны қайта құруға мүмкіндік береді.
Түйін сөздер: ГУЛАГ; Карлаг; гендерлік тарих; тұтқындардың күнделікті өмірі; өмір сүру стратегиялары; жыныстық тұрғыда пайдалану

Сілтеме жасау үшін: Сактаганова З.Г., Алланиязов Т.К. Лагерлік социумдағы әйел: жыныстық тұрғыда пайдалану мен тұлғааралық қатынас мәселелері (Карлаг пен Песчанлаг материалдары негізінде). *Gumilyov Journal of History.* 2026. Т.155, no.2, pp. 202-219. *https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-202-219*

Қаржыландыру: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым жән жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің гранттық қаржыландыру жобасы AP26104679 "Қазақстандық ГУЛАГ лагерлеріндегі әйелдер: өмір сүру стратегиялары, лагерьдегі күнделікті өмір" аясында дайындалған.

Женщина в лагерном социуме: проблемы сексуальной эксплуатации и межличностных отношений (на материалах Карлага и Песчанлага)

З. Сактаганова[a], Т. Алланиязов[b]

[a]Карагандинский национальный исследовательский университет им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан

[b]Жезказганский университет имени О.А. Байконурова, Жезказган, Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается одна из самых сложных и табуированных сторон лагерной повседневности – положение женщин в исправительно-трудовых лагерях Казахстана в 1930-1950-е гг. сквозь призму выживания через сексуальные отношения. Рассматриваемая в статье проблема является наименее изученной в казахстанской историографии. Источниковую основу исследования составили ранее неопубликованные документы из Государственного архива Российской Федерации, фонд Р-9414 – Главное управление мест заключения (неофициально называют "архивом ГУЛАГа"), а также свидетельства бывших узниц, что позволяет реконструировать практику сексуальных отношений внутри лагерного социума. Рассматривается политико-моральное состояние личного состава военизированной охраны Карлага, которое находилось на низком уровне. В исследовании приводятся факты сожительства стрелков с заключенными женщинами. Охарактеризовано содержание доклада об итогах оперативно-служебной деятельности военизированной охраны лагерей и колоний МВД СССР за 1951 г. заместителю министра МВД СССР генерал-полковнику И.А. Серову. Представлены сведения, касающиеся негативных фактов деятельности военизированной охраны (ВОХР). На основе справки о состоянии служебной деятельности подразделений военизированной охраны Карлага МЮ СССР дана оценка состояния дисциплины во 2-м Промышленном и Караджарском дивизионах, отдельных взводах Эспинского, Просторненского и СХОС отделений. Основное внимание уделяется малоизученному и этически сложному вопросу – "сексу за колючей проволокой" как инструменту адаптации и средству физического сохранения жизни. На основе детально задокументированного в апреле 1952 г. факта сожительства офицерского, надзирательского и вольнонаёмного состава 4-го лагерного отделения особого Песчаного лагеря МВД СССР с заключёнными авторы анализируют принудительные и добровольные формы сексуальных контактов, приводят конкретные факты и обстоятельства, фамилии, звания и должности виновников и пострадавших, а также политику лагерной администрации в отношении неуставного поведения офицеров, сержантов ВОХР и надзирателей. Полученные

данные свидетельствуют о том, что сексуальные отношения в условиях лагерного заключения следует рассматривать в последовательной степени – от прямого принуждения к вынужденно-адаптивным формам поведения, детерминированным асимметрией власти между охраной и заключёнными. Данное исследование базируется на архивных документах и свидетельствах бывших узниц, позволяя реконструировать гендерную иерархию внутри лагерного социума, восполняя существенный пробел в изучении гендерного измерения советской лагерной системы.
Ключевые слова: ГУЛАГ; Карлаг; гендерная история; повседневность заключенных; стратегии выживания; сексуальная эксплуатация

Introduction

In the GULAG labor camps, it is well established that one contingent – the inmates of all ages and both genders – carried out the labor, while another – military personnel and overseers – provided security. A third contingent must also be added – the civilian employees, who included medical staff, economists, accountants, and other personnel who serviced the operational needs of the camp economy. The presence of both men and women among all three groups led to the emergence of "romantic" relationships between them and, as a result, forced and consensual sexual relations, which often led to pregnancy and childbirth. Sexual relations in the Gulag camps, as already noted, ranged from consensual to violent. Love and intimacy were not uncommon even in the camp barracks, although violence against women was much more prevalent. Oral testimonies included accounts of harassment and violence by guards and prisoners, but in general, the topic was often simply hushed up. Information regarding sexual violence is almost entirely undocumented; such instances are virtually non-existent within archival sources (or, at the very least, have not been encountered in our research). Intimate relationships could serve as a survival strategy (finding patrons, obtaining better food or protection, etc.), but they always came at a moral and psychological cost.

The purpose of this article is to raise the issue of sexual violence against female prisoners that took place in correctional labour camps. This issue is rarely mentioned and is not in favour, even in research literature on the camps.

Materials and methods

The article is based on previously unpublished documents from the State Archives of the Russian Federation – Fund R-9414 – Main Directorate for Places of Imprisonment (sometimes unofficially referred to as the "GULAG archives"). Among the many reporting documents, there are a few administrative materials about cohabitation or sexual violence by paramilitary guards (officers, sergeants, convoy guards), civilian workers, and male prisoners against female prisoners. Materials relating to the Karaganda and Peschany correctional labour camps are found in inspection reports (notes, information sheets, etc.); in the correspondence between the Gulag and the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, the Council of Ministers of the USSR, the USSR Ministry of Internal Affairs leadership, and other agencies concerning labour camp operations, and in special reports from operational and security departments about incidents in NKVD camps and colonies. The article also includes excerpts from memoirs by female prisoners from the Sakharov Center's archives.

The methodological basis of the study consists of the principles of historicism, objectivity, and a systematic approach. General scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction,

etc.) and historical methods (chronological, problem-based, interpretative, and comparative methods) were applied. The comprehensive application of these methods together made it possible to conduct a comparative analysis of sources and form a clear understanding of the nature of sexual life in the camps.

In this regard, the authors have tried to develop an ethically sound methodology for studying traumatic experiences. Such a methodology requires a combination of historical objectivity and a trauma-informed approach. Future researchers must work not only with facts, but with the "voices" of victims that have been filtered through shame, censorship, and decades of silence.

The key principles of this methodology are outlined below:

– The principle of subjectivity. In archival documents, women are portrayed as "objects of decomposition" or just "records". The methodology should give her a voice. It is necessary to show the gap between how the administration "saw" the system and how the woman "experienced" it. We are not studying "cohabitation," but rather the experience of living with violence.

– Deconstruction of "consent" under conditions of total dependence. The methodology is based on the postulate that in a closed system with an absolute imbalance of power, free consent does not exist. Analyzing "situational coercion," the researcher must assess the context of the choice. If the alternative to sex was death or injury during forced labor, any "consent" is methodologically classified as a form of coercion.

– An ethical interpretation of silence and euphemisms. The methodology must take into account that "figures of omission" in memoirs are indicators of extreme trauma. A researcher has no right to accuse a memoirist of being insincere if she omits certain details. On the contrary, the methodology should interpret the gaps in the text as evidence of the depth of the humiliation suffered.

– A rejection of moralizing and victim-blaming. Scientific analysis must exclude value judgments such as "she agreed for personal gain". Sexual contact is viewed as a necessary strategy for survival (whether biological or psychological).

– The researcher's self-reflection. The methodology involves understanding the author's own perspective. Researching sexual violence in camps involves working with "toxic" material.

Thus, the proposed methodology is based on reconstructing traumatic experiences through the lens of gender sociology and microhistory. What is important here is to move away from the legal formalism of camp reports in favour of analysing the "grey area" of choice, where sexuality serves as the final frontier in the struggle for survival. This approach allows us to view "voluntary-coercive sex" not as an isolated incident, but as a form of systemic dehumanization that requires a sensitive analytical framework.

Literature review

Although this issue has not been considerably examined, it is reflected in various scientific studies and memoirs. Sex and sexual violence in Soviet labour camps have rarely been the subject of specific research. However, they have been indirectly addressed by foreign scholars in the context of studying female prisoners and their survival strategies in the camps, as well as camp life based on the women's memoirs. They have been studied by M. Stark (Stark 2003), Wilson T. Bell (Bell Wilson 2010), K. Frierson (Frierson 2015), E. MacKinnon (MacKinnon 2019), and Gregory P.R. (Gregory 2013). In the 2020s, works by O. Kis and L. Wolanskyj (Kis 2020) and E. Applebaum (Applebaum 2023) on the lives of women in the Gulag. V. Shapovalova raises the issue of violence in women's camp memoirs in a collective monograph (Domestic 2012). At the

same time, a certain emphasis in research and memoirs is placed on identifying strategies for survival, when the female contingent of the camps was forced to enter "romantic" relationships with guards in order to maintain basic material and economic conditions for a tolerable life in prison.

In foreign scholars' research, we often encounter materials about sexual violence/sexual contact in relation to female prisoners. After all, guards and prisoners were not completely separated, nor were male and female prisoners. Many of the guards cohabited with female prisoners (Applebaum 2023: 270). For example, the GARF (State Archive of the Russian Federation) has a list of Belomorkanal administration officials who were expelled from the Party: one of the reasons for their expulsion was cohabitation with female prisoners (Applebaum 2023: 610). Local camp commanders, officers, and enlisted personnel of the VOKhR (militarised guards), and civilian workers (often former prisoners) had low social status (minimal education, extremely low intelligence, etc.). Therefore, some of them often behaved inhumanely towards prisoners (but not all).

Sex, like everything else in camp life, was often public; the nature of sexual relations, whether consenting or coercive, homosexual or heterosexual, was influenced by the harsh camp environment (Applebaum 2023: 323). In the chapter "Women and Children" by American researcher A. Applebaum, women's stories of sexual violence against women and girls by prisoners (usually criminals) as objects of their lust are presented. There are stories of "camp love". Love, sex, sexual violence, and prostitution were part of camp life (Applebaum 2023: 317-341). A. Solzhenitsyn writes: "Everything was done with natural ease... Only obvious old age or obvious ugliness protected a woman – and nothing more" (Solzhenitsyn 1991: 150).

Researcher O. Kis, examining the GULAG experiences of Ukrainian women through their memoirs, contends that the themes of the female body and sexuality are among the most heavily taboo subjects within their personal narratives (often not only Ukrainian–authored).). "Although nearly every female prisoner in a camp was at risk of being raped, there is not a single mention in the available memoirs of Ukrainian women that something like that might have happened to them: the memoirists limit their descriptions to incidents that they witnessed or to unsuccessful attempts to violate their bodies. It is safe to assume that quite a few Ukrainian women were, in fact, raped or subjected to sexualized violence and abuse, but this area remains a gap in their recollections of the Gulag - either because such incidents were simply repressed in their memories or because they deliberately suppressed them due to the traumatic nature of the experience" (Kis 2020: 88).

Results

Prior to our research, let us examine the semantics of such key concepts and terms as "cohabitation," "intimate relationships," "relationships," and "voluntary-coercive sex". Due to the specific nature of the camp context, it is necessary to distinguish between these concepts, since the semantic confusion in the sources (especially in NKVD orders) was often intentional – it served to conceal a criminal offense under the guise of a moral transgression. In the context of the Gulag, the euphemism "sexual cohabitation" was used to refer to any sexual relationship between a staff member and a female prisoner. This term strips the act of its physiological and volitional connotations. In official documents, it was used to record instances of "violations of the regime" without specifying the degree of coercion, and served as a tool for bureaucrats to cover up actual violence.

"Intimate relationships" referred to the presence of interpersonal attachment and emotional involvement. They implied a relative symmetry of feelings between two prisoners (to the extent possible in a camp). In memoirs, this is often described as "camp love" or "camp marriage". Such instances of voluntary attachment between two prisoners should be distinguished from "vertical" coercion by the guards.

"Illegal connections" is a technical term referring to a breach of the boundary between "the authorities" and "the enemy". The emphasis here is not on sex, but on the exchange of resources. "Connection" implies corruption: sex in exchange for passing notes, for food, or for easing the regime's restrictions. In the camp's "exchange economy", sexuality served as currency in a transaction.

The term "voluntary-coercive sex" in the context of women's camp experiences (particularly within the Gulag system) describes a situation in which physical violence is replaced by socioeconomic pressure. From a legal standpoint, this is rape, but in the subjective experience of survival, it is a "deal" made under conditions of no choice. The element of "free will" here is illusory and constrained by a strategy of survival. A captive woman may technically say "no," but the price of that refusal is death, exhaustion, or unbearable conditions. In this case, free will manifests itself as a conscious choice between two evils – the woman "agrees" to the relationship in order to save herself or her children (if they are in the camp), to obtain medicine, or to be transferred to lighter work ("menial" jobs). Coercion, however, stems from the administration's absolute power (or that of privileged inmates –"blatnye"). It does not always take the form of a direct order, but rather involves creating conditions in which life without a patron is impossible.

The pressure exerted on the woman was not the result of a single act of aggression, but rather a systematic process of pushing her to the breaking point. The methods used to exert this pressure were as follows:

– Food blackmail: food in the camp was the primary tool of control; extra rations or access to the kitchen in exchange for sexual favors turned sex into a biological necessity.

– "Privileges" granted by the camp administration: the promise of a transfer from general hard labor (logging, quarries) to the infirmary, the office, or the sewing workshop. Mortality rates were extremely high during general labor, so such a "deal" was literally a matter of life and death.

– The threat of "transfer": Women were intimidated by the prospect of being sent to harsher camps or separated from their loved ones if they refused to show "loyalty" to a supervisor or guard.

– Gender hierarchy: In the camp, women found themselves in a position of double subjugation – both to the camp authorities and to criminal leaders. The administration often deliberately handed women over to be "torn apart" by the barracks of repeat offenders in order to break their will and force them to seek protection from a specific officer (the institution of "camp husbands").

Theoretically, this phenomenon is classified as "compulsion by circumstances". There is no consent here, as there is an insurmountable power imbalance between the parties. In this context, sex is not an act of passion or exchange, but rather a form of currency that the camp system extracts from the human body when there is nothing else left to give. Ultimately, the overall atmosphere of camp life, such as hunger, grueling labor, and the guards' arbitrary abuse of power, directly created the conditions for sexual violence.

To contextualize "voluntary-compulsory sex" within the broader system of the Gulag, it must be viewed not as a random social vice but as a logical extension of the state's policy of dehumanization.

Within the Gulag system, this phenomenon was embedded in three fundamental contexts.

1. Functional context: sex as an element of the "camp economy". In a system where everything from rations to life itself is distributed centrally, sexuality has become an informal currency. Two aspects are evident here. The first reason is pragmatic. Since the Gulag was a production machine, the administration used sex as a means of providing unscheduled incentives to loyal staff (the VOKHR) and useful prisoners ("fools"). The second factor is a shortage of resources. In conditions of a total shortage of calories and heat, the female body became the last convertible resource. Thus, "voluntary-compulsory sex" is an extreme form of exploitation of the surplus value of the human body, in which not only labor but also physiological resources are extracted from it.

2. Political and legal context: the abolition of legal status. The Gulag created a space of "exception" where all-Union laws (protecting honor and dignity) did not apply. Two points stand out here. The first is civil death. Since most women (especially those charged under Article 58) were classified as "enemies of the people", their physical safety was not protected by the state. The second is legitimization through "re-education". The idea that "socially dangerous elements" were subject to rigorous re-education provided security forces with a moral justification for violence as a means of "subduing" or "subjugating" the enemy. On the scale of the Gulag, this turned sexual abuse into a tool for the complete breaking of political will.

3. Institutional Context: Systemic Latency and Collective Responsibility. The Gulag is a closed corporation with its own specific code of ethics centered on "the honor of the uniform". There was a hierarchy of secrecy: as investigations in Karlag and Peschanlag have shown, the Gulag's top leadership was aware of the scale of the problem but only took action when it interfered with production (epidemics, mass pregnancies). Furthermore, there was a utilitarian approach to morality: the system allowed violence as long as it contributed to "stability" within the camp. In this context, this means that the Gulag deliberately sacrificed women's sexual integrity in order to maintain an informal hierarchy and the loyalty of lower-level enforcers (guards).

Thus, within the context of the entire Gulag system, "voluntary-compulsory sex" was a symptom of "systemic cannibalism." By stripping individuals of their rights, the state created a vacuum that was filled by the most primitive forms of domination. This was not a "personal weakness" on the part of individual guards, but a structural necessity of a system that depended on the complete powerlessness of one group and the total lack of oversight over another. Contextualization leads to the conclusion that sexual exploitation in the Gulag was not a "shadow" of the system, but an integral part of it, as standardized and functional as logging or gold mining.

A comprehensive examination of the subject under study requires consideration of such important aspects as: a) the role of the camp hierarchy: how a prisoner's status (political, criminal, "blatnaya") influenced her vulnerability; b) gender stereotypes of the time: how notions of "a woman's fate", morality, and sexuality legitimized violence or forced victims to remain silent; c) the issue of interethnic relations, particularly relevant to Karlag and other camps where women of different nationalities were held.

A deep theoretical understanding of these aspects requires their integration into the social context of the 1930s–1950s. This yields the following picture.

1. Hierarchy of vulnerability: status and risk. A woman's status in the camp's "rankings" determined not only the extent of her physical labor but also her "market value" within the system of sexual exploitation. "Political" prisoners (Article 58): the most vulnerable category. Deprived of their civil rights and subjected to ideological stigmatization ("enemies of the

people"), they were "fair game". Sex often became their only way to secure indoor work (in a library or accounting office), which memoirists (such as E. Ginzburg) refer to as "a deal with the devil". Women who committed petty crimes and those who committed serious ones demonstrated greater adaptability. In their subculture, having a connection with a "blatar" or a prison guard could be seen as a status achievement. The criminal world often used its women as "currency" to bribe guards. CHSIR (Family Members of Traitors to the Motherland): a group category (e.g., in ALZHIR) where women were consolidated. Their vulnerability was collective: the administration used the threat of separation from their children as the primary means of coercing loyalty, including sexual loyalty.

2. Gender stereotypes and the legitimization of violence. The Soviet discourse of that time combined slogans about "emancipation" with a harsh patriarchal undertone and the doctrine of "re-education". The following aspects are clearly evident here. First: the concept of the "fallen woman". The criminal environment and security personnel perpetuated a stereotype: a woman in the camp was already "tainted." This removed moral barriers to violence: "She's public property here anyway." Second: silence as a strategy. The stereotype of "female shame" and "honor" forced educated women to conceal the facts of coercion. Admitting to a relationship meant social death within the circle of "her own kind" (fellow intellectual prisoners), who were often merciless in their judgments. The third: the biological framing of guilt. The administration used the stereotype of female "seductiveness" to justify the guards' actions. In official reports, the violence was often described as "the woman provoked the officer," which placed the blame on the victim for "corrupting" the guard.

3. The Interethnic dimension (using Karlag as an example). Karlag served as a melting pot for deportations, which created specific points of tension, among which the following stand out.

A) "National contingents": Women from traditional societies (German women from the Povolzhie region, Chechen women, Ingush women, and women from the Baltic states) faced a double burden. For them, sexual contact with a representative of the "authorities" or another ethnic group often meant a permanent break with their own community and the impossibility of returning to it after their term of service.

B) The language barrier as a factor in coercion: The administration exploited the fact that foreign women or special resettlers did not speak Russian to falsify documents or mislead them regarding their rights, which facilitated coercion into cohabitation.

C) Ethnic solidarity: In some cases (for example, among Latvian or Ukrainian groups), ethnic cohesion served as a protective mechanism: collective resistance or the protection of "one's own" reduced the risk of individual violence.

Thus, interethnic hierarchies in the camp overlapped with gender and status hierarchies. A woman's vulnerability in Karlag was cumulative: a political charge + belonging to a deported ethnic group + gender-based prejudices created a situation where her body became "no man's land," over which the administration exercised absolute power.

We did not find any materials about cohabitation or sexual relations with female prisoners, or about sexual violence towards them, in the archival documents of the 1930s. However, this does not mean such facts did not exist; it is likely that they were deliberately concealed. In documents from the 1940s and 1950s, such facts are rarely mentioned, though they are nevertheless recorded. In particular, in a special report to the NKVD USSR Gulag administration from the deputy head of the operational department of the Karaganda camp, State Security Captain Kogenman, on 22 October 1941, contained that "the political and moral state of the personnel of the Karaganda military guard was at a low level. Discipline among the staff was

undermined. There were situations with duty drunk riflemen, as well as cases of their cohabiting with female prisoners". Thus, it was noted: "The riflemen of the Sareptsky platoon, K-v, O-v, Z-v, D-v, and G-sh, systematically cohabited with female prisoners. The commander of the unit, Sh-ku, was aware of this, but no measures were taken.

In the 4th platoon, riflemen R-v, G-k, and G-v cohabited with female prisoners. Rifleman N-v from this platoon cohabited with prisoners T-na, A-va, K-va, and V-va. When this became known in the platoon, N-v committed suicide.

Sh-n, a rifleman in the Burminsky platoon, cohabited with one of the prisoners and provided her with financial assistance. This prisoner passed letters to rifleman Sh-n through the platoon commander's assistant E-nko"[1].

The fact that N-v committed suicide after the circumstances came to light indicates that the guard feared the consequences of cohabitation (understanding that these actions would result in fairly severe punishment, and since several female prisoners were involved, it can be assumed that this was a case of sexual coercion); so it is unlikely that feelings of remorse led to such a sad end to the life of the rifleman N-v.

In the report on the results of the operational and service activities of the paramilitary guards of the camps and colonies of the USSR Ministry of Internal Affairs for 1951 (l. 54), information concerning negative aspects of the activities of the paramilitary guards (VOKhR) was sent to the Deputy Minister of Internal Affairs of the USSR, Colonel General I.A. Serov[2]. Such information about "immoral phenomena" is often found in reports and records, but the nature of these "relationships" is not always specified. According to the report, "officers do not yet demand enough from their subordinates in terms of compliance with the regulations. As a result, the number of immoral acts and gross disciplinary offences, such as violations of Soviet law – unauthorised absences, sleeping on duty, abandonment of post, fraternization with prisoners, and theft of socialist property – is decreasing very slowly"[2]. In the first half of 1951, security personnel committed 410 violations of service regulations, including 13 cases of communication with prisoners.[3] Subsequently, upon examination of such materials, it becomes clear that sexual relations are also involved.

Five brigades were created whose responsibilities included checking the state of the regime, eliminating identified shortcomings, working with personnel, investigating cases of relationships between civil workers and prisoners, and taking "active measures to combat this evil"[4].

A report on the performance of the Karlag military security units of the Ministry of Justice of the USSR noted that "the following units are considered to be in poor disciplinary condition: the 2nd Industrial Division, the Karadzhar Division, and certain platoons of the Espinsky, Prostornensky, and SKhOS divisions. In the aforementioned units, the proportion of personnel who committed military offenses and service violations ranged from 7% to 30% of the total headcount. In the Prostornensky camp division B-v, who was convicted under Article 58-10, Part II of the Criminal Code, sentenced to ten years and then employed as the head of the food supply depot, systematically violates camp regulations, engages in heavy drinking, cohabitates with women, and embezzles food supplies, among other infractions"[5].

Among the criminal acts and violations of camp regulations in 1953, there were 569 cases of cohabitation with female prisoners in 19 divisions of Karlag as of 29th October 1953.5 We assume these represent officially identified facts, but it is highly probable that the actual number was significantly higher and was simply kept undisclosed. As a rule, it is impossible to find specific details regarding such information. The number "569" does not mean anything

on its own. Verification of its context reveals the following picture. If there were an average of about 60,000 prisoners and about 2,000-3,000 security and administrative staff in Karlag, then 569 identified cases over a given period (usually a year in Gulag reports) is a staggering number. This means that nearly one in four or five staff members was involved in "sexual relations." In the Karlag documents, these 569 cases are typically linked to drunkenness and embezzlement. By correlating this figure with other violations, it can be argued that the sexual exploitation of female prisoners in Karlag was not an isolated vice, but part of a general pattern of lawlessness. This proves that sexual violence was a consequence of the general breakdown in discipline. These figures typically peaked in 1945-1948 (postwar disorganization) and in 1951-1953 (the crisis of the system prior to Stalin's death). This confirms the theory that sexual abuse is an indicator of the regime's agony.

After analyzing hundreds of archival files on the history of Kazakhstani labour camps, no documents were found on sexual violence against female prisoners. We believe that such incidents did occur (evidenced by the annual rise in the number of pregnant women in GULAG camps (Saktaganova 2025) but they were characterized as disciplinary infractions or extraordinary occurrences. The only evidence was found concerned sexual violence against a civilian employee. In a memorandum addressed to V.I. Shirvinsky, Deputy Minister of Justice of the USSR, regarding gross violations of inmate detention protocols, noted that on 9 July 1953, inmates K-v and P-e raped a free-hire worker Ch-va at the camp-point livestock station Borodinovka. We contend that this crime was documented solely because the act of violence was committed by prisoners against a member of the free-hire staff.[6]

Discussion

The detailed documented instance of sexual relations between camp personnel and prisoners in the 4th camp division of the special Peschany camp (MVD USSR) (the only detailed archival source we have found) was recorded only because this information passed through the closed GULAG information space. Such occurrences were by no means extraordinary within the daily lives of the camp contingents; rather, these realities were an established norm. However, during the period under consideration, they were, as a rule, not publicized; although in most cases, official internal service investigations were mandatory. This was because any relations between officers, guards, and civilian employees and prisoners convicted of so-called counter-revolutionary crimes – as defined by Article 58 of the RSFSR Criminal Code – fell under specific articles of the criminal code. Consequently, the "perpetrators" were frequently tried either by Military Tribunal or a Court of Honour, or were simply dismissed from the Ministry of Internal Affairs and the Gulag system. For ethical reasons, we will omit the surnames and initials of the primary figures involved.

The editorial office of the newspaper Pravda received an anonymous letter detailing instances of intimate relations between officers, overseers, civilian employees in the 4th camp division of the MVD USSR Peschany Camp in the spring of 1952, and prisoners convicted of counter-revolutionary crimes. The letter stated that intimate relations had occurred between the head of the 3rd camp-point of the 4th camp division, Major S-tin, and prisoners L-va and Yu-va; as well as between his former deputy, Lieutenant Colonel M-dze, and prisoner Ya-va. A former operational officer of the same camp-point, Lieutenant Zh-v, had sexual relations with prisoner P-na, while the former head of the guard service, Sergeant Major R-ko, had been involved with other female prisoners. The letter further indicated that female civilian employees of the 4th

camp division were in intimate relations with prisoners A-v and T-l; a former statistician of the planning and production unit (PPCh) of the 1st camp-point, L-kikh, was involved with prisoner L-chuk; a worker of the camp division's PPCh, G-ko, was involved with prisoner V-l; and a nurse from the camp division's medical unit, K-na, was involved with prisoner T-v.

Upon receiving the letter, the GULAG leadership responded immediately, forwarding the document to the Head of the Peschany Camp Administration, along with corresponding severe resolutions. The investigation was assigned to Major Z-v, the head of a section within the Peschany Camp Administration's Department of Regime and Operational Work. By 7 April 1952, having examined the investigative materials regarding the cohabitation of the 4th camp division's personnel with prisoners, Z-v confirmed the facts as detailed in the archival record.

"The investigation found that Major S-n, head of the 3rd camp-point of the 4th camp division, did not have any intimate relationship with prisoners L-va and Yu-va. No affirmative testimony regarding such a connection between S-n and these prisoners was provided by either the inmates or the camp department staff; furthermore, the prisoners with whom he was allegedly involved failed to confirm the reports. However, it was established with certainty that prisoner Yu-va had been pregnant and had undergone an abortion, for which she was hospitalised in the camp-point's medical unit from 11 to 14 January 1952. She categorically refused to name the individual responsible for the pregnancy, stating: 'I was pregnant by a civilian employee of the camp-point, but I will never say who he is' ".[7]

Rumours were prevalent among the camp-point inmates that senior overseer, senior Sergeant N-v (born 1920), had allegedly cohabited with Yu-va; however, there is no evidence confirming their liaison was obtained during the course of the investigation. N-v himself entirely denied that he had been in an intimate relationship with Yu-va.

"The former deputy head of the 3rd camp-point, Lieutenant Colonel M-dze – who, during the investigation, was head of the agricultural sector of the Prostornensky camp division of Karlag – was noted by Z-v for his undignified and excessively familiar relations with female prisoners, which generated various rumours amongst the inmates, including allegations of cohabitation with Ya-va, K-ko, and O-va. However, the investigative materials failed to confirm that M-dze had cohabited with any of the aforementioned prisoners.

Prisoner O-va, while denying any cohabitation with M-dze, testified during the investigation that she had engaged in sexual relations with the former senior overseer of the 3rd camp-point, Sergeant Major D-v. Prisoner F-va confirmed O-va's testimony regarding D-v, stating that she too had engaged in sexual relations with him, as well as with the former head of the camp department's supervisory service, Sergeant Major R-ko.

Under interrogation, F-va testified: '...In February 1952, I performed an abortion on myself without any assistance; consequently, I was hospitalised there (in the 2nd camp-point of the 2nd camp division). I was pregnant by the former head of the supervisory service, Sergeant Major R-ko... I also have sexual relations with the senior overseer, D-v'. F-va declared: 'I can add nothing more as I consider myself entirely to blame; I am ashamed to speak of them, and by my confessions, I am causing them great trouble'.

Prisoner P-na also provided testimony regarding cohabitation with D-v, stating during her interrogation the following: 'Even before Zh-v, I had a sexual act with Senior Overseer D-v… It occurred under the following circumstances: D-v was on duty in the camp, and I was being held in the punishment cell (kartser). He came to me and proposed a sexual act. I agreed, and the act was committed. He was under the influence of alcohol at the time'.

Former operative officer of the 3rd camp point, Lieutenant Zh-v was in an intimate relationship with prisoner P-na, which was confirmed by the testimony of overseers G-va and P-ka, a written

report by R-ko, a written statement by the head of the medical unit, Lieutenant E-va, and P-na's personal confession. When questioned regarding what Zh-v had told her about himself, she stated: "He mentioned to me that he had been severely reprimanded at a meeting because of his involvement with me. He begged me not to speak of our cohabitation".[7]

The investigative materials reveal that Lieutenant Zh-v, in his capacity as an operational officer, was aware of the liaisons between the personnel and female prisoners; however, he took no measures to expose or suppress these criminal manifestations, nor did he inform the leadership of the Administration's Department of Regime and Operational Work.

During the inquiry, Z-v also established instances of violations of Soviet legality by certain senior officials of the 4th camp division. For example, prisoner K-va wrote an anonymous letter addressed to the Head of the Camp Administration and the Prosecutor concerning facts of cohabitation between the 3rd camp-point personnel and female inmates, alongside other irregularities occurring at the site. Z-v's investigation further disclosed that the Head of the 4th camp division, Senior Lieutenant U-v, and the Head of the 3rd camp-point, Major S-n, were aware of the instances of cohabitation by their subordinates. Nevertheless, they failed to take decisive measures to eliminate these practices or punish those responsible; on the contrary, they concealed these gross manifestations from the Camp Administration leadership.

What disciplinary measures were determined by Major Z-v following the investigation? S-n was removed from his post for the violation of discipline among the personnel and a loss of political vigilance, which had resulted in instances of cohabitation and other criminal connections between employees and female prisoners. Zh-v was dismissed from his duties and referred to a Court of Honour for his criminal involvement with female inmates and his irresponsible attitude toward his official obligations. The former head of the guard service of the 3rd camp-point was removed from his post and dismissed from the MVD for his relations with female prisoners. Sergeant Major R-ko, the former senior overseer of the 3rd camp-point, Sergeant Major D-v was likewise dismissed from the service for cohabitation with female inmates.[7]

The investigation materials show that only some of the facts in the letter to Pravda were confirmed. The findings reveal that several female prisoners were victimized by "voluntary-compulsory sex" involving the named military personnel. As for the "heroes" of the sexual front, the system treated their transgressions with relative leniency – they were merely dismissed from the service.

An analysis of why the system was limited to "soft" measures (dismissal) reveals a profound contradiction between the letter of the law and camp pragmatics. To support this argument, we will identify three levels of causes. First, the legal framework versus law enforcement. Formally, the legislation of the USSR at that time (the 1926 Criminal Code of the RSFSR) contained provisions allowing for punishment for sexual violence and abuse of power: Article 109, "Abuse of Power or Official Position" (up to 5 years); Article 151 "Coercion of a woman into sexual intercourse by a person on whom the woman was materially or professionally dependent" (up to 5 years); Article 153 "Rape" (up to 5 or 8 years). However, this did not work in the Gulag, as female prisoners were denied legal standing. To initiate a case, a statement from the victim and evidence were required. Within the camp hierarchy, a prisoner's complaint against a guard was viewed as "slander against a representative of authority" or "an attempt to discredit the socialist system." The system automatically trusted the person in uniform, not the "enemy of the people".

Second, the question is: why did the leadership cover up these crimes? Concealing the acts of violence was not an act of mercy toward the guilty party, but rather a means of protecting the honor of the uniform and maintaining performance metrics. Mass criminal cases against

Gulag staff for violence would have meant a breakdown of discipline in the unit. It was more advantageous for the camp commander to quietly dismiss a "corrupted" employee than to initiate a tribunal that would make him look like a poor leader in the eyes of Moscow. The economic factor must also be taken into account. The camp was, first and foremost, a production facility. Legal proceedings diverted resources. A woman's pregnancy or illness following an assault was considered a "detriment to the workforce," and the perpetrator was punished primarily for this damage to production rather than for the moral harm inflicted on the woman.

Third, "relative leniency" as an element of the system. Dismissal without trial (sometimes accompanied by transfer to another camp) was a form of institutional solidarity among security forces. Two important points should be noted here: 1) The ideological barrier: officially, in the USSR, "socialist legality" precluded such atrocities. To acknowledge them at the systemic level would have meant admitting the failure of the camps' rehabilitative function. 2) The specific nature of the inmate population: since many women were "political prisoners" (Article 58), any violence against them by guards was viewed by the administration as a "routine overstep" or "excess," rather than a crime against the individual, since the prisoner's personhood had been nullified by the sentence.

Thus, dismissing uniformed rapists from service instead of sending them to prison was not an act of "leniency," but rather a tool for the system's self-preservation. The Gulag could not judge its own personnel under laws designed for civilians, as this would have undermined the very hierarchy of coercion upon which the camp system was based.

The case at Peschanlag is a striking example of how sexual exploitation undermined the very concept of a "special regime." An investigation at Peschanlag revealed that sexual relationships were not "incidental" but rather a tool of informal control. When the administration couldn't control prisoners by force, it entered into "deals" through women. Violence/cohabitation here is a symptom of the "decomposition of the vertical". The guard's power over a woman's body was converted into her loyalty or the extraction of information. The Peschany camp proves that the harsher the regime, the more sophisticated and widespread the forms of sexual pressure became as the only available "channel of communication" between the authorities and the enslaved. The Peschany camp case, combined with the Karlag statistics (569 cases), demonstrates that the sexual exploitation of women in the Gulag system was not the aberration of individual employees. This was a structural feature: in the Karlag camp, it took the form of a mass everyday norm (quantitative aspect), while in the Peschany camp, it became a political-administrative resource (qualitative aspect). Thus, the Karlag statistics confirm the typicality of the phenomenon, and the investigation in the Peschany camp reveals its mechanics.

The study and analysis of the memoirs of female prisoners from the electronic archives of the Sakharov Centre has made it possible to identify isolated, small fragments in women's memoirs related to sexual harassment. The memoirs of I.I.. Kalina describe being coerced into sexual relations by the Steplag authorities; as a prisoner designated by the number SKh-365, she was brought to the camp commandant during the night. "The following morning, I was summoned by several MVD officials, ordered to lie in a gynaecological chair, and after an examination, they delivered their verdict: 'You may go; you are a virgin'. This was the GULAG style of caring for the 'flowers of the future'." For refusing to become the commandant's concubine, she was cast into a punishment brigade under a certain Yulia Radchenko, a woman of renowned cruelty and malice. ("Child" prison term 2005: 121-125).

Irina Ivanovna Kalina's story is a vivid and well-documented example of sexual violence and abuse of power by the administration. However, the question of its "typicality" requires two aspects:

- Was her experience typical? In terms of the pervasiveness of the phenomenon, yes, her experience was typical. The sexual exploitation of female prisoners ("camp wives", coercion in exchange for food or light work, and outright violence by guards and authorities) was a systemic flaw in the Soviet camp system.

- Was this case exceptional? In terms of documentary evidence and open resistance, Kalina's case is rather exceptional.

Most such stories remained "invisible" due to the victims' shame, fear of reprisals, or lack of access to paper and the ability to file a complaint. Kalina, however, spoke out openly because she was a strong-willed political prisoner by virtue of her status. Not every woman in those conditions had the strength to confront the camp commander and subsequently make this fact public. The situation of coercion itself was widespread and everyday practice, but the victim's willingness to document it as a crime and preserve her story for history made I.I. Kalina's case a unique testimony to a systemic tragedy.

And a brief mention of this appears in the memoirs of L.E. Kundesh (Zelenova): "...I gave birth to a boy in the camp in 1941. I know nothing about the child's father. (We had only met two times). The child grew up in a nursery. In 1947, I was released after serving my sentence. The memories are harrowing – was it truly not a dream? – ditches, barracks, sleeping platforms, and the constant harassment and humiliation at the hands of the camp authorities" (From letters to Memorial 1991: 34-35).

Analysing the language of trauma used by female prisoners, one can't help but agree with researcher O. Kis that such camp experiences involving sexual violence were painful, filled with humiliation, shame, and guilt (Kis 2020: 67). Perhaps this is the main reason why women often avoided talking about their sexual lives in the camps.

Conclusion

The stories we have told are only a small fragment of the rather dramatic sexual everyday life "behind barbed wire". They are indicative of their content and demonstrate the moral character of some of those called upon to guard the prisoners. There were officers, senior officers, and ordinary members of the paramilitary guard who were far from understanding such concepts as honour, conscience, respect for women, and other moral and ethical values. However, in our opinion, this cannot be said to characterize the entire VOKhR. The available documents show the central Gulag administration was forced to respond to such incidents when they "came to light" and became a subject of discussion by party or state bodies.

To sum up, we note the following.

1. "voluntary-coercive sex" in the Gulag was not a deviation. It was an informal management institution that allowed the administration to economize on physical coercion, replacing it with the mechanism of a "sexual contract". A woman's body became a bargaining chip in maintaining the camp economy.

2. The punishment system, such as dismissal instead of court martial, proves that the authorities deliberately maintained a "gray zone" of lawlessness. This maintained the guards' loyalty: the right to have uncontrolled control over a prisoner's body was a kind of "non-material bonus" for service under difficult conditions.

3. As specific directions for further research, the following can be proposed: a) a comparative analysis of the investigative files of the VOKhR and memoirs will make it possible to compare how the same event is described in the protocol (as "cohabitation") and in the diary (as

"rape/blackmail"), this will allow us to reveal the mechanisms of bureaucratic falsification of meanings; b) the study of "children's cases" in the camps archives will allow for an analysis of the judicial and medical documents of the "Infant Homes" at the camps, and the resulting statistics on the birth and death rates of children born as a result of such relationships will be an objective indicator of the scale of violence, which cannot be hidden behind euphemisms; c) ethno-sociological cross-section: study of disciplinary practices in relation to women of different ethnic groups (for example, comparison of German special settlers and Slavic female criminals) to identify national vulnerability coefficients.

Thus, the phenomenon of "voluntary-coercive sex" in the Gulag requires deconstruction not as a moral issue, but as a technology of power. Further research could focus on the intersection of criminal statistics and the anthropology of survival, drawing not only on NKVD reports but also on the "physiology" of camp life – from labor assignment mechanisms to an analysis of departmental medicine.

Acknowledgments

The authors of the article express their gratitude to the editorial team and the reviewers.

Notes

1. Correspondence with the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, the Council of Ministers of the USSR, the leadership of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, and other organisations on issues related to the work of correctional labour camps and colonies, vol. 1. 1952. State Archive of the Russian Federation (hereinafter GARF), f. R-9414, reg. 1, c. 117, l. 245-246.
2. Special reports from the operational department and security administration of the Gulag on incidents in NKVD camps and colonies. 1941-1942. GARF, f. R-9414, reg. 1, c. 39, l. 54, 68-69. Inspection reports, memos, and correspondence on the work of the Karaganda CLC. 1953. GARF, f. R-9414, reg. 1, c. 719, l. 2-3, 21-24.
3. Inspection reports, memos, and correspondence on the work of the Karaganda CLC. 1953. GARF, f. R-9414, reg. 1, c. 719, l. 107.
4. Inspection reports, memos, references, reviews, action plans, and correspondence on the state of the Karaganda CLC, vol. 1. 1951-52. GARF, f. R-9414, reg. 1,c. 451, l.97. (in Russian)
5. Inspection reports, memos, and correspondence on the work of the Karaganda CLC. 1953. GARF, f. R-9414, reg. 1, c. 719. l. 13.
6. Inspection reports, memos, references, reviews, action plans, and correspondence on the state of the Peschany CLC, vol. 2. 1951-1962. GARF, f. R-9414, reg. 1, c. 465. l. 130-146.
7. Inspection reports, memos, references, reviews, action plans, and correspondence on the state of the Peschany CLC, vol. 2. 1951-1962. GARF, f. R-9414, reg. 1, c. 465. l. 130-146

References

Applebaum E. *Gulag.* Moscow: AST Publishing House: CORPUS. 2023. 699 p.

Bell Wilson T. *Sex and Soviet Power in the Gulag of Western Siberia.* Oxford. 2010. 27 p.

"Child" prison term: literary record by S. Melnik [memoirs of Kalina I.I.]. Political repression in Stavropol-on-Volga in the 1920s-1950s: For remembrance... Tolyatti: Centre for Information Technology. 2005. Pp.121-125. https://vgulage.name/books/quot-quot-39/

Frierson C. *Silence Was Salvation: Child Survivors of Stalin's Terror and World War II in the Soviet Union.* New Haven: Yale University Press. 2015. 288 p.

From letters to Memorial [memoirs of Kundesh (Zelenova) L.]. *Zvenya: Historical Almanac. Is.1*. Moscow: Progress: Phoenix: Atheneum. 1991. Pp.34–35. https://vgulage.name/books/kundesh-zelenova-l-je-iz-pisem-v-memorial/

Gregory P. *Women of the Gulag: Portraits of Five Remarkable Lives*. Stanford California: Hoover Institution Press. 2013. 246 p.

Kis O. *Survival as Victory: Ukrainian Women in the Gulag*. Cambridge Mass.: Harvard University Press. 2020. 640 p.

MacKinnon E. Motherhood and Survival in the Stalinist Gulag. *Aspasia*. 2019. No.13, pp.65-94.

Saktaganova Z., Gladysheva A., Ventsel A. Child Mortality and Disease in Karlag, 1941: A Comparison of Prisoners' and Free Workers' Children. *The yearbook of Balkan and Baltic studies.* 2025. Vol.8.2, pp.192-217. https://doi.org/10.7592/YBBS8.2.09

Domestic Violence in the History of Russian Everyday Life (11th–21st Centuries). Collective monograph, ed. and comp. by Shapovalova V., Muravyova M., Pushkareva N. St. Petersburg: EU SPb. 2012. 200 p.

Solzhenitsyn A. *The Gulag Archipelago (1918-1956).* Part Three. Chapter 8. Translated from the Russian by Thomas P. Whitney. Moscow. 1991. Pp.227-251.

Stark M. *Frauen in Gulag: Alltag und Uberleben,* 1936 bis 1956. München. 2003. 553 p.

The 1926 edition of the Criminal Code of the RSFSR. Moscow: Legal Publishing House of the NKYU of the RSFSR. 1927. Article 151. Pp.54-55.

Information about the authors

Zauresh G. Saktaganova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Center for Ethnocultural and Historical-Anthropological Research, E.A. Buketov Karaganda National Research University, Gogol st., 38, 100012, Karaganda, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0002-5881-482X, zauresh63@mail.ru
Turganbek K. Allaniyazov – Candidate of Historical Sciences, Zhezkazgan Baikonurov University, 100600, Zhezkazgan, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0001-6761-1525, klio56@mail.ru

Авторлар туралы мәлімет

Зәуреш Ғалимжанқызы Сақтағанова – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Этномәдени және тарихи-антропологиялық зерттеулер орталығының директоры, академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды Ұлттық зерттеу университеті, Гоголь көшесі, 38, 100012, Қарағанды, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0002-5881-482X, zauresh63@mail.ru
Турганбек Кайпназарович Алланиязов – тарих ғылымдарының кандидаты, Ө. Байқоңыров атындағы Жезказған университеті, 100600, Жезказған, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0001-6761- 1525, klio56@mail.ru

Сведения об авторах

Зауреш Галимжановна Сактаганова – доктор исторических наук, профессор, директор Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований, Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е.А. Букетова, ул. Гоголя, 38, 100012, Караганда, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0002-5881-482X, zauresh63@mail.ru
Турганбек Кайпназарович Алланиязов – кандидат исторических наук, Жезказганский университет имени О. Байконурова, 100600, Жезказган, Казахстан, https://orcid.org/0000-0001-6761-1525, klio56@mail.ru

Contributions of the authors

Saktaganova Z.G. – proposed the idea and general concept of the article. She collected, systematized, and analyzed archival materials, formulated the structure, and wrote the sections of the article: "Methods and Materials", "Literature Review", "Results", and "Discussion".
Allaniyazov T.K. – collected, systematized, and analyzed archival materials, reviewed historiography and wrote the sections: "Introduction", "Discussion" and "Conclusion"».

Авторлардың үлесі

Сақтағанова З.Ғ. – мақаланың идеясы мен жалпы тұжырымдамасын ұсынды. Мұрағаттық дереккөздерді жинақтауды, жүйелеуді және талдауды жүзеге асырды, мақаланың құрылымын айқындап, "Әдістер мен материалдар", "Әдебиеттерге шолу", "Нәтижелер", "Талқылау" бөлімдерін жазды.
Алланиязов Т.К. – мұрағаттық дереккөздерді жинақтауды, жүйелеуді және талдауды, историографиялық шолуды жүзеге асырды, "Кіріспе", "Талқылау" және "Қорытынды" бөлімдерін жазды.

Вклад авторов

Сактаганова З.Г. – предложила идею и общую концепцию статьи, осуществила сбор, систематизацию и анализ архивных источников, сформулировала структуру статьи, написала разделы: "Методы и материалы", "Обзор литературы", "Результаты", "Обсуждение".
Алланиязов Т.К. – осуществил сбор, систематизацию и анализ архивных источников, обзор историографии, написание разделов: "Введение", "Обсуждение" и "Заключение".

Disclosure of conflict-of-interest information. The author claims no conflict of interest / ***Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.*** Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / ***Раскрытие информации о конфликте интересов***. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 11.03.2026.
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 26.04.2026.
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.04.2026.

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕ
SUBMISSIONS – ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер журналдың сайтында көрсетілген: https://jhistory.enu.kz

Ресімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!
Осы ереже журналда және журналдың сайтында жарияланған сәттен бастап күшіне енеді.

***

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, review, instructions and recommendations for the design of materials, issues governing the relationship between the author and publisher are presented on the journal's website at: https://jhistory.enu.kz

Manuscripts whose design does not meet the specified requirements are not considered by the editorial board!
These rules come into force from the moment of publication in the journal and on the website of the journal.

***

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов, регулирующих взаимоотношения автора и издателя, представлены на сайте журнала по адресу: https://jhistory.enu.kz

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования
в журнале и на сайте журнала.

Gumilyov Journal of History

Д. Нурушева – компьютерлік беттеу және дизайн
М. Амангельды – қазақ тіліне мәтіндерді аудару және редакциялау
Ж. Кузар – ағылшын тіліндегі мәтіндерді редакциялау және ағылшын тіліне аудару
Б. Асмагамбетова – орыс тіліне мәтіндерді аудару және редакциялау

Computer layout and design – D. Nurusheva
Kazakh translation and editing – M. Amangeldi
English translation and editing – Zh. Kuzar
Russian translation and editing – B. Asmagambetova

Компьютерная вёрстка и дизайн – Д. Нурушева
Перевод на казахский язык и редактура текстов – М. Амангельды
Перевод и редактура текстов на английском языке – Ж. Кузар
Перевод и редактура текстов на русском языке – Б. Асмагамбетова

Түпнұсқа макет Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті КеАҚ дайындалды
Баспаға 01.06.2026 жылы қол қойылды. Пішім 84×108 1/16
Шартты б. т. 39,9. Times New Roman гарнитурасы

Original layout prepared at the Non-profit joint-stock company L.N. Gumilyov Eurasian National University
Signed to print 01.06.2026. Format 84×108 1/16
Printed sheet 39,9. Times New Roman headset

Оригинал-макет подготовлен в НАО Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
Подписано в печать 01.06.2026 г. Формат 84×108 1/16
Усл. п. л. 39,9. Гарнитура Times New Roman

Редакция, баспа-құрылтайшының мекен жайы: 010008, Қазақстан, Астана Сатпаева, к-сі, 2
Editorial office, publishing house-address of the founder: 010008, Kazakhstan, Astana, K. Satpayev str., 2
Редакция, издательство-адрес учредителя: 010008, Казахстан, Астана, ул. Сатпаева, 2